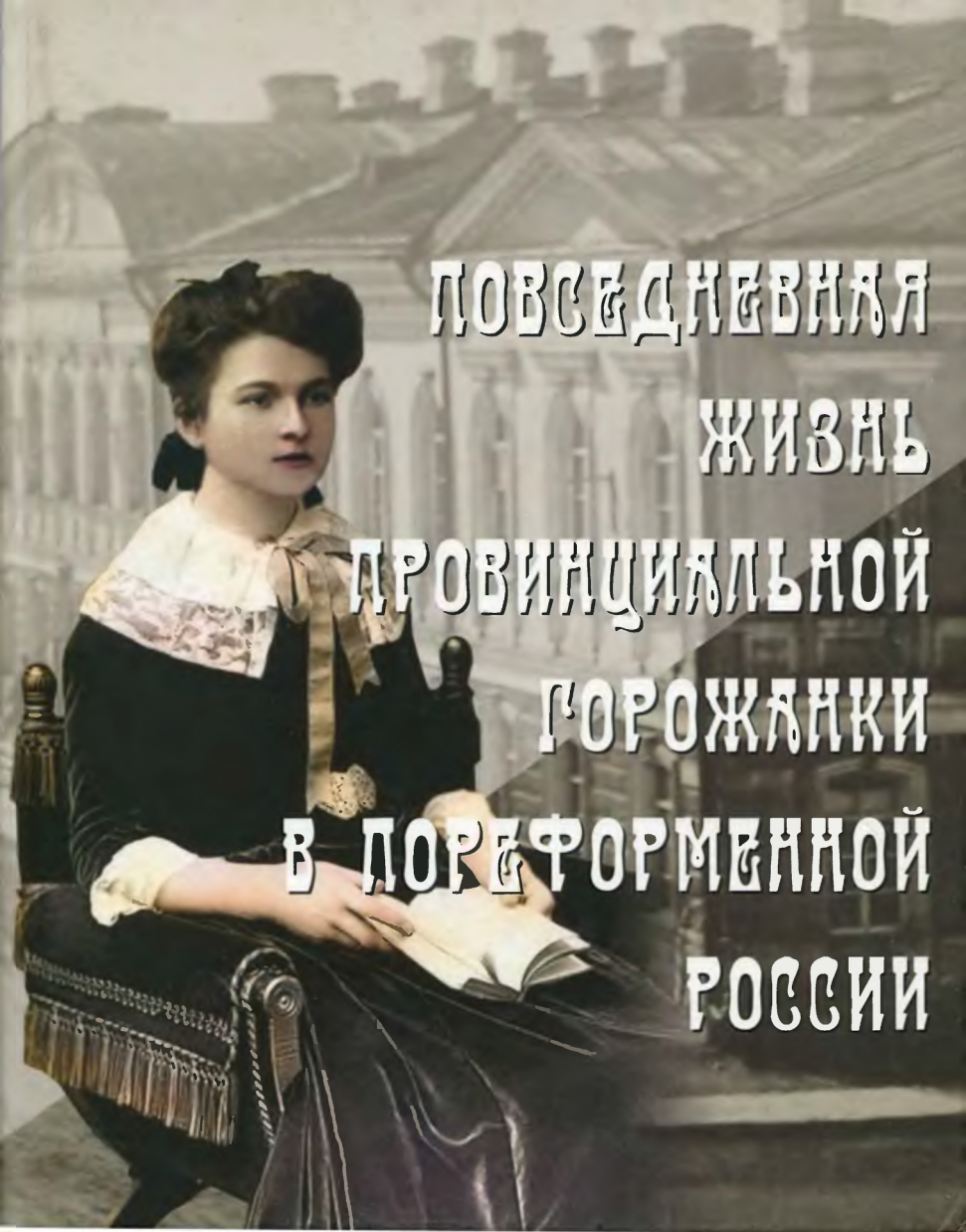


ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ГОРОЖАНКИ В ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»

Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России

на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX века

Монография

Оренбург 2020

УДК 9(С)16
ББК 63.3(2)522-75
П 42

НЕЗАВИСИМЫЙ АЛЬЯНС

Монография подготовлена в рамках грантового проекта РФФИ 17-31-00010-ОГН «Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX века)»

Авторы: Е.В. Бурлуцкая, д-р ист. наук, доцент (ответственный редактор), К.А. Абдрахманов, канд. ист. наук, Ю.О. Куренкова, канд. ист. наук, доцент, А.Г. Фот, канд. ист. наук, Н.В. Клементьева, канд. ист. наук

Рецензенты:

С.В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Оренбургского государственного педагогического университета;
В.А. Веременко, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина;
И.В. Маслова, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Елабужского института (филиала) Казанского федерального университета

П 42 **Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX века)**: монография / Е.В. Бурлуцкая, К.А. Абдрахманов, Ю.О. Куренкова, А.Г. Фот, Н.В. Клементьева; отв. ред. Е.В. Бурлуцкая. – Оренбург: ООО «Оренбургское книжное издательство имени Г.П. Донковцева, 2020. – 472 с.: ил.

ISBN 978-5-88788-263-5

Коллективная монография посвящена феномену повседневности, который стал сегодня одним из индикаторов современной культуры и оказался в центре внимания зарубежных и отечественных исследователей. В работе обобщены и систематизированы данные о городском пространстве, семейной, трудовой и досуговой сферах повседневной жизни жительниц городов Оренбургской губернии пореформенной эпохи, существенно расширяющие существующие представления о повседневной жизни российской провинции второй половины XIX – начала XX века.

Книга адресована специалистам-историкам, искусствоведам, культурологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей социокультурного развития российских регионов.

ISBN 978-5-88788-263-5

УДК 9(С)16
ББК 63.3(2)522-75

© Е.В. Бурлуцкая, К.А. Абдрахманов, Ю.О. Куренкова, А.Г. Фот, Н.В. Клементьева, 2020
© ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», 2020
© ООО «Оренбургское книжное издательство имени Г.П. Донковцева, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 4

Глава I. Городское пространство как условие повседневности 25
1.1 Городское пространство губернской столицы 26
1.2 Городская реальность уездных центров Оренбургской губернии 47

Глава II. Сословный, этнический и религиозный состав населения городов Оренбургской губернии в конце XIX века 66
2.1 Сословный состав городского населения региона и социографические характеристики его женской составляющей 66
2.2 Этнический и религиозный состав населения Оренбургской губернии 84

Глава III. Семейная повседневность горожанок Оренбургской губернии в пореформенную эпоху 104
3.1 Приватное пространство горожанки Оренбургской губернии в пореформенную эпоху 104
3.2 Супружеские отношения в семьях оренбургских аристократок 135
3.3 Брачно-семейные отношения в среде пореформенного купечества и мещанства 154
3.4 Семейная повседневность женщин духовного сословия 186
3.5 Семейная повседневность крестьянок, живущих в городе 202

Глава IV. Трудовая сфера повседневности жительниц городов Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX века 217
4.1 Общая структура занятости 217
4.2 Уровень образования горожанок Оренбургской губернии 231
4.3 Учительский труд 240
4.4 Предпринимательская деятельность 268
4.5 Домашняя прислуга 289
4.6 Занятие проституцией 305

Глава V. Досуговая повседневность и общественная деятельность горожанок в пореформенный период 333
5.1 Библиотеки, музеи, театры 333
5.2 Балы, маскарады, танцевальные вечера 352
5.3 Катания, ярмарочные увеселения, цирковые представления 368
5.4 Прогулки, дачи и купания 375
5.5 Посещение ресторанов 397
5.6 Общественная деятельность 409

Заключение 420

Список используемых источников и литературы 429

Приложение 452

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к различным аспектам повседневной жизни различных категорий населения Российской империи в настоящий момент представляет собой одно из наиболее популярных направлений исследований в рамках социальной истории, гендерной истории, истории повседневности, исторической психологии. Интерес к частной истории, возникший в России относительно недавно, около полувека назад, вызван, во-первых, изменением парадигмы исторического научного знания, для которого теперь история малого и история великого стали почти равнозначными понятиями. Во-вторых, все большее число россиян стремится выяснить историю жизни своих предков, открывая домашние архивы, обращаясь к воспоминаниям старших родственников. А эти источники, как правило, дают материал, связанный именно с повседневным поведением, рефлексией, обыденным бытом.

Пореформенный период второй половины XIX – начала XX в. относится к так называемым переходным периодам российской истории. Он характеризуется начальным этапом процесса модернизации, затронувшей различные стороны жизнедеятельности общества. Существенные перемены происходили как в политико-экономической, так и в социальной сфере. Именно тогда складывались новые гендерные роли, происходил процесс новой самоидентификации женщин, живущих в различных регионах Российской империи.

В этой связи можно провести определенные параллели с днем настоящим. Современное российское общество на протяжении уже нескольких десятилетий подвергается глубинным трансформациям. Устоявшиеся социальные роли претерпевают значительные изменения. Консервативные и модернизационные тенденции непрерывно сменяют друг друга. В этих процессах женщины занимают

очень важное, если не лидирующее место. В таком контексте обращение к историческому опыту может оказаться весьма полезным.

Объектом исследования является повседневная жизнь городских жительниц во второй половине XIX – начале XX в. в провинциальной Оренбургской губернии. **Предметом исследования** выступают образ жизни, а также повседневный быт и практики повседневного поведения провинциальных горожанок в семейной, трудовой и досуговой сферах, обусловленные как особенностями географического пространства и истории региона, так и социальными последствиями модернизации страны.

Понятие «образ жизни» получило свое теоретическое осмысление в самом конце 60-х гг. XX в. Оно включало в себя совокупность привычных для человека занятий, режима повседневной активности и субъективной оценки человеком своей жизни[1]. Способ организации процессов и явлений, составляющих жизнедеятельность людей, при этом определялся природно-географическими, политико-экономическими, социальными и культурными внешними условиями, а также личностными характеристиками каждого конкретного субъекта повседневности.

Приблизительно в начале 1980-х гг. начала складываться «ситуативная концепция образа жизни», центральным понятием которой стала категория «жизненной ситуации». Эта категория воплощала в себе итог формирования особого, характерного именно для данного индивида на конкретном этапе его жизненного цикла, комплекса всей системы его деятельности, поведения и общения. В силу того, что жизненная ситуация не отличается устойчивостью, различают установившиеся и проблемные жизненные ситуации. Оказавшись в проблемной ситуации, человек пытается трансформировать, видоизменить ее, приспособить к своим потреб-

[1] Мельникова Н.Н. Образ жизни и его адаптивная функция // Вестник ЮУрГУ. 2009. № 5. Серия «Психология». Вып. 4. С. 41–42.

ностям, либо заменить другой ситуацией. Проблематизация жизненных ситуаций в данном случае благоприятствует изменению компонентов образа жизни, накоплению нового опыта, выработке новых ценностно-нормативных элементов социокультурной среды, новых образцов поведения и общения.

Хронологические рамки работы ограничены периодом второй половины XIX – начала XX в. Это время было связано с постепенной трансформацией социума под влиянием последствий Великих реформ Александра II. Кардинальные перемены в экономике страны вызывали ломку традиционных отношений, в том числе гендерных. Женщины все более активно включались в профессиональную и общественную деятельность, меняли свой образ жизни.

В качестве нижней временной границы был взят 1865 год, когда произошло размежевание территорий Оренбургской и Уфимской губерний. Верхняя хронологическая рамка (1905 г.) обусловлена последующей усиленной политизацией общественной жизни в связи с революционными событиями 1905–1907 гг. и переходом общества на новый этап развития. В целях наиболее полного освещения исследуемых вопросов в ряде параграфов осуществлялся выход за указанные хронологические рамки.

Территориально, в ходе успешного освоения среднеазиатских пространств, Оренбургская губерния, включавшая в себя пять городов с уездами – Оренбург, Орск, Челябинск, Троицк, Верхнеуральск и один безуездный город Илецк (Илецкую Защиту) постепенно превращалась из юго-восточной оконечности империи в ее «внутреннюю окраину», каковой являлись на тот момент, например, и губернии Среднего Поволжья[2].

Историографический обзор изучения повседневной жизни горожанок в пореформенную эпоху, применительно к различным регионам Российской

[2] Кобозева З.М. Мещанская повседневность провинциальных городов России во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2014. С. 4.

империи, мог бы стать самостоятельной темой диссертационной работы или грантового проекта. Это связано с многоаспектностью поставленной проблемы. В то же время, в отношении Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX в. подобных исследований не проводилось. Исключение составляет диссертационное исследование Е.Г. Подгайко[3], посвященное повседневной жизни женщин в городах Южного Урала в конце XIX – начале XX в. В своем исследовании Екатерина Геннадьевна обратилась к повседневности жительниц Оренбургской и Уфимской губерний, однако в основном применительно к Оренбургской губернии, речь в работе шла о Челябинске и Троицке. Информация, изложенная в работах Е.Г. Подгайко[4], дополнила сведения, собранные членами грантового коллектива.

Изложение основных этапов изучения «женского вопроса» и повседневности горожанок на примере представительниц различных сословий имперского общества было осуществлено участниками грантового проекта РФФИ 17-31-00010-ОГН «Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX века)» в статьях историографического плана[5].

Ряд вопросов, затрагиваемых в коллективной монографии, получил историографический экскурс непосредственно в тексте соответствующих параграфов и глав. Такой вариант изложения показался авторам наиболее удобным для восприятия и позволил максимально осветить современное состояние изучения тех или иных аспектов проблемы.

Целью исследования является комплексный анализ семейной, трудовой и досуговой сфер повседневности провинциальных горожанок Оренбургской губернии пореформенной эпохи, их поведения и быта в рамках указанных сфер повседневной

[3] Подгайко Е.Г. Повседневная жизнь женщин в городах Южного Урала в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2013.

[4] Подгайко Е.Г. Отражение проблем повседневной жизни горожанок на Южном Урале в деятельности общественных организаций на рубеже XIX–XX в. // Актуальные проблемы современной науки и образования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с межд. участием (Сибай, февр. 2010 г.). Уфа, 2010. Т. III. С. 175–180; Ее же. «Немые и забытые»: возможности изучения повседневной жизни женской домашней прислуги в конце XIX – начале XX вв. // Научная школа Владимира Рушанина: диалоги об истории: сб. науч. статей. Челябинск, 2012. С. 60–73; Ее же. Женщины различных профессий в обывательских стереотипах южноуральских горожан (конец XIX – начало XX в.) // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков. Материалы XIV Международной научной конференции: в 2 ч. Ч. 1. Иваново, 2015. С. 605–612 и др.

[5] Абдрахманов К.А. Отражение трудовой повседневности женщин купеческого сословия в российской историографии XIX–XXI вв. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. № 3 (23). С. 55–65; Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Семейная повседневность женщин купеческого сословия в пореформенной России: историография проблемы // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. № 3 (23). С. 78–89; Клементьева Н.В.

Повседневность провинциальной мещанки в пореформенной России: историографический обзор // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. № 3 (23). С. 121–131; Куренкова Ю.О. Повседневная жизнь крестьянки второй половины XIX века как научная (историографическая) проблема // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. № 3 (23). С. 144–155; 288. Фот А.Г. Женщина духовного сословия в русском обществе второй половины XIX в.: отечественная историография проблемы // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. № 4 (24). С. 157–169.

жизни на основе выявленного комплекса источников и литературы.

Столкнувшись с обширнейшей проблематикой женской повседневности, авторы убедились в том, что каждое из заявленных направлений исследований (семейная жизнь горожанок, их труд, досуг) может стать самостоятельной сферой научных интересов, применительно к различным городским сословиям, этническим, конфессиональным или профессиональным группам. В этой связи авторы решили остановиться в основном на повседневности горожанок православного вероисповедания, относящих себя к русскоговорящему населению.

Источниковая база исследований по истории повседневной жизни любой категории населения представляет собой максимально репрезентативную подборку документов, поскольку историк повседневности не просто описывает события, фиксирует исторические факты, но и обязан проследить отражение этих событий, явлений, процессов в общественном и индивидуальном сознании. Исходя из этого тезиса, историк повседневности обязан привлечь к своему исследованию не только документы, в которых отражены те или иные моменты истории, но также найти такие источники, которые сохранили бы реакции социума – эмоциональные, поведенческие и пр. Соответственно изучение повседневной жизни, конечно, не исключает обращения к нормативно-правовым актам, статистике, делопроизводству – источникам информативным, но официальным, имеющим определенные алгоритмы и шаблоны. Однако оно должно обязательно дополняться неформальными источниками, содержащими ненормированные и неотрефлексированные итоги коммуникаций между людьми. К таковым можно отнести письма, мемуары, почтовые открытки, фотографии, частные объявления, литературные произведения и т.д.

Источники, которые были использованы при создании обобщающего труда по истории повседневности провинциальных горожанок Оренбургской губернии во второй половине XIX – начале XX в. можно разделить на несколько самостоятельных групп в соответствии с их происхождением и смысловым содержанием.

Поскольку повседневная жизнь горожанки в большей степени была связана с частными практиками, ключевыми источниками информации стали источники личного происхождения. К сожалению, в архивах не удалось обнаружить документов мемуарного или эпистолярного характера, принадлежавших непосредственно перу самих горожанок, которые возможно было бы отнести к дневниковым записям, путевым заметкам, воспоминаниям и пр. Источники личного происхождения, которые были использованы при написании исследования, преимущественно были представлены записками и очерками чиновников различных ведомств, посещавших Оренбург по делам службы, или проезжих путешественников.

Сочинения проезжих чиновников – это и записки «по горячим следам», и более осмысленные сочинения, составленные через несколько лет после того, как произошли описываемые события. Соответственно степень «отрефлексированности» этих источников разная. К наиболее «нетронутым» и необработанным в смысле впечатлений относятся сочинения Ф.И. Базинера, П.И. Небольсина, М.Михайлова, Е.И. Рагозина, В.Л. Дедлова (Кигна). В основном это были краткие заметки, полнота описания городской повседневности в которых зависела от времени пребывания автора на территории губернии или какого-либо города.

Доктор философии Федор Иванович Базинер сопровождал в 1842 г. посольство в Хиву полковника Данилевского. Экспедиция выходила из Орен-

бурга. Время, которое Базинеру пришлось провести в губернском центре до ее отправления (около двух месяцев), он посвятил знакомству с городом в различных его проявлениях. В основном путешественник сосредоточил свое внимание на городском благоустройстве, описал улицы и дома, располагавшиеся в центре Оренбурга[6].

Этнограф, историк, экономист Павел Иванович Небольсин[7] провел в Оренбургской губернии в середине XIX в. несколько недель в рамках путешествия, предпринятого им в 1850–1851 гг. с целью знакомства с торговым сословием и торговыми обычаями населения юго-востока Российской империи. В основном Павел Иванович интересовался ассортиментом и спецификой оренбургской торговли, илецким соляным промыслом. Характер предпринятого им путешествия не слишком располагал к описанию каких-либо пространных сюжетов из частной жизни оренбургских горожанок. Тем не менее, в своих «Рассказах проезжего» он все же упомянул о повседневной жизни населения Илецкой Защиты – безуездного городка Оренбургской губернии.

В «Оренбургских письмах»[8] М. Михайлова, опубликованных в 1866 г., были зафиксированы впечатления автора как от внешнего облика городов губернии, так и от их жителей. Михайлов прожил в Оренбургской губернии несколько недель, посетил, помимо Оренбурга, еще и Троицк. Относительная длительность пребывания автора в указанных городах, свободный характер перемещения внутри городского пространства, общение Михайлова с местными жителями дали ему возможность оставить очень пространные замечания как о городском быте, так и о психологии местных жителей. Сведения, содержащиеся в этой работе, касались внутренней обстановки городских

[6] Гра А. Оренбург 40-х годов XIX столетия по описанию Базинера // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1903. Вып. XI. С. 1–10.

[7] Небольсин П.И. Рассказы проезжего. СПб., 1854.

[8] Михайлов М. Оренбургские письма для желающих ознакомиться с Оренбургом, Орском, Троицком, Фортом Александровским и дорогою через Киргизскую степь до Форта № 1. СПб., 1866.

домов, нравов горожан, излюбленных способов городского досуга.

Евгений Иванович Рагозин, русский общественный деятель, экономист, статистик, публицист, в силу своих профессиональных интересов, обращал внимание, прежде всего, на городское благоустройство, экономическое развитие городских поселений. В своем «Путешествии по русским городам»[9], составленном по результатам поездки по Волге и далее на юго-восток, он оставил краткое замечание относительно застройки Оренбурга, эволюции города под влиянием обстоятельств (отмены генерал-губернаторства, прокладки железной дороги, пожаров и пр.), а также упомянул о городском театре. Его пребывание в Оренбурге заняло от силы два-три дня, что и определило краткость и отрывочность изложенных автором впечатлений.

В путевых заметках публициста, литературного критика, искусствоведа, путешественника Владимира Людвиговича Дедлова (Кигна)[10], служившего в 1891–1892 гг. чиновником особых поручений Министерства внутренних дел по переселенческим делам Оренбургской губернии и Тургайской области, были описаны судьбы нескольких женщин, с которыми ему довелось встретиться по служебным делам. Заметки были опубликованы всего через пару лет после пребывания Владимира Людвиговича в Оренбургском крае, что делает их относительно «свежими» в плане описания событий. Длительность же пребывания автора заметок в регионе, позволила насытить сочинение интересными деталями и подробностями.

Еще один приезжий чиновник – военный инженер, генерал-лейтенант Иван Федорович Бларамберг, служивший в Оренбурге в 1841–1855 гг., стал автором мемуаров, оставив свои воспоминания о городе, его окрестностях и его жителях, о ве-

[9] Рагозин Е.И. Путешествие по русским городам // Русское обозрение. 1891. № 7 [Электронный ресурс] URL: http://rus-turk.livejournal.com/478826.html (дата обращения: 16.10.2019).

[10] Дедлов (Кигн) В.Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб., 1894.

ликолепных балах, организуемых в губернаторство В.А. Перовского, «квартирном вопросе» в столице губернии, остро стоявшем как в 40-е, так и в 60-е гг. XIX столетия[11]. Воспоминания были впервые опубликованы в Берлине в 1872–1875 гг. Таким образом, со времен описываемых событий прошло около 30 лет. Поэтому в памяти мемуариста сохранились только наиболее яркие впечатления о городе и его жителях.

Почти все побывавшие в Оренбурге и других городах губернии жители иных российских регионов отмечали совершенно азиатский или полуазиатский характер наружности как населенных пунктов, так и большинства их жителей. Этот азиатский или полуазиатский характер региональной повседневности был одним из наиболее важных факторов, оказывающих влияние на специфику повседневного существования местных горожанок.

Сами жители Оренбурга также оставили ряд сочинений, в которых описали свое видение города, впечатление от городских пространств и горожан. В основном это были представители военного сословия, что естественно влияло как на восприятие авторами сюжетов городской повседневности, так и на отношение авторов к этим событиям и явлениям. Поскольку офицерство составляло основную массу городской аристократии, именно повседневность верхушки оренбургского общества оказалась в центре внимания сочинителей.

Петр Петрович Жакмон, офицер, преподаватель Неплюевского кадетского корпуса, сын начальницы Оренбургского девичьего училища (впоследствии – Оренбургского Николаевского института благородных девиц), автор «Воспоминаний оренбургского старожила»[12], зафиксировал в своих мемуарах нравы, царившие в Оренбурге в середине XIX века. Он описал балы, которые устраивались при губернато-

[11] Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М., 1978.

[12] Жакмон П.П. Из воспоминаний оренбургского старожила // Исторический вестник. Год двадцать шестой. Т. С. 1905. Апрель. С. 74–87; Год двадцать седьмой. Т. CV. 1906. С. 73–87; Год двадцать восьмой. Т. CVII, 1907. С. 855–874.

ре В.А. Перовском, оставил замечания об аристократии и интеллигенции Оренбурга 1850–1860-х гг.

Пространные и детальные описания оренбургского общества и отдельных его представителей содержатся в «Заметках» Ивана Васильевича Чернова[13] – генерал-майора Оренбургского казачьего войска, краеведа и мемуариста. Записки были найдены после смерти автора (1902 г.) в его бумагах и переданы для издания Оренбургской ученой архивной комиссии. В основном «Заметки» были посвящены оренбургским генерал-губернаторам и их ближайшему окружению.

Генерал, военный писатель Николай Гаврилович Залесов в своих «Записках»[14] упомянул об офицерском сообществе, несущем службу в Оренбурге. Несколько кратких, но ярких замечаний было посвящено самому городу, а также представителям городской аристократии. Большинство названных мемуаристов констатировали постоянную смену состава городского общества, прибывающего в регион либо по делам службы, либо в силу торговых интересов, свободу нравов, царившую в среде оренбургской аристократии и бедность общественной жизни.

Как видно, основная часть нарративов была представлена именно оренбургскими документами. Лишь журналистка А.М. Нечаева оставила довольно пространное описание Челябинска начала XX в., обратив внимание и на состояние городского хозяйства, и на специфику местного населения, и на общественную жизнь горожан. «В Челябинске все есть, – писала Нечаева, – но все скороспело, все сделано с горячкой, которая мешала солидно и основательно подумать над делом»[15].

Более пространные воспоминания о Челябинске были оставлены Константином Николаевичем Теплоуховым[16], акцизным чиновником, служившим в Челябинске с 1899 г. На протяжении всей своей

[13] Чернов И.В. Заметки по истории Оренбургской губернии генерал-майора И.В. Чернова. Оренбург, 2007.
[14] Залесов Н.Г. Записки адъютанта // Русская старина. 1903. Т. 114. Кн. 4. Апрель. С. 41–64; Кн. 6. Июнь. С. 527–542.
[15] Нечаева А.М. Челябинские впечатления // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 19091. Т. CXVII. С. 236–269.
[16] Теплоухов К.Н. Мемуары: 1899–1934. М., 2011.

жизни Теплоухов вел дневники, на основе которых в 1930-е гг. начал писать мемуары, показав в них множество малоизвестных страниц челябинской городской жизни.

Орск и Верхнеуральск не попали на страницы источников личного происхождения, по всей видимости потому, что представляли собой военные крепости, жители которых не были склонны к рефлексии о собственной повседневности.

Очевидно, что преобладающая часть нарративов была составлена мужчинами. Колонизационный характер освоения региона на всем протяжении его истории обусловил решающую роль мужской части социума в различных сферах его жизни, в том числе и в жизни повседневной, обыденной. Это обстоятельство значительно затрудняет исследование повседневной женской истории Оренбургской губернии, поскольку не дает возможности проследить рефлексию местных жительниц в отношении своего места в жизненных процессах, своего статуса, комфортности или дискомфортности условий жизни и т.д. Все эти моменты мы вынуждены воспринимать опосредованно, через мужской взгляд, мужскую психологию.

Это обстоятельство в какой-то мере позволили нивелировать *историко-аналитические и справочно-статистические материалы*, обладающие относительно большей степенью объективности. Наиболее крупным произведением такого рода стала работа географа, краеведа Василия Макаровича Черемшанского. В своем сочинении автор констатировал, что «развитие городской жизни в Оренбургской губернии гораздо слабее, чем в других губерниях России». Причинами такого положения автор называл аграрный характер региональной экономики, а также то обстоятельство, что «в здешних городах живет много крестьян, да и значительная часть самых мещан по привычкам и занятиям

своим принадлежит прямо к состоянию сельских обывателей»[17].

В труде учителя-инспектора 1-го оренбургского городского трехклассного училища И.С. Хохлова была предпринята попытка представить подробный географический очерк региона, «который мог бы удовлетворить и постороннего читателя, желающего составить себе более ясное представление об Оренбургской губернии, сведения о которой разбросаны по разным отдельным и периодическим изданиям, которые не всякий может достать»[18].

Александр Ефимович Алекторов — публицист, просветитель, этнограф, служивший учителем городского двухклассного училища при Оренбургском учительском институте, в своем обобщающем историческом труде утверждал, что «внешние условия оренбургской жизни» были «прозаичны и непривлекательны». Общественная или интеллектуальная жизнь города, по его мнению, находилась «в застое, до невозможности вялая, отталкивающая...»[19].

«Хроника г. Оренбурга за 1864 г.» содержала в себе сведения об общественной жизни и женском образовании в столице губернии[20]. В «Опыте медико-топографического исследования гор. Оренбурга» Максима Михайловича Кенигсберга[21] были зафиксированы сведения о природе и климате губернского центра, характере населения Оренбурга, его бытовых привычках, данные демографии.

Автором одного из историко-статистических сочинений был Федор Иванович Лобысевич — оренбуржец, полковник Оренбургского казачьего войска[22]. Его ироничные и даже саркастичные замечания, зафиксированные в работе, касались высшего женского общества, вопросов оренбургского быта, специфики местной прислуги и других сторон женской повседневности.

Географически-статистический очерк об Оренбурге Константина Александровича Белавина — учи-

[17] Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 116.

[18] Хохлов И.С. География Оренбургской губернии. Описание Оренбургской губернии в физическом, этнографическом и административном отношениях. Оренбург, 1896. С. 3.

[19] Алекторов А. История Оренбургской губернии. Издание 2-е. Оренбург, 1883. С. 122.

[20] Хроника г. Оренбурга за 1864 г. СПб., 1865.

[21] Кенигсберг М.М. Опыт медико-топографического исследования гор. Оренбурга: Дис. на степ. д-ра мед. М.М. Кенигсберга. СПб., 1886.

[22] Лобысевич Ф.И. Город Оренбург: историко-статистический очерк. СПб., 1878.

теля, краеведа, содержал как физико-географические характеристики города (среднюю температуру воздуха по сезонам, данные об атмосферном давлении и преобладающих ветрах), так и сведения о растительности близ города, а также краткие исторические данные, в том числе довольно интересное описание событий, связанных с пугачевским восстанием. По словам составителя, «надежды жителей города на блестящую будущность не сбылись»[23]. Причинами тому автор называл сооружение железной дороги, благодаря которой азиатские купцы сами стали отправлять свои товары в Москву и на нижегородскую ярмарку, страшный пожар 1879 г. и отмену оренбургского генерал-губернаторства.

В работе содержались довольно подробные сведения о демографии населении города. Автор констатировал, что в Оренбурге умирает «более всего детей и людей самого рабочего возраста». Оренбургский климат, «трудно переносимый и взрослыми людьми, для детей является убийственным». Значительная же смертность среди взрослых объяснялась, со ссылкой на исследования Кенигсберга, обилием «колонизационных сил, бросающихся на разные дела, могущие их обогатить, вызывая подчас напряжение сил больше возможного»[24].

В начале XX в. довольно подробную информацию об Оренбурге, его застройке, городской истории и городских жителях собрал петербургский журналист, историк и краевед Петр Николаевич Столпянский[25]. Он пребывал в Оренбурге в 1903-1906 гг. и за это время сумел составить по сути летопись города, насыщенную яркими деталями, увлекательными сюжетами, значительно расширяющими представления читателей о населении губернской столицы.

Сжатые историко-статистические очерки о других городах Оренбургской губернии были созданы

[23] Белавин К. Оренбург. Географическо-статистический очерк. Оренбург, 1891. С. 57.
[24] Белавин К. Оренбург ... С. 70.
[25] Столпянский П.Н. Город Оренбург: материалы к истории и топографии города. Оренбург, 1908.

членами Оренбургской ученой архивной комиссии – Владимиром Федоровичем Ильиным[26] – бывшим вице-губернатором Тургайской области, первым председателем комиссии по разбору дел и устройству архива бывшей канцелярии оренбургского генерал-губернатора, А.В. Орловым[27], Руфом Гавриловичем Игнатьевым[28] и др. В их публикациях можно найти замечания о городском благоустройстве, наиболее распространенных видах профессиональной занятости горожан, сословном составе городских обществ, особенностях общественной психологии жителей уездных городов Оренбургской губернии. Однодневные переписи Орска[29] и Троицка[30], осуществленные Р.Г. Игнатьевым в 1870 г., дают подробную статистическую информацию о сословном, этническом, конфессиональном, возрастном составе горожан, их уровне грамотности и образования, основных сферах их профессиональной занятости.

«Путеводитель-справочник по Оренбургу и Ташкентской железной дороге с расположенными на ней городами» Н.И. Бодрова-Повираева[31] содержал советы для приезжих в город с указанием государственных и общественных учреждений, промышленных предприятий, больниц, учебных заведений, религиозных организаций, досуговых центров, достопримечательностей, а также включал в себя прекрасные образцы рекламных объявлений. В Челябинске аналогичный справочник был создан Виктором Александровичем Весновским[32], который отмечал «чисто американский» рост города со всеми вытекающими из этого обстоятельства особенностями городской повседневности. Краткие, но охватывающие различные сферы жизни Оренбурга сведения предлагал читателям путеводитель Петра Даниловича Райского[33]. В справочнике дана информация о знаковых для города местах, общественных пространствах, центрах культурного отдыха.

[26] Ильин В.Ф. Троицк // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, б/г. С. 1–21.
[27] Орлов А.В. Челябинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, б/г. С. 83–102.
[28] Игнатьев Р.Г. Верхнеуральск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, б/г. С. 103–132.
[29] Игнатьев Р.Г. Однодневное исчисление жителей г. Орска, произведенное 15 Января 1870 г. (Статья Действительного члена Оренбургского Губернского Статистического Комитета Р.Г. Игнатьева) // Игнатьев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / составитель М.И. Роднов. Т. III: 1869–1872 годы. Уфа, 2011. С. 134–149.
[30] Игнатьев Р.Г. Однодневное исчисление жителей г. Троицка, произведенное 12-го Сентября 1870 г. д. ч. Оренб. Губ. Стат. Комитета Р.Г. Игнатьевым // Игнатьев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / составитель М.И. Роднов. Т. III: 1869–1872 годы. Уфа, 2011. С. 185–199.
[31] Бодров-Повираев Н.И. Путеводитель-справочник по Оренбургу и Ташкентской железной дороге с расположенными на ней городами. Оренбург, 1908.
[32] Весновский В.А. Весь Челябинск и его окрестности : карманный справочник. Челябинск, 1909.
[33] Райский П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу с очерком его прошлого и настоящего, иллюстрациями и планом. Оренбург, 1915.

Справочная книга Ф.П. Доброхотова[34] предназначалась для промышленников, туристов и всех желающих поправить здоровье на курортах Урала. В итоге комплекс сведений, представленных в издании, получился разноплановым и многообразным. Читатель мог узнать о географическом положении региона, его истории и истории отдельных городов, курортных зонах региона, ярмарках и пр.

«Сухая» статистика, используемая в работе, была представлена различными материалами. Том 28 «Списков населенных мест Росссийской империи»[35], посвященный Оренбургской губернии по состоянию на 1866 г., содержал сведения о числе жителей, домов и заслуживающих особого внимания учреждений, расположенных в городах региона.

Материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.[36] предоставляют исследователям колоссальный массив данных, которые можно использовать для изучения социографических характеристик населения в различных аспектах.

Уникальным документом, содержащим обширные сведения о сфере «тайного повседневного», оказался результат переписи легальных проституток в рамках всей России, предпринятой в 1889 г. Центральным статистическим комитетом МВД[37]. Этот статистический сборник позволил глубоко проанализировать указанную сферу женской занятости в России в конце XIX в.

Также в работе были использованы и другие статистические источники – «Списки населенных мест»[38], обзоры Оренбургской губернии[39], которые с 1897 г. выходили под заголовком «Статистический обзор Оренбургской губернии».

Поскольку проект создавался в рамках такого направления исторических исследований, как история повседневности, авторы позволили себе привлечь в качестве исторического источника несколько *про-*

[34] Доброхотов Ф.П. Урал Северный, Средний, Южный: справочная книга. Петроград, 1917.

[35] Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 28: Оренбургская губерния: ... по сведениям 1866 года / сост. и изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел; обраб. В. Зверинским. СПб., 1871.

[36] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. XXVIII: Оренбургская губерния. СПб., 1905.

[37] Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. [38] Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 28: Оренбургская губерния. СПб., 1871.

[39] См., например: Обзор Оренбургской губернии за 1871 год: приложение ко всеподданнейшему отчету Оренбургского губернатора. Оренбург, б/г. и др.

изведений художественной литературы. Современные историки считают литературные произведения одним из важных видов исторических источников, во многом достоверно отражавшим реалии повседневной жизни общества, современного автору произведения[40].

В таком контексте весьма интересным представляется описание высшего общества Оренбурга и уездных городов Оренбургской губернии середины XIX в., представленное в повести Алексея Николаевича Плещеева «Пашинцев»[41]. Оренбург в произведении писателя был выведен под названием Ухабинск, что, по большому счету, объективно соответствовало состоянию городской инфраструктуры, отмечаемому и другими авторами. Сопоставление впечатлений автора от оренбургского общества с данными других источников позволяет получить довольно объективную картину повседневности высшей аристократии Оренбурга середины XIX века.

Другой автор, Сергей Иванович Гусев-Оренбургский родился в Оренбурге в семье казака-торговца. После обучения в Оренбургской и Уфимской семинариях он служил священником и учителем в оренбургских селах, а в 1898 году снял с себя сан священника. В его повести «Страна отцов»[42] было показано столкновение традиционного купеческого уклада Старомирска (так был назван Оренбург) и нарождающегося нового поколения разночинцев, был ярко представлен повседневный уклад семьи священнослужителей.

В 1890 г. в Заречной части Челябинска на постоялом дворе Сорокина останавливался известный русский прозаик и драматург Д.Н. Мамин-Сибиряк. Свои впечатления от посещения Челябинска он описал в одном из произведений цикла «Сибирские рассказы» с простым названием «Ночевка»[43].

Кроме названных, были также использованы и другие литературные произведения, например,

[40] Рябова Т.И. Художественная литература как исторический источник // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам Материалы третьей международной научно-практической конференции. Под редакцией В.С. Артемовой. Брянск, 2015. С. 88–92.

[41] Плещеев А.Н. Пашинцев // Плещеев А.Н. Избранное: Стихотворения. Проза. М., 1960. С. 508–632.

[42] Гусев-Оренбургский С.И. Страна отцов // Сборник № 4 товарищества «Знание» за 1904 год. СПб., 1905. С. 75–294.

[43] Мамин-Сибиряк Д.Н. Ночевка // Мамин-Сибиряк Д.Н. Полное собрание сочинений. Т. V: Сибирские рассказы. Петроград, 1916. С. 172–178.

автобиографические рассказы выходца из среды священнослужителей Сергея Яковлевича Елпатьевского[44], повести, посвященные судьбам отдельных категорий горожанок[45].

Кроме того, источниковую базу работы составили материалы местной *периодической печати* – «Оренбургской газеты», газет «Оренбургский листок», «Оренбургские епархиальные ведомости», в которых публиковалась сведения статистического характера, официальная информация и частные объявления, фельетоны, анекдоты, реклама, служащие прекрасными источниками для изучения повседневной жизни горожанок.

Архивные материалы были представлены довольно обширным кругом материалов Государственного архива Оренбургской области, Государственного архива Челябинской области и Российского государственного исторического архива, среди которых можно выделить такие, как, например, метрические книги, бракоразводные дела, формулярные списки служащих и пр. Основной массив используемых документов был сосредоточен в фондах государственных и церковных структур – Канцелярии оренбургского генерал-губернатора (Ф. 6), Канцелярии оренбургского губернатора (Ф. 10), Оренбургского губернского правления (Ф. 11), Оренбургской городской управы (Ф. 41), Оренбургской палаты уголовного и гражданского суда (Ф. 55), Оренбургской казенной палаты (Ф. 98), Оренбургского губернского попечительства детских приютов (Ф. 135), Оренбургской духовной консистории (Ф. 173), Канцелярии епископа Оренбургского и Уральского (Ф. 174), Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества (Ф. 175), Оренбургского епархиального попечительства о бедных духовного звания (Ф. 176). Кроме того, были использованы фонды

[44] Елпатьевский С.Я. Рассказы о прошлом. Т. 3. 2-е изд. Москва, 1916.

[45] Несмелов П. Заручная // Странник. 1883. Октябрь. С. 260–265; Ноябрь. С. 432–455; Декабрь. С. 644–662; Бродская Д. Марийкинс детство. М., 1956.

учебных заведений – Оренбургской духовной семинарии (Ф. 177), Оренбургской 1-й женской гимназии (Ф. 85), Оренбургской частной женской гимназии М.Д. Комаровой-Колмаковой (Ф. 89). Был использован и специальный фонд – Торговый дом «Алексей Зарывнов с сыновьями» (Ф. 155).

В Объединенном государственном архиве Челябинской области были проработаны фонды Челябинской городской думы (Ф. И-1), Челябинской городской управы (Ф. И-3), Челябинского уездного инспектора народных училищ Оренбургского учебного округа (Ф. И-36), Челябинского Христорождественского собора Челябинского духовного правления (Ф. И-68), личный фонд челябинского краеведа Моисея Исааковича Альбрута (Ф. Р-290). Из фондов РГИА были задействованы материалы фондов Канцелярии по управлению детскими приютами (Ф. 763), Канцелярии Синода (Ф. 796) и Хозяйственного управления при Синоде (Ф. 799).

К источникам сопутствующего характера можно отнести *нормативную документацию*[45].

При изучении повседневной жизни представительниц отдельных сословий были использованы и другие источники, в том числе, например, опубликованная делопроизводственная документация. Удалось воспользоваться и хранящимися в домашнем архиве автора фотографиями и поздравительными открытками начала XX в.

В итоге следует констатировать, что используемые в рамках исследования повседневности провинциальных горожанок Оренбургской губернии пореформенной поры исторические источники отличаются крайней отрывочностью интересующих нас сведений. Информация о женской повседневности мелким бисером рассыпана в обширных текстах, повествующих о природе и климате, занятиях и досуге населения, в рекламных объявлениях, литературных произведениях, архивных документах.

[46] См., например: Законы о состояниях // Свод законов Российской Империи (СЗРИ). СПб., 1857. Т. 9; Устав духовных консисторий. СПб., 1883 и др.

Работать с источниками в таких условиях очень сложно, но крайне интересно.

В целом, комплекс выявленных документов позволил в полном объеме осуществить запланированный анализ различных сфер повседневной жизни провинциальных горожанок Оренбургской губернии пореформенной эпохи, выявить особенности этой повседневности, связанные как с внешними, объективными общероссийскими событиями и общим ходом исторического процесса, так и с региональными факторами.

Методология исследования базировалась на использовании таких научных принципов познания, как историзм, объективность, системность и комплексность. Основой исследования стал принцип историзма, предполагающий рассмотрение женской повседневности в развитии в связи с изменениями конкретно-исторических условий. Основополагающим способом изучения проблемы являлся междисциплинарный подход к историческому исследованию.

Важную роль в исследовании играл межрегиональный подход, предполагающий сравнительное изучение повседневной жизни горожанок в разных провинциальных губерниях. Компаративная часть полирегионального исследования позволила установить доминирующие факторы, которые влияли на направление, темпы и интенсивность трансформации этой повседневности, выявить соотношение локальных, региональных и общероссийских факторов, уточнить роль властных и общественных институтов и других социальных групп в обыденном бытии жительниц городов Оренбургской губернии.

В основу исследования был положен процессуальный характер повседневности, сформулированный Е.В. Бурлуцкой (Банниковой) в ряде работ теоретического характера[47]. В рамках этой концепции повседневность рассматрива-

[47] Банникова Е.В. Критерии повседневности: теоретико-методологические основы истории повседневной жизни // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 7 (13): в 3 ч. Ч. 2. С. 21–24; Ее же. Условия повседневности. Факторы, определяющие жизнь // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2013. № 3. С. 53–58; Ее же. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). СПб., 2014.

ется как процесс взаимодействия человека с действительностью, как в смысле деятельности, так и ее осмысления. Оно осуществляется в рамках определенного образа жизни, который в данном случае выступает как механизм этого взаимодействия. В процессе социализации, по сути являющемся присвоением конкретного образа жизни, складываются ментальность (неосознанный результат взаимодействия с действительностью), быт (опредмеченный результат) и поведение (осознанный результат). На их основе формируются стиль (внутренняя оценка взаимодействия человека с действительностью) и имидж (внешняя оценка).

Имеющиеся в распоряжении исследователей источники также во многом определили методологию анализа повседневной жизни. Комплексное изучение источников, сбор научных фактов, составление первичной картины повседневной жизни горожанок Оренбургской губернии были осуществлены на основе агрегативного метода в сочетании с методом казуальным, предполагающим детальное рассмотрение отдельных, нетипичных явлений в поведении и психологии жительниц городов Оренбургской губернии. Был задействован статистический метод, позволяющий дать количественный анализ различных показателей жизни женщин в городе. Проведение анализа совокупности выявленных исторических фактов, выяснение причин тенденций и явлений, наблюдающихся в повседневности оренбургских горожанок, потребовало обращения к принципу исторического объективизма.

К методам исследования также относится метод описательный, позволяющий нарисовать картину повседневности провинциальной горожанки. Феноменология, как метод исследования, дает возможность раскрыть очевидный смысл предмета, часто скрытый чьим-то мнением, словами и оценками. Кроме того, важным представляется и метод

герменевтический, позволяющий интерпретировать текст (к примеру, литературного произведения) через его понимание, вчувствование. Методы, более присущие философии, психологии и культурологии, сочетаются со сравнительно-историческим методом, способствующим установлению истинности исторического факта через сопоставление информации, почерпнутой из различных источников.

Научная новизна данного проекта заключается в том, что в исследовании впервые в отечественной историографии был дан разноплановый анализ женской полисословной повседневности в отдаленной оренбургской провинции в эпоху пореформенной модернизации страны. Были охарактеризованы региональные особенности женского бытования и поведения в пространстве «внутренней окраины России». Выявлены изменения образа жизни женской составляющей городского провинциального социума, вызванные как новыми внешними обстоятельствами жизни, так и общей трансформацией гендерных ролей.

Авторы надеются, что книга окажется полезной не только специалистам-историкам и краеведам, но и всем, кто любит свой город и стремится узнать его поближе.

ГЛАВА I
ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК УСЛОВИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Обращение к проблеме опосредованности повседневности человека пространством, в котором он находится, представляет собой расширение исследовательского поля повседневной истории. Сегодня чаще в рамках указанной проблематики работают философы[1], социологи[2], культурологи, представители урбанистики[3] и социальной психологии[4]. Как отмечает Н.В. Назарова, важным аспектом «понимания повседневной культуры является связь пространства и времени, ее отображенность в конкретных образах. Современная эпоха, как никогда, выражает эту связь в образах времени, пространства, города и горожан, жилища, в хронотопах культуры»[5]. По словам исследователя-философа Ю.Л. Балюшиной, «называя себя горожанином, человек определяет себя через город, фокусирует свое жизненное пространство, при этом не ограничивая его. Однако город формирует жизненное пространство человека, задавая определенные условия, интенции, установки цели и ценности, тем самым детерминируя его жизнедеятельность»[6]. Доктор психологических наук Т.В. Семенова, говоря об особой «городской ментальности», определяет ее как «систему для обозначения своеобразия проявления группового сознания относительно времени и пространства большого города»[7].

Необходимость изучения человека в городских условиях объяснялась тем, что городское пространство в условиях повседневности было «своеобразной социально-исторической лабораторией, формирующей облик человека городского и человека вообще, облик города и общества в целом»[8]. Городской человек одновременно выступал и творцом, и продуктом своего города. Город диктовал своим жителям пространственную организацию расселения, создавал социальное пространство, в котором люди занимались разнообразной деятельностью и формировали новый тип отношений[9].

[1] Балюшина Ю.Л. Город как специфический локус жизненного пространства человека (социально-философский аспект) // Общество: философия, история, культура. 2016. № 7. С. 39–41; Касаткина С.С. Публичное и частное пространство городской повседневности как институт социализации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (50): в 3 ч. Ч. II. С. 88–90.

[2] Чернявская О.С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций // Социология. Психология. Философия. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 5. С. 329–335.

[3] Тыхеева Ю.Ц. Человек в городском пространстве. Философско-антропологические основания урбанологии. [Электронный ресурс] URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Tyheeva/ (дата обращения: 16.10.2019).

[4] Семенова Т.В. Городская ментальность: социально-психологическое исследование. Самара, 2008.

[5] Назарова Н.В. Повседневная культура как инвариантная модель бытия современного человека: автореф. ... дис. кандидата культурологии. Челябинск, 2015. С. 6.

[6] Балюшина Ю.Л. Указ. соч. С. 40.

[7] Семенова Т.В. Указ. соч. С. 40.
[8] Тыхеева Ю.Ц. Человек в городском пространстве. Философско-антропологические основания урбанологии. [Электронный ресурс] URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Tyheeva/ (дата обращения: 16.10.2019).
[9] Судакова О.Н. Торговые пассажи как форма пространства культуры повседневности сибирского купечества // Идеи и идеалы. 2017. № 1 (31). Т. 2. С. 123–130.

Топография и архитектура города отражали социальные различия между городскими сообществами, одновременно создавая условия для их сотрудничества в рамках единого городского пространства.

Чем больше мы знаем о городе, тем более четким, детальным для нас становится его образ. Мы начинаем понимать городское пространство. А дальше мы начинаем понимать специфику общества, которое в этом пространстве существует. Именно поэтому разговор о жизни горожанок хотелось бы начать с анализа городского пространства, в котором эти горожанки существовали.

1.1. Городское пространство губернской столицы

В повседневной жизни любого сообщества есть как объективные, так и субъективные обстоятельства его жизни. Объективными, как правило, являются изначально заданные, которые невозможно изменить. В отношении сообщества горожан таковыми являются природные условия.

Оренбург. Гостинодворская улица

Погода в Оренбурге была далека от идеальной. Проезжающий через него в середине XIX в. Т.Ф. Юл. Базинер писал, что город «имеет лето Палермо и зиму Архангельска»[10]. По свидетельству Н.Г. Залесова, в середине XIX столетия «расположенный на песчаной, возвышенной равнине правого берега Урала, совершенно открытый для юго-восточных ветров, Оренбург нестерпим летом по своим жарам, а окружавшие его в то время крепостные стены, не допуская надлежащего движения воздуха, делали из города какое-то пекло, в котором зачастую не было возможности дышать»[11]. По словам И.С. Хохлова, лето в регионе было «тяжелым и томительным временем в году»[12].

Доктор медицины М.М. Кенигсберг писал о сильных ветрах, называемых на местном наречии «буранами». Летние бураны отличались «зноем, ими наносимым: при них обдает раскаленным ветром, как паром; густая пыль стоит и кружится

[10] Гра А. Оренбург 40-х годов XIX столетия по описанию Базинера // Труды оренбургской ученой архивной комиссии. Выпуск XI. Оренбург, 1903. С. 9.
[11] Залесов Н.Г. Записки адъютанта // Русская старина. 1903. Т. 114. Апрель. С. 53.
[12] Хохлов И.С. География Оренбургской губернии ... С. 38.

Оренбург. Улица Николаевская

в воздухе на необозримом пространстве»[13]. Даже при запертых окнах и ставнях носимая ветром пыль проникала в дом и оседала везде. Эти ветра и пыль, сухой воздух и отсутствие зелени производили на горожан «томящее душу впечатление» и «раздражали нервы»[14].

Зимние же бураны сопровождались снегом и сильнейшими метелями. «Снега и бураны были настолько обильны и свирепы, – писал П.Н. Столпянский, – что во время последних крепостные ворота запирались, в них пускали только приезжающих в город, но из города даже в слободу не пускали. Обилие снегов было так значительно, что некоторые улицы были совершенно занесены, торчали только концы труб, и жители выходили через прорытые галереи»[15].

Как отмечал Ф.И. Лобысевич, зимой в Оренбурге были сильны холода, «увеличивающиеся от постоянного ветра и доходящие до 38° по Реомюру [ниже 45 градусов по Цельсию – авт.], лето же, преимущественно всегда пыльное, сухое и чрезвычайно знойное, доходящее до 35° по Реомюру [около 42° по Цельсию – авт.]. Жар и удушливый ветер совершенно душат и жгут людей и природу. Собственно того очаровательного теплоприятного времени года, которое так благотворно на юге России и зовется весною, здесь не существует»[16].

Не способствовали комфорту и особенности местной почвы. Базинер сообщал, что жители Оренбурга «меньше страдают от грязи, потому что дождь бывает редко и почва песчаная, чем от постоянной пыли, которая проникает в самые дальние помещения квартир»[17]. По словам А.Е. Алекторова, все площади и большая часть улиц Оренбурга даже в 1880-х гг. были «немощеные, вследствие чего, при господствующей здесь сухости воздуха и при песчаном грунте, с каждым небольшим ветром весь город окутывается густым непроницаемым облаком

[13] Кенигсберг М.М. Опыт медико-топографического исследования гор. Оренбурга. ... С. 42.
[14] Белавин К. Оренбург. Географическо-статистический очерк. Оренбург, 1891. С. 74.
[15] Столпянский П.Н. Город Оренбург ...С. 22.
[16] Лобысевич Ф.И. Город Оренбург ... С. 28.
[17] Цит. по: Дорофеев В.В. Над Уралом-рекой. Челябинск, 1988. С. 134.

пыли». Следствием этой пыли были «частые глазные болезни и болезни груди, почти совершенное отсутствие в городе растительности ...»[18]. Эта пыль «проникает в дома и покрывает в них полы, окна, мебель и все прочее; она садится на кусты и деревья и придает садам и палисадникам не совсем приятный вид»[19]. После каждой прогулки прислуге приходилось тщательно выбивать платья своих хозяек, поскольку длинные подолы юбок собирали на себя всю пыль, скопившуюся на дороге. В дождливую же погоду, когда немощеные улицы превращались в болота грязи, прогулки становились совершенно невозможными. «При такой обстановке, – констатировал Алекторов, – жизнь оренбуржца в сорокаградусные, весьма частые, летние жары может назваться поистине мучительной»[20].

Поскольку улица Большая (Николаевская) имела стратегическое для города значение, только она была «вымощена щебнем (шоссе), имеет широкий плитный тротуар и освещается фонарями, в которых горят свечи»[21]. Если же с Большой улицы прохожий сворачивал в сторону, здесь его ждали «уродливость, безобразие и бедность». Все близлежащие улицы были «немощеные, без тротуаров, а некоторые до того песчаны, что пешком трудно по ним ходить»[22].

Кроме того, санитарное состояние города также было далеко от совершенства. Проезжающие через Оренбург путешественники отмечали довольно низкую степень развития городской инфраструктуры. «Оренбург как город не оставил у меня никакой памяти (помню, что стояла в то время жара, духота) и отличался сильной пылью», – писал московский купец Н.А. Варенцов, проезжавший через губернскую столицу в середине 80-х гг.[23].

Поскольку Оренбург был центром торговли скотом, а многие горожане были скотопромышленниками – владельцами кожевенных, салотопенных

[18] Алекторов А. История Оренбургской губернии ... С. 121.
[19] Райский П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу. Оренбург, 2000. С. 70.
[20] Алекторов А. История Оренбургской губернии ... С. 121–122.
[21] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 23.
[22] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 24.
[23] Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 2011. [Электронный ресурс] URL: http://ru-history.livejournal.com/3076729.html (дата обращения: 16.10.2019).

и прочих заведений, работающих на животном сырье, во многих дворах были расположены скотобойни. Как писал Столпянский, скотина в них «билась попросту, по-семейному: кто на частных бойнях, а кто так у себя на дворе, кровь тут же впитывалась в землю, различные отбросы мирно гнили на задворках – и никто не протестовал...»[24]. В самом центре города, вплоть до 1893 г. располагался сырейный базар, на котором торговали сырыми кожами. На открытом воздухе находились груды кож, отравляющие своим запахом воздух и создавая опасность заражения горожан сибирской язвой.

В медико-топографическом исследовании Оренбурга, осуществленном М.М. Кенигсбергом в середине 1880-х гг., автор сетовал на то, что с «увеличением города санитарное его состояние не продвинулось вперед, гигиенические условия вместо улучшения скорее ухудшились, благодаря крайне небрежному отношению городского управления и самого населения к интересам общественной гигиены». Причиной тому, по мнению исследователя, был крайне низкий уровень развития местного населения, состоявшего «преимущественно из мещанства и крестьянства с примесью некоторых захудалых и диких инородцев». А безразличие «более состоятельных представителей города – купечества, ремесленного и промышленного сословий, поддерживает в населении и в городе привычную санитарную распущенность и традиционную грязь»[25].

Во дворах городских усадеб привычную картину представляли «кухонные отбросы, грязь, навоз, и нередко даже прямо человеческие экскременты, за неимением во многих домах даже плохих отхожих мест». Весной вся эта грязь направлялась домохозяевами прямо на улицу, в расчете «на очищающую силу весенних вод». Даже в лучшей первой части города можно было встретить трупы дохлых кошек и собак[26].

[24] Столпянский П.Н. Город Оренбург ... С. 76.
[25] Кенигсберг М.М. Опыт медико-топографического исследования гор. Оренбурга ... С. 7.
[26] Кенигсберг М.М. Опыт медико-топографического исследования гор. Оренбурга ... С. 62.

По словам Н.Г. Залесова, вода в городе «находилась далеко, улицы не поливались, дворы и отхожие места своевременно не чистились, а падаль сваливали за крепостью под самыми валами»[27]. Как отмечает краевед А.Е. Исковский, «лишь в первой части Оренбурга (условно центральная часть – авт.) дважды в день, особенно по Николаевской улице (ныне ул. Советская) проезжая часть очищалась от «конских яблок», а когда по Суринской (ул. Постникова) или Гостинодворской (ул. Кирова) улицам прогонялся скот на городские бойни, аромат держался до утра, как минимум»[28]. Навозом же выравнивались все выбоины, появлявшиеся весной на немощеных улицах и площадях[29]. Не трудно представить, какими миазмами был пронизан городской воздух.

Хорошей воды, которая была бы безопасна для питья, в городе катастрофически не хватало. На каждого жителя в середине 1880-х гг. приходилось, по подсчетам М.М. Кенигсберга, не более, чем по ведру в день «на все его потребности и нужды», хотя минимальный объем воды, требуемый для комфортной жизни, составлял 12,7 ведер на человека в день[30]. Причем оренбургский водопровод, обеспечивающий центральную часть города, не имел фильтра, а значит в дома горожан поступала вода прямо из реки, в которую сбрасывались все городские нечистоты.

Один из новых районов города – Новая слободка, обслуживалась десятком колодцев, «за которыми надзор и уход более, чем отвратительный. Колодцы не чистятся десятилетиями, срубы гниют, в воду попадают всевозможные отбросы, во многих колодцах вода солонцеватая, анализ воды не производился и, можно ли употреблять эту воду, конечно, никто не знает». Улицы на окраинах были «не мощены, освещение производится керосиновыми фонарями и то далеко не во всех улицах

[27] Залесов Н.Г. Записки адъютанта... Т. 114. Апрель. С. 53.
[28] Исковский А. Король ассенизации Оренбурга. Кто убирал улицы города в XIX веке? // Аргументы и Факты. 2017. № 47 (22 ноября).
[29] Кенигсберг М.М. Опыт медико-топографического исследования гор. Оренбурга ... С. 12.
[30] Кенигсберг М.М. Опыт медико-топографического исследования гор. Оренбурга ... С. 22–23.

и переулках; о санитарном надзоре нечего и говорить, отбросы спокойно выкидываются на улицу, где они подвергаются благодетельному действию жгучих лучей палящего Оренбургского солнца, – поветь [нежилая пристройка к дому для хранения инвентаря – авт.] иногда заменяет отхожее место и в лучших случаях вместо него делается аршинная ямка, которая никогда не чистится»[31].

Прибывшему в губернскую столицу в 1909 г. в качестве нового начальника Илецкого жандармского отделения Ташкентской железной дороги А.М. Полякову Оренбург показался «пыльным и довольно грязным городом»[32]. Местные же жители замечали, что «с высоты, с птичьего полета, город Оренбург красив», чего нельзя было сказать при близком с ним знакомстве[33].

Даже в начале XX в. Оренбург, по словам П.Н. Столпянского, в санитарном смысле являлся «прямо-таки отрицательной величиной». Ассенизация города производилась с помощью открытых бочек. Постоянного санитарного надзора не существовало, и санитарные мероприятия проводились исключительно ситуативно, в периоды эпидемий. Население же совершенно не осознавало «пользы и необходимости санитарии и гигиены. В этом смысле оно вполне невежественно»[34].

Общественно-юмористический оренбургский журнал «Пыль» в 1909 г. писал в заметке «Практическое применение междометий оренбуржцев»: «Фу-у! и несет же черт возьми – раздается по вечерам по адресу ассенизационных обозов»[35]. А в разделе «Оренбургское эхо» упоминалось о том, что «один из любителей древностей нашел в Форштадте кучу помета, оставленного Емельяном Пугачевым, и как интересный памятник повез в музей архивной комиссии, но к его сожалению там не приняли. А.В. Попов сослался на тесноту помещения»[36].

Плачевное состояние городского благоустрой-

[31] Столпянский П.Н. Город Оренбург ... С. 105.
[32] Поляков А.М. Записки жандармского офицера // Жандармы России. М.; СПб., 2002. [Электронный ресурс] URL: http://rus-turk.livejournal.com/136019.html (дата обращения: 16.10.2019).
[33] Столпянский П.Н. Город Оренбург ... С. 370.
[34] Столпянский П.Н. Указ. соч. С. 183.
[35] Пыль. Общественно-юмористический журнал. 1909. № 10. С. 3.
[36] Пыль. Общественно-юмористический журнал. 1909. № 10. С. 4.

ства во многом было связано с близостью Оренбурга к азиатским степям. Население киргиз-кайсацких степей и более отдаленных азиатских государств имело специфические представления о гигиене и чистоте. Приезжая в Оренбург по делам торговли, они сохраняли здесь привычный для себя образ жизни, что весьма негативно сказывалось на городском облике.

«Посмотрев на оренбургский рынок, можно безошибочно сказать, — писал Столпянский, — что по некультурности своей город занимает одно из первых мест. Громадная площадь не замощена — весной и осенью она непроходима от грязи — зимою — от сугробов снега, летом — по ней гуляет вихрь, и пыль носится клубами. Маленькие деревянные лавочки, походящие на балаганы, благодаря своим щелям, вполне доступны для пыли, которая беспрепятственно покрывает собою съестные продукты, принося с собою различные миазмы и бактерии. Тут же на площади несколько повыше — кладбище и подпочвенная вода легко проникает в погреба с мясом, рыбою, птицею; налево от базара — обширный загон для конного базара, навоз лежит кучами, высыхает на солнце и разносится ветром. Большинство мелочных торговок со своими продуктами располагается прямо на земле, подкладывая какие-то грязные тряпицы, и так торгуют хлебом и зеленью. Массы бродячих собак толпятся около мясных лавок, и если торговец зазевался, то делают покушения на висящие у дверей мясные туши. Солониною торгуют из громадных открытых чанов, расположенных прямо на земле; плоды, конечно, также покоятся на земле, слегка прикрытые грязноватою соломкою.

Человек, хоть слегка привыкший к культуре, побывав на оренбургском съестном базаре и посмотрев, кто и как торгует продуктами, на долгое время лишится аппетита, ну а коренные оренбуржцы

так привыкли к дефектам своего съестного рынка, что не обращают на них никакого внимания»[37].

Полуазиатский характер губернии и разноплеменность населения становились причинами и других проблем. К примеру, автор статьи «Воровство в Оренбурге» объяснял этой пестротой населения склонность горожан к воровству. Русский крал у татарина, татарин у русского, оба у башкира. «Пришелец новосел ворует отчасти по утробным инстинктам, отчасти и потому, что для него осевшие раньше обыватели, даже единоверцы и синоплеменники, кажутся чужими... все «россейские» пришлецы приходят сюда «на новы мяста» голые и безприютные, нравственно убогие и алчные. Вообще состав городского населения крайне смешанный, постоянно меняется, и немного найдется таких обывателей, для которых город есть родина, родной город, и которым обижать обывателя было бы жалко»[38].

Эта же разобщенность была главной причиной бытования в оренбургском городском социуме сословного и профессионального эгоизма, при котором узкогрупповые интересы ставились выше общественных. Цены почти на все товары в Оренбурге были чрезвычайно высоки, вследствие отсутствия в городе любой конкуренции и существующей здесь специализации купцов на продаже определенных изделий. Магазинов было немного, а значит нужный товар покупатели были вынуждены покупать по цене, установленной продавцом[39].

Дороговизна товаров в городских лавках смущала даже заезжих путешественников. Так, в книге М. Михайлова был приведен такой его разговор с одним из местных жителей: «...Вот вы хотите сделать сюрприз своей жене по своему вкусу — не выписывать же вам подобную вещь из столиц на чужой выбор, когда вы видите, что и в здешних магазинах много богатых материй и галантерей-

[37] Столпянский П.Н. Город Оренбург ... С. 203.
[38] [Неизвестный] Воровство в Оренбурге // Оренбургский листок. 1887. № 3.
[39] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 26–27.

ных вещиц. Вы преспокойно идете в тот или другой магазин, а там видят, что вам такая вещь нужна и преспокойно берут с вас втрое или вдвое. Будь конкуренция — другое дело! Не сойдетесь в цене в одном магазине, вы пошли бы в другой, а тут как магазинов мало, и каждый имеет свою специальность, то поневоле, если вам вещь нужна, вы без нее из магазина не выйдете»[40].

Даже спустя десятилетие в Оренбурге мало что изменилось. Как писал Ф.И. Лобысевич, «зайдите в магазин галантерейных красных и колониальных товаров: вы хотя и найдете иногда все, что хотите, но заплатите гораздо дороже того, что вещь стоит в Петербурге. Лучшие магазины здесь красных товаров В.Г. Кибиревой, Гладкова и Буслаева, галантерейных — Захо и Ладыгина, а бакалейных — Малышева и Скворцова, он же и кондитер; но о пирожных и конфектах его изделия мы умолчим, ибо это будет лучше»[41].

Изначально Оренбург строился как город-крепость на юго-восточных окраинах Российской империи. И.Ф. Бларамберг, находящийся в середине XIX в. в Оренбурге по служебным делам, отмечал, что город «был тогда... настоящим военным городом; в нем располагались все власти, и так как большая часть жителей этого края состояла из казаков или башкир, несущих военную службу, то здесь было полным-полно офицеров всех чинов — настоящий парад мундиров»[42].

По замыслу основателей столицы губернии, Оренбург должен был стать островком порядка в окружающем беспорядке азиатских степей. Правильные, широкие улицы, параллельные или перпендикулярные друг другу, должны были формировать городские кварталы. Посреди города, на берегу Урала и на противоположном ему конце города планировались большие плац-парадные площади. Однообразные типовые дома («четыре

[40] Михайлов М. Оренбургские письма... С. 27.
[41] Лобысевич Ф.И. Город Оренбург... С. 19.
[42] Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М., 1978. С. 218.

фасада для домов каменных, 5 фасадов для домов деревянных на каменном фундаменте, 6 фасадов домов «самой меньшей пропорции деревянных» и 7 фасадов домов военнослужащих нижних чинов»), свободно расположенные вдоль улиц, предполагалось сопровождать палисадниками с изящной оградой. «Все стройно, красиво, и все подходит под известную мерку, не режет глаз и во всем виден порядок и надзор»[43].

Оренбург должен был представлять собой некое миниатюрное подобие Петербурга (что, кстати, и отмечается многими туристами, посещающими сегодня центральную часть города) — демонстрировать на окраинах империи особую регулярность и государственность, основательность и мощь, производя впечатление прежде всего на соседей-кочевников. Однако «крепостное» состояние Оренбурга создавало в плане застройки для местных жителей большие проблемы. До 1821 года жители Оренбурга обязаны были предоставлять свои дома при необходимости под расположение воинских частей. Это негативно сказывалось на архитектуре города: люди не желали строить большие дома, они в любой момент могли быть изъяты у хозяев для обеспечения военных нужд. Да и обеспечить безопасность жен и дочерей хозяевам домов, в которых квартировали офицеры или солдаты, было крайне сложно. Жители города неоднократно обращались за помощью к властям. Наконец в 1821 г. императором Александром I был подписан указ, освобождавший Оренбург от воинского постоя. В честь этого события на набережной р. Урал (на месте современного памятника Чкалову) был установлен обелиск — т.н. Александровская колонна. В 2013 г. этот памятник истории был восстановлен рядом с Введенской церковью.

До 1862 г. городские строения находились в полном распоряжении войскового начальства,

[43] Столпянский П.Н. Город Оренбург ... С. 231.

дворовые участки выдавались не в собственность, а в пользование, а обывательские дома в любой момент могли быть предписаны к сносу или переносу на другое место. Ни один из домовладельцев не имел купчих крепостей на свои дворовые места. Поэтому мало кто решался строить что-либо капитальное и красивое. Только после упразднения крепости в 1862 г. началась разбивка новых городских кварталов за линией бывшего крепостного вала (проходящего по совр. ул. Кобозева, Володарского, Жукова) и торги на их приобретение. Соответствие городской застройки ранее начертанному плану, внешнее структурирование городского пространства, требование упорядоченности домостроений неизбежно должны были влиять на будущих домовладельцев, заставляя их подчиняться решениям властей. Как писал автор «Хроники г. Оренбурга», «за упразднением в Оренбурге крепости, пустопорожние прежде места между городом и слободками объявлены селитьбенными и пущены в продажу»[44].

В «Оренбургских письмах» М. Михайлова, опубликованных в 1866 г., Оренбург представал, скорее, как военно-административный, нежели экономический или культурный центр. По его словам, город состоял из старого города и трех его бывших предместий — Старой слободки, Новой слободки и казачьего предместья Форштадт. Главная улица города — Большая Николаевская — делила его на две части. Именно на ней были расположены все главные правительственные и общественные здания — «дом инженерной команды, градская богадельня, Военно-Петропавловская церковь, глухая стена гостиного двора с возвышающейся над ней церковью Вознесения, большое с колоннами здание генерал-губернаторской канцелярии, манеж с устроенным в нем театром, дом 2-го эскадрона Неплюевского кадетского корпуса, окружной штаб, градская дума и пред этими двумя зданиями про-

[44] Хроника г. Оренбурга за 1864 г. ... С. 17.

странный сквер с небольшим фонтаном, дом собрания, несколько домов, занимаемых начальниками отделов оренбургского военного округа, полицейский дом с каланчою, областное управление киргизами, киргизская школа, лютеранская церковь, казенная аптека, бывший ордонанс-гауз, училище военного ведомства, обширный и богатый дом командующего войсками и в конце самой улицы, на берегу Урала пирамидальный гранитный памятник императору Александру I»[45].

Будучи длиной «не более версты», главная улица города была «обрамлена почти сплошь все каменными домами, большей частью казенными. Кроме вышеприведенных зданий на Большой улице несколько частных домов, магазины, вольная аптека и биржи городских извозчиков»[46]. Как видно из текста, на главной городской магистрали в основном собрались здания, имеющие отношение либо к управлению, либо к военной сфере.

Структурные элементы городского ландшафта, по словам Н.А. Черныш, были «призваны выделить и акцентировать наиболее важные объекты городской среды, служить ориентирами, определять иерархию городских пространственных зон, отделяя главное от второстепенного»[47]. Основными объектами городской среды Оренбурга во второй половине XIX в., судя по имеющимся в нашем распоряжении сведениям, были именно казенные сооружения. Город был своеобразным фронтиром, порубежьем, отделяющим европейскую часть империи от азиатской. Здесь, чтобы быть убедительной, государственности «надлежало стать преувеличенной и подчеркнутой»[48].

Военизированный характер города накладывал свой отпечаток и на специфику городского пространства. С одной стороны, прибывающее в отдаленную российскую провинцию высшее офицерство и чиновничество было заинтересовано в создании

[45] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 23.
[46] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 22–24.
[47] Черныш Н.А. Структура городского ландшафта // Технические науки – от теории к практике: сб. ст. по матер. VII междунар. науч.-практ. конф. Часть II. Новосибирск, 2012. [Электронный ресурс] URL: https://sibac.info/conf/tech/vii/26751/ (дата обращения: 16.10.2019).
[48] Фернандес-Арнесто Ф. Цивилизации. М., 2009. С. 9–10.

мало-мальски приличествующей их статусу городской среды. В городе появились общественные здания (Дворянское собрание, Караван-Сарай), давшие начало общественной жизни. Эту специфику Оренбурга подчеркивал еще Т.Ю. Базинер говоря, что «процветание города зависит от того, что город скорее похож на колонию военных и чиновников, чем на буржуазный город; этот-то многочисленный элемент и способствует оживленной торговле и цветущему виду города, без него город, предоставленный сам себе, поблек бы скоро, как степное растение»[49].

С другой стороны, город, который лишь в 1863 г. перестал быть военной крепостью и стал обрастать предместьями, не мог похвастаться высоким уровнем городского благоустройства. Военный элемент городского населения не был избалован высоким уровнем комфорта повседневной жизни, в результате чего в этом смысле и во второй половине XIX в. Оренбург был еще очень далек от идеала.

Впервые обустройством городской инфраструктуры местные власти занялись при губернаторе В.А. Перовском. «Город Оренбург обязан Перовскому построением чуть ли не 3/4 настоящих зданий: караван-сарай, контрольная палата, общественное собрание, дом казенной палаты, казармы – все построено Перовским. При Перовском же было обращено серьезное внимание и на благоустройство города», – писал П.Н. Столпянский[50]. Роль В.А. Перовского в своих воспоминаниях подчеркивал и офицер П.П. Жакмон, сообщая, что с началом его второго губернаторства «в Оренбурге образуется множество новых военных и гражданских учреждений и условия жизни существенно изменяются. Оренбург получил тогда наименование маленького уголка Петербурга»[51].

В итоге центральная часть провинциального Оренбурга во второй половине столетия приобре-

[49] Цит. по: Столпянский П.Н. Город Оренбург ... С. 234–235.
[50] Столпянский П.Н. Город Оренбург ... С. 380.
[51] Жакмон П.П. Из воспоминаний оренбургского старожила... С. 78.

ла вполне себе столичный вид. В путевых заметках В.Л. Кигна-Дедлова Оренбург описывается как «совсем европейский город, и притом премилый, даже красивый»[52].

В очерке Ф.И. Лобысевича также подчеркивалось, что внешний вид города «на приезжего человека может произвести хорошее впечатление. Город кажется далеко лучше отстроенным, чем многие губернские города в России; широкая Николаевская улица застроена многими прекрасными зданиями... Посредине города — площадь, имеющая фонтан, и по сторонам его, во всю площадь, — скверы, придающие и хороший вид, и пользу тенью, летом, хотя и небольшою, но все же служащею убежищем для детей, которые по примеру Летнего сада в Петербурге, играют здесь целые дни...»[53]. Как писал далее автор, это «наш Невский проспект: тут и гулянье, и катанье, и лучшие магазины, и все, что хотите»[54]. «Хорошими» улицами, помимо Николаевской, автор называл Троицкую и Уральскую (современные ул. Кобозева и М. Горького), которые были вымощены щебнем.

Местные жители были менее гуманны в описаниях городского пространства. Так, М.М. Кенигсберг писал, что Оренбург «не представляет ничего привлекательного в художественном смысле». Город четко делился на районы-части, лучшей из которых автор считал первую, центральную и старейшую часть города. Здесь располагались «лучшие здания и улицы» и проживала лучшая часть населения. Во второй, северо-восточной части города, где обитал бедный чиновничий люд, крестьяне и мещане, располагались небольшие и невзрачные, «как по наружному, так и по внутреннему виду» дома. Третья часть, или Старая слободка, занимавшая западную часть Оренбурга, была заселена беднейшими горожанами. Тут располагались жилые землянки, заводы, бойни, т.е. это была «сама грязная и невоз-

[52] Дедлов (Кигн) В.Л. 1. Оренбург // Дедлов (Кигн) В.Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб., 1894. С. 10

[53] Лобысевич Ф.И. Город Оренбург С. 15

[54] Там же. С. 16.

можная, в гигиеническом отношении, часть города. Тут постоянно можно встретить груды навоза», из которого местные жители изготавливали «кизяк»[55].

Далее Кенигсберг сообщал, что в общем «улицы города прямые и правильные, но в гигиеническом отношении безобразны». Все они, за исключением Николаевской (совр. ул. Советская), Институтской (совр. ул. Ленинская) и Водяной (совр. ул. М. Горького), оставались немощеными. Мощеные же улицы, по словам автора, «в санитарном отношении можно назвать чистым безобразием». Мостовые годами не ремонтировались, были изрезаны рытвинами, поскольку местный камень, их покрывавший, был слишком мягким и давал много пыли[56].

Несмотря на то, что Старая и Новая слободки постепенно сливались с городом, а пространство, ранее занимаемое крепостным валом, быстро застраивалось приличными домами, казачий Форштадт продолжал держаться особняком. Как отмечал Лобысевич, «предместье это, отстоя от города на 200 саженей, составляет отдельное селение, служащее очень часто укрывательством воров, мошенников и притоном разврата»[57].

Вообще дифференциация городского населения Оренбурга по сословному признаку прослеживалась довольно явственно даже в городской застройке. В.Л. Кигн-Дедлов отмечал, что лучшая часть города «вся застроена приветливыми каменными домами в два и три этажа. Много казенных зданий. Два корпуса, институт, больницы, присутственные места таковы, что их не совестно было бы поместить и в Петербурге»[58]. «Ядро города застроено почти все большими каменными домами, – писал Е.И. Рогозин, – слободы же состоят сплошь из маленьких деревянных домов, местами построенных очень тесно»[59]. То есть население города, не относящееся к его верхушке, проживало в совершенно иных пространственных и ландшафтных условиях,

[55] Кенигсберг М.М. Опыт медико-топографического исследования гор. Оренбурга С. 60–61.
[56] Там же. С. 62.
[57] Лобысевич Ф.И. Город Оренбург ... С. 16.
[58] Дедлов (Кигн) В.Л. 1. Оренбург // Дедлов (Кигн) В.Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб., 1894. С. 10.
[59] Рагозин Е.И. Путешествие по русским городам // Русское обозрение. 1891. № 7 [Электронный ресурс] URL: http://rus-turk.livejournal.com/478826.html (дата обращения: 17.10.2019).

не считало себя единым сообществом, разделялось по сословному и этническому признакам.

Примерно о том же писал и Ф.П. Доброхотов: «Центр города с улицами Николаевской, Гостинодворской и Неплюевской представляется почти европейским. Здесь все залито асфальтом, настроены громадные каменные дома с магазинами, кинематографами, ресторанами, гостиницами и проч. Но чем ближе к окраинам, тем больше признаков самой неприкрытой азиатчины: улицы не замощены, домишки на них маленькие, глинобитные, площади утопают в грязи, почти на каждом шагу встречаешь ревущих верблюдов с погонщиками-киргизами»[60].

Мощение наиболее оживленных улиц города было произведено при генерал-губернаторе Н.А. Крыжановском (1864–1881). В письме к гласным Городской думы Крыжановский отметил, что один из основных предметов, «на который должно быть также безотлагательно обращено серьезное внимание городского Управления – это устройство мостовых. Настоящее состояние улиц г. Оренбурга в этом отношении представляет весьма мало удобств как для пешеходов, так и для едущих в экипажах. Некоторые улицы в особенности во время дождливого времени, несмотря на песчаный грунт, вполне не проходимы по отсутствию канав для стока воды, отчего потоки ее избирают себе путь по произволу, что отнюдь не должно быть терпимо в виду доставления неудобства публике, и в предупреждение порчи полотна улиц». Николай Андреевич также подчеркивал, что употребляемый обыкновенно для мощения улиц известковый камень «при постоянно присутствующих жаре и пыли крайне вреден для здоровья», почему и требовалось заменить его на нечто более соответствующее обстоятельствам[61].

При Крыжановском был решен и вопрос с уличным освещением. На плохую освещенность улиц

[60] Доброхотов Ф.П. Урал Северный, Средний, Южный ... С. 594.
[61] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14401. Л. 2–2 об.

провинциальной столицы одним из первых внимание городских органов самоуправления еще в 1863 г. обратил оренбургский генерал-губернатор А.П. Безак, указавший на «недостаточное» число фонарей, освещавших город, и предписавший оренбургской Городской думе «озаботиться увеличением их числа»[62]. Городские предприниматели начали сбор средств на приобретение дополнительных средств освещения. Один только купец Михаил Мякиньков выделил деньги на приобретение 20-и фонарей, которые впоследствии были установлены на Александровской площади [современный сквер им. Ленина на ул. Советской – авт.][63].

Однако уже Н.А. Крыжановского перестало устраивать устаревшее керосиновое освещение улиц. «При существующей ныне системе [освещения – авт.] не все улицы города пользуются этим удобством, при том, по ничтожности количества света, который дают фонари, такое освещение весьма мало приносит пользы, наконец, несмотря на эти неудобства, оно обходится весьма дорого»[64], – отмечал начальник края. На заседании Оренбургской городской думы 6 июля 1878 г. было принято постановление о необходимости установки на улицах города газовых осветительных фонарей.

Реализацию столь сложного проекта руководство города планировало доверить германскому предпринимателю, инженеру Бонифацию Карловичу Циммерману[65]. Для небольшой губернской столицы последней четверти XIX в. проект выглядел действительно грандиозным, так как число фонарных столбов должно было превысить 2 000 штук. Превращать поступающий с возведенного нового завода газ в световую энергию предстояло осветительным приборам фирмы «Сименс»[66].

Однако внедрение столь значимого технического новшества так и не вошло в стадию реализации. Крупный пожар, охвативший столицу губернии

[62] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13840. Л. 27.
[63] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13840. Л. 35.
[64] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14401. Л. 1 об.
[65] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.
[66] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 6. Л. 8 об.

в 1879 г. и уничтоживший значительную часть города, заставил Б. Циммермана попросить у гласных отсрочку действий. В результате постоянного затягивания строительных работ замысел полностью потерял актуальность, так и оставшись на бумаге. Как записал в своем обзоре истории Оренбурга П.Н. Столпянский, проект Циммермана «потерпел фиаско, и город должен был удовлетвориться тем же керосиновым освещением»[67].

Вообще пожары были «чумой» того времени. Вот как описал, наверное, самую крупную природную катастрофу 1879 г. в истории Оренбурга П.Н. Столпянский: «Ужасающий, начавшийся 16 апреля в 10 часов утра пожар продолжался 17 и даже 18 апреля, особенно в пунктах больших строений, не уступая никаким усилиям пожарных средств. Огонь, показавшийся на краю города, быстро перескакивал через кварталы домов, лишая обывателей возможности всякого отступления, и к двум часам дня гигантские разрушительные скачки и прыжки пламени видны уже были на противоположном конце города»[68].

Размер нанесенного ущерба был ужасным: «Этот пожар истребил: духовное училище, казенную палату, общественное собрание, мечеть, учительский институт, женскую гимназию и прогимназию, дом городской думы и управы, окружной штаб, гостиный двор, общественный городской банк, Троицкую церковь, помещения общества взаимного кредита, государственного банка, городскую богадельню, отчасти городскую больницу, Петропавловскую церковь, Оренбургский военно-окружной суд, почти все гостиницы»[69].

Пожар 1879 г. стал для Оренбурга настоящим стихийным бедствием, хотя город к тому времени уже обладал водопроводной сетью. Оренбург был обладателем второго в России по времени возникновения водопровода. Первый водопровод появил-

[67] Столпянский П.Н. Город Оренбург ... С. 387.
[68] Там же. С. 83.
[69] Там же. С. 84.

ся в Санкт-Петербурге в начале XIX в. В Оренбурге водопровод заработал в 1827 г. Вода подавалась прямо из Урала, не фильтруясь, в бассейн, расположенный на Александровской площади, откуда уже в бочках и ведрах развозилась по городу. В 1874 г. в «обывательские дома» была проведена уже 31 «водоносная ветвь», а в 1878 г. их насчитывалось 63[70]. Тем не менее, воды горожанам серьезно не хватало, а во 2-й и 4-й частях города водопроводные линии так и не были проложены.

В работе П.Н. Столпянского отмечалось, что в начале XX в. при общем плачевном, «хаотическом» состоянии городского водопровода, тем не менее, одна из его веток была проведена на Маяк, где располагались дачи. Оказалось, что большинство «дачников — гласные думы, и отчего же за городской счет, т.е. за счет бедноты, не попользоваться удобствами. При рассмотрении вопроса о городском водопроводе в заседании думы можно было наблюдать интересную подробность: те гласные, которые имели дачи в зауральной роще, высказывались против устройства водопровода, гласные — дачники Маяка безмолвствовали, но их оказалось [при закрытой баллотировке — авт.] большинство...»[71].

Итак, ко второй половине XIX века в Оренбурге уже было осуществлено разделение городской территории по функциональному, сословному и имущественному признакам. Центральная часть города, застроенная преимущественно административными или общественными зданиями в классическом стиле, была «дворянской» частью Оренбурга. Повседневная жизнь городской верхушки была вполне комфортной. Ей были доступны практически все блага городской инфраструктуры — уличное освещение, мощеные улицы, водопровод, скверы и парки. Однако то обстоятельство, что Оренбург почти ни для кого из этой группы населения не

[70] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 6. Л. 377.
[71] Столпянский П.Н. Город Оренбург ... С. 58.

являлся родиной, существенно снижало степень гражданской активности городской аристократии в плане благоустройства места своего проживания.

Части города, отстоящие от главной улицы, имели другой внешний облик. Предместья и слободы, постепенно заселяемые купечеством и мещанством, являли собой образец эклектики или купеческого стиля. Показное богатство, обилие декора, украшательство, характерные для этой архитектуры, с одной стороны, были воплощением уже сложившихся купеческих вкусов, а с другой, непрерывно формировали эти вкусы в новых и новых поколениях коммерсантов. Более отдаленные городские кварталы застраивались деревянными хибарами, саманными домами и полуземлянками.

Такая социальная разобщенность усиливалась и существующей пестротой населения – этнической и конфессиональной. «Азиатский» облик Оренбурга делал эту степную столицу неряшливой, неупорядоченной, придавал ей налет варварства и дикости. Отмеченные негативные стороны городской повседневности усугублялись постоянной ротацией городского сообщества – чиновники и офицеры непрерывно меняли место службы, купцы переезжали по торговым делам. Вслед за ними уезжала и обслуга – мещане, ремесленники, кухарки, лакеи, кучера. На их место приезжали новые «оренбуржцы» – люди без корней, без социальных связей.

В результате здесь, на юго-востоке Российской империи, складывались совершенно особые условия городской повседневности, накладывавшие отпечаток на все стороны повседневной жизни обитателей города.

ТРОИЦК

Вторым по численности населения после столицы региона был город Троицк, в котором на 1866 г. был возведен 931 дом и проживало 7841 человек[72]. Этот центр трансазиатской торговли Оренбуржья произвел самое благоприятное впечатление на М. Михайлова: «После такой скучной и утомляющей однообразием дороги, Троицк представляет отрадное явление. Это довольно чистый город, правильно распланированный и оживленный. Каменный православный собор, три мечети с минаретами, гостиный и меновой дворы, девичий монастырь с новостроящимся каменным красивым храмом — вот главнейшие его примечательности»[73]. В пособии по географии И.С. Хохлова имеются подтверждения наблюдениям Михайлова: «По числу жителей и по постройкам Троицк занимает первое место в губернии, после Оренбурга. Улицы в Троицке прямые, довольно широкие и идут параллельно течению р. Уя»[74].

[72] Списки населенных мест Российской империи... С. 57.
[73] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 88.
[74] Хохлов И.С. География Оренбургской губернии ... С. 135.

Троицк

Однако, в «Памятной книжке Оренбургской губернии» за 1865 г. было сказано, что «...в отношении построек Троицк очень стеснен; дома здесь не столько красивы и велики, сколько ценны, тем больше, что кирпич, приготовляемый на здешних заводах и дурного качества и дорог и на постройки мало употребляется»[75]. В.Л. Кигн-Дедлов также остался от Троицка не в большом восторге: «Из признаков культуры в полутатарском-полукупецком Троицке — только красивые, чистенькие купеческие дома-особняки. Газету так же трудно добыть, как ананас; книжных лавок нет, даже бань нет, даже гостиниц, даже места для гулянья»[76]. Вообще Троицк показался ему более мусульманским, нежели православным городом: «Судя по отличным мечетям, в стиле уездных церквей, белых, с зеленым куполом и золоченым шпилем, на котором за рожок укреплен золотой полумесяц, судя по упитанным татарам-купцам, то и дело разъезжающим на отличных лошадях, но на простых дрогах, даже без кузова, а просто прикрытых войлоком, судя по множеству простой татарвы, торговцев, рабочих и извозчиков, — Троицк больше татарский город, чем русский»[77].

В 1849 г. в «Оренбургских губернских ведомостях» было опубликовано письмо жителя г. Троицка, в котором рисовалась очень унылая и однообразная жизнь в провинциальном городке: «То, что было вчера, будет сего дня, повторится и завтра...». Вечером, когда «с минаретов раздается протяжный и монотонный голос муэдзинов, ... на улицах начинают мелькать шляпы и шляпки, или целыя шеренги гуляющих без всякого почти разговора, за незнанием, о чем говорить»[78].

Чистота городских улиц, которая привлекла внимание Михайлова, была обусловлена свойством местного почвенного покрова. Один из гостей Троицка, посетивший город в 1888 г., дал описание

[75] Ильин В.Ф. Статистические заметки о городе Троицке // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. С. 9.
[76] Дедлов (Кигн) В.Л. Из поселков в Троицк // Дедлов (Кигн) В.Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб., 1894. С. 75.
[77] Дедлов (Кигн) В.Л. Из поселков в Троицк ... С. 74.
[78] Несколько слов о Троицке (Извлечение из письма к Р.) // Оренбургские губернские ведомости. 1849. № 23. С. 130.

его главной площади: «Номера выходили на большую площадь, с хорошими магазинами, торговыми рядами, Михайловским собором и сквером, в котором находился памятник Александру II с мраморным основанием и бронзовым бюстом. В тогдашнем Троицке совершенно не было ни мостовых, ни тротуаров. Повсюду был один песок и даже в самые дожди, которые были здесь достаточно редки, не было никакой грязи»[79]. Выходит, что благоприятные климатические условия оказывали отрицательное воздействие на темпы благоустройства Троицка. Из-за вполне сносного естественного состояния городских дорог, органы власти не озаботились мощением улиц даже в конце 80-х гг. XIX в.

Для борьбы с пожарами троицкий купец Александр Иванович Осипов организовал в 1890 г. Вольное пожарное общество. Как писала губернская газета, «...до открытия этого общества городской обоз находился в плохом состоянии и был недостаточен при серьезных пожарах»[80].

ЧЕЛЯБИНСК

Основной вектор развития Челябинска определялся, по словам Н.С. Журавлевой, его пограничным статусом, а «его история до революции не представляла чего-либо выдающегося»[81]. Как было указано в источнике, в 1863 г. Челябинск «отставал не только от Оренбурга и Уфы — этих «планет» губернского масштаба на административно-бюрократическом небосклоне России, но и от города Троицка»[82]. На тот момент половина домов в Челябинске была «крыта деревом. В Екатеринбурге строились купцами, заводчиками, золотопромышленниками, чиновниками великолепные дворцы и особняки, а в Челябинске не было ни одного здания, которое представляло бы архитектурную ценность. Преобладали купеческие дома, одноэтажные или двухэтажные, с верхним деревянным этажом»[83].

[79] Цит. по: Гизатуллин Р. Блокнот краеведа: Центральная площадь г. Троицка // Регион. 2014. 19 февраля.
[80] Цит. по: Гизатуллин Р. Троицкий купец создал вольно-пожарное общество // Южноуральская Панорама. 2013. 11 декабря.
[81] Журавлева Н.С. Образ города в произведениях о Челябинске рубежа XIX–XX веков // Гороховские чтения. Мат-лы VII региональной музейной конференции. Челябинск, 2016. С. 122.
[82] ОГАЧО. Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 40. Л. 217.
[83] ОГАЧО. Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 40. Л. 283.

По словам Ф.П. Доброхотова, климат Челябинска, как и других городов губернии, нельзя было «назвать здоровым: здесь почти постоянные ветры, внезапные переходы от тепла к холоду и наоборот»[84]. И.С. Хохлов писал, что в Челябинском уезде летом «воздух наполняется гнилостными испарениями, которые поднимаются с бесчисленных озер и болот, а вода заражается разными гниючими веществами»[85]. Лихорадка была обычным явлением в кварталах, примыкающих к Миассу[86].

После введения Городового положения 1874 г. были приняты меры по городскому благоустройству – было осуществлено дренажирование улиц, введено ночное уличное освещение, построен мост через р. Миасс. Однако, вплоть до 90-х гг. Челябинск «являл собой типичный образец самого захолустного степного городишка с 5 тысячами жителей. Более или менее похожей на городскую улицу была только Большая»[87], а остальные ничем не отличались от деревенских. Целые кварталы занимали пустыри, поросшие бурьяном.

[84] Доброхотов Ф.П. Урал Северный, Средний, Южный ... С. 524.
[85] Хохлов И.С. География Оренбургской губернии ... С. 40.
[86] Весновский В.А. Весь Челябинск и его окрестности: карманный справочник. Челябинск, 1909. С. 25.
[87] Весновский В.А. Весь Челябинск и его окрестности ... С. 12.

Челябинск

В 1890 г. в Челябинске останавливался проездом Д.Н. Мамин-Сибиряк, запечатлевший такую картину городского быта: «О тротуарах, конечно, не было помину, и, чтобы не сломать шею, я отправился серединой улицы. Но и тут приходилось постоянно натыкаться на какие-то камни, точно их подкидывала мне под ноги какая-то невидимая рука. Раза два я делал отчаянные курбеты, как лошадь на скачках с препятствиями. Как на грех, ночь была темная, а фонарей не полагалось, как и тротуаров. [...] В провинции все лавки и торговые помещения оберегаются злющими псами, и поэтому я старался идти самой серединой прохода между лавками, забирая вправо. Это было довольно рискованное путешествие, потому что с обеих сторон визжали блоки, гремели железные цепи, и на меня с удушливым лаем бросались нарочито обозленные торговые псы»[88].

Огромное количество бродячих собак, по словам проезжих путешественников, было визитной карточкой города. «Псы безвозбранно бегают парами, десятками, целыми стаями по улицам, и никого такое безобразие не смущает, как нечто присущее, неотделимое от обихода городской жизни»[89], — писал Быстренин, посетивший город в 1900 г. Приехавший в Челябинск в 1899 г. К.Н. Теплоухов называл его «неуклюжим грязным селом»[90].

До начала масштабного строительства в 90-х гг. XIX в., по словам челябинского краеведа, «...вообще все постройки города не отличались величиной и изяществом. На окраинах нетрудно было встретить даже хаты, крытые соломой. Самый большой дом в городе принадлежал купцу Мотовилову (по ул. Сибирской, ныне ул. Труда)»[91]. В середине 1890-х гг. Челябинск стал вторым после Троицка «купеческим» городом, что объяснялось его превращением в привлекательный для развития бизнеса торгово-промышленный центр после соединения

[88] Мамин-Сибиряк Д.Н. Ночевка // Мамин-Сибиряк Д.Н Полное собрание сочинений в 12 тт. Петроград, 1916. Т. 5. С. 175–176.
[89] Цит. по: Весновский В.А. Весь Челябинск и его окрестности ... С. 14.
[90] Теплоухов К.Н. Мемуары: 1899–1934. М., 2011. С. 13.
[91] ОГАЧО. Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 39. Л. 159.

Челябинска в 1892 г. с железной дорогой Самара–Златоуст. Однако даже к 1904 г. Челябинск еще не обзавелся строениями, которые можно было бы отнести к городским достопримечательностям. Перечислив несколько местных храмов В.А. Весновский констатировал, что за исключением культовых сооружений, «особых достопримечательностей в городе нет...»[92].

В начале XX века Челябинск делился на четыре части, которые довольно сильно отличались друг от друга: 1) Центральную или Торговую; 2) Заречную, «с хлебным рынком, кожевенными и кирпичными заводами»; 3) Заручейную и 4) Привокзальную. В Центральной части были «расположены правительственные, городские и земские учреждения, лучшие магазины, банки, биржа, конторы, театр, клуб. Здесь хорошие мостовые, тротуары, водостоки, телефон, электрическое освещение, водопровод и прочие удобства культурной жизни»[93].

Заречная часть города была почти полностью деревянной. Замощена была только одна улица, ночного освещения не было. Постройки в основном представляли собой маленькие домишки в одно-два окна, расположенные на местах бывших свалок или на болоте. В дождливую погоду грязь там была непролазная. По улицам свободно бродил разный скот – коровы, свиньи, козы; тут же разгуливали стада гусей, уток и кур. Как писал В.А. Весновский, в выходные дни «отовсюду несутся звуки гармоники, на улицах же происходит пьянство, тут же на виду у всех разыгрываются семейные скандалы и проч. О санитарном надзоре нечего и говорить: отбросы спокойно выкидываются на улицу, повет заменяет отхожее место, и в лучших случаях для него делается аршинная яма, которая никогда не чистится»[94].

Замечания в адрес чистоплотности жителей Челябинска высказывал и писатель А.Г. Туркин, прожи-

[92] Весновский В.А. Иллюстрированный путеводитель по Уралу. Екатеринбург, 1904. С. 357.
[93] Доброхотов Ф.П. Урал Северный, Средний, Южный ... С. 523.
[94] Весновский В.А. Весь Челябинск и его окрестности ... С. 26.

вающий в городе с 1900 г. В заметках «Челябинская жизнь» автор указывал челябинскому обывателю, на то, «что он не особенно-таки чистоплотен по отношению к своим дворам и улицам. На улицах вы часто можете встретить дохлую кошку или какого-нибудь «зверя» особой породы»[95]. По поводу р. Миасс Туркин писал, что «это грязестрадальная река, загороженная со всех концов мельницами. [...] В реку скатываются все гадости, начиная с кладбища...»[96]. Даже в домах, арендуемых чиновниками, с санитарной обстановкой было не все гладко — например, в городской квартире, снимаемой семейством Теплоухова, до них, как оказалось, «умерло двое от брюшного тифа и отхожее место не чистили»[97], что привело к заболеванию всех членов семьи.

Особенно неблагоустроенными были слободы около вокзала. Название одной из них — Грабиловка — как нельзя лучше описывала характер местного населения. Эти слободы возникли в связи с проведением в 1891 г. железной дороги — там селились мелкие железнодорожные служащие и мелочные торговцы. Землянки, шалаши, хибары возникали безо всякого разрешения и плана. Городским властям не было никакого дела до нескольких десятков тысяч населения, там обитающего[98].

Передвижение по улицам Челябинска до начала XX века, особенно в ночное время, было сопряжено с определенным риском для здоровья из-за полного отсутствия освещения и твердого покрытия на них. Полностью осветить главную (Уфимскую) улицу города (совр. ул. Кирова) керосиновыми фонарями удалось лишь в 1904 г. «До 1904 года Челябинск утопал во мраке. В этом году появились на главной улице керосиновые лампы», — отмечалось в одном из архивных документов[99]. «О мощении улиц даже не говорилось: грязь, особенно ближе к реке, стояла непролазная, улицы заваливались

[95] Туркин А.Г. Челябинская жизнь // Старица: Поэзия и проза Урала начала XX века. Челябинск, 2006. С. 19.
[96] Туркин А.Г. Челябинская жизнь ... С. 19.
[97] Теплоухов К.Н. Мемуары: 1899–1934. М., 2011. С. 15.
[98] Дсброхотов Ф.П. Урал Северный, Средний, Южный ... С. 523–524.
[99] ОГАЧО. Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 40. Л. 285.

навозом и всякими отбросами со дворов», – писал М.И. Альбрут[100].

«До 1905 года ни один булыжник не был уложен на улицах Челябинска. В этом году началось мощение отдельных улиц. Первой была замощена Уфимская – ныне улица Кирова, в 1906 Сибирская – ныне Труда, в 1908 году замостили шоссе до вокзала»[101], – указывалось в работе П.В. Мещерякова. Тротуарный камень начал покрывать центральную Уфимскую улицу точечно, то есть в соответствии с интересами владельцев домов и магазинов, расположенных на данной местности, стремящихся облагородить прилегавшую к их недвижимости территорию. Так 19 марта 1905 г. купец А.П. Холодов направил в челябинскую Городскую Управу письмо о желании замостить за собственный счет тот участок Уфимской улицы, который находился рядом с принадлежащим ему зданием[102].

Один из челябинских поэтов начала XX века даже посвятил городскому благоустройству несколько строк: «Эх, убийственна – челябинская грязь! // Не видал такой я грязи отродясь: // По колени среди улицы навоз... // Хоть бы черт его куда-нибудь унес!»[103]. Столь удручающее состояние городских улиц во многом определялось климатическими и геологическими условиями местности. Автор – современник событий, написал по этому поводу следующее: «В самом городе почва земли влажна и мягка, что, конечно, для него не находка, потому что во время маленького ненастья, не говоря уже о весне или осени, грязь нестерпимая. Весною некоторые улицы бывают вовсе затоплены водою, чему более способствует положение города, построенного в долине»[104].

Несмотря на экономический подъем в конце XIX – начале XX века, проблема благоустройства города нисколько не утратила своей остроты. Посетившая Челябинск в 1909 г. журналистка

[100] ОГАЧО. Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 39. Л. 160.
[101] Мещеряков П.В. Челябинск: Историческая справка. Челябинск, 1956. С. 7.
[102] ОГАЧО. Ф. И-3. Оп.1. Д. 803. Л. 36.
[103] Весновский В.А. Весь Челябинск и его окрестности ... С. 29.
[104] Орлов А.В. Челябинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. С. 99.

А.М. Нечаева оставила нелицеприятный отзыв об улицах города: «Улицы большей частью не мощены, а если замощены, то непременно так, что камешки самой разной величины и формы своими острыми углами торчали наружу. Во время дождя проезд по городу является почти совершенно невозможным. Лошади вязнут, колеса экипажей утопают даже на мощеных улицах. Многочисленные площади изборождены по всем направлениям следами экипажей с кучами сжигаемого навоза, щебня или потонувшей в грязи телеги»[105].

Заботу об освещении городских улиц электрическими фонарями взял на себя челябинский купец 2-й гильдии В.М. Колбин. В 1902 г. предприниматель подал в Городскую думу прошение «...о разрешении устройства по улице города проводов для электрического освещения тех помещений, владельцы коих изъявляют желание иметь означенное освещение»[106]. Частная электростанция, построенная фирмой «Кокорев, Колбин и К°» начала выдавать первые киловатты энергии в 1907 г.[107]. Фонарные столбы с электродуговыми лампами были установлены на трех главных улицах Челябинска – Уфимской (совр. ул. Кирова), Большой (совр. ул. Цвиллинга) и Сибирской (совр. ул. Труда). Получается, что электрический свет «пришел» на улицы Челябинска на год раньше, чем в столицу губернии[108].

Несмотря на значительные проблемы с благоустройством городской среды, в начале XX в. Челябинск превратился в крупный провинциальный город с интенсивно развивающейся инфраструктурой. Современник событий, посетивший Челябинск в 1900 году, положительно оценил темпы развития населенного пункта. «Последний этап более или менее культурной жизни – Челябинск. Этот когда-то захудалый городишко Оренбургской губернии, влачивший жалкое существование, как и большинство

[105] Нечаева А.М. Челябинские впечатления ... С. 372.
[106] ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 699. Л. 3 об.
[107] ОГАЧО. Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 40. Л. 285.
[108] Сгибнева О. Улицы первых фонарей // Вечерний Оренбург. 2011. 22 декабря.

подобных заброшенных уголков нашего Отечества, с проведением великого Сибирского пути зажил новой жизнью. Помимо собственно старого Челябинска, около вокзала, где сходятся Сибирская, Самаро-Златоустовская и Екатеринбургская железные дороги, возник уже новый, быстро растущий город, который в недалеком будущем сольется со старым. И это за какие-нибудь пять-шесть лет! Рост города поражает как старожилов, так и случайных наблюдателей»[109].

Одной из наиболее острых проблем городского благоустройства в начале XX века продолжала оставаться проблема водоснабжения горожан. Водовозы «заправлялись» водой из реки Миасс, на лед которой в зимнее время самими жителями сваливались различные бытовые отходы. Весной, после вскрытия льда в реку попадали горы мусора, грязи и даже кучи навоза. Эту не слишком чистую воду развозили по домам жителей, в бочках, чистота которых оставалась на совести водовозов. В газете «Голос Приуралья» в 1913 г. был зафиксирован следующий случай: «Санитарный попечитель Шмаков доводит до сведения о замеченных им нарушениях обязательного постановления Думы о водовозах — одним из них, имеющим на бочке № 9. Эта бочка оказалась без крана, отверстие в ней заткнуто грязным тряпьем, а находящаяся в ней вода была грязной. Водовоз этот застигнут в то время, когда он таскал из бочки воду одному из своих клиентов»[110]. В заметке было отмечено, что и сама «питьевая» вода, доставлявшаяся челябинцам, была сомнительного качества.

В 1909 г. инженерная фирма «Нептун» подготовила проект водопровода для Челябинска с пропускной способностью сети в 120 тысяч ведер в сутки, но это вариант так и остался на уровне предложения[111]. Возможно, это было связано со слишком высокими расценками на проведение

[109] Цит. по: Миненко Н.А., Аркаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII — начале XX века. М., 2006. С. 46.
[110] Голос Приуралья. 1913. 2 апреля.
[111] ОГАЧО. Ф. И-3. Оп.1. Д. 977. Л. 2–2 об.

работ, а может, самоуправление южноуральского города, как это часто бывало, просто не смогло согласовать проект на всех уровнях. О проблемах при выборе основного проектанта и производителя работ М.С. Фонотов высказался так: «Городская дума измотала подрядчиков, перебирала их, будто капризная невеста, — то снисходительно обнадеживая, то безапелляционно отвергая»[112].

Дело со строительством водопроводных коммуникаций Челябинска сдвинулось с мертвой точки только в марте 1911 г., когда общество Брянских заводов приступило к монтажу необходимых конструкций. Видимо, фирма-подрядчик испытывала острую нехватку клиентов, потому что взялась за работу, не дождавшись от Думы утверждения договора, а, следовательно, и поступления денежных средств[113]. Сооружение системы городского водоснабжения было благополучно завершено уже в феврале 1912 г.

Еще одним важным для города и его торгового мира был вопрос организации эффективной пожарной службы. За решение этой проблемы взялся купец Василий Колбин. На средства предпринимателя были возведены два пожарных депо. Пункты пожарной охраны располагались в Заречной части и в Привокзальном районе Челябинска.

ОРСК

Другие города Оренбургской губернии сохранили на себе отпечаток былого военного прошлого. Орск сначала был крепостью, в которой, по воспоминаниям современников, картина жизни была весьма печальна. А.И. Герцен в первой половине романа «Кто виноват?» упоминал одного гвардейского офицера, которого «за что-то арестовали и перевели в Орский гарнизон». Далее Герцен писал: «Орская крепость вся стоит на яшме и на благороднейших горнокаменных породах, тем не ме-

[112] Фонотов М.С. Как в Челябинске появился водопровод [Электронный ресурс] URL: http://www.xn746kca2cwbo.xnp1ai/tourism/articles/kak_v_chelyabinske_poyavilsya_vodoprovod/ (дата обращения: 17.10.2019).

[113] Там же.

нее, там очень скучно... Года через три его снова перевели в гвардию, но он возвратился из Орской крепости, по замечанию знакомых, несколько поврежденным...»[114].

По словам М. Михайлова, Орск «с упразднением крепости (в 1859 году) превратился в станицу, и только в прошлом [1865 — авт.] году, с учреждением новой Оренбургской губернии, возведен в достоинство уездного города. ...В настоящее время он мало отличается от прочих станиц, лежащих при почтовом тракте, и даже в обстройке своей значительно уступает некоторым из них... За исключением казарм, госпитальных строений и других зданий военного ведомства, остальные дома ничто иное, как одноэтажные лачуги, за исключением весьма малого числа строений на площади...». «При таких зачатках и бедности населения, — констатировал Михайлов, — бывшей станице Орской трудно будет выровняться в город, если правительство не поддержит этого преобразования»[115]. «Город этот ни-

[114] Герцен А.И. Кто виноват? // Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 тт. Т. IV: Художественные произведения 1841–1846 гг. М., 1955. С. 89.
[115] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 84–85.

Орск

чем особенно не замечателен и давно потерял свое меновое, торговое значение степного рынка», – замечал об Орске художник Николай Каразин, проезжавший через него в 1885 году[116].

В 1870 г., согласно архивным материалам, городская инфраструктура Орска продолжала оставаться в зачаточном состоянии: «...улицы не распланированы, постройки сделаны произвольно, улицам нет никаких названий... 3 дома каменных, 515 деревянных, большинство этих домов – крестьянские избы, остальные мазанки; казармы, тюремный замок, гауптвахта, пороховой погреб, провиантские склады, лазарет»[117]. Город оброс слободами – Ташкентской, Татарской, Кузнечной, где жили купцы, ремесленники, крестьяне, переселенцы, и предместьями – Форштадтом, Старой слободкой и Казачьими выселками, заселенными казаками, солдатами, чиновниками пограничной линии.

Орск, который всегда отставал от других городов Оренбуржья по числу жителей, а также по уровню и темпам экономического развития, был представлен в различных источниках как крайне бедный населенный пункт. Так, в 1868 г. оренбургский гражданский губернатор К.Н. Боборыкин в письме генерал-губернатору Н.А. Крыжановскому отметил, что «...городское общество Орска очень бедно, так как город этот еще не образовался почти до сих пор...»[118]. «В «Справочной книжке Оренбургской губернии», вышедшей в 1871 г., сообщалось, что в 1870 г. в Орске было немногим более 500 домов, но только три из них были каменными»[119]. Аналогичное наблюдение читаем у И.С. Хохлова: «Особенно замечательных зданий в Орске нет, можно разве указать только на большой каменный дом городского 4-х классного училища»[120].

Жизнь в Орске была малоприятна не только в силу своей бедности, но и по причине неблагоприятных климатических условий. Как писал

[116] Каразин Н.Н. От Оренбурга до Ташкента. Путевой очерк. СПб., 1886. [Электронный ресурс] URL: http://rus-turk.livejournal.com/382372.html (дата обращения: 17.10.2019).
[117] Игнатьев Р.Г. Однодневное исчисление жителей г. Орска ... С. 136.
[118] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14132. Л. 49–49 об.
[119] Цит. по: Лукерченко М.П. Орск. Исторический очерк. Челябинск, 1968. С. 7
[120] Хохлов И.С. География Оренбургской губернии ... С. 131.

М. Михайлов, «близость степи имеет здесь большое влияние на состояние воздуха: ночи бывают обыкновенно тихие, но как только настанет утро, поднимается сильный ветер с бураном, наносящим летом целые облака пыли, а зимой вздымающим снег, в виде самой сильной метели. Знойное лето, с мая до глубокого сентября, и даже иногда до октября; жары достигают до 47° в тени. Зима, напротив, суровая, с морозами в −25−30°, воздух сухой, и постепенного перехода от зимы к весне нет»[121].

Особенности повседневной, неблагополучной жизни населения Орска были довольно ярко представлены на страницах газет того времени. «Наш город Орск в полном смысле слова несчастный город. То пожары, то наводнение, то неурожай – все это зло давно донимает наших несчастных граждан. С весны по сие время по причине совершенного бездождья каждый почти день свирепствуют страшные бури, а жара доходит до 40 градусов, а если какая взошла травка, то и та выгорела, кормов совсем нет для скотины. Рабочий люд идет на самые трудные работы по 10−15 коп. в день и даже за краюшку хлеба. Стоны, плач и рыдания слышатся со всех сторон, полнейшее отсутствие работы и застой торговли приводит жителей в безвыходное положение. Только молодые купчики по-прежнему резвятся, бегают по базарной площади да ловят за хвосты лошадей едущих верхом киргиз, а то у лавок своих сядут играть в рамс», – гласил «Оренбургский листок» в 1891 г.[122].

Орская противопожарная служба была организована в 60-х гг. XIX века. Пожарное депо Орска имело смотровую башню высотой около 3-х этажей. Каменный наблюдательный пункт располагался за зданием городской Управы. В источниках сохранилось описание внешнего вида сотрудников противопожарной службы: «Пожарный поезд – это экипаж ярко-красного цвета, сбруя с медными

[121] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 86.
[122] Цит. по: Лукерченко М.П. Орск ... С. 8.

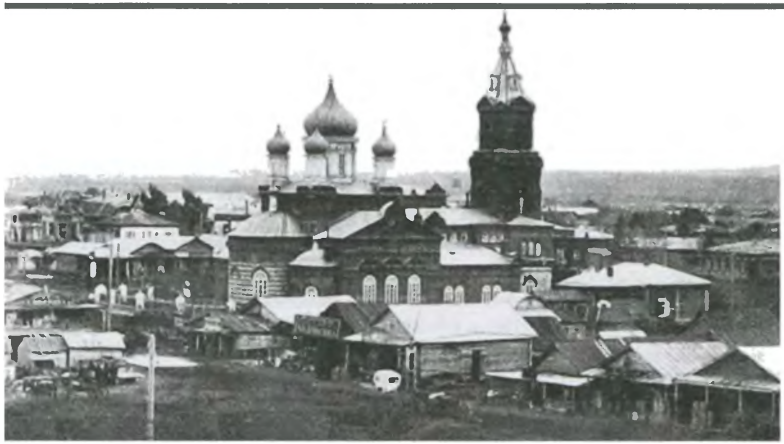
украшениями, блестящие пожарные каски. Брандмейстер – глава пожарной части – должен был быть в зеленом армейском сюртуке и посеребренном шлеме. Пожарный обоз участвовал во всех городских событиях (в дни коронования, молебнах в общественных зданиях и прочее, а также при панихидах знатных людей города)»[123]. Но при масштабной деревянной застройке города пожарная служба не имела возможности остановить серьезное возгорание. В 1888 г. Орск выгорел практически полностью. В огне уцелели лишь несколько жилых домов, каменные церкви и здание упомянутого городского училища[124].

[123] Зиннатуллина Т. На улице купеческой кипела жизнь // Орская хроника. 2006. 6 декабря.
[124] Хохлов И.С. География Оренбургской губернии ... С. 131.

ВЕРХНЕУРАЛЬСК

Верхнеуральск в начале пореформенных лет превосходил по количеству жителей только недавно зарегистрированный в качестве города Орск и безуездную Илецкую Защиту. Однако, развитие города в указанное время происходило очень медленными темпами, в результате чего муниципаль-

Верхнеуральск



ные власти не могли выделять достаточно средств на благоустройство городской среды. Поэтому отзывы современников по поводу облика Верхнеуральска, как правило, носили негативный характер. К примеру, Владимир Александрович Обручев, возвращаясь из сибирскои ссылки так описал центр уезда в 1872 г.: «Верхнеуральск предстал передо мною весьма жалким, с его разбросанными, низенькими, почти сплошь одноэтажными домами, крытыми драньем, а сам город — без деревца кругом на тридцать верст...»[125]. Нет ничего удивительного в том, что застройка Верхнеуральска так не впечатлила опального военного. По свидетельству документов тех лет, в середине 60-х гг. XIX в. в Верхнеуральске еще не возвели ни одного каменного жилого дома[126].

В работе И.С. Хохлова о Верхнеуральске было сказано, что в городе «растительность очень бедная, вследствие возвышенной, открытой со всех сторон местности, занимаемой городом, и сухого континентального климата, отличающегося резкими переходами от тепла к холоду, особенно в зимнее и осеннее время»[127]. В то же время указывалось, что построен город был «довольно правильно и состоит из *главного города, татарской слободы* (Салатиль) и *форштадта*. Дома в городе большею частию деревянные; улицы прямые»[128].

На страницах местной прессы было указано на значительное отставание Верхнеуральска от прочих местностей в плане общего развития городской среды и усвоения каких-либо новшеств: «...Наш богоспасаемый град Верхнеуральск всегда и во всем идет на десятки лет сзади, за исключением дамских мод, в коих верхнеуральские дамы идут много впереди», — отмечал «Верхнеуральский листок»[129].

Электрическое освещение стало использоваться на улицах города только в начале второго десятилетия XX в. Это стало возможным благодаря

[125] Цит. по: Вернигоров А. Парковая история, дела и проблемы // Верхнеуральский извозчик. 2014. 8 сентября.
[126] Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. С. 69.
[127] Хохлов И.С. География Оренбургской губернии ... С. 132.
[128] Там же. С. 132–133.
[129] Цит. по: Вернигоров А. Модницы начала XX века // Верхнеуральский извозчик [Электронный ресурс]. URL: http://www.vurizvoz.ru/rubriki/kraevedenie/modnicy-nachala-xxveka (дата обращения: 17.10.2019).

действиям местного предпринимателя – купца 1-й гильдии В.Е. Гогина. В указанный период Василий Егорович проводил модернизацию своих торговых и производственных объектов[130]. Он установил динамо-машину для освещения территории, прилегающей к его магазину, расположенному в центре Верхнеуральска. Некоторые частные домовладельцы (наверняка, недаром) подключились к подстанции Гогина. Протяженность первой электролинии составила около 3-х километров. А в 1912 г. началось постепенное внедрение электрического освещения на городских улицах[131].

Однако и в начале второго десятилетия XX в. Верхнеуральск, по словам современника, весной и осенью «утопал в грязи», поскольку улицы его были не замощены[132].

ИЛЕЦКАЯ ЗАЩИТА

По словам И.С. Хохлова, Илецк представлял собой «небольшой город, но довольно чистый и красивый на вид»[133]. Доброхотов констатировал, что жители Илецка – «народ довольно бедный, как беден и сам Илецк с его 30-ти тысячным бюджетом». Летом жара в городке достигала 50°. Единственным убежищем от это жары, по словам Доброхотова, служил «небольшой садик, расположенный близ тюрьмы и поддерживаемый арестантами. Улицы городка не замощены, почему весною, осенью и в ненастье стоит непролазная грязь, а в жаркую погоду ужасающая пыль»[134].

В итоге становится отчетливо видно, что столица Оренбургской губернии пореформенного периода значительно превосходила остальные города региона по уровню благоустройства и комфорта условий для жизни. Генерал-губернатор А.П. Безак еще в 1864 г. так отзывался о центре доверенной ему провинции: «...Незначительность торговой и промышленной деятельности в стране отражаются и на

[130] Ефанова В.Н. Мельница В.Е. Гогина в Верхнеуральске, памятник промышленной архитектуры 100 лет со дня пуска мельницы // Календарь замечательных и памятных дат. Челябинская область 2009. Челябинск, 2009. С. 29.
[131] Вернигоров А. Верхнеуральцы: купец первой гильдии Василий Гогин // Верхнеуральский извозчик. 2016. 15 ноября.
[132] Доброхотов Ф.П. Урал Северный, Средний, Южный ... С. 569.
[133] Хохлов И.С. География Оренбургской губернии ... С. 128.
[134] Доброхотов Ф.П. Урал Северный, Средний, Южный ... С. 603.

состоянии городов, большинство из них существуют лишь как административные пункты, и трудно ожидать в этом скорейшей перемены. Лишь Самара и в особенности Оренбург представляют счастливое в этом отношении исключение»[135]. Далее Безак констатировал: «...Нет сомнения, что Оренбург, принимающий уже ныне вид большого, благоустроенного города, будет постепенно преуспевать все больше и больше, если только этому не помешают какие-либо посторонние причины»[136].

Оренбург, Челябинск, Орск, Троицк, Верхнеуральск, Илецк — все эти города Оренбургской губернии в прошлом представляли собой военные крепости. Каким-то городским центрам через сто лет своего существования удалось избавиться от этого военного наследия, какие-то города по-прежнему ярко демонстрировали наследие прошлого. Кроме того, практически во всех городах Оренбургской губернии был ярко виден мусульманский компонент. Губерния по-прежнему оставалась форпостом Российской империи на азиатском направлении,

[135] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13901/1. Л. 31.
[136] Там же. Л. 31 об.–32.

Илецк

местом жительства или пребывания большого числа как азиатских торговцев, так и российских купцов-мусульман.

Климатические условия, в которых располагались города Оренбургской губернии, можно охарактеризовать как неблагоприятные для проживания. Резкая смена сезонов, сильные ветра, пыль, отсутствие зелени, изнуряющая жара летом и сильнейшие морозы зимой значительно снижали степень комфортности проживания в местных городских пунктах.

Более восприимчивый к внешним природным обстоятельствам женский организм в названных условиях должен был испытывать довольно серьезные неудобства, негативно влияющие на состояние женского здоровья и продолжительность жизни.

Глава II
СОСЛОВНЫЙ, ЭТНИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

2.1. Сословный состав городского населения региона и социографические характеристики его женской составляющей

Реформы 1860–1870-х годов, последовательно проводимые во всех сферах российского общества, привели его к существенным изменениям. Городская среда стала тем пространством, где новые явления были наиболее отчетливы. Модернизация межклассовых, межсословных и даже межличностных отношений неизбежно влекла за собой трансформацию всей социальной структуры. Женское население, менее мужского вовлеченное в быстро меняющиеся хозяйственные отношения, с одной стороны, сохраняло прежние тенденции развития, а с другой – неизбежно попадало под влияние новых веяний и настроений.

Согласно данным «Списков населенных мест», в 1866 г. после раздела Оренбургской губернии на Оренбургую и Уфимскую, население новообразованной Оренбургской губернии составило 827 625 душ обоего пола, с незначительным численным преобладанием мужчин – 416 350 и 411 275 мужских и женских душ соответственно[1]. Статистические сборники утверждали, что по «абсолютному населению Оренбургская губерния превосходит численностью из губерний Европейской России только 8: Архангельскую, Астраханскую, Витебскую, Курлядскую, Олонецкую, Псковскую, Таврическую и Эстляндскую»[2]. В то же время, по размеру территории «...Оренбургская губерния по своей обширности занимает пятое место среди всех губерний европейской России (после Архангельской, Астраханской, Вологодской и Пермской) и могла бы вместить в пределы свои – земли европейской Турции»[3]. Материалы Переписи 1897 г. сообщали, что «Оренбургская губерния представляет собой местность слабозаселенную сравнительно с другими губерниями России». «Вообще слабая населенность края объясняется как сравнительно недавним присоединением этого края к России, так и тем обстоятельством, что наибольшая часть земель губернии принадле-

[1] Списки населенных мест Российской империи ... С. 57.
[2] Там же. С. 58.
[3] Адрес-календарь г. Оренбурга на 1894 год. Оренбург, 1893. С. 53.

жит Оренбургскому казачьему войску и башкирам, и потому не может быть свободно заселяема пришлым элементом»[4].

Судя по данным, собранным в таблице 1 (приложение), города Оренбургской губернии в 1897 г. по принятой классификации можно отнести к разным группам: Оренбург, Челябинск и Троицк вполне подходили под определение «среднего» города (от 20 до 100 тыс. жителей), а вот Орск, Верхнеуральск и Илецкая Защита значились в категории «малых» (от 5 до 20 тыс. человек).

Удельный вес городского населения в регионе, несмотря на быстрые темпы роста, продолжал оставаться довольно низким. Если в среднем по России горожан насчитывалось около 13 % населения, то в Оренбургской губернии эта цифра составляла всего 9,54 %[5]. Для сравнения, в соседней Самарской губернии доля городского населения была еще ниже и составляла всего 5,7 %[6].

К 1897 г. Оренбург сохранил свои лидирующие позиции по числу проживающих в городе дворян и был похож на столичный Санкт-Петербург, в котором дворянство составляло в 1900 г. 8,1 % жителей[7]. Среднероссийский показатель, демонстрирующий процент дворянства в городском населении, по данным А.Г. Рашина, составлял в 1897 г. 6,2 %. В Оренбурге процент дворянского населения превосходил этот показатель, что объяснялось значительным присутствием здесь воинского контингента. Челябинск по этому параметру вполне соответствовал среднероссийской норме, а вот другие города Оренбургской губернии сосредотачивали в себе значительно меньшее число дворян. В Челябинске к 1897 г. прирост категории дворян и чиновников, по сравнению с 1861 г., составил 312 %[8]. В основном пополнение численности этой категории горожан происходило за счет переезда в город выходцев из других губерний.

[4] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. XXVIII: Оренбургская губерния. СПб., 1905 (далее – ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния). С. 8

[5] Степанов В. Краткий обзор цифровых данных по Оренбургской губернии // ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния). С. IX.

[6] Бесчаснов П. Краткий обзор цифровых данных по Самарской губернии // Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1905. Т. XXXVI: Самарская губерния (далее – ПВПН РИ, 1897. Самарская губерния). С. III.

[7] Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913). Статистические очерки. М., 1956. С. 129.

[8] Алеврас Н.Н. Челябинск в XVIII – начале XX века: социально-демографические процессы // Magistra Vitae: Электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2000. № 1 (11). С. 26.

Оренбург.
Казенная палата

Число купцов и почетных граждан в городах губернии в цифровом выражении к 1897 г. сократилось практически повсеместно. Поскольку в регионе почетное гражданство получали чаще всего успешные коммерсанты, эти категории населения будут считаться вместе. Если в 1870 г. купечество составляло от 4 до 12 % горожан[9], то в 1897 г. этот показатель составлял уже 1–2,5 %. Наибольший упадок переживало купечество Троицка, которое сократило свое присутствие в городе на 10 % – с 12,89 % в 1870 г. до 2,51 % в 1897 г. Хотя именно Троицк по-прежнему оставался самым «купеческим» городом губернии. В Челябинске доля купцов в общей численности предпринимателей, выкупавших гильдейские свидетельства, дававших право на торгово-предпринимательскую деятельность, сократилась с 46 % в 1876 г. до 29 % в 1890 г.[10]

О Троицке в 1865 г. утверждалось, что в составе его населения по историческому происхождению и роду занятий можно выделить два рода обывателей: «одни из них проживают в городе для тор-

[9] Подсчитано по: Обзор Оренбургской губернии за 1870 год: приложение ко всеподданнейшему отчету Оренбургского губернатора. Оренбург, 1871. С. 144–145.

[10] Алеврас Н.Н. Чегябинск в XVIII – начале XX века ... С. 25.

Оренбург. Гостиный двор

говли и разного рода промыслов» (купцы, мещане, крестьяне), а другие «привлечены на жительство в город разного рода службою, а, поселившись здесь, впоследствии привязываются к городу недвижимою собственностью» (дворяне, военные чины, духовенство и проч.)[11].

Сокращение числа купечества было явлением повсеместным. Если сравнивать показатели городов Оренбургской губернии с данными по Москве и Петербургу, то московское купечество (без почетных граждан) сократило свой процент в общей массе горожан за 1871–1902 гг. с 4,8 до 1,6 %, а петербургское за 1869–1900 гг. – с 3,3 до 1 %[12]. По утверждению Ю.М. Гончарова, с которым можно согласиться, «спад численности гильдейцев после 1880 г., по-видимому, объясняется не столько "кризисом 80-х", сколько принятием в 1880–1885 гг. целого ряда законодательных актов, изменивших систему налогообложения предпринимательства»[13]. Кроме того, в результате присоединения азиатских территорий у оренбургских коммерсантов, тради-

[11] Ильин В.Ф. Троицк // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, б/г. С. 6.

[12] Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913) ... С. 125, 129.

[13] Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). М., 1999. С. 97.

ционно ведущих бизнес с азиатскими партнерами, появилась возможность перенести свои конторы ближе к району коммерческих интересов – в Ташкент, Раимское укрепление и пр. Однако даже после существенного сокращения рядов купечества его доля в городском населении Оренбурга, Челябинска и Троицка ощутимо превосходила среднероссийские показатели (1,3 % в 1897 г.[14]).

Сокращение купечества, согласно логике развития социальной системы Российской империи, вело к увеличению численности мещанства. Этот процесс шел во всех городах Оренбургской губернии. На рост этих показателей повлияло активное переселение в восточном направлении жителей губерний Центральной России. Мещанство теперь составляло от 47 до 81 % населения городов Оренбургской губернии (в 1870 г. этот показатель составлял 13–69 %[15]). Если в 1870 г. самым «мещанским» в губернии был Челябинск, то к 1897 г. его место занял Верхнеуральск. Показатели доли мещан в составе городского населения городов Оренбургской губернии в 1897 г. существенно превосходили среднероссийский показатель, который, по данным А.Г. Рашина, составил в 1897 г. 44,3 %[16].

Духовенство традиционно было одним из наиболее малочисленных городских сословий. В 1897 г. его доля в составе городского населения варьировала от 0,29 до 1,55 %. Около 60 % всего белого городского духовенства губернии проживало в Оренбурге.

Интересно проанализировать динамику крестьянского населения, живущего в городах. Более половины «городских» крестьян губернии в 1897 г. проживало в Оренбурге. Если в 1870 г. в городах губернии крестьянство составляло от 10 до 27 % жителей[17], то к 1897 г. этот показатель составлял от 7 до 36 %. Значительно увеличилась доля крестьянского населения в Оренбурге (на 8 %)

[14] Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913) ... С. 122.
[15] Подсчитано по: Обзор Оренбургской губернии за 1870 год ... С. 144–145.
[16] Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913) ... С. 122.
[17] Подсчитано по: Обзор Оренбургской губернии за 1870 год ... С. 144–145.

и в Челябинске (на 26 %). Это обстоятельство связано с тем, что Челябинск, как и Оренбург, в конце века представлял собой крупную железнодорожную станцию, через которую проходило огромное число переселенцев. Многие из них оставались в указанных городах, включаясь в состав городского сообщества. В Челябинске в 1890 г. доля крестьян в составе торговцев составила 32 %[18]. Как заметил Н.Н. Алеврас, «сословная структура Челябинска в большей мере, чем в среднестатистическом губернском варианте характеризовалась "деревенским" колоритом»[19]. Из других городов крестьянство, напротив, выселялось, видимо, не видя для себя перспектив обеспеченного существования. К примеру, в Орске доля крестьянского населения сократилась на 12 %, в Верхнеуральске – на 2,5 %.

Однако по сравнению с Москвой и Петербургом доля крестьянства в городах Оренбургской губернии была заметно ниже. Так, в Москве этот показатель составлял 43,2 % в 1871 г. и 67,2 % в 1902 г.[20], в Петербурге – 31,1 и 63,3 %[21] соответственно. В среднем по России доля крестьянского населения в городах в 1897 г. составляла 38,8 %[22]. Этому показателю в Оренбургской губернии не соответствовал ни один город. Таким образом, можно констатировать, что сельское население в Оренбургской губернии не было склонно перебираться в города, предпочитая вести традиционный аграрный образ жизни.

Проанализировав сословный состав городского населения Оренбургской губернии в целом, остановимся теперь подробнее на анализе социографических характеристик его женской части. Основные демографические характеристики населения на протяжении второй половины XIX века оставались практически неизменными, что позволяет рассматривать полученные в результате анализа переписных материалов данные в качестве объективных

[18] Алеврас Н.Н. Челябинск в XVIII – начале XX века ... С. 25.
[19] Там же. С. 27.
[20] Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913)... С. 125.
[21] Там же. С. 129.
[22] Там же. С. 122.

показателей эволюции городского общества провинциальной Оренбургской губернии на всем протяжении пореформенной эпохи.

В. Степанов пишет о половом составе жителей губернии следующее: «В отношении полового состава население, принадлежащее к разным сословным группам, представляет большое разнообразие, среди дворян, чиновничества, купцов, казаков, мещан и в особенности среди духовенства замечается значительное преобладание женщин, а именно от 103 до 111, а для духовенства даже до 119 женщин на 100 мужчин. У крестьян наблюдается почти полное равенство числа мужчин и женщин... <...> В группах иностранных подданных и почетных граждан замечается... преобладание мужского элемента, объясняемое по всем вероятиям случайностью их состава»[23].

Сравнение данных таблицы 1 и таблицы 2 (приложение) позволяет нам определить соотношение мужского и женского населения по отдельным сословиям в конкретных городах губернии.

Так, среди дворян действительно наблюдалось численное преобладание женского населения, более или менее ярко выраженное в зависимости от конкретного города. Если в Челябинске и Троицке разница была почти незаметна (101 женщина на 100 мужчин), то в Оренбурге среди дворян на 100 мужчин приходилось почти 110 женщин, в Орске – 118, в Верхнеуральске – 143, в Илецкой Защите – 179.

В среде духовенства эта разница была еще более заметна. В Оренбурге на 100 мужчин духовного звания приходилось 108 женщин, в Илецкой Защите – 143, в Орске – 173, в Троицке уже 230. А вот в Верхнеуральске и Челябинске соотношение было обратным: в первом случае на 100 мужчин приходилось 97 женщин, во втором – всего 79.

В среде городского купечества и почетного гражданства соотношение мужчин и женщин было

[23] Степанов В. Краткий обзор цифровых данных по Оренбургской губернии ... С. XII.

в пользу мужчин. В Илецкой Защите на 100 мужчин приходилось 83 женщины, в Оренбурге – 86, в Орске – 90, в Челябинске – 98, в Верхнеуральске – 103, в Троицке – 115. Отмечаемое Степановым преобладание женского населения в купеческой среде, по всей видимости, перекрывалось значительным преобладанием мужского населения в категории почетных граждан. Преобладание мужского населения среди отмеченных сословий объяснялось тем, что в городах губернии купцы часто селились без своих семейств, исключительно для решения коммерческих вопросов, выгодной торговли и пр.

В мещанской среде Оренбурга на 100 мужчин приходилось 105 женщин, в Орске – 107, в Челябинске – 106, в Троицке – 109, в Верхнеуральске – 111, в Илецкой Защите – 98. В целом соотношение полов в мещанском сословии городов губернии соответствовало естественному положению дел, когда женское население несколько превосходило по численности мужское.

В крестьянской среде в городах губернии повсеместно наблюдалось явное преобладание мужчин. Так, в Оренбурге на 100 мужчин приходилось всего 68 женщин, в Орске – 67, в Челябинске – 80, в Троицке – 78, в Верхнеуральске – 65, в Илецкой Защите – 87. Такое соотношение полов было вызвано переселением в городские центры прежде всего молодых мужчин, ищущих работу и заработок. Семьи их, как правило, оставались на жительстве в сельской местности.

Этот вывод косвенно подтверждается и другими данными переписи. Так, согласно статистике, в губернии среди всех имеющихся в наличии хозяйственных единиц насчитывалось примерно 2,4 % одиночных хозяйств. В городах процент «одиночек» был выше – 5,35 %. Примерно 84 % «таких одиноко живущих (в смысле родственных групп) лиц», по словам В. Степанова, «не имеют наемных рабо-

чих и прислуги»[24]. Это могло означать, что основная масса людей, ведущих хозяйственную жизнь в одиночестве, состояла из малообеспеченных слоев населения, т.е. из крестьян.

Почти половина всего женского населения губернии (47 %) к концу XIX века была сосредоточена в Оренбурге. Это позволяет считать социографические характеристики горожанок губернской столицы стандартными для всего женского городского населения губернии. Менее 10 % женского населения губернии включали в себя уездные Орск и Верхнеуральск, и заштатный город Илецкая Защита.

Как следует из таблицы 3 (приложение), значительная часть населения губернии имела «внешнее» происхождение – были уроженцами других губерний или других государств. По данным переписи 1897 г., в целом по губернии процент «неместных уроженцев» составлял 39,1 % горожан (или 16,4 % всего населения губернии)[25]. Этот показатель предстает особенно ярко при сопоставлении его с аналогичным по соседней Самарской губернии, где, согласно переписи 1897 г., за пределами региона были рождены 28,7 % горожан (8,9% всего населения губернии)[26]. 26 296 горожанок приехали в Оренбургскую губернию либо за мужьями и отцами, либо в силу различных экономических или политических причин[27]. Учитывая, что всего в городах губернии в конце века проживало 74 513 женщин[28], процент «неместных» составлял среди них 35,3 %.

Среди дворянок этот процент, согласно данным таблицы 3, был несколько выше. Так, в Оренбурге он составил 42 %, а в Челябинске – 66 %. В то же время в Самаре процент дворянок, родившихся за пределами Самарской губернии, составил 56 %[29].

Молодые дворяне, несущие в городах Оренбургской губернии военную или гражданскую службу, были стеснены в возможности выбрать себе жену

[24] Степанов В. Краткий обзор цифровых данных по Оренбургской губернии ... С. X.
[25] Степанов В. Краткий обзор цифровых данных по Оренбургской губернии ... С. XIII.
[26] ПВПН РИ, 1897. Самарская губерния. С. 2.
[27] Кадомцев Б.П. Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 года: Критико-статистический этюд. СПб., 1909. С. XIII.
[28] Степанов В. Краткий обзор цифровых данных по Оренбургской губернии ... С. XIV.
[29] Подсчитано по: ПВПН РИ, 1897. Самарская губерния. С. 26–27.

«из местных», поскольку дворянства, имевшего в регионе глубокие семейные корни, постоянно живущего на оренбургских землях, было немного, да и в родительских семьях предпочитали подыскивать сыну супругу из круга близких знакомых, проживающих если не в столицах, то по крайней мере в городах Центральной России. Если же дворянин попадал в Оренбургскую губернию уже в зрелом возрасте, то он часто привозил с собой жену и дочерей.

Попадая в новый для себя оренбургский круг общения дворянка, приехавшая из другой российской губернии или другого государства, как правило, не имела возможности и желания наладить на новом месте крепкие дружеские связи. Отец или муж находились в губернии временно, а значит, «врастать» в местное общество было совершенно не обязательно. Именно поэтому в городах губернии образовывались неформальные дворянские «кружки» и «партии», соперничавшие между собой по степени «столичности».

Все остальные категории городского женского населения Оренбургской губернии в совокупности включали в себя 26–42 % неместного населения, т.е. примерно от половины до одной четвертой части женщин, проживающих в городах региона, не являлись уроженками Оренбургской губернии. Прибывая в новые для себя условия, они должны были приносить с собой и внедрять на новом месте традиции, устои, нравы, распространенные в местах их рождения. В итоге оренбургское городское женское общество напоминало лоскутное одеяло, собранное из самых разнообразных элементов, как в этноконфессиональном, так и в мировоззренческом и ментальном смыслах. Пестрота ценностей, взглядов, убеждений расширяла степень внутренней свободы каждого входящего в это сообщество. Не существовало устоявшихся и принятых абсолют-

ным большинством социальных норм. С трудом складывались крепкие межсемейные и дружеские контакты, обеспечивающие стабильное существование и трансляцию из поколения в поколение определенных традиций и обычаев. В этой связи особое значение приобретали крепкие внутрисемейные связи.

Городское население губернии в возрасте 15 лет и старше, по данным В. Степанова, «в отношении семейного состояния» распределялось следующим образом. Холостых мужчин и незамужних девиц насчитывалось 16 821 (32,03 % от общего числа лиц мужского пола 15 лет и старше) и 9586 человек (19,66 % от общего числа лиц женского пола 15 лет и старше) соответственно, состоящих в браке – 32 929 (62,71 %) мужчин и 31 059 (63,68 %) женщин, вдовых – 2706 (5,15 %) мужчин и 8005 (16,41 %) женщин, разведенных – 58 (0,11 %) мужчин и 122 (0,25 %) женщины[30]. В соседней Самарской губернии, для сравнения, горожан 15 лет и старше, состоящих в браке, насчитывалось 59,96 % среди мужчин и 55,93 % среди женщин[31]. В центральной же Смоленской губернии процент горожан 15 лет и старше, состоящих в браке, составлял 47,67 % для мужчин и 44,68 % для женщин[32]. Таким образом, процентные показатели числа горожан, состоящих в браке, в городах Оренбургской губернии были несколько выше аналогичных показателей по Самарской губернии и существенно выше, чем в губернии Смоленской.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что горожане-мужчины имели больше возможностей для создания семей (мужчины-вдовцы и разведенные чаще вступали в повторные браки, нежели женщины аналогичных статусов). Сам Степанов значительные различия между числом холостых и вдовых мужчин и женщин объяснял «более ранним вступлением в брак женщин и более частым

[30] Степанов В. Краткий обзор цифровых данных по Оренбургской губернии ... С. XV.
[31] Подсчитано по: ПВПН РИ, 1897. Самарская губерния. С. 8–9, 20.
[32] Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. XL: Смоленская губерния. СПб., 1904 (далее – ПВПН РИ, 1897. Смоленская губерния). С. 28.

вступлением мужчин в повторные браки»[33]. В городах эти явления принимали более выраженную форму. Общее число мужчин и женщин, живущих, в силу различных причин, вне брака среди горожан составило 19 585 и 48 772 соответственно, т.е. одиноких женщин насчитывалось примерно в 2,5 раза больше, чем одиноких мужчин.

По городам Оренбургской губернии, согласно данным таблицы 4 (приложение), число и процент холостых и незамужних жителей существенно разнились. Для анализа из статистических сведений были выбраны люди брачного возраста (15 лет и старше). Их общее число подсчитано путем вычитания из общего числа мужчин и женщин, проживающих в городах, числа детей от 0 до 14 лет. По мнению Степанова, в губернии «браки 15–16 лет даже для женщин представляют мало распространенное явление», «наибольший процент состоящих в браке мужчин падает в городах на возрасты 40–49 лет». Среди женщин насчитывалось «особенно много замужних... в возрасте от 30 до 39 лет»[34].

В результате анализа статистических данных оказалось, что от 24,15 до 34,7 % мужчин и от 11,6 до 25,8 % женщин брачного возраста в городах Оренбургской губернии были холостыми (незамужними). Если сравнить среднегубернские показатели с аналогичными данными по соседней Самарской губернии, то на 32,03 % холостых мужчин и 19,66 % незамужних женщин в общей массе горожан Оренбургской губернии старше 14 лет приходилось 30,36 % холостых мужчин и 21,2 % незамужних женщин среди горожан старше 14 лет в губернии Самарской[35].

В Смоленской губернии среди горожан в возрасте 15 лет и старше процент холостых мужчин составлял 47,98 %, а незамужних женщин – 34,60 %[36]. Следовательно, в Оренбургской губернии мужчин и женщин брачного возраста, не вступивших

[33] Степанов В. Краткий обзор цифровых данных по Оренбургской губернии ... С. XVI.
[34] Степанов В. Краткий обзор цифровых данных по Оренбургской губернии ... С. XVI.
[35] Подсчитано по: ПВПН РИ, 1897. Самарская губерния. С. 20.
[36] Подсчитано по: ПВПН РИ, 1897. Смоленская губерния. С. 28.

в брак, было существенно меньше, чем в губернии Центральной России.

Максимальное число безбрачных мужчин приходилось на возраст 20–29 лет, а для женщин варьировалось в возрастной группе от 15 до 19 лет. Довольно высокий процент безбрачных горожан брачного возраста свидетельствовал прежде всего о высоком традиционном брачном возрасте в регионе. Это может указывать на заметное присутствие модернизационных, урбанизационных тенденций в городских центрах региона. Начиная с 30 лет во всех городах число безбрачных мужчин и женщин резко сокращалось. Однако в целом эта категория горожан перестала быть исключением и начала составлять качественно новый элемент городского сообщества, что также говорило о его модернизации.

Начиная с 40-летнего возраста число безбрачных женщин практически повсеместно начинает превосходить число безбрачных мужчин (за исключением Оренбурга, где такое соотношение наблюдается лишь с 50-летнего возраста). Это связано с тем, что, вступая во второй или третий брак после смерти жен, зрелые мужчины предпочитали жениться на молодых женщинах, способных к деторождению. Вдовые же взрослые женщины имели меньше возможностей повторно выйти замуж. Сказывалось и то обстоятельство, что продолжительность жизни у мужчин традиционно была ниже, чем у женщин.

Интересно проследить за показателями, касающимися разводов среди горожанок Оренбургской губернии. Согласно данным переписи, в городах губернии категория разведенных женщин в возрастной категории старше 14 лет насчитывала 122 человека из 48 772 горожанок (0,25 %)[37]. В Самарской губернии аналогичный показатель составил 126 женщин на 54 772 горожанки в возрасте старше 14 лет (0,23 %)[38]. Для сравнения: в Смоленской гу-

[37] Степанов В. Краткий обзор цифровых данных по Оренбургской губернии ... С. XV.
[38] ПВПН РИ, 1897. Самарская губерния. С. 20.

бернии разведенные горожанки составили всего 57 из 39 514 женщин старше 14 лет (0,14 %)[39].

Бросается в глаза многократное преобладание разведенных женщин над разведенными мужчинами практически во всех возрастных группах (таблица 5, приложение). В Оренбурге количество первых более чем в два раза превосходило число вторых, в Троицке эта разница была троекратной, в Орске разведенных женщин было в четыре раза больше, чем мужчин. Если исключить из общего числа женщин брачного возраста женщин незамужних, вдовых и разведенных, то получится, что одна разведенная дама приходилась в Оренбурге на 214 женщин, состоящих в браке, в Орске – одна на 228, в Челябинске – одна на 488, в Троицке – одна на 222, в Верхнеуральске – одна на 385, в Илецкой Защите – одна на 439 замужних женщин. Таким образом, именно в Оренбурге, Орске и Троицке доля разведенных женщин была выше, чем в других городах губернии. Минимальной она была в Челябинске. Для сравнения: в Самаре одна разведенная женщина брачного возраста приходилась на 252 женщины, состоящих в браке[40]. И так же, как и в Оренбурге, число разведенных женщин приблизительно в два раза превосходило число разведенных мужчин.

Превышение числа разведенных женщин над аналогичными показателями по мужскому населению может иметь несколько объяснений. Так, например, можно предположить, что церковные структуры, оформляя развод, обвиняли в нем чаще всего женщину, в силу чего на нее накладывался запрет в плане вступления в новый брак. Также женщина, пережившая длительный бракоразводный процесс, вполне могла не желать более связывать себя узами нового брака. Или, как уже отмечалось ранее, разведенные мужчины просто чаще, нежели разведенные женщины, вступали в новые браки

[39] ПВПН РИ, 1897. Смоленская губерния. С. 28.
[40] Подсчитано по: ПВПН РИ, 1897. Самарская губерния. С. 20.

с молодыми незамужними девицами, стремясь оставить после себя максимальное число продолжателей рода.

Согласно данным переписи населения, в среднем по России в 1897 г. 1 разведенный мужчина приходился на 1000 мужчин, 1 разведенная женщина на 500 женщин[41]. В Оренбурге и среди мужчин, и среди женщин соблюдалось примерно то же соотношение. В Орске 1 разведенный мужчина приходился на 2361 мужчину и 1 разведенная женщина на 533 женщины, в Челябинске – 1 мужчина на 1712 мужчин и 1 женщина на 1216 женщин, в Троицке – 1 мужчина на 1665 мужчин и 1 женщина на 529 женщин, в Верхнеуральске – 1 мужчина на 1079 мужчин и 1 женщина на 950 женщин, в Илецкой Защите – 1 мужчина на 1207 мужчин и 1 женщина на 956 женщин. В итоге можно констатировать, что в Оренбурге и в мужском, и в женском населении, в Верхнеуральске – в мужской, а в Орске и в Троицке – в женской частях населения наблюдались общероссийские тенденции по разводам. В других городах губернии разводы происходили реже, чем в среднем по стране. Реже всего разводились мужчины в Орске и женщины в Челябинске.

Судя по данным таблицы 6 (приложение), чаще всего развод оформляли представительницы классических городских сословий – мещанки, купчихи и почетные гражданки. Учитывая, что в составе горожан эта категория населения составляла порядка 62 %, данный показатель выглядит вполне объяснимым. И именно поэтому в наиболее «купеческих» городах региона наблюдалось максимальное число разводов. Среди дворян, составлявших около 5,5 % горожан, процент разводов, напротив, был относительно низким. Несмотря на просвещенность представительниц данного сословия и их относительную финансовую свободу, дворянки разводились реже, чем это могло быть ожидаемо. Не исключено, что

[41] Белякова Е.В. Церковный брак и развод в России XIX века [Электронный ресурс]. URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/zer_brak_i_razvod.htm (дата обращения: 25.10.2019).

причина заключалась в имеющихся у дворянок возможностях (прежде всего, финансовых) проживать отдельно от своих мужей, не оформляя официального развода.

Минимальный процент разводов совершенно обоснованно наблюдался в среде духовенства. Совокупный процент крестьян (23,91 %), казаков (5,31 %), иностранцев (1,26 %), проживающих в городах губернии, дает меньшее число, нежели процент разведенных женщин, принадлежавших к этим сословиям. В целом можно констатировать, что разводы были, скорее всего, обусловлены финансовыми возможностями самой женщины или ее родительской семьи. Если отец и мать были готовы принять свою дочь с детьми назад в родительский дом, можно было начинать бракоразводный процесс. Играли свою роль и традиции, существовавшие в той или иной сословной среде. Крестьянство было более консервативным сословием, в силу чего отношение к разводам у него было менее терпимым, нежели, к примеру, в купеческой среде, сосредоточившей в себе людей гибких, активных, инициативных и обладающих большей степенью внутренней свободы.

Подводя итоги сказанному, подчеркнем, что в Оренбургской губернии сословный состав населения в конце XIX века несколько отличался от среднероссийских показателей, что было связано и с приграничным по отношению к Азии расположением региона, и с его отдаленностью от столиц, и с аграрным характером его экономики. Так, по процентному соотношению дворянства в общей массе городского населения Оренбург превосходил среднероссийские показатели, а остальные города губернии демонстрировали значительно меньший процент дворянства среди горожан. Губернская столица должна была являть собой пример максимального государственного присутствия

на юго-восточных рубежах империи, что достигалось через усиленное присутствие в городе офицерско-чиновничьего корпуса. В целом же Оренбургская губерния была мало привлекательна для российской аристократии.

Процент купеческого населения в крупных торговых центрах региона – Оренбурге, Челябинске, Троицке – значительно (в 3–6 раз) превышал среднероссийский показатель, что свидетельствовало о сохранении торгового значения региона в указанный хронологический период.

Активное переселение в восточном направлении жителей губерний Центральной России привело к существенному росту мещанства в губернских городах и превышению его процентной доли в среде горожан по сравнению со среднероссийскими данными почти в полтора раза. Однако указанный процесс не привел к увеличению в общей массе горожан крестьянского компонента. Крестьяне Оренбургской губернии предпочитали в основном по-прежнему проживать в сельской местности, занимаясь традиционными видами деятельности.

Среди дворян и духовенства городов региона заметно преобладало женское население. А вот в купеческой и крестьянской среде имелось явное преобладание мужчин. Это обстоятельство объяснялось тем, что в городах Оренбургской губернии зачастую оказывались мужчины купеческого и крестьянского сословий, приехавшие сюда по деловым поводам, в поисках работы или для решения коммерческих вопросов. Их семьи при этом оставались либо в других регионах, либо в селах.

Более 39 % городского населения губернии не являлись ее уроженцами. В Оренбургскую губернию по делам службы направлялись чиновники и офицеры. Регион был привлекателен для коммерсантов из различных российских городов. Мещане и крестьяне благодаря прокладке железной дороги получи-

ли возможность активно осваивать новые для себя территории. Наибольший процент иногубернских уроженок насчитывало дворянство (44,6 % от всех дворянок, проживающих в городах губернии). Приток инородного элемента в состав городского населения Оренбургской губернии, с одной стороны, создавал благоприятные условия для формирования в его среде толерантности, осуществления культурного обмена, расширял степень внутренней свободы горожан, но, с другой стороны, мешал складыванию устойчивых городских сообществ.

Пестрота городского населения, отсутствие в его среде межпоколенных межсемейных и дружеских контактов, обеспечивающих стабильное существование и трансляцию из поколения в поколение определенных традиций и обычаев, делало более значимым сохранение крепких внутрисемейных связей. Процент горожан, состоящих в браке, в Оренбургской губернии был несколько выше, чем в соседней Самарской губернии, и существенно выше, чем, например, в Смоленской губернии.

Статистические сведения указывают на довольно высокий брачный возраст, сложившийся в регионе: старше 20 лет для женщин и старше 30 для мужчин. Однако начиная с 40-летнего возраста число безбрачных женщин практически повсеместно превосходило число безбрачных мужчин. Вступая во второй или третий браки после смерти жен, зрелые мужчины предпочитали жениться на молодых женщинах, способных к деторождению. Женщина, не ставшая супругой в 20–30-летнем возрасте, постепенно приобретала все больше шансов остаться старой девой. В то же время мужчина сохранял возможность вступить в брак практически на протяжении всей своей жизни.

При примерно равном проценте мужчин и женщин, состоящих в браке, женщин вдовых и разведенных в городах губернии насчитывалось при-

мерно в 2,5 раза больше, чем мужчин аналогичных статусов. Этот факт также свидетельствовал о более благоприятной ситуации, складывающейся для мужчин, при их желании вступить в повторные браки.

В целом в городах окраинной Оренбургской губернии процент разведенных горожанок был значительно выше, чем, к примеру, в городах центральной Смоленской губернии.

Чаще всего развод оформляли представительницы классических городских сословий – мещанки, купчихи и почетные гражданки. Это было обусловлено как численным преобладанием этих категорий женщин в среде городского населения, так и их финансовыми возможностями, а также их высокой социальной активностью (многие купчихи имели собственное торговое дело, проявляли профессиональную инициативу, были свободны в передвижении).

Выявленные в ходе анализа данных переписи 1897 г. особенности сословного состава городского населения Оренбургской губернии и социографических характеристик его женской составляющей позволяют говорить о существенных различиях, существующих между городскими сообществами центральной России и ее окраинных регионов.

2.2. Этнический и религиозный состав населения Оренбургской губернии

Для Оренбургского края любого исторического периода характерно этническое, конфессиональное и лингвистическое многообразие населения. На территории, которая до второй половины XIX в. имела протяженность с севера на юг – от Камы до Каспия, а с востока на запад – от Волги до Тобола, проживали представители различных народностей, чьи мировоззрение и материальная сфера жизнедеятельности в корне отличались друг от друга[42].

Сведения о различных народностях, населявших Южный Урал в XVIII–XIX вв., стали фиксироваться уже в первые десятилетия после основания Орен-

[42] Савельзон В.Л. Оренбургская история в лицах. Оренбург, 2007. С. 63.

бурга в 1743 г. Русских исследователей интересовала численность коренных обитателей региона, их образ жизни, традиции, религиозные воззрения и проч. Первые этнографические очерки Оренбургского края были сделаны П.С. Палласом в исследовании «Путешествие по разным провинциям Российской империи»[43]. Еще одной значимой работой, в которой было обращено внимание на особенности быта многочисленных этнических групп Оренбуржья, была «Топография Оренбургская» П.И. Рычкова[44].

В XIX веке, когда города региона разрослись до значительных размеров, и стала резко увеличиваться численность населения, как русско-христианского большинства, так и иноконфессионального, разноэтнического меньшинства, – возникла необходимость в более тщательном сборе этнографических данных. Значительный пласт материалов по этой теме содержали адрес-календари Оренбургской губернии, издававшиеся вплоть до 1917 г.[45]. В этих статистических сборниках приводилась численность представителей какой-либо национальной группы, проживавшей в городе, уезде, губернии, давался краткий обзор ее культурных традиций и хозяйственной деятельности. Сведения такого же характера, но в более развернутом виде, содержали «Списки населенных мест»[46] за 1866 г. и «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.»[47].

Среди жителей Оренбурга из 72 425 человек обоего пола 28 611 (39,5 %) были уроженцами других губерний, а 159 (0,2 %) – других государств. Русский язык своим родным языком в губернской столице считало 55 611 человек (76,8 %), татарский – 11 306 чел. (15,6 %), башкирский – 1 411 чел. (1,9 %), «еврейский» – 1 167 чел. (1,6 %), мордовский – 896 чел. (1,2 %), киргизский – 385 чел. (0,5 %). Большинство приезжих россиян проис-

[43] Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Часть 1. М., 2011.
[44] Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Сочинение 1762 года. М., 2011.
[45] См., например: Адрес-календарь г. Оренбурга на 1894 год. Оренбург, 1893.
[46] Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 28: Оренбургская губерния. СПб., 1871.
[47] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния.

ходили из Казанской, Самарской или Уфимской губерний. Иностранцы же местом рождения указывали чаще всего Германию (53 человека), Австро-Венгрию (22 человека), Бухару (19 человек), Хиву (14 человек). Хотя в Оренбурге встречались уроженцы даже таких экзотических мест, как, например, Португалия (11 человек)[48].

Наиболее однородным этноконфессиональным составом населения обладал Челябинск. Русский язык своим родным языком в Челябинске считало 18 309 человек (91,6 %), татарский – 445 чел. (2,2 %), «еврейский» – 298 чел. (1,5 %), мещерякский – 272 чел. (1,4 %), башкирский – 187 чел. (0,9 %), зырянский – 104 чел. (0,5 %). Максимальное число приезжих соотечественников происходили из Пермской, Вятской, Самарской, Уфимской, Казанской губерний. Местом рождения горожан-иностранцев чаще всего была Португалия (8 человек), Австро-Венгрия (7 человек), Персия (4 человека). Жили в городе также уроженцы Германии, Швейцарии и Швеции[49].

Однако, в целом, население губернии представляло собой лоскутное одеяло, составленное из самых разных этнических групп. Об этнической пестроте населения региона и его столицы писали многие путешественники, проезжающие через Оренбургскую губернию. Так, например, экзотическая картина городской жизни в Оренбурге открылась доктору философии и естествоиспытателю Т.Ю. Базинеру, побывавшему в Оренбурге в 1842 г.: «Тут можно увидеть казака, оживленно торгующегося из-за уздечки; там уже издалека видно киргизку, едущую со своим грудным ребенком верхом на верблюде, которого за веревку тянет ее супруг. Раскачивающейся походкой оба, поводырь так же как и верблюд, так похожи друг на друга, что кажется, будто животное, и без того насмешливо выглядящее, хочет передразнить своего хозяина. В то

[48] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 2, 22, 24, 26, 56–57.
[49] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 2, 23, 25, 27, 56–57.

время как тот, проходя мимо, заглядывает в лавку немецкого колониста, чтобы купить себе насбою, то есть нюхательного табаку, его дорогая половина вытаскивает из-за пазухи кусочек белого хлеба, для нее редкое лакомство, и съедает его с явным удовольствием. Быстрым шагом спешит мимо гибкий татарин, судя по одежде, не принадлежащий к классу беднейших, под мышкой он несет, завернув в платок, несколько бухарских тюбетеек, поясов и халатов, взгляд его направлен на офицера, с которым он явно намерен встретиться. [...] Если отсюда мы обратим взгляд на середину базара, где находится обычно сухой бассейн фонтана, то мы заметим, что край этого бассейна занят почти исключительно бухарцами, которым он служит вроде биржи, так что они здесь часто сидят часами, обмениваясь различными коммерческими и политическими новостями. Как сильно отличается спокойствие во всех их движениях и жестах от подвижности барышника; как бросается в глаза контраст их бледных обычно красиво очерченных лиц, которые еще

Киргизы

больше выигрывают благодаря белым тюрбанам, с ...монгольскими чертами киргизов»[50].

П.И. Небольсину, побывавшему в Оренбурге в середине XIX в., показалось, что первое «впечатление, производимое Оренбургом на заезжего человека, чрезвычайно поразительно: кажется, так и окунешься в настоящую Азию. [...] Копье, калпак, шальвары, скуластые лица, верблюды, бритые черепы и груды кизяка повсюду, повсюду селямы, халаты и непривычный уху говор — чистейшая Азия!»[51]. Однако чуть ниже автор уточняет, что «здесь какая-то смесь парижского с нижегородским, нижегородского с хивинским. Это не Европа, но и не чистая Азия; от Азии наш Оренбург поотстал, но не дошел еще во всех чертах до утонченности главнейших русских городов»[52]. Почти то же впечатление Оренбург произвел на писателя М.В. Авдеева, писавшего, что именно здесь «Европа сошлась с Азией, пароход встречается с верблюдом и танцевальная зала дворянского собрания, по проекту Тона, в двадцати верстах от кочевой кибитки»[53].

Татары. Иллюстрация из книги Густава Паули «Этнографическое описание народов России». 1862 г.

Житель Оренбурга А.Е. Алекторов констатировал: «Оренбург — скорее азиатский, нежели европейский город. Русское население его, в летнее время особенно, теряется в разношерстном сброде народов Азии [...] Летом на улицах Оренбурга на 20—30 азиатцев можно встретить 2—3 из русских. Это обилие разнообразных азиатских типов, пестрота и оригинальность азиатских костюмов, беспрерывные караваны верблюдов, почти исключительно всаднический спо-

[50] Цит. по: Дорофеев В.В. Над Уралом-рекой ... С. 136—137.
[51] Небольсин П.И. Рассказы проезжего ... С. 186.
[52] Небольсин П.И. Рассказы проезжего ... С. 186, 187.
[53] Авдеев М.В. Горы [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/a/awdeew_m_w/text_1851_gory_oldorfo.shtml (дата обращения: 17.10.2019).

соб передвижения и не на одних лошадях и верблюдах, нередко на ишаках и коровах, азиатская речь, сопровождаемая ревом верблюдов, — все это, вместе взятое, представляет весьма любопытное и подчас курьезное зрелище для приезжающих в Оренбург из внутренних местностей России»[54]. И если у заезжих путешественников такая «азиатчина» вызывала лишь любопытство, местное женское сообщество, очевидно, испытывало неудобства, попадая в эту дикую «смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний».

Приехавший в Оренбург по делам службы В.Л. Дедлов (Кигн) также констатировал: «Да, действительно тут Азия. Вон гурьбами ходят татарки, с головою кутаясь в свои кафтаны. Вон, проскакали на мохнатых лошадях двое башкир, с высоко поднятыми ногами, сидя левым плечом вперед, в правой руке ногайка. Вот, и верблюды, а на верблюдах киргизы, по одному и по двое ... Киргиз на верблюде — это уже эссенция Азии»[55].

Е.И. Рогозин описывал Оренбург конца XIX века как «некогда грозный форпост, выставленный Россией против азиатских народов», который «имеет теперь вид самого мирного города, даже без военной окраски. [...] До Оренбурга вы не чувствуете нигде близости Азии, но здесь сразу попадаете в ее глубь, и вас окружают все представители ужасной Азии, потрясавшей некогда мир и теперь мирно торгующей коврами, хлопком, шелком и пр.»[56]. Как утверждалось в материалах Переписи 1897 г., «наибольшее количество иностранцев

[54] Алекторов А. История Оренбургской губернии... С. 120—121.
[55] Дедлов (Кигн) В.Л. Оренбург // Дедлов (Кигн) В.Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб., 1894. С. 9.
[56] Рогозин Е.И. Путешествие по русским городам ...

Бухарец, хивинец, татарин. Иллюстрация из книги Густава Паули «Этнографическое описание народов России». 1862 г.

[проживающих в Оренбурге – авт.] принадлежит к бухарскому и хивинскому подданствам, что объясняется торговыми сношениями Оренбурга с Бухарой и Хивой»[57].

Азиатская наружность Оренбурга ярче всего просматривалась на торговых площадях города. «Лица всех сословий, богатый и бедный, старый и малый, снуют здесь взад и вперед около торговцев, – писал Михайлов. – Толчок шумит и волнуется особо, на середине площади. Его составляют солдаты, бабы, мужики, лакеи, ремесленники, мещане, разносчики, татары, бухарцы, хивинцы, киргизы, киргизки и евреи. По смеси костюмов и лиц, принадлежащих к различным расам, это полуазиатский базар»[58].

Внимание приезжего в Оренбург человека, чаще всего, могли остановить «частые встречи ... с сынами Азии, – то бухарец, то киргиз, то хивинец, то бухарский еврей или татарин попадается, а не то, среди улицы тянется длинная команда верблюдов, навьюченных разными тяжестями, или просто всадник киргиз, величаво качающийся между двух горбов огромного верблюда, а зачастую можно встретить и женщину, едущую верхом на лошади»[59].

Существенно потеряв в территориальном плане, Оренбуржье и по сей день остается многонациональным, поликонфессиональным и мультикультурным регионом. Данное обстоятельство объясняет появление в постсоветский период большого числа работ оренбургских ученых, посвященных истории разных народностей, чьи традиции и профессиональная деятельность способствовали формированию специфического социокультурного пространства региона. Об особенностях материального и духовного быта немецких поселенцев в Оренбургской губернии XIX – начала XX в. повествуют работы О.Я Бахаревой[60], А.П. Моисеева[61] и Е.Ф. Тюлюлюкина[62]. О религиозной жизни ев-

[57] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 14.
[58] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 33–34.
[59] Лобысевич Ф.И. Город Оренбург ...С. 23.
[60] Бахарева О.Я. Участие европейских купцов и российских немцев в рыночной торговле Оренбурга в XIX веке // Вестник ОГПУ. 2004. № 4 (38). С. 31–35; Бахарева О.Я. Культура немецкого городского населения Оренбургской губернии (XIX – начало XX века) // Российская нация: этнокультурное многообразие в гражданском единстве. Мат. всеросс. науч.-практич. конф. Оренбург, 2011. С. 110–117.
[61] Моисеев А.П. Немцы на Южном Урале. Челябинск, 2013.
[62] Тюлюлюкин Е.Ф. Российские немцы в истории Оренбуржья (конец XIX–XX вв.). Оренбург, 2006.

рейской общины в Оренбурге с XIX века – до наших дней, писали Д.Н. Денисов и К.А. Моргунов[63]. В Оренбургской области регулярно проводятся научные конференции, посвященные истории и культуре народов, населяющих ее территорию[64].

Во второй половине XIX века на территории Оренбургской губернии проживали русские, украинцы, белорусы, башкиры, мещеряки, чуваши, мордва, тептяри, татары, калмыки, немцы и евреи[65]. Русские, про которых сказано: «Великорусское племя есть господствующее в губернии...», численно преобладали над прочими национальностями[66]. В 1866 году представителей русского этноса на всю губернию насчитывалось 507 218 тыс. человек обоего пола[67]. На втором месте по своей численности после титульной нации находились башкиры – 187 241 тыс. человек[68].

Как отмечалось в материалах Переписи 1897 г., почти «вся нынешняя Оренбургская губерния, за исключением только некоторой части Оренбургского уезда, вместе с тремя уездами Пермской и частью Уфимской губерний, составляли страну, носившую название Башкирии и заселенную башкирами. К юго-востоку от них – в степях кочевали киргизы, татары и др. азиатские народности»[69]. Замыкали тройку лидирующих по численности народностей татары, которых в Оренбуржье проживало 19 766 тыс. человек[70].

Согласно данным таблицы 7 (приложение), женщины – православные и единоверцы составляли всего 77,8 % населения городов губернии. Больше всего их проживало в Челябинске (90,2 %) и Верхнеуральске (89,3 %), менее всего – в Троицке (63,8 %). В Оренбурге женщин православного и единоверческого вероисповедания насчитывалось 78,6 %, в Илецкой Защите – 74,6 %.

На втором месте в губернии находилось женское магометанское население, составлявшее

[63] Денисов Д.Н., Моргунов К.А. Евреи в Оренбургском крае: религия и культура. Оренбург, 2015.

[64] См., например: История и этническая культура татар Оренбуржья (к 105-летию со дня рождения М. Джалиля, 120-летию со дня рождения М. Файзи и 125-летию со дня рождения Г. Тукая): материалы межрегиональной научно-практической конференции / под общ. ред. проф. В.В. Амелина. Оренбург, 2011.

[65] Списки населенных мест Российской империи ... С. 81.

[66] Там же. С. 82.

[67] Там же. С. 81.

[68] Там же. С. 81.

[69] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 7.

[70] Списки населенных мест Российской империи ... С. 81.

в губернии 18,2 %. По городам их доля распределялась следующим образом: в Оренбурге 15,9 %, в Орске – 26,4 %, в Челябинске – 2,9 %, в Троицке – 33,9 %, в Верхнеуральске – 9,5 % и в Илецкой Защите – 24,5 %. Таким образом, наиболее «мусульманскими» городами были Троицк, Орск и Илецкая Защита.

Относительно крупные общины старообрядцев, составлявших всего около 2 % населения городов губернии, проживали в Челябинске (4 % населения города) и Оренбурге (2,5 %). В остальных городах губернии их доля составила 0,3–0,9 %.

Иудейское женское население, насчитывавшее всего 1,2 % женского населения городов губернии, сосредотачивалось преимущественно в Оренбурге, где составляло 1,7 % женщин, и в Челябинске (1,5 %). В других городских поселениях иудейки составляли от 0,05 % (в Илецкой Защите) до 0,9 % (в Троицке).

Католиков, протестантов и лиц других вероисповеданий в городах губернии было мало, вместе они составляли всего 0,8 % горожанок.

О существенном удельном весе в культурном пространстве российского приграничья и значительном культурном влиянии исламского тюркоязычного населения на жизнь остальных этнических групп Оренбуржья говорит тот факт, что в конце 60-х годов XIX века количество мусульманских мечетей заметно преобладало над численностью мест отправления обрядов всех прочих местных народностей. Культовые места мусульман превосходили числом даже православные храмы. Если рассматривать количество конфессиональных объектов территориально, то получается, что в Оренбургском уезде на 118 мечетей приходилось только 96 храмов. Еще более существенная разница в пользу мусульманских обрядовых мест наблюдалась в Верхнеуральском уезде: 95 и 37 соответственно.

Бесспорным лидером по количеству возведенных мечетей являлся Орский уезд, в котором их насчитывалось целых 130, тогда как церквей набралось всего 17. Практически равное число церквей и мечетей располагалось в Троицком уезде, где на 26 храмов приходилось 25 мечетей. Незначительное преобладание христианских культовых мест над мусульманскими было зафиксировано только в Челябинском уезде, в котором на 71 храм приходилось 66 мечетей[71].

В Оренбурге, по воспоминаниям М. Михайлова, проезжавшего в 1866 г. из Петербурга до Форта № 1 (с 1867 г. – город Казалинск) через несколько крупных городов губернии, находилось «семь православных церквей (все каменные), из которых два собора – Введенский кафедральный и Преображенский (первый зимний, второй летний)... католический костел, две каменные мечети с минаретами...»[72].

Из представленных в таблице 7 цифр становится видно, что в Оренбургской губернии пореформенного периода относительно широко были распространены традиции старообрядчества. Влияние религиозных воззрений староверов на культуру уральского региона было весьма велико, и по этому поводу небезынтересным будет привести рассказ М. Михайлова о посещении им оренбургского торга в гостином дворе в 1866 г. «Проходя базаром, я ни мало удивлен был своего рода особенностью – продажей картофеля, вопреки общепринятому обычаю – счетом, а не мерой. Сосед объяснил мне эту странность тем, что в старину здешние окрестные деревни были населены большей частью – раскольниками (их и по ныне много), которых только с трудом могли принудить к разведению здесь картофеля, почитаемого ими, как известно, за проклятый плод. Таким образом, исполняя лишь требование местных властей, кре-

[71] Списки населенных мест Российской империи ... С. 80.
[72] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 24.

[73] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 36–37.
[74] Там же. С. 37.
[75] Хохлов И.С. География Оренбургской губернии ... С. 126.
[76] Денисов Д.Н. Исторические мечети Оренбурга // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.). Мат. всеросс. науч.-практич. конф. Казань, 2006. С. 53–72. С. 55.
[77] Там же. С. 58.

стьяне-раскольники разводили сначала картофель в небольших количествах, а как чрез это он был редким в крае, то и стали на первых порах продавать его счетом, т. е. десятками, сотнями и так далее, что перешло потом в обычай и сохранилось до нашего времени»[73]. Далее автор все же сделал оговорку: «Не ручаемся за достоверность этих слов, но в них так много правдоподобия, что трудно не верить»[74].

В Оренбурге, при заметном преобладании славянского населения, придерживающегося традиций православия, иноэтничные поселенцы составляли заметную часть городского социума. Как отметил в своей работе И.С. Хохлов, анализируя сведения за 1872 г., основную «массу населения города составляют: русские (духовенство, чиновники, купцы, мещане, крестьяне, военные чины, солдаты и казаки), затем татары и небольшое число поляков, немцев и евреев»[75].

Немцы. Иллюстрация из книги Густава Паули «Этнографическое описание народов России». 1862 г.

На рубеже 60-х – 70-х гг. XIX в. мусульманская община Оренбурга насчитывала примерно 3 300 человек, что составляло около 10 % всего населения регионального центра. Одним из первых исламских религиозных сооружений была мечеть, возведенная еще в 1802–1805 гг. Ее строительство было напрямую связано с увеличением численности татарского населения Оренбурга в начале XIX в.[76]. Другая существовавшая на тот момент времени мечеть – Караван-Сарайская, была построена в 1840 – 1846 годах[77]. Эта мечеть в течение 2-х десятилетий носила статус войсковой, вследствие

чего не имела постоянного и существенного числа прихожан из жителей центральной части города. «В 1861 г. к ней относились всего 21 человек (9 мужчин и 12 женщин), которые проживали в двух верстах в казачьем пригороде — Форштадте»[78].

Впечатления об этом комплексе культовых сооружений также оставил офицер М. Михайлов: «...Но караван-сарай не мог не привлечь моего внимания. Это обширное, можно сказать даже громадное, четырехугольное каменное здание строгой и стройной архитектуры, окруженное стеною и садом с каменною мечетью, покрытою яйцеобразным куполом и с высоким минаретом. Прежде (за год пред сим) в караван-сарае помещалось управление башкирского войска; ныне же в нем живет оренбургский губернатор и находятся губернские присутственные места. Теперь это более не караван-сарай, а губернаторский дом»[79].

Характеризуя сферы занятости татаро-мусульманского населения Оренбурга пореформенных лет Д.Н. Денисов отметил, что «по своему социальному составу это были преимущественно торговцы»[80]. Новую слободку Оренбурга, в которой большей частью и проживали мусульмане, «населяли преимущественно мелкие торговцы, ремесленники, чернорабочие, извозчики»[81].

Присутствие на городских рынках торговцев-мусульман придавало Оренбургу своеобразный колорит: «В рядах этих татарские лавки с казанскими и прочими сортами мыла, занимают особые места, как равно сапожные и башмачные лавки»[82]. «Подле самых ворот, с базарной стороны, устроена неболь-

[78] Денисов Д.Н. Исторические мечети Оренбурга ... С. 59.
[79] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 21.
[80] Денисов Д.Н. Исторические мечети Оренбурга ... С. 56.
[81] Там же. С. 59.
[82] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 31–32.

Евреи. Иллюстрация из книги Густава Паули «Этнографическое описание народов России». 1862 г.

шая беседка – место свиданий азиатских купцов, постоянно сидящих, в числе двух-трех человек и более, на скамейках беседки. Это своего рода биржевая конференция; а в одном из мучных лабазов базара, в небольшом со стеклом ящике, помещается, так сказать, импровизированный почтамт, т. е. выставлены те письма из среднеазиатских ханств и киргизской степи, которые присылаются в Оренбург, на имя проживающих в нем азиатцев, без обозначения адресов сих последних. Расторопный татарин – сиделец этой лавки – занимается подобной корреспонденцией, и, по всей вероятности, течение дел в ханствах ему прежде бывает известно, чем в официальном мире»[83].

Предпринимательскую активность состоящих в российском подданстве тюркоязычных, исповедующих ислам народов, бок о бок соседствующих с христианами, пояснили в своей статье М.З Гибадуллин и А.Р. Артамонычева: «Не связанные жестким контролем со стороны духовенства, правоверные Российской империи были свободны в реализации своей частной инициативы, а потому инновационность мышления и креативные подходы к организации бизнеса были свойственны предпринимателям-мусульманам в той же степени, в какой они присущи предпринимательскому типу поведения в целом»[84].

Возможности для успешного развития собственного дела, бесконфликтное взаимодействие в городе с представителями иных конфессий способствовали стремительному притоку в Оренбург татарских поселенцев. В 1875 г. численность татар в Оренбурге составляла 3 704 человека, а в 1897 году она возросла до 11 321[85].

Кроме губернской столицы, присутствие татарско-исламского элемента было заметно и в коммерческой жизни других городов Оренбуржья. Вторым по численности населения после столицы региона

[83] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 33.
[84] Гибадуллин М.З., Артамонычева А.Р. Предпринимательство и ислам: российский исторический опыт // Российское предпринимательство. 2012. № 10 (208). С. 179.
[85] Денисов Д.Н. Исторические мечети Оренбурга ... С. 62–63.

был город Троицк. В городе имелся православный собор и три мечети. Наличие целых трех мусульманских мечетей в относительно небольшом провинциальном городе объяснялось тем, что на протяжении второй половины XIX века мусульманское население Троицка составляло в среднем 40 % от общего количества жителей[86].

Кроме численно преобладавших татар и башкир, еще одной тюркской народностью, проживавшей в Троицке на постоянной основе, были казахи. Так, в 1866 г. осевших в черте города казахов насчитывалось 537 человек обоего пола. Незначительную часть исламского населения составляли купцы из Бухары, Хивы и Коканда, которых в том же году насчитывалось по городу 117 человек, из которых 11 были женщинами[87].

По сведениям за 1866 г., в Орском уезде на 27 615 человек, придерживающихся православных традиций, приходилось 79 913 мусульман[88]. Согласно статистическим данным, «Духовное сословие, по отношению к жителям, имеет перевес в Орском уезде вследствие того, что в нем главную массу населения составляют магометане, которые имеют вообще более духовенства, чем православные...»[89]. Что касается мест отправления религиозных обрядов, то на 1872 год в Орске находились 3 каменные и одна деревянная церкви, а также 4 мечети мусульман[90].

Кроме численно доминировавших в территориальном, культурном и экономическом пространстве городов Оренбуржья пореформенных лет славянских и тюркских народностей, в городах губернии проживали немцы и евреи. Конечно, германский и семитский элементы городского социума значительно уступали по численности русским, татарам и башкирам, но и эти национальные меньшинства также оказали заметное влияние на культурно-историческое и экономическое развитие Оренбуржья.

[86] Гизатуллин Р.Н. Российский Троицк – город на границе тюркского и славянского миров [Электронный ресурс]. URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1266615060 (дата обращения: 17.10.2019).
[87] Гизатуллин Р.Н. Российский Троицк ...
[88] Списки населенных мест Российской империи ... С. 79.
[89] Там же. С. 78.
[90] Хохлов И.С. География Оренбургской губернии ... С. 130.

Заполнение городов и сельской местности Оренбургского края немецкоговорящими поселенцами происходило в основном за счет миграций представителей данного этноса из других регионов империи. Начиная с первой половины XIX в. в Оренбуржье стекались колонисты из Саратовской и Самарской губерний, а ближе к концу столетия в северо-западных областях региона стали поселяться немцы-меннониты с юга Украины[91]. Перечисляя распространенные на территории Оренбургской губернии религиозные направления, данные Переписи 1897 г. отмечали: «Среди протестантов выделяется довольно большая группа меннонитов – исключительно немцев, проживающих в пределах Оренбургского уезда»[92]. К рубежу XIX–XX вв. в Абрамовской и Кипчакской волостях Оренбургского уезда меннонитами было основано уже 22 поселка, численность населения которых в 1902 году составила около 3 300 человек[93]. Оседая на новых местах жительства, немецкие поселенцы приносили с собой не только новые религиозные и культурно-нравственные ценности, но и внедряли в хозяйственную жизнь региона свойственные им деловые навыки.

В монографии А.П. Моисеева были перечислены наиболее популярные у переселяющихся в XIX веке на Урал представителей немецкой народности направления трудовой деятельности: «Немецкие фамилии встречаем в различных секторах экономической жизни тех лет: частное заводовладение, торговые дома, банковское дело, среднее и малое купечество, ремесла, инженерное дело и наука, частная врачебная и юридическая практики»[94].

Характерной чертой трудовой повседневности оренбургских немцев-предпринимателей являлось новаторство в плане реализации различных бизнес-проектов. Так, в Оренбурге с 1856 г. начал функционировать чугунолитейный завод бывшего

[91] Бахарева О.Я. Участие европейских купцов и российских немцев в рыночной торговле Оренбурга в XIX веке // Вестник ОГПУ. 2004. № 4 (38). С. 31–35.
[92] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 11.
[93] Тюлюлюкин Е.Ф. Российские немцы в истории Оренбуржья (конец XIX – XX вв.). Оренбург, 2006. С. 34.
[94] Моисеев А.П. Немцы на Южном Урале. Челябинск, 2013. С. 103.

прусского подданного А.Ф. Грена[95]. Немцы-коммерсанты часто являлись владельцами крупных пивоваренных заводов. Как отмечал А.П. Моисеев: «На Южном Урале в этом деле немцы практически были монополистами. Каждый уральский город был славен пивоварами с немецкой фамилией»[96]. В столице Оренбургской губернии с 1875 г. начал выпуск продукции пивоваренный завод бывшего колониста Самарской губернии А.Ф. Клюмпа[97]. После смерти Антона Федоровича в 1892 г. и отказа его приемного сына продолжить семейное дело бизнес был выкуплен другим немецким купцом – Е.Е. Гофманом[98].

Самым же крупным производителем слабоалкогольной продукции в Оренбургской губернии того времени был троицкий коммерсант Яков Эрнст Леонгард Зуккер. По словам А.П. Моисеева, «Зуккер не только "залил пивом" Троицк – сотни и сотни сорокаведерных бочек и ящиков с бутылками отправлял он в Челябинск, Златоуст, Миасс, Кустанай. В какой-то момент Зуккертова фирма "Восточная Бавария" стала даже настоящим локомотивом развития города и окрестного сельского хозяйства»[99].

Кроме указанных выше отраслей бизнеса, немецкое население городов Оренбуржья было занято организацией пунктов продажи лекарственных средств населению. «Главная роль в развитии аптечного дела традиционно принадлежала немцам-провизорам», – отмечалось в статье О.Я. Бахаревой[100]. Так, в Орске действовала аптека, принадлежавшая А.Я. Тицнеру, а в Челябинске собственником подобного заведения был Фридрих Штандт[101].

Представителей еврейской народности, проживающих в городах Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX века, было значительно меньше, чем населения уже перечисленных этносов. Но, тем не менее, религиозная и трудовая жизнь иудеев в регионе, не входящем в черту ев-

[95] Абдрахманов К.А., Бурлуцкая Е.В. Купцы Грен. «Новые русские» из Германии // Купечество оренбургское. Сборник статей. Вып. 2. Оренбург, 2017. С. 8.
[96] Моисеев А.П. Немцы на Южном Урале ... С. 116.
[97] Бахарева О.Я., Бурлуцкая Е.В. Клюмп. Мошковы. Начало пивоварения в Оренбурге // Купечество оренбургское. Сборник статей. Вып. 2. Оренбург, 2017. С. 19.
[98] Бахарева О.Я., Бурлуцкая Е.В. Клюмп. Мошковы ... С. 21.
[99] Моисеев А.П. Немцы на Южном Урале ... С. 117.
[100] Бахарева О.Я. Культура немецкого городского населения Оренбургской губернии (XIX – начало XX века) ... С. 114.
[101] Там же. С. 114.

рейской оседлости, также способствовали формированию специфической атмосферы городской среды Оренбуржья. Приток еврейского контингента в города Оренбургской губернии во второй половине XIX в. был связан с реформой законодательства, упростившей процесс расселения иудеев вне мест компактного проживания.

Так, в 1859 г. право селиться во внутренних губерниях было даровано купцам 1-й гильдии[102]. А в 1861 г. возможность свободно передвигаться по стране получили лица с высшим образованием и учеными степенями, в число которых входили врачи, учителя и юристы[103]. Через 4 года к этому списку добавились и отставные нижние чины, численность которых на территории Оренбургского края в 1873 г. составила порядка 150-и семейств[104]. То есть, из-за присутствия сословного и образовательного цензов, на территорию Оренбургской губернии проникали как раз представители городского общества. Исконными сферами реализации своих трудовых навыков у российских евреев были ремесло, торговля, юриспруденция и финансовый сектор.

В Оренбурге в 1868 г. проживало 409 евреев[105]. Это были преимущественно представители мещанского сословия, которые зарабатывали на жизнь ремеслом. В этот же период на базарах города можно было встретить некоторое число бухарских евреев, посещающих Оренбург по своим торговым делам. Так, еще одно описание этнического многообразия оренбургского рынка оставил М. Михайлов: «Тип еврея, известно, что всесветный тип, а потому, несмотря на халат и чалму, вы тотчас узнаете потомка Израиля, да к тому же и пейсы из-под чалмы выдают это племя. Впрочем, среднеазиатских евреев здесь немного»[106]. Несмотря на заявление автора о незначительной численности в Оренбурге 60-х гг. XIX в. прибывших из Бухары и других среднеазиатских ханств представителей еврейской народно-

[102] Денисов Д.Н., Моргунов К.А. Евреи в Оренбургском крае ... С. 11.
[103] Денисов Д.Н., Моргунов К.А. Евреи в Оренбургском крае ... С. 11; Жолобова Г.А. Торговая правоспособность евреев в России во второй половине XIX – начале XX века // Правоведение. 2004. № 2. С. 194.
[104] Денисов Д.Н., Моргунов К.А. Евреи в Оренбургском крае ... С. 13.
[105] Там же. С. 17.
[106] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 53.

сти, этих гостей города все же было достаточно для того, чтобы нуждаться в собственном помещении для отправления религиозных обрядов. Имеются сведения, что «...во время крупного общегородского пожара 16 апреля 1879 г. в Оренбурге молитвенное помещение бухарских евреев сгорело»[107].

В начале второго пореформенного десятилетия в Оренбурге начала формироваться прослойка крупных представителей еврейского купечества. По данным за 1872 г. в списках купцов Оренбурга числились: Вольф Рувидович Гершен-Горин — купец 1-й гильдии, и три представителя 2-й гильдии — Хаим Нуто-Уринов Бернштейн, Янкель Нухемович Рыжих и Цуко Абрамовна Кинберг[108]. Евреи-мещане занимались, преимущественно, ремеслом[109]. Всего в 1892 г. в Оренбурге насчитывалось 42 иудея, владеющих собственной недвижимостью в черте города[110]. А общая численность еврейского населения губернской столицы в 1895 г. выросла вдвое по отношению к 1868 г. и составила 820 человек[111].

В Троицке, который по численности населения был самым крупным после Оренбурга городом губернии, на 1868 г. насчитывалось 80 иудеев[112]. Община троицких евреев в 1875 г. возвела первый в городе собственный молитвенный дом[113].

А к 1895 г. численность населения Троицка, исповедующего иудаизм, выросла до 209 человек[114].

И в Троицке, и в Оренбурге, евреи, всегда отличавшиеся особым отношением к образованию, грамотности, просвещению часто находили свою нишу в деле изготовления печатной продукции. В Троицке владельцами типографий были мещане Хаим Сосновский, Иосиф Лейбович Кипко. В 1906 г. разрешение на открытие типографии в Оренбурге получил мещанин Зельман Вайзберг[115].

Орская иудейская община в период с конца 60-х гг. XIX в. до 1895 г. оставалась незначительной. Она насчитывала в 1868 г. 29 человек и к 1895 г.

[107] Денисов Д.Н., Моргунов К.А. Евреи в Оренбургском крае ... С. 13.
[108] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 194. Л. 53 об.–54.
[109] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14667.
[110] Денисов Д.Н., Моргунов К.А. Евреи в Оренбургском крае ... С. 16.
[111] Там же. С. 17.
[112] Списки населенных мест Российской империи ... С. 57; Денисов Д.Н., Моргунов К.А. Евреи в Оренбургском крае ... С. 17.
[113] Денисов Д.Н., Моргунов К.А. Евреи в Оренбургском крае ... С. 13.
[114] Там же. С. 17.
[115] ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 254.

увеличилась всего до 34[116]. В 1891 г. проживающие в Орске евреи предприняли попытку организовать религиозные служения, не покидая пределов города. Эта необходимость была вызвана тем, что «для проведения обрядов с регистрацией актов гражданского состояния и участия в общественной молитве по религиозным праздникам орские иудеи приезжали в губернский центр»[117], что в силу существенной удаленности Орска от Оренбурга, неблагоприятного климата и плохого состояния дорог, представлялось весьма неудобным. Изначально инициатива орских евреев увенчалась успехом, и собственный раввин по фамилии Блох приступил к выполнению обязанностей. Но, судя по всему, в том же 1891 г. он покинул город, так как местная община, насчитывающая всего 3 еврейские семьи, была просто не в состоянии содержать священно-служителя[118].

Аналогичная ситуация сложилась и в Верхнеуральске, где в 1868 и 1895 гг. иудеев насчитывалось 34 и 41 соответственно[119]. Также в безуездной Илецкой Защите, которая по общей численности населения в 1897 г. обогнала Верхнеуральск (11 768 чел. против 11 095), на 1895 г. насчитывалось всего 8 иудеев[120].

Челябинск же заметно отличался от остальных городов Оренбуржья в плане увеличения численности еврейского населения во второй половине XIX века. Если в 1868 г. в городе проживало 40 иудеев, то к 1895 г. эта цифра увеличилась в 12,5 раза и составила уже 502 человека[121].

Помимо рассмотренных выше народностей и конфессий, составлявших в пореформенное время основную массу социально и экономически активного населения Оренбургской губернии, в городах региона на постоянной основе проживали и занимались профессиональной деятельностью подданные разных иностранных государств. Причем это были не только выходцы из соседних сред-

[116] Денисов Д.Н., Моргунов К.А. Евреи в Оренбургском крае ... С. 17.
[117] Там же. С. 16.
[118] Там же. С. 16.
[119] Там же. С. 17.
[120] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 8; Денисов Д.Н., Моргунов К.А. Евреи в Оренбургском крае ... С. 17.
[121] Денисов Д.Н., Моргунов К.А. Евреи в Оренбургском крае ... С. 17.

неазиатских ханств, но и граждане европейских монархий. Более подробные сведения об иностранцах приведены в таблице 8 (приложение).

Выходцы из стран Европы, развивавшихся по буржуазному пути, начали прибывать в Оренбуржье еще на заре Великих реформ. Видя определенные позитивные сдвиги в экономике России, вызванные преобразованиями Александра II, деловые люди из Австрии, Швейцарии и Пруссии хотели, воспользовавшись ситуацией, добиться финансовых успехов, применив на русской земле свои умения и навыки[122]. Так, в 1867 г. временную регистрацию в качестве купца 2-й гильдии получил швейцарец Иоганн Тени. А два года спустя в Оренбург прибыли два австрийских и один прусский купцы. Австрийцы – Георг Любтаг и Андрей Дюман, а также уроженец Пруссии – Карл Август Шморель «...пополнили ряды временных купцов 2-й гильдии»[123].

Подводя итог, необходимо отметить, что Оренбургская губерния в изучаемый период представляла собой весьма специфическую территорию в плане сословного и этнического состава населения. Оказавшись на пересечении колонизационных потоков, регион принимал огромные массы самого разного народа – крестьян, мещан, купцов. Как уже отмечалось выше, на протяжении второй половины XIX в. в губернии происходила постепенная смена превалирующих сословий – вместо военных и чиновников лидирующие позиции заняли купцы. Непрерывная ротация населения была причиной отсутствия крепких межпоколенных, межсемейных, внутрисословных и иных аналогичных связей в массе городского населения. В то же время заметной особенностью Оренбургского края пореформенных лет являлось мирное взаимодействие многочисленных населявших губернию народов, относившихся к разным этносам и придерживавшихся различных религиозных взглядов.

[122] Бахарева О.Я. Участие европейских купцов и российских немцев в рыночной торговле Оренбурга в XIX веке ... С. 32.
[123] Бахарева О.Я. Участие европейских купцов и российских немцев в рыночной торговле Оренбурга в XIX веке ... С. 32.

ГЛАВА III
СЕМЕЙНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГОРОЖАНОК ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННУЮ ЭПОХУ

3.1. Приватное пространство горожанки Оренбургской губернии в пореформенную эпоху

В рамках изучения повседневности любой социальной группы обращение к бытовой составляющей этой обыденности представляется не только желательным, но и необходимым. Окружающие человека предметы, интерьеры, с одной стороны, являются отражением его личных или корпоративных, групповых вкусов и предпочтений, с другой же, формируют определенный настрой и мироощущение своего владельца. Изучение этой вещной среды позволяет глубже проникнуть в психологию, понять истоки поведения человека или целой социальной страты.

Вещно-предметная среда, окружавшая городского жителя Оренбургской губернии в пореформенный период, еще не становилась предметом научного анализа. Вообще бытовая составляющая повседневности к настоящему времени пока не стала распространенной темой исторических исследований. Причина этого лежит как в относительной молодости истории повседневности как самостоятельного научного направления, так и в сложном размежевании понятия «быт» между учеными-историками и этнографами.

В основном, исследования, посвященные бытовой составляющей городской повседневности российского города на рубеже XIX–XX веков, касались общественных пространств – их связанности природно-географическими и социокультурными условиями[1], их трансформации под влиянием технических изобретений[2], вхождения в общественный быт новых просветительских феноменов (фотоателье, книгоиздательство, книготорговля)[3]. Частное городское пространство, как правило, оставалось вне внимания исследователей.

В 2003 г. была опубликована одна из наиболее ранних работ на эту тему – статья О.Н. Яхно[4], посвященная проблемам городского быта россиян конца XIX – начала XX века. Годом ранее ею же

[1] Маслова И.В. Провинциальный уездный город Российской империи XIX – начала XX в.: на материалах Вятской губернии // Малые и средние города России: прошлое, настоящее и будущее. Материалы VI Международных Стахеевских чтений. Елабуга, 2013. С. 108–113.

[2] Позняк Т.З. Влияние технических изобретений на повседневную жизнь дальневосточных городов во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 5 (25). С. 101–112.

[3] Литягина А.В. Формирование общих черт быта у представителей различных сословий в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // История повседневности населения Западной Сибири и сопредельных регионов как форма цивилизационной идентичности Евразии. Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции: электронный ресурс. Бийск, 2018. С. 43–48.

была защищена кандидатская диссертация на тему «Быт горожан Пермской губернии в конце XIX – начале XX в.»[5]. Ряд интересующих нас вопросов был затронут в совместной работе В.П. Микитюка и О.Н. Яхно, изданной в 2014 г.[6]

Традиционно проблемы городского быта наиболее полно изучались сибирскими исследователями. В 2004 г. была издана монография Ю.М. Гончарова[7], посвященная домашнему быту городской семьи Сибири на рубеже XIX–XX вв. К немногочисленным работам, затрагивающим названную проблему, можно отнести статью Т.В. Паликовой, в которой подверглась анализу бытовая составляющая семейной повседневности жителей Забайкалья разных сословий и ее эволюция во второй половине XIX – начале XX в.[8]. Быт горожан Сибири конца XVIII – начала XIX в. нашел отражение в статье Е.В. Комлевой[9]. Жилищно-бытовые условия рабочих Западной Сибири на рубеже XIX–XX веков исследовал В.Н. Фаронов[10].

Бытовые условия жизни москвичей и петербуржцев на рубеже XIX–XX вв. также были косвенно затронуты в работах последних десятилетий. Так, в монографии Г.Н. Ульяновой[11] шла речь о переменах на рынке городской недвижимости, случившихся в указанную эпоху в Москве. В этом контексте в книге были изложены сюжеты об интерьерах наиболее известных квартир и повседневной жизни их обитателей.

Наиболее близко к теме данной статьи подходят работы, посвященные повседневной жизни обитателей российских столиц – работа Д. Засосова и В. Пызина[12] и книга В. Руги и А. Кокорева[13]. В обеих публикациях авторы увлекательно рассказывают о жизни жителей Петербурга и Москвы различных сословий предреволюционной поры. В книгах содержатся описания частных столичных квартир, опирающиеся на различные источники, в том чис-

[4] Яхно О.Н. Век модерна и рационализация: быт горожан российской провинции на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2003. № 2. С. 45–54.

[5] Яхно О.Н. Изменения в быту горожан Пермской губернии в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002.

[6] Микитюк В.П., Яхно О.Н. Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX–XX веков: очерки городского быта. Екатеринбург, 2014.

[7] Гончаров Ю.М. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2004.

[8] Паликова Т.В. Вещно-предметная среда горожанина Забайкалья во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарный вектор. 2010. № 3 (23). С. 48–54.

[9] Комлева Е.В. Быт горожан в письмах красноярских купцов Ларионовых (конец XVIII – первая треть XIX в.) // Тексты источников по истории России и национальная культурная традиция. Сер. «Археография и источниковедение Сибири». Новосибирск, 2014. С. 85–97.

[10] Фаронов В.Н. Жилищно-бытовые условия у рабочих Западной Сибири конца XIX – начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4-1 (88). С. 266–273.

[11] Ульянова Г.Н. Доходный бизнес на доходных домах сто лет назад // Ульянова Г.Н. Дворцы, усадьбы, доходные дома. Исторические рассказы о недвижимости Москвы и Подмосковья. М., 2012.

[12] Засосов Д., Пызин В. Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX– XX веков: записки очевидцев. М., 2003.
[13] Руга В., Кокорев А. Барышни и дамы. Повседневная жизнь москвичек в середине XIX – начале XX в. М., 2018.
[14] Яхно О.Н. Век модерна и рационализация ... С. 45.

ле на личные воспоминания авторов и на художественную литературу.

Хотя до настоящего момента исторических исследований, посвященных городскому быту россиянок рубежа XIX–XX вв., было осуществлено немного, значение этих исследований трудно переоценить. Так, по словам О.Н. Яхно, анализ «материально-вещной среды, несущей скрытую информацию, помогает более точно оценить происходящие в обществе изменения»[14]. Именно поэтому, в рамках изучения повседневности провинциальных горожанок, обращение к проблемам предметно-вещного их окружения является оправданным и актуальным.

Применительно к Оренбургской губернии, изучение жилищно-бытовых условий жизни горожанок сопряжено с крайне ограниченным количеством источников. В качестве таковых можно использовать ряд работ нарративного характера – письма, путевые заметки, мемуары, оставленные, большей частью, людьми проезжими и путешествующими (Т.Ю. Базинер, М. Михайлов). Местные жители до-

Оренбург. Вокзал

статочно редко обращались к проблемам частной жизни, что скорее всего было связано с ее крайней замкнутостью. Сведения о домашнем быте, предметах интерьера, содержащиеся в их нарративах (Ф.И. Лобысевич, Н.Г. Залесов), отличаются краткостью и отрывочностью. Более информативной в этом плане оказывается пресса – объявления, публикуемые в оренбургских газетах, помогают выяснить проблемы и особенности домашнего быта горожан. Также в качестве источника могут быть использованы немногочисленные произведения художественной литературы, созданные в Оренбурге в исследуемый период (С.И. Гусев-Оренбургский).

Приватное пространство жительницы города, прежде всего, зависело от ее сословной и имущественной принадлежности. Городское пространство было разделено между различными категориями населения – привилегированная часть горожан проживала в наиболее благоустроенной части города в просторных и крепких собственных домах или съемных квартирах.

Высшее дворянство, чиновничество и офицерство, как правило, проживало в Оренбурге в арендованном казенном жилье, поскольку прибывало в губернскую столицу по долгу службы всего на несколько лет. Именно поэтому в городе не появилось ни одного «дворца» или крупной дворянской усадьбы. Как отмечал Ф.И. Лобысевич, даже самые высокопоставленные лица принадлежали к когорте «обыкновенного» дворянства и жили не за счет доходов от собственного имущества, а за счет жалования. Как следствие, уровень жизни таких чиновников находился в жесткой зависимости от выплаты казенного содержания или квартирных денег. За неуплату хозяева квартир требовали съехать из арендованного жилья, что ставило аристократические замашки «в очень щекотливое положение»[15].

[15] Лобысевич Ф.И. Город Оренбург ... С. 21.

Служащие часто проживали в том же здании, где работали. Так, например, служащие железной дороги квартировали в здании железнодорожного вокзала[16]. В воспоминаниях Залесова упоминалось о том, что после бракосочетания его с дочерью начальника штаба корпуса генерала Бутурлина, молодые «поселились в 2-х небольших комнатках во дворе казенного дома», занимаемого его тестем[17].

Согласно сведениям, приведенным в статье С.В. Любичанковского, на Урале владельцев недвижимости среди государственных служащих вообще было немного. Так, из 41 служащего Оренбургского губернского правления в 1906 г. только 10 (около 25 %) имели собственный дом. Оставшиеся три четверти чиновников занимали арендованные квартиры[18].

Отмена оренбургского генерал-губернаторства и оренбургского военного округа в 1881 г. превратила Оренбург в обычный губернский город. По словам Е.И. Рагозина, уничтожение «округа заставило сразу покинуть Оренбург около 300 семейств, получавших хорошее содержание и принадлежавших к лучшей части общества»[19]. Как утверждал П.Н. Столпянский, с опорой на публикацию в газете «Оренбургский листок» 1881 г., отъезд почти 150 чиновников, составляющих местную интеллигенцию, естественно должен был негативно повлиять «на строй жизни нашей, без чиновников, татарски серенькой. Миллионы рублей, которые затрачены на разные казенные сооружения, оставят после себя множество пустых домов и зданий, которых и деть некуда»[20].

Помимо опустевших квартир, отъезд полутора сотен представителей высшего и среднего городских сословий обусловил и общее снижение уровня городской жизни. Уехали основные покупатели качественных изделий промышленности и ремесла. Привозить в город для продажи дорогую мебель,

[16] Столпянский П.Н. Город Оренбург ... С. 13.
[17] Залесов Н.Г. Записки // Русская старина. 1903. Г. 34. Кн. 6. Июнь. С. 527–542. С. 542.
[18] Любичанковский С.В. «Пролетарии двадцатого числа»: материальные условия повседневной жизни рядовых губернских служащих в позднеимперский период // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.) Материалы международной научной конференции. СПб., 2017. С. 304.
[19] Рагозин Е.И. Путешествие по русским городам ...
[20] Столпянский П.Н. Город Оренбург ... С. 246.

зеркала, предметы интерьера коммерсанты не спешили и раньше, теперь же делать это стало и вовсе бессмысленно. Домашняя обстановка в домах основной массы городских жителей становилась все более простой и непритязательной. В обиход стали входить изделия, созданные своими руками – вышитые подушечки-думки, вязаные или вышитые скатерти и т.п. Так, оренбургская дьяконша Екатерина Лукина в письме сестре писала: «О себе скажу, что я, благодаря бога, живу по-прежнему. К моим именинам расшиваю скатерть»[21].

Любимым вариантом украшения жилища стали живые горшечные цветы – фикусы, пальмы, герань, гибискус («китайская роза»). Эти растения, в отличие от изысканных цитрусовых или орхидей, произрастающих чаще в оранжереях, были непритязательны, доступны и могли служить яркими цветовыми пятнами в домашнем интерьере. Хотя и оранжереи в Оренбурге тоже встречались. Владелец одной из самых крупных и передовых в техническом плане оренбургских паровых мельниц Василий Христофорович Юров в 1897 г. получил от оренбургской Городской управы разрешение на строительство на своем домовом участке оранжереи «с каменными стенками, при существующей избе для садовника...»[22]. При доме акцизного чиновника К.Н. Теплоухова «в огороде были сделаны два капитальных парника с рамами, и она [жена – авт.] садила в парники, устраивала клумбы для цветов»[23]. В оранжереях, как правило, выращивали в кадках вишни, груши, персики, абрикосы, лимоны, мандарины, лавр, виноград и другие непривычные для естественной среды растения.

Немногочисленное мелкое чиновничество и личное дворянство, проживающее в городах губернии постоянно и владеющее собственной недвижимостью, довольствовалось стандартными городскими домами. Дом, который после дол-

[21] Фот А.Г. Повседневная жизнь православного приходского духовенства Оренбургской епархии: 1859–1917. СПб., 2017. С. 224.
[22] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 768. Л. 1.
[23] Теплоухов К.Н. Мемуары ... С. 42.

гих скитаний по съемным квартирам и получения должности помощника надзирателя акцизных сборов построил в Челябинске для своей семьи акцизный чиновник Константин Николаевич Теплоухов, был результатом его долгих обсуждений, споров и ссор с женой. В результате дом получился просторным и удобным: «Парадные двери выходили на двор, небольшие светлые, холодные сени, большая передняя; дверь налево — мой кабинет, направо — приемная ... Вдоль дома — коридор, один конец в нашу спальню, другой — в кухню; большая детская, столовая, комната для мальчиков... Большая кухня с чуланом и небольшой отдельной комнатой — для прислуги ... Из столовой — дверь на террасу, в сад»[24].

Интерьер дома «чиновника в отставке» Перехватова в повести Н.И. Гусева-Оренбургского «Страна отцов» выглядел довольно просто: «Точно красивая мечта, реализовавшаяся и застывшая в неподвижных формах, стояли тут старинные, немного неуклюжие стулья у окон, сквозь белые кисейные занавески которых свет мягко ложился на листья олеандров, китайских роз, фикусов, и туй, годами выраставших в тепличной обстановке комнаты; на крытых скатертями столиках в простенках стояли лампы под красным абажуром; лежали альбомы, в которых еще сохранялись выцветшие фотографии каких-то особ в фижмах и кринолинах. В углах стояли этажерки с безделушками или старинными журналами. На стенах и простенках в изобилии висели снимки целого племени чиновников, группами и в одиночку...»[25]. Такой дом, действительно, был для оренбургского чиновника воплощенной мечтой, приобретенной за счет многолетней экономии на всем. Хотя социальный статус и культурный уровень хозяина такого дома подчеркивали лишь более изящная мебель да милые безделушки и журналы вместо дорогих и помпезных интерьерных украшений.

[24] Теплоухов К.Н. Мемуары ... С. 66.
[25] Гусев-Оренбургский С.И. Страна отцов .. С. 142.

Фотографии, как новое и более модное явление, нежели живописные портреты, также были визитной карточкой наиболее «продвинутых» домовладельцев. Характерно это явление было для различных регионов империи. Так, в Сибири, по данным Т.В. Паликовой, также важное место в доме «занимала фотография. Парадные парные, одиночные, групповые портреты были на стенах, столах, этажерках, пианино и по возможности в красивых рамках. Появились фотоальбомы, хранящие облик родных, живых и умерших, а также альбомы с почтовыми открытками самой разнообразной тематики»[26].

В Челябинске чиновное дворянство, как и в Оренбурге, не являлось господствующей категорией населения. Приезжающие туда на службу чиновники рассматривали свое пребывание в городе как временную стадию. Дома «повышенной стоимости» (оцененные в 1 тыс. р. и более), принадлежавшие челябинской чиновничьей знати, составляли в городе всего 40 %[27]. Из Челябинска служащие достаточно быстро переводились в более отдаленные города Сибири, либо возвращались обратно в Петербург. Чиновник в Челябинске жил «как на бивуаках – "проходимцем"»[28]. Поскольку никто из них не засиживался в городе, строить там частный дом, возводить усадьбу не было никакого смысла. Более устоявшуюся часть населения составляло крупное купечество, мелкие торговцы и «железнодорожники разного калибра».

Богатое купечество, напротив, спешило как можно быстрее обзавестись собственным домом, по-возможности, максимально большим, который можно было передать по наследству, продать или использовать в качестве залога в банке. С.И. Гусев-Оренбургский в своей повести «Страна отцов» так описывал купеческие жилища: «Вот дом купца Шаповалова. Тридцать окон по переднему фасаду, – в четыре этажа, окон то больших, то малень-

[26] Паликова Т.В. Вещно-предметная среда горожанина Забайкалья ... С. 51.
[27] Алеврас Н.Н. Челябинск в XVIII – начале XX века ... С. 25.
[28] Нечаева А.М. Челябинские впечатления ... С. 238.

ких, то круглые. Внизу ряд складов с железными дверями, где хранятся десятки тысяч пудов хлеба.

Вот дом купца Стрижикозина.

Он еще только строится, но огромные леса уже заставляют обывателя говорить почтительно, с мучительною завистью:

— Стрижикозин-то! Давно ли спичками торговал... Семиэтажное воздвигает!

Вот еще "Достопримечательность" — широкозадовский дом: нелепая смесь мавританского и русского стилей. Колонки, стрельчатые окна, резные карнизы, башенки по углам, поддерживающие балкон центавры, похожие на утопленников, и в то же время во всей наружности дома что-то распухшее, как от водянки, что-то придавленное, как тяжелая, во мрак бродящая мысль»[29].

Скорее всего, писатель описывал именно дома челябинских предпринимателей. Среди жилых домов, принадлежавших им, в 1885 г., по данным Н.Н. Алеврас, 64 % оценивались в 1 тыс. р. и более, в то время, как у мещан постройки этой категории составляли лишь 7,2 %, а у лиц военного сословия — 5,6 %[30]. Наиболее дорогие жилые дома находились в собственности купцов А.М. Новикова, П.И. Перцева, И.М. Антонова, М.Н. Крашенинникова, наследников В.А. Первушина. Самая высокая стоимость жилых домов этой категории не превышала 15 тыс. р.[31]

В конце XIX — начале XX века подражание дворцовым комплексам или общественным зданиям среди купечества превратилось в массовое явление. Одним из наиболее богатых купеческих домов в Оренбурге был особняк дворцового типа купца Василия Ефимовича Мякинькова[32] (сегодня — здание городского ЗАГСа). Богато украшенный лепниной холл первого этажа делил помещения на правое и левое крылья. В левом крыле располагался большой светлый зал, украшенный декоративными леп-

[29] Гусев-Оренбургский С.И. Страна отцов ... С. 83.
[30] Алеврас Н.Н. Челябинск в XVIII — начале XX века... С. 25.
[31] Алеврас Н.Н. Челябинск в XVIII — начале XX века ... С. 26.
[32] Детальное описание этого особняка содержится в статье: Бурлуцкая Е.В., Шлеюк С.Г. Мякиньковы. Владельцы настоящего дворца // Купечество оренбургское. Сборник статей. Оренбург, 2016. С. 46–55.

Оренбург. Особняк купца Мякинькова

ными вазонами с цветами на потолке и обильной декорировкой на стенах и над дверями, предназначенный видимо для приема гостей. Возможно, это был зал для банкетов, обильных обедов и ужинов, так как к нему примыкали небольшие комнаты, окнами выходящие во двор, по своим параметрам и оформлению напоминающие кухню и бытовки.

В правом крыле находились помещения поменьше размером и их декоративное оформление было намного скромнее.

Для купеческих строений было характерно жилые и бытовые помещения оформлять очень просто, чаще всего они вообще располагались окнами во двор и имели более низкие потолки. Поэтому,помещения правого крыла, скорее всего, были жилыми и обогревались печами, располагавшимися внутри них. На стенах же помещений, предназначенных для приема, сохранились декоративные решетки с отверстиями, что предполагает наличие в доме парового отопления. Видимо в подвале были расположены печи, теплый воздух из которых

по трубам поднимался вверх и обогревал парадные залы первого и второго этажа.

Литая ажурная чугунная лестница холла вела в центральные помещения второго этажа. Над лестницей располагалась арка, также богато украшенная лепниной. Лестничный пролет второго этажа имел вместо балясин лепной декоративный элемент, по форме напоминающий арфу со струнами. Такая символика не была случайна, она служила лейтмотивом основного помещения второго этажа – бального зала, в котором сегодня проводится регистрация бракосочетаний.

Просторное помещение зала (высота потолка здесь составляла 8,5 метров) было чрезвычайно обильно украшено лепниной – рельефами вазонов, венков, цветов и гирлянд, переплетениями растительных, ленточных и цветочных мотивов. На стене напротив окон, выходящих на фасад здания, находился балкон для музыкантов.

В начале XX в. владелицей усадьбы стала старшая дочь В.Е. Мякинькова, Екатерина Васильевна Попова, супруга уфимского купца Николая Павловича Попова. Стоимость всех построек составила тогда 14 804 р.[33].

В таких домах комнаты обставлялись дорогой привозной мебелью, демонстрирующей статус и достаток владельцев. М. Михайлов в своих «Оренбургских письмах» оставил описание дома богатой троицкой «купчихи Т.»: «Войдя в квартиру мы нашли хорошую переднюю, из которой одна дверь в кабинет, другая в зал. За залом гостиная, потом столовая, буфет и семейные комнаты: спальня, детская, и проч. [...] в зале, хорошо меблированном, стоит в футляре из красного дерева орган... На стенах, рядом с фамильными фотографиями, развешено несколько картин... И тут видно, что хозяин не был знаток живописи, как не был никогда, даже в душе, музыкантом, а навесил разных картин

[33] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 675. Л. 216.

для того, чтобы закрыть ими пустые стены и, как водится, заклеил их в широкие золотые рамы. Поднимите глаза к потолку: лепной карниз, он дорог, но тяжел и безобразит комнату...»[34].

Аналогично, по описанию С.И. Гусева-Оренбургского, выглядел интерьер дома старого старомирского (а значит оренбургского) купца Широкозадова: «От обширной залы веяло холодом. Старая мебель в чехлах, казалось, зябла. Зеркала как-то пугливо глядели из простенков. ... И в гостиной стояла тяжелая, старинная, сумрачная мебель, висела люстра, которую давно не зажигали». В спальне старика Широкозадова «был стихийный беспорядок. Точно из всех комнат снесли сюда все ненужное, свалили в кучи, развесили как придется по стенам. Вплотную стояли кресла, стулья, пугавшие своей ветхостью; ломберный стол с картами и мелками, столик-шашечница мешали пройти; огромный письменный стол был близко придвинут к кровати, очень низкой и широкой, напоминавшей софу и, по-видимому, никогда не убиравшейся. По стенам висели выцветшие фотографии, масляные портреты благообразных старцев купеческого типа. Какой-то архиерей строго глядел, как живой, из-за халатов, рубах, сюртуков, развешенных по стенам»[35].

Обстановка оренбургского богатого купеческого жилища, судя по этому описанию, соответствовала своеобразному стандарту купеческого дома, принятому практически во всех регионах Российской империи. Аналогичный интерьер купеческого дома в Сибири приводит в своей книге Ю.М. Гончаров[36]. Зажиточное сибирское купечество украшало свои жилища большими зеркалами в резных рамах, вазами, бронзовыми подсвечниками, напольными часами, всевозможными безделушками – статуэтками, веерами, шкатулками. Комнаты декорировались многочисленными цветочными горшками,

[34] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 89.
[35] Гусев-Оренбургский С.И. Страна отцов ... С. 166.
[36] Гончаров Ю.М. Семейный быт горожан Сибири ... С. 9–10.

в которых зеленели «цветы: рододендрон, фикус, кипарис, мирт, азалия, камелии...»[37]. В доме троицкой купчихи на подзеркальниках и столиках также располагались дорогие и красивые «вещички»: «малахитовые вазы, топазовые канделябры, яшмовые подсвечники, пепельницы и лоточки из разноцветных мраморов»[38].

Итак, в типичных домах богатых коммерсантов интерьеры составляла тяжелая, нарочито помпезная мебель из темного дерева. Мебели было много, что должно было подчеркнуть финансовое благополучие хозяев. Она носила не только утилитарный характер, но и демонстрировала «избыточность» имущества. Примером тому служили ломберные столики, столики-шашечницы, горки, рояли или органы и пр. Стены украшались большими зеркалами или портретами членов семьи. Причем это были именно живописные портреты, а не фотографии, что также должно было подчеркнуть финансовые возможности домовладельцев.

В богатых домах и цветы были «побогаче» — вместо гибискуса и герани комнаты украшали рододендроны, кипарисы, мирт. Большой популярностью пользовались пальмы различных видов. Так, в «Оренбургской газете» в 1901 г. было дано объявление о продаже «пандануса-утилис и пальм других названий», а «Садовое заведение Биркгольц», вследствие тесноты оранжерейных и тепличных помещений, по самым умеренным ценам распродавало араукарии (комнатные ели), кентии (райские пальмы), фикусы, драцены и другие комнатные растения[39].

Частное пространство представителей духовного сословия в большей степени зависело от возможностей паствы, нежели от желаний самих священнослужителей.

Приходскому духовенству, конечно, разрешалось покупать недвижимость — дома и землю,

[37] Гончаров Ю.М. Семейный быт горожан Сибири ... С. 10.
[38] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 90.
[39] Оренбургская газета. 1901. № 1287. С. 6.

в любом уголке империи[40]. В итоге, определенная часть городских священнослужителей обзаводились собственными домами. Нередко они числились именно за женами приходских клириков. Так, в 1860 г. Александра Андреевна, супруга священника Александра Николаевича Базанова, служившего при церкви Оренбургского девичьего института императора Николая I, приобрела каменный одноэтажный дом по Атаманскому переулку города Оренбурга. В нем насчитывалось 6 жилых комнат и кухня[41]. Жена священника, Александра Федоровна Юдина проживала с семьей в собственном полукаменном просторном доме (5 комнат на втором этаже, еще 3 – внизу) по улице Большой города Челябинска. При доме находился деревянный флигель в 3 комнаты и разнообразные хозяйственные постройки[42]. Собственный деревянный дом в городе Троицке был у Ироиды Николаевны Максимовой, жены дьякона Свято-Троицкого собора Михаила Антоновича[43]. Скорее всего, указанные дома были наследственным имуществом этих женщин.

Однако далеко не все приходские священнослужители, в силу своих финансовых возможностей, могли позволить себе приобрести дом в собственность. Поэтому для причта городских церквей прихожане обычно возводили общее жилье. Нередко такие дома были двухэтажными. Верхний этаж занимали священнослужители, а нижний – причетники. Так, к примеру, обустроились члены причта Оренбургского кафедрального собора[44]. Для них было выстроено три общих причтовых дома, но, поскольку штат собора включал в себя 13 человек, то в каждом доме жило по 4 семьи.

Каждая семья, испытывая серьезные финансовые проблемы, пыталась найти дополнительные источники дохода. Дьякон Федор Лебедев содержал прямо в доме 6 кур, а снесенные ими яйца его супруга периодически продавала на базаре. Про-

[40] Законы о состояниях // Свод законов Российской Империи (СЗРИ). СПб., 1857. Т. 9. Ст. 286. С. 67.
[41] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 906. Л. 61 об.– 62.
[42] ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 252. Л. 28 об.–29.
[43] ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1386. Л. 21
[44] ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 686.

живающий в том же доме дьякон Попов поселил в одной из двух отведенных ему комнат (на кухне) квартирантов. Так что в доме было шумно, грязно и тесно. Совершенно неустроенный домашний быт часто вызывал скандалы. Так, в пропаже трех куриц дьякон Лебедев обвинил постояльцев Попова. Доказать Федор Лебедев ничего не смог, но с тех пор между двумя дьяконами началась вражда. Все, кто проживал в доме, становились невольными свидетелями их достаточно бурных ссор, часто заканчивающихся дракой.

Если у прихода не было возможности выстроить для духовенства дом, то паства оплачивала им съемную квартиру. Так, в 1889 г. в штате челябинского Христорождественского собора числилось 9 человек. Двое из них имели собственное жилье, остальным выплачивалось квартирное пособие: настоятелю – 200 р., священникам по 150 р., дьякону – по 100 р., псаломщикам – по 50 р. в год[45].

Непременной составляющей убранства любого дома священников были иконы. Их размещали в так называемом «красном углу», который находился справа от входа в комнату. Количество икон, в зависимости от достатка хозяев, разнилось от 1 до 10[46]. Нередко иконы имели ризы, венки и киоты, их заключали в позолоченные рамки и помещали за стекло. В описи имущества священника Градо-Троицкого собора Якова Малярова за 1869 г. значились образа: Спасителя в деревянной раме и киоте, Святителя Николая в ризе, Божьей Матери за стеклом, Святителя Семиона за стеклом[47]. Перед иконой всегда разжигалась лампадка. Ее наличие – непременный атрибут любой описи священнического имущества.

Спали в семьях городского духовенства на деревянных кроватях. Упоминания об этом предмете мебели встречается в описях начиная с 60-х гг. XIX века[48]. Со второй половины XIX в. деревянные

[45] ОГАЧО. Ф. И-68. Оп. 1. Д. 12. Л. 270.
[46] ГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 157 Л. 2.
[47] ГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 27. Л. 4.
[48] ГАОО. Ф.1 76. Оп. 1. Д. 62. Л. 3; ГАОО Ф 176 Оп 1 Д 73 Л. 3 об.

лавки в качестве мест для сидения постепенно сменялись стульями со спинкой. В домах с незначительным материальным достатком стулья, как правило, были деревянными. Их выкрашивали под дуб или орех[49]. Клирики обеспеченных приходов могли себе позволить приобрести удобные венские стулья, обитые мягкой материей, мода на которые в конце XIX в. добралась и до оренбургской провинции. Шесть таких венских стульев было, например, у протоиерея Оренбургского кафедрального собора Николая Сергеевича Сперанского[50]. Появились в домах священнослужителей и наборы мягкой мебели, состоящие из дивана, нескольких кресел и пуфика[51]. Встречалось даже упоминание о специальном «диванном столике»[52], который сейчас чаще называют «журнальным».

В описаниях интерьеров домов городского приходского духовенства встречается очень мало предметов домашнего обихода, которые носили бы чисто декоративный характер. В основном для украшения помещения использовались настенные часы и зеркала. Эти вещи встречаются в описи имущества псаломщика Верхнеуральска Никифора Константиновича Товтухина[53].

Горожане «попроще», переселявшиеся в город в поисках лучшей доли, как правило, довольствовались съемным жильем. Частью своего жилого пространства делились дворяне, купцы, мещане – обладатели собственных домов и квартир. Так, у Гусева-Оренбургского в повести упоминался дом мещанки Скворцовой, который она сдавала приезжающим в город священникам: «Гостям была предоставлена лучшая комната, – хозяйская зала с обширными кипарисовыми сундуками под ковром, – светлыми обоями и геранью на окнах»[54]. В мемуарах К.Н. Теплоухова упоминалось о том, что в Челябинске некая Софья Семеновна Протопопова сдала ему в своем доме на Александровской

[49] ГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 174. Л. 2.
[50] ГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 199. Л. 2.
[51] ГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 208. Л. 2; ГАОО. Ф. 176. Оп 1. Д. 209. Л. 3.
[52] ГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 157. Л. 2 об.
[53] ГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 174. Л. 2 об.
[54] Гусев-Оренбургский С.И. Страна отцов... С. 126.

площади «низ из трех комнат – очень недорого». Наверху в том же доме жил еще один акцизный контролер – «Константинов, юрист, неглупый парень»[55]. Однако такой комфорт был, скорее, исключением.

Во сколько же могло обходиться проживание «независимому человеку» (по словам П.И. Небольсина)? По его подсчетам, в середине XIX в. «капиталист или купец», человек семейный, имеющий жену, «старика-отца» или «старуху-мать» и сына или дочь, в летах, «с правом не некоторые позволительные излишества, человек, который не станет сам себе сапоги чистить, или дрова рубить, а человек с некоторыми претензиями на то, чтоб и газету какую-нибудь почитать, и по праздникам во фраке ходить ... ну, чтоб и жена у него не кухаркой ходила, и кофе бы пила», должен был получать около тысячи рублей серебром в год. Эти деньги позволяли содержать прислугу – кухарку (она же и прачка, и горничная) и работника (он же и лакей, и камердинер, и кучер), и время от времени приглашать в дом гостей. Аренда квартиры в уездном городе могла обойтись в сумму около 150 р. сер. в год, дрова для отопления (10 кубических сажен) – в 25 р. сер., свечи (сальные, 5 пудов) – 17,5 р. сер., плата работнику – в 30 р. сер., плата кухарке – в 15 р. сер. На питание в год требовалось 168,15 р. сер. Эта сумма включала в себя в том числе 7 пудов мяса и рыбы на всех в месяц. На чай, сахар и кофе требовалось в год еще 90 р. сер. Водка (8 ведер в год) и виноградное вино (по 4 бутылки «чисто иностранного, соболевского изделия» в месяц) – еще в 80 р. сер. Табак и сигары обходились в 20 р. сер. в год, «гардероб господский – мужской 60 р., женский – 50 р.», «удовлетворение необходимыми надобностями в отношении к церкви 8 р.», «воспитание ребенка 150 р. с.», «выписка журнала 16 р. 50 к. с.», «корреспонденция, по большим

[55] Теплоухов К.Н. Мемуары ... С. 24, 25.

праздникам стеариновые свечи, лакомства и другие непредвиденные расходы 43 р. с.». На ремонт посуды, мебели и пр. закладывалось еще 15 р. сер. в год[56]. Однако большинство чиновников не дотягивали в плане жалования до требуемой суммы[57]. Значит, уровень их жизни должен был снижаться по сравнению с вышеперечисленными запросами.

«Квартирный вопрос» остро стоял в Оренбурге практически всегда. Так, И.Ф. Бларамберг, оказавшийся в Оренбурге в 1841 г., снимал «дом из шести комнат, кухни, конюшни и кладовой. В доме, к сожалению, совсем не было мебели», и Иван Федорович был вынужден приобретать «ее постепенно, не без труда», а первое время «был вынужден жить как на биваке». «За дом из шести-семи комнат, конюшни, амбара, прачечной, ванной, ледника и кладовой» Бларамберг платил в год 170 руб. сер., а когда позже он переехал в «больший дом с маленьким садом», стал платить 200 руб. сер. ежегодно[58].

Ф.И. Базинер, попавший в Оренбург в 1842 г., отмечал, что в снятой им квартире «меблировка была крайне скромна: два стола наподобие кухонных, несколько столь же грубо сделанных стульев с деревянными сиденьями и подобная же кровать»[59].

В «Оренбургских письмах» М. Михайлова упоминалось о том, что квартиры в Оренбурге были «дороги и неудобны». Квартира, сдаваемая в аренду за 300 р. в год без дров, по определению была «невзрачная, далеко не такая, какую можно найти за эти деньги в любом губернском и даже во многих уездных городах». «Порядочных» из них набиралось всего десятка полтора, а остальные были «грязны и зимою холодны». Большим недостатком этих «семейных квартир» было расположение кухонь на другом конце двора. В кухнях собирался всяческий сброд. Зимой бураны, а летом пыльные

[56] Небольсин П.И. Рассказы проезжего ... С. 180–181.
[57] Любичанковский С.В. «Пролетарии двадцатого числа» ... С. 304.
[58] Бларамберг И.Ф. Воспоминания ... С. 136.
[59] Гра А. Оренбург 40-х годов XIX столетия по описанию Базинера ... С. 4.

бури делали эти кухни крайне неудобными как в плане контроля за приготовлением пищи, так и в контексте подачи блюд к столу. Приготовленная еда моментально остывала, либо покрывалась пыльным налетом[60]. С другой стороны, такое отдельное расположение кухни позволяло не «чувствовать носом за несколько еще часов до обеда все приготовляемые кушанья»[61].

В Челябинске, по словам современницы, журналистки А.М. Нечаевой, также было «очень трудно найти удобную квартиру»[62]. Хотя город располагал и маленькими домами-особнячками, и многоквартирными домами, жилищная проблема здесь стояла весьма остро. Превратившись в узловую станцию нескольких железных дорог, Челябинск на рубеже XIX–XX вв. стал быстро увеличивать свое население. Рост городского жилищного фонда совершенно не успевал за ростом числа городских жителей.

Проезжавший в 1890 г. через Челябинск Д.Н. Мамин-Сибиряк в рассказе «Ночевка» описал все прелести своего пребывания в городе, когда содержатель постоялого двора Афоня, пока строился новый дом, разместил его у себя, «в небольшом флигельке», предложив жилье «в полное наше распоряжение, даже вместе с какой-то девицей, спавшей посреди пола в довольно откровенной позе». Попытка выпить чая превратилась для писателя в непрерывную войну с мухами, которые «самым нахальным образом облепили стол, хлеб, сахар, кринку с молоком, лезли в рот, падали в горячий чай, и вообще получался какой-то мушиный шабаш. Пока несешь стакан с чаем, в него мухи валились буквально десятками...». Кучер Андроныч, отважившийся заночевать во флигеле, вынужден был сбежать оттуда через пару часов, утверждая, что Афоня «настоящее муравьище развел у себя – и клопы, и блохи, и тараканы, и мухи. Точно в крапиве проснулся...»[63].

[60] Михайлов М. Оренбургские письма... С. 28.
[61] Гра А. Оренбург 1840-х годов XIX столетия по описанию Базинера ... С. 5.
[62] Нечаева А.М. Челябинские впечатления ... С. 237.
[63] Мамин-Сибиряк Д.Н. Ночевка ... С. 177, 178.

Челябинск. Особняки

Основным типом домов в Челябинске, по данным за 1885 г., были скромные строения, стоимость которых определялась до 200 р. Они принадлежали, в основном, мещанам и отставным военным, в том числе казакам. По сведениям, собранным Н.Н. Алеврас, значительная «часть их домов находилась в таком ветхом состоянии («малоценные»), что не подлежала налоговому обложению»[64].

К.Н. Теплоухов, оказавшийся в Челябинске по делам службы и осевший там надолго, «выписав» семью из Перми (жена, три дочери и два сына), до того, как ему удалось построить собственный дом, неоднократно сталкивался с жилищными проблемами. Свою первую «семейную» квартиру он нашел «с большим трудом». «В Челябинске в это время находилось Управление всей Сибирской ж. д, – масса служащих, город переполнен. Квартира очень плохая – большая, но низкая, сырая, холодная, – до нас в ней помещалась пивная лавка; цена 20 рублей»[65]. В этой квартире Константин Николаевич заболел брюшным тифом, зара-

[64] Алеврас Н.Н. Челябинск в XVIII – начале XX века ... С. 25.
[65] Теплоухов К.Н. Мемуары ... С. 13.

зившись через отхожее место от прежних владельцев. Врач прописал ему горячую ванну дважды в день, что повергло супругу Теплоухова в отчаяние – «надо в незнакомом городе найти ванну в мой рост и натаскать, и согреть 20-30 ведер воды...»[66]. Водопровода в Челябинске, как мы видим, не наблюдалось.

Вторая квартира «оказалась из трех комнат и большой передней – светлая, довольно чистая, но очень холодная. Зимой – при хорошей топке по ночам t падала до 6° ... кухня была в подвальном этаже»[67]. Следующая квартира ценой в 20 р. была «очень нарядная: три хороших, светлых комнаты, обтянутых материей, большая передняя, – кухня отдельно через коридор»[68]. Наконец, четвертая арендованная квартира по той же цене была «очень большая: три громадных комнаты, четвертая – поменьше, кухня – отдельно, большие сени, передняя, – но ... оказалась сырой и холодной настолько, что с наступлением зимы одну комнату заколотили»[69].

Верхнеуральск описывался современниками как «деревянный город», поскольку даже в середине 1860-х гг. в нем, за исключением собора, не было ни одного каменного строения[70]. На быт его жителей заметное влияние оказало открытие золотого промысла, способствующего росту благосостояния горожан – почти все жители Верхнеуральска жили в собственных домах. Однако можно было обзавестись и съемным жильем: квартира стоила от 1 до 10 руб. без отопления, а квартира «со столом» – от 6 до 10 руб. в месяц[71].

В конце XIX – начале XX века забота о комфорте постояльцев наконец заняла место безразличного отношения собственников к арендаторам. Если в конце 70-х гг. XIX в. оренбургское квартиры были «...все без мебели (которую достать здесь очень трудно и дорого), холодны и неудобны, а цены от

[66] Теплоухов К.Н. Мемуары ... С. 14.
[67] Там же. С. 15.
[68] Там же. С. 26.
[69] Там же. С. 36.
[70] Игнатьев Р.Г. Верхнеуральск ... С. 114.
[71] Там же. С. 130.

120 до 600 руб. и дороже в год»[72], то ближе к началу века XX в договорах об аренде жилья можно было встретить четко прописанное обязательство арендодателя обеспечивать арендаторам комфортные условия жизни.

Как отмечает в своей книге Г.Н. Ульянова, появление «квартир с удобствами» было вызвано резким изменением структуры городского населения. В 1870–1880-х гг. в города «хлынула толпа новых поколений горожан». Это могли быть «люди простого происхождения, которые, благодаря полученному с немалыми усилиями среднему и даже высшему образованию, смогли получить приличное место в банке, фирме, на железной дороге. Реже – представители молодого поколения зажиточных дворянских и купеческих семей, вылетевшие из родительского гнезда, тесного для всех, но не имевшие достаточных доходов, чтобы купить собственный дом»[73].

Так, например, в «Оренбургской газете» в 1901 г. был дан ряд объявлений: «НУЖНА КВАРТИРА в Центральной части города с парадным ходом в 4–6 комнат, предложения адресовать: Центральная гостиница»[74]; «НУЖНА КВАРТИРА в 3–4 комнаты, близ Караван-Сарая. Адрес в редакции для Ф.К.»[75].

Вначале коммерсанты сдавали внаем то, что уже было построено. Так, в 1898 г. жена оренбургского потомственного почетного гражданина Анна Николаевна Путолова и правление оренбургского Общества взаимного кредита заключили договор, по которому Путолова сдала правлению Общества в арендное содержание помещения в принадлежащем ей каменном двухэтажном доме, в том числе две квартиры для артельщиков и три квартиры для швейцаров и сторожей[76].

Согласно договору, «...помещения для лошадей, коров и вообще домашнего скота, держать» во дво-

[72] Лобысевич Ф.И. Город Оренбург ... С. 16.
[73] Ульянова Г.Н. Доходный бизнес на доходных домах... С. 11.
[74] Оренбургская газета. 1901. № 1250. С. 4.
[75] Оренбургская газета. 1901. № 1251. С. 5.
[76] ГАОО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 5. Л. 46.

[77] ГАОО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 5. Л. 46.
[78] ГАОО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 5. Л. 46–46 об.
[79] Оренбургская газета. 1910. № 286. 25 декабря.

ре дома не разрешалось[77]. В свою очередь, арендодатель передавал арендующей стороне квартиры с «отоплением всех помещений, за исключением лишь кухонных печей... которые должны отапливаться нанимателем». Владелица дома должна была с помощью «водяного отопления» отапливать помещения так, «чтобы в холодное время года все помещения имели температуру не ниже 14–15 градусов тепла по термометру Реомюра [17–18 градусов по Цельсию – авт.][78].

Купеческие дома могли заселяться поэтажно. Так, например, по воспоминаниям жительницы Оренбурга, представительницы купеческо-мещанской династии Дегтяревых, она с родителями жила в собственном доме на первом этаже, а второй этаж занимало семейство какого-то офицера. А в «Оренбургской газете» за 1910 год было дано объявление: «Желают сдать с лета 1911 года второй и третий этаж по Гостинодворской улице, против Главного рынка, под торгово-промышленное заведение или квартиру. Отд-ка [видимо, «отделка» – авт.] по соглашению. Спросить Никиту Архиповича Смочилина, Введенская улица, против Нов. Собора»[79].

Александр Дмитриевич Дегтярев

Раньше в распоряжении домохозяина, как правило, находился целый двор или усадьба. Теперь все чаще в сфере частного пространства оставались лишь квартиры и комнаты. Придомовое пространство приобретало общественный характер и уже не зависело от вкусов и желаний жильцов. Сокращение приватного пространственного поля приводило к тому, что владе-

лец квартиры начинал с большим вниманием относиться к деталям окружавшего его пространства.

Размеры комнат уменьшались, а количество вещей в них неуклонно росло. Промышленный переворот, завершившийся в России к концу XIX в., позволил наполнить дом разнообразной дешевой утварью фабричного производства. В итоге дом оказывался заполненным «разнообразной мебелью, частью обитой дешевым, но ярким сатином, плюшем, атласом»[80], милыми, но массовыми предметами обихода. Вещи переставали быть капиталом, передаваемым по наследству, и превращались в способ обретения комфорта и получения эстетического удовольствия.

Однако в Оренбургской губернии обставить квартиру по своему вкусу рядовым горожанам было сложно. Т. Базинер, заказавший для себя в Оренбурге квартиру из Петербурга за месяц до своего приезда, нашел ее в следующем виде: «Хотя и здесь меблировка была крайне скромна: два стола наподобие кухонных, несколько столь же грубо сделанных стульев с деревянными сидениями и подобная же кровать...»[81]. «Мебель составляет в Оренбурге редкость и хлопоты для приезжих, — писал Михайлов. — Если кто, по своим средствам, не может или из расчетов не желает выписать весь необходимый для него ассортимент мебели из Москвы или Петербурга, то в Оренбурге он должен запасаться ею исподволь, посредством заказов, исполняемых весьма медленно, или покупать, что придется, с толчка. Бывает, что, при отъезде одного и приезде другого лица, мебель первого переходит к последнему. [...] На толчке, обыкновенно, можно встретить только крашеную мебель — простые стулья, столы и кровати самой топорной работы. [...] Мебельных лавок в Оренбурге нет, да и мебельных мастеров — крайних бедняков по большей части — тоже мало. Пред Рождеством, а иногда

[80] Яхно О.Н. Провинциальный город на рубеже XIX–XX веков: противоречивая повседневность // Уральский исторический вестник. 2008. № 1 (18). С. 22.

[81] Цит. по: Гра А. Оренбург... С. 4.

и летом, привозится сюда так называемая *вятская* мебель, между которой бывает и ореховая, но она требует еще обивки, окончательной полировки, да и подчас расклеивается. [...] Рояли, которые встретите в здешних домах, все без исключения из столиц, зеркала – также, хотя последние уродливого фасона, более из Москвы»[82]. Примерно о том же писал спустя 12 лет и Ф.И. Лобысевич, отмечавший, что «квартиры и гостиницы в Оренбурге не могут похвастаться комфортом; первые все без мебели (которую достать очень трудно и дорого), холодны и неудобны»[83]. В Челябинске торговля, в том числе и предметами домашнего обихода, велась в основном «привозными товарами московских и варшавских фирм»[84].

В такой ситуации спасением была покупка мебели «с рук». Объявления в оренбургских газетах гласили: «Продается разная гостиная и столовая мебель в доме Масленниковых, на углу Неплюевской и Безаковской улиц, дом № 44/48, видеть можно там же»[85]; «ПРОДАЕТСЯ. Хорошая мягкая мебель, обитая штофной шелковой материей, гардероб, этажерка для книг и другие вещи. Видеть можно 26, 27 и 28 августа с 12 ч. до 4 ч. в доме Нехорошевых на Неплюевской ул.»; «По случаю продается мягкая мебель, буфет, комод, большой диван, каток [имеется в виду каток для белья – авт.] и пр. Мастерской переулок д. № 4»[86], «Случайно продаются дубовый письменный стол и ореховая гостиная мебель хорошей работы. Скупщикам не приходить. Воскресенская ул., д. Мясниковой»[87].

Рубеж веков стал временем быстрого внедрения в домашний обиход всевозможных технических новинок. В 1864 г. в Оренбург прибыли братья Зальцфиш, которые привезли с собой керосиновые лампы. Лампы эти, как гласило объявление, были «разных форм, очень красивые, при употреблении не требуют никакой чистки, кроме обтирания

[82] Михайлов М. Оренбургские письма... С. 35–36.
[83] Лобысевич Ф.И. Город Оренбург... С. 16.
[84] Нечаева А.М. Челябинские впечатления ... С. 238.
[85] Оренбургская газета. 1901. № 1250. С. 4.
[86] Оренбургская газета. 1901. № 1287. С. 4.
[87] Оренбургская газета. 1910. № 286. С. 6.

пыли, зажигание и гашение их очень просто, свет от них так бел и блестящ, что самая малая заменит пять, а поболе размером ответит за десять свечей стеариновых». Кроме ламп братья Зальцфиш привезли в Оренбург массу самых разных новинок – «...и рижские весы, и новоулучшенные фонари, и альбомы для фотографических карточек и наконец очки с перескопическими стеклами для сохранения и укрепления зрения»[88].

Для женщин желанным приобретением могла стать швейная машинка, реклама которых стала активно появляться на страницах местной прессы. Швейные машины «всех лучших современных систем и конструкций для различного рода работ» предлагал в Оренбурге магазин А.В. Гольдебаева. Предоставлялась рассрочка платежа и пятилетняя гарантия качества. Швейные машины производства компании «Зингер» можно было приобрести в Оренбурге на Николаевской улице в доме А.И. Назаровой. Там же можно было бесплатно научиться шитью и художественной вышивке[89].

Особой диковинкой стали граммофоны, появившиеся на рубеже 80-90-х гг. XIX в. В оренбургских газетах об этих технических изобретениях даже стали печатать анекдоты:

«– Весело было вчера у Пташкиных?

– Очень весело! Они граммофон купили, и он весь вечер нам анекдоты рассказывал... мы просто животики надорвали, смеявшись...»[90].

В другой газете через объявление продавался «оркестрион с валами разных пьес»[91]. Оркестрион представлял собой самоиграющий механический музыкальный инструмент, работавший с помощью пружинного механизма. Музыкальные пьесы фиксировались на вращающемся валу в виде выступов, расположенных особым образом.

Быстрый рост территории Оренбурга после упразднения крепости и противопожарных мero-

[88] Цит. по: Столпянский П.Н. Город Оренбург ... С. 270–271.
[89] Оренбургская газета. 1901. № 1287. С. 6.
[90] Оренбургская газета. 1901. № 1116. С. 6.
[91] Оренбургская газета. 1901. № 1250. С. 6.

приятий конца 1870-х – начала 1880-х гг. все же не соответствовал скорости увеличения городского населения. Следствием этого стало увеличение в Оренбурге числа «припущенников» – мещан, арендующих участок для строительства дома не у города, а у другого мещанина-землевладельца. После пожара 1879 г. погорельцы получили новые дворовые места больших размеров (10 на 19 саженей – 21 на 40 м) на территории за бывшим городским валом, в т.н. Новой слободке. Владелец земли строил на этой земле небольшой домик, а оставшееся пространство сдавал в аренду более бедному земляку. В результате «на обширном дворовом месте, вполне обеспеченном от пожаров, как грибы после крупного июльского дождя, вырастали хаты, хибарки, землянки "допущенников"»[92]. Такое жилье обычно представляло собой четырехугольную яму, обложенную изнутри досками, с утоптанным земляным полом. Туда помещалась печка. На потолок клались горбыли или, в лучшем случае, возводилась крыша, через которую наружу выводилась печная труба. Иногда вместо землянок строили саманные сооружения из глины, смешанной с соломой, песком или другими наполнителями.

«И в этих землянках и хатках живут люди – да, целые семьи, душ 5–8, а иногда и больше, – писал Столпянский. – Кряхтит на печке старуха-бабушка, которую Бог почему то забыл и которая, не смотря на свои 90 лет, свою лямку жизни, вечное недоедание, вечные побои, адский труд – все еще скрипит и живет; суетится хозяйка, мать многочисленного семейства, еще молодая женщина, но уже состарившаяся, с морщинами, застывшими глазами, изнеможенным лицом, пищат мал-мала меньше рябятишки и .. и бьется, как рыба об лед, "сам" хозяин, допущенник, в громадном большинстве случаев чернорабочий, т. е. с дневным заработком от 40 до 60 копеек (в среднем)»[93]. Таким образом,

[92] Столпянский П.Н. Город Оренбург ... С. 95.
[93] Там же. С. 96.

частный быт таких «допущенников» был весьма схож с бытом городских люмпенов, хотя формально они считались мещанами.

В Орске была аналогичная слободка — «бывший форштадт Орской крепости», населенная «бедным классом — солдатами, крестьянам и мещанами, занимающимися или, говоря относительно переселенцев, желающими заниматься земледелием, мелкой торговлей и отчасти ремеслами. Дома в слободке расположены так, что часто на одном дворе бывает по 3 и 4 избы, принадлежащие разным хозяевам, бывает даже и так, что одна и та же изба, разделенная сенями, принадлежит двум хозяевам»[94].

Население оренбургской Новой слободки представляло собой наиболее «бедную и малокультурную» часть горожан. По словам Столпянского, «значительная часть из него являются землепашцами, т. е. снимают около города участки земли, которые и обрабатываются, таким образом эта часть населения занята лишь весну-осень, остальное время проживает без работы, на заработок лета. Затем в Новой слободке живет чернорабочий города и значительная часть татар»[95]. «Мещане — земледельцы, хотя и отличаются сравнительным достатком, но самое их занятие способствует к малому развитию культурности, и делает их наиболее консервативным элементом населения. Другая же часть населения — чернорабочие — живут изо дня в день нищенским заработком».

В Орске, по словам Р.Г. Игнатьева, «в особенности в предместье его, так называемой слободке, стало тесно; здесь часто в маленькой избушке или землянке помещается по 15, 20 человек и более»[96]. В основном это были переселенцы, ищущие свободной земли и лучшей доли.

В центральной части Оренбурга квартиры были оборудованы удобствами — в них имелись водо-

[94] Игнатьев Р.Г. Однодневное исчисление жителей г. Орска ... С. 136.
[95] Столпянский. Город Оренбург ... С. 103–104.
[96] Игнатьев Р.Г. Однодневное исчисление жителей г. Орска ... С. 135.

провод и ватер-клозеты. В 1879 г. Надежда Яковлевна Путолова, супруга оренбургского купца 2-й гильдии, перестраивая свой дом после грандиозного пожара, случившегося в городе в том же году, просила разрешения «перестроить вновь каменную трехэтажную лестницу с ватерклозетом и отводом нечистот»[97].

В бывших же пригородах — городских слободках, этими благами цивилизации жители не пользовались, довольствуясь колодцами и выгребными ямами. Во время эпидемии холеры, случившейся в Оренбурге в 1892 г., санитарная комиссия проводила осмотр и очистку городских пространств от нечистот. При этом в 4-й части города (как раз в Новой слободке) комиссия не могла устраивать ретирады, поскольку «жители этой части не знали такой роскоши, как ретирады, из 1182 домов, помещавшихся в этой части, у 860 домов ретирадов не было, но зато во дворах были поистине залежи навоза для делания кизяка»[98].

В Челябинске тоже были такие районы. Вплоть до 1890-х гг. «большинство обывательских домов были жалкие хибарки с 2—3 оконцами»[99]. С проведением через город Сибирской, а затем Пермской железной дороги рост города пошел ускоренными темпами. Время нахождения в Челябинске управления Западно-Сибирской железной дороги стало «золотым временем» для домовладельцев. По словам В.А. Весновского, «под квартиры сдавались не только дома, но даже бани и всякого рода амбарушки, наскоро приспособленные для жилья». В кратчайшие сроки «было построено несколько сотен домишек, которые с бою и за баснословные цены брались приезжим людом, кормившимся около железной дороги»[100].

В крупных поселках, расположенных возле железнодорожной станции — Николаевском, Колупаевке, Порт-Артуре, проживали железнодорожные

[97] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 874/21. Л. 8.
[98] Столпянский П.Н. Город Оренбург ... С. 180.
[99] Весновский В.А. Весь Челябинск ... С. 12.
[100] Там же. С. 13.

служащие. По словам современницы, Порт-Артур являл собой пространство, застроенное без четкого плана самыми разными постройками, «начиная от тесовых изб с палисадниками и кончая лачугами, сложенными из гнилых железнодорожных шпал. Нередки здесь и землянки, вырытые прямо в земле и обложенные хворостом»[101].

Такие же дома описывали жители Оренбурга и на рубеже XVIII–XIX вв., и на столетие позднее. По их словам, Оренбург представляет «любопытные образчики таких "земляных хижин"». «В одной из таких землянок, почти обок с Николаевской улицей прожила несколько лет пресловутая Жакмон. А на дворе дома Кокушкина по Троицкой улице занимает квартиру семья гармониста в землянке такого рода: вы видите только яму в земле, это — вход, да замечаете небольшой бугорок на поверхности земли, с оконицей по скату и трубой на верхушке»[102].

Такие условия жизни в рабочих поселках, появлявшихся в связи с индустриализацией рубежа

[101] Нечаева А.М. Челябинские впечатления ... С. 239.
[102] Ардашев Н.Н. К 100-летнему юбилею Оренбургской губернии. От автора // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. II. Оренбург, 1897. С. 6.

Челябинск. Поселок Порт-Артур

XIX–XX вв. на окраинах российских городов, были вполне типичны. Примерно так же описывает жизнь рабочих Западной Сибири В.Н. Фаронов[103]. Жили грязно, пьяно, скученно. При этом люди, живущие в таких условиях, вряд ли имели возможность когда-либо изменить условия своего существования. Как писал С.И. Гусев-Оренбургский, они «ходят по улицам с гармониками, поют разухабистые и циничные песни, заводят драки с истощенными женами, и отголоски разгула их долетают до "центра", который с нагорья смотрит на них угрюмо и подозрительно, пока стоокая ночь не уложит их под заборами в грязных канавах или вонючих конурах, называемых жилищами»[104].

В итоге становится возможным констатировать. что бытовая составляющая повседневной жизни горожанок Оренбургской губернии во второй половине XIX – начале XX в. значительно разнилась в зависимости от их сословной принадлежности. Интерьер и предметное наполнение квартир и комнат в большей степени были выражением не индивидуальных, а групповых вкусов и зависели от господствующих в обществе представлений о красоте и моде, носивших общероссийских характер. Спецификой вещно-предметной среды, окружавшей зажиточного городского жителя Оренбургской губернии в пореформенный период, были тотальный дефицит и дороговизна качественных предметов интерьера, связанные с отдаленностью региона, отсутствием здесь высокопрофессиональных ремесленников и постепенным сокращением офицерско-чиновничьей аристократии (основных потребителей продукции высокого качества) после отмены оренбургского генерал-губернаторства.

[103] Фаронов В.Н. Жилищно-бытовые условия у рабочих Западной Сибири конца XIX – начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4-1 (88). С. 267.
[104] Гусев-Оренбургский С.И. Страна отцов ... С. 121.

3.2. Супружеские отношения в семьях оренбургских аристократок в пореформенный период

В российской исторической парадигме история повседневности стала предметом специального анализа лишь на рубеже XX–XXI вв., однако, она по-прежнему остается не вполне институциализированной областью исследований. Именно поэтому исследований, посвященных повседневным семейным практикам женщин-дворянок, в рамках отечественной историографии было создано немного. Большая часть работ при этом была посвящена дворянству XVIII – первой половины XIX века, находившемуся в эту эпоху в состоянии расцвета. Отмена крепостного права и последовавшие за ним кризисные явления в экономическом и социальном положении дворянского сословия несколько снижают интерес исследователей к указанным проблемам.

Тем не менее, различные аспекты семейной жизни дворянства второй половины XIX – начала XX века в настоящее время активно осваиваются научным сообществом. По мнению Е.А. Пашковой, «общее направление, в котором происходило развитие дворянской семьи в пореформенный период, шло в сторону либерализма и гуманизации внутрисемейных отношений»[105].

Этот вывод подтверждается и в фундаментальном исследовании Б.Н. Миронова, посвященном социальной истории Российской империи. Автор утверждал, что трансформирующийся «менталитет образованного русского общества оказывал положительное влияние на демократизацию отношений в семье, на превращение патриархальных семей в эгалитарные, в которых отношения между супругами строятся на основе равенства»[106].

Среди десятков различных публикаций следует выделить работы В.А. Временко. Валентина Александровна подчеркивает, что исследуемый период представляет собой эпоху «кардинального изменения структуры российского общества. Патриархаль-

[105] Пашкова Е.А. Трансформация культурных ценностей в пореформенный период и проблемы семьи в дворянской среде // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2002. № 1 (13). С. 112.

[106] Миронов Б.Н. Социальная история России. XVIII – начало XX в. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 263.

ные традиции уходили как из сферы межсословных отношений, так и из межличностных внутрисемейных связей»[107]. В монографии «Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.)»[108] В.А. Временко проанализировала изменения, произошедшие в дворянской семье в условиях модернизации, выделила этапы ее эволюции. По мнению автора, на рубеже XIX–XX вв. дворянская семья переживала кризис, проявлениями которого стали разъезды супругов, постоянно увеличивающееся число разводов, конфликты отцов и детей в законных семьях и рост числа незаконнорожденных детей.

Государственная политика в сфере дворянской семьи сочетала в себе детальную регламентацию имущественной сферы семейной жизни и предельно общее, построенное не на правовых, а на моральных принципах, определение взаимных прав членов семьи, опору на неписаные обычаи и применение практики нарушения закона в форме монаршей милости.

Из публикаций А.В. Беловой, следует, что женские взгляды на брак, семью и другие бытовые вопросы отличались крайним разнообразием реакций, часто выходивших за рамки нормативных и поведенческих стереотипов. Как отмечает автор, при «меньшем динамизме, большей размеренности и консерватизме провинциальной повседневности некоторые социокультурные условности, накладывавшие ограничения на индивидуальные самопроявления дворянок, отменялись в ней гораздо легче, чем в условиях неукоснительного соблюдения норм столичного этикета»[109].

В статье С.С. Селиверстова также утверждалось, что повседневная жизнь дворянина «во многом зависела от его социального статуса и выполняемых им служебных обязанностей»[110], то есть отличалась существенным разнообразием.

[107] Временко В.А. «Кухонная модернизация» и дворянская семья в России второй половины XIX – начала XX века // Государство, капитализм и общество в России второй половины XIX – начала XX вв. Материалы Всероссийского (с международным участием) научного семинара. Сборник научных работ. Череповец, 2017. С. 180.

[108] Временко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб., 2009.

[109] Белова А.В. Женская дворянская повседневность в контексте гендерно чувствительной социальной истории // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: история России. 2007. № 2 (8). С. 9–10.

[110] Селиверстов С.С. Повседневная жизнь дворянской семьи Наумовых // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2009. № 11 (15). С. 134.

Таким образом, практически все современные авторы сходятся во мнении, что дворянство было той социальной группой, в которой модернизация внутрисемейных отношений в пореформенный период проявила себя наиболее ярко. В зависимости от столичности или провинциальности региона, его исконности или новизны в составе империи семейная повседневность дворян различных губерний могла разительно отличаться.

Как уже отмечалось ранее, по данным Переписи 1897 г. в Оренбургской губернии в составе городского населения дворяне насчитывали 5,56 %, представляя третью по численности сословную группу после мещан (60 %) и крестьян (23,91 %)[111]. В городских центрах региона процент дворян был неодинаков, варьируясь от 8,04 % в Оренбурге до 0,6 % в Илецкой Защите.

Почти 45 % дворянок, проживавших в городах Оренбургской губернии, были рождены за ее пределами. Это были жены или дочери офицеров, либо чиновников, приехавшие вместе с мужьями и родителями к месту их службы. Так, например, в Оренбурге иногубернское происхождение имели 1 281 дворянок (42 % от общего числа дворянок в городе), в Челябинске – 408 (66 %), в Троицке – 171 (40 %), в Орске – 35 (39 %), в Верхнеуральске – 66 (30,5 %) и в Илецкой Защите – 17 (39,5 %)[112]. Разница мест рождения усугубляла и без того ощутимую пестроту местной аристократии, о которой писали оренбургские авторы. Как подмечал Ф.И. Лобысевич, ротация чиновничества происходила в городе непрерывно, «так что Оренбург прозван весьма верно почтовою станцией...»[113].

Отсутствие сплоченного сообщества городских старожилов «от аристократии» приводило к тому, что нравы в городской верхушке царили самые что ни на есть свободные. Н.Г. Залесов в своих «Запи-

[111] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. XII.
[112] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 22–23.
[113] Лобысевич Ф.И. Город Оренбург ... С. 21.

ских», рассказывая о жизни высшего общества при губернаторе В.А. Перовском, писал, что «большинство хорошеньких дам высшего оренбургского общества ... веселились до упаду на балах Перовского, дома жили привольно, благодаря его же милостям и в силу этого и прекрасной его наружности только и хлопотали о том, чтобы сойтись с ним поближе. К сожалению, желающих было много, а избранных мало, и потому многие удовлетворились тем, что отдали свои симпатии кому-либо из близких Перовскому лиц из той блестящей толпы светской молодежи, которую привез он с собой из Петербурга». В результате, к моменту появления в Оренбургской губернии следующего губернатора Обручева, «половина молодых дам из высшего круга уже была замешана в разных интригах»[114].

По версии современников, во время первого губернаторства В.А. Перовского (1833–1842 гг.) к нему в Оренбург приехала баронесса Зальц, оставившая в Петербурге мужа, важного сановника. Через некоторое время она родила мальчика, которого В.А. Перовский назвал Алексеем и воспитывал как своего приемного сына[115]. Во время второго губернаторства Василия Алексеевича (1851–1857 гг.) Анна Осиповна Жидкова, жена адъютанта наказного атамана Оренбургского казачьего войска, по словам И.В. Чернова, «сумела привлечь к себе Перовского, но последствием этого было то, что муж ее, переведенный адъютантом к Перовскому и быстро пошедший по служебной лестнице, разошелся с женой, возвратил ей полученный в приданое капитал и уехал в Петербург»[116].

Во второй период своего губернаторства Перовский привез с собой в Оренбург статского советника Василия Васильевича Григорьева, эрудита, географа, археолога, нумизмата. В 1854 г. он был назначен на пост председателя Оренбургской пограничной комиссии. Как писал И.В. Чернов, Гри-

[114] Залесов Н.Г. Записки // Русская старина. 1903. № 114. Май. С. 282.
[115] Семенов В.Г. Унаследовал дерзость отца // Вечерний Оренбург. 1997. № 47. 20 ноября. С. 10.
[116] Чернов И.В. Заметки по истории Оренбургской губернии ... С. 110.

горьев «жил со своей родственницей «как муж, выдавая ее за сестру, а потом женился»[117].

Оренбургский генерал-губернатор А.П. Безак (1860–1864 гг.) ухаживал за женой управляющего винным откупом Ромер – «молоденькой и смазливенькой барынькой, с которой он был в близких отношениях». Как утверждал Чернов, «Безак заменил при Ромер место своего сына, «и говорили в насмешку, что в обыкновенном порядке отец оставляет сыну наследство, а тут вышло наоборот – отец наследовал после сына. Безак до этого был в интимных отношениях с женою Уездного Предводителя Дворянства Виталия Станиславовича Циолковского, посещал его дом и устраиваемые у него вечера»[118].

В повести Плещеева об одной из таких дам полусвета, отделенных, по словам А. Дюма, «от порядочных женщин общественным скандалом, от куртизанок – деньгами...», говорилось: «Это преромантическая дама-с. Это некоторым образом Мария-с. («Полтаву» изволили читать?) Как та в Мазепу втюрилась, так и эта в старца столетнего. Старец был добрый, все ей брильянты дарил. Ну, как же его не любить было? Притом вельможа, значит, все перед ней ничком лежало. Как уехал отсюда, она вослед ему бежать хотела, да муж не пустил. Муж у ней крут попался. Образованнейшая дама-с! По-французски так и режет, и все о любви, о чувствах. И богомольная такая, ни одной обедни не пропустит; да все, знаете, на коленях молится. Видно, Господа Бога просит, не пошлет ей еще вельможного старца с брильянтами и разными муар-антиками»[119].

Показательной для Оренбурга была и судьба Надежды Николаевной Золотухиной, которая, по данным Санитарной комиссии по надзору за проституцией в г. Оренбурге и Форштадте [казачьем предместье Оренбурга – авт.], значилась в перечне

[117] Чернов И.В. Заметки по истории Оренбургской губернии ... С. 177.
[118] Там же. С. 192.
[119] Плещеев А.Н. Пашинцев ... С. 561.

представительниц древнейшей профессии с 20 ноября 1895 г. по 6 июля 1896 г.[120], а в 1898 г. стала законной супругой бывшего оренбургского городского головы, статского советника Николая Акимовича Середы[121]!

Плещеев утверждал, что добродетелью среди женщин, принадлежавших к высшим аристократическим кругам города и губернии, отличались лишь те, кто не мог похвастаться особой красотой: «Вон его половина; белобрысая, с буклями. Тоже, говорят, добродетельная: да кто же с этакою рожей добродетелен не будет. Рада-радешенька, чай, что мужа сыскала»[122]. В результате, «большая часть молодых замужних женщин высшего круга, имевших хотя тень красоты, вела довольно свободную жизнь»[123].

Причинами подобной вольности могли служить различные обстоятельства. Мужья часто были вынуждены покидать своих супруг по делам службы, предоставляя их самим себе. А значит женщины начинали искать себе внимания и чувств на стороне. Или большая разница в возрасте между мужем и женой создавала ситуацию, когда молодая женщина развлекалась, пока ее муж мирно отдыхал дома. Так, например, А. Плещеев, рассказывал о Софье Михайловне, жене отставного ротмистра, который «принадлежал к числу самых снисходительных и добрых мужей. Он предоставлял жене полнейшую свободу действий и даже был очень доволен, что у нее столько поклонников. Сам же он проводил все вечера свои в клубе за картами, играя, впрочем, по маленькой, потому что приехал в Ухабинск для поправления обстоятельств, сильно порасстроеных поездкой с молодою женой за границу и зимой, проведенной в вихре петербургских удовольствий. Он ожидал места, которое должно было скоро открыться, и надеялся, что, просидев на этом месте годика три-четыре, будет

[120] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9023. Л. 209–209 об.
[121] Там же. Л. 257.
[122] Плещеев А.Н. Пашинцев ... С. 561.
[123] Залесов Н.Г. Записки // Русская старина. 1903. № 114. Май. С. 282.

опять в состоянии катнуть если не в чужие края, так в Петербург»[124].

Несмотря на существующую свободу нравов, официально разведенных дворянок в губернии, по данным переписи 1897 г., насчитывалось всего 3, и все они проживали в Оренбурге[125]. Как писал Плещеев, в Оренбурге-Ухабинске «если и пошаливали, то келейно, семейным образом»[126]. Но иногда разногласия между супругами требовали вмешательства Духовной консистории и официального развода.

Причины для развода в дворянских семьях могли быть совершенно различными. Так, например, в фонде Оренбургской духовной консистории Государственного архива Оренбургской области сохранилось дело «О расторжении брака дворянки Евгении Александровны Шотт с мужем Ипполитом Львовичем» (1915 г.). Согласно материалам дела, потомственная дворянка Е.А. Шотт (дочь действительного статского советника Александра Станиславовича Старнавского) обвиняла мужа в том, что последние три года их супружеской жизни Ипполит Львович Шотт (потомственный дворянин, сын действительного статского советника), с которым они обвенчались в Варшаве 15 июня 1907 года, «стал нарушать святость брака прелюбодеяниями с другими женщинами; наконец два года тому сошелся с одною женщиною, живет с нею в одном помещении; женщина эта родила от него ребенка»[127]. На момент расторжения первого для обоих супругов брака Ипполиту Львовичу исполнилось 32 года, а Евгении Александровне — 25 лет. Общих детей у супругов Шотт не было.

Шотты представляли высшую иерархию дворянства Оренбургской губернии. С середины XIX века чин действительного статского советника входил в высшую группу чиновничества, которая определяла основное направление государственной полити-

[124] Плещеев А.Н. Пашинцев ... С. 617.
[125] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 52.
[126] Плещеев А.Н. Пашинцев ... С. 618.
[127] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10484. Л. 1

ки. Отец И.Л. Шотта, Лев Ипполитович, служил оренбургским губернским предводителем дворянства, в 1906–1907 гг. был членом Государственного совета.

Сам Ипполит Львович утверждал, что в семейном разладе виноват не он, а супруга. Как утверждал И.Л. Шотт, «более трех лет тому назад у нас с женой начались семейные несогласия и недоразумения, а затем жена моя Евгения уехала учиться на высшие курсы, а я сошелся с другою женщиною, с которой и начал сожительствовать; теперь от этой женщины я имею ребенка, которого и воспитываю»[128]. Женщиной этой была «девица Екатерина Федоровна Лотко», действительно родившая в сентябре 1913 г. Ипполтиту Львовичу сына Льва.

Такие «свободные» браки во второй половине XIX века были частым явлением в дворянской среде. По словам Е.А. Пашковой, их существование «было санкционировано обществом и оценивалось такими мемуаристами, как Е.А. Штакеншнейдер, Н.В. Шелгунов и др. с большим пафосом»[129]. Проживали Ипполит Львович и Екатерина Федоровна в г. Сухуме (совр. Сухуми) «на горе Чернявского в собственном доме»[130] – в одном из самых красивых аристократичных районов старого Сухума, где располагались виллы и дачи купцов, художников, представителей интеллигенции. Законная же супруга Ипполита Львовича, Екатерина Александровна в это же время жила в Москве на Старо-Монетной улице[131].

По итогам судебного разбирательства брак был расторгнут. Евгении Александровне было разрешено вступить в новый брак «беспрепятственно», а на Ипполита Львовича была наложена 7-летняя епитимья, после исполнения которой он также мог вступить в новый брак[132]. Решение Консистории противоречило нормам статьи 253 Устава духовных консисторий, согласно которому супруг, уличенный

[128] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10484. Л. 12.
[129] Пашкова Е.А. Трансформация культурных ценностей ... С. 113.
[130] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10484. Л. 33 об., 78
[131] Там же. Л. 1.
[132] Там же. Л. 53 об.

в «нарушении святости брака прелюбодеянием», осуждался на «всегдашнее безбрачие»[133]. На исход дела явно повлиял статус ответчика и его вероятные связи в высших властных кругах.

О широком распространении незаконных «гражданских» браков писал в своих воспоминаниях Л.Ф. Пантелеев: «Еще до моей ссылки ... мне пришлось столкнуться с расстройством первоначального брака и новой комбинацией на принципе гражданских отношений. Но насколько широко это явление развернулось за время моего пребывания в Сибири! Мой товарищ разошелся с своей первой женой и сожительствовал с особой, которая в свою очередь покинула своего прежнего мужа. За обедом, однако, присутствовала и прежняя жена моего товарища вместе со своим новым мужем, из чего можно было заключать, что расхождение и новые комбинации состоялись без острых воспоминаний с обеих сторон»[134].

Совершенно по-иному складывались супружеские отношения в ситуации взаимных претензий мужа и жены. Так, в ГАОО сохранилось дело о расторжении брака штабс-капитана 92 резервного пехотного кадрового батальона Константина Августиновича Генисаретского. 15 февраля 1880 г. Константин Августинович в возрасте 24 лет вступил в брак с дочерью надворного советника, секретаря Саратовского городского полицейского управления Александра Сергеевича Смирнова Манефой 17-ти лет[135].

Следует сразу подчеркнуть, что установленные законом правила вступления в брак лиц, служащих по военному ведомству, оговаривались особо в Своде военных постановлений 1869 г. В соответствии со статьей 254 Свода, офицеры для вступления в брак должны были получить разрешение своего командира, который был «обязан рассматривать и окончательно решать вопрос о пристой-

[133] Устав духовных консисторий. СПб., 1883. С. 93.
[134] Пантелеев Л.Ф. По возвращении из Сибири // Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 625.
[135] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 6, 10 об.

ности брака». Для «пристойности» требовалось, чтобы «невеста была доброй нравственности и благовоспитанна. Кроме того, при разрешении брака должно быть принято во внимание общественное положение невесты»[136].

Для получения права на вступление в брак офицер должен был иметь не менее 23 лет от роду, а те, кто еще не достиг 23-летнего возраста, могли жениться только «при представлении имущественного обозначения» (ст. 256) в виде недвижимости, приносящей 300 руб. годового дохода, или банковского вклада в 5 000 р. (ст. 257)[137]. Следовательно, вступивший в брак в возрасте 24-х лет К.А. Генисаретский, был человеком не бедным.

Как писал сам Генисаретский, «я ее [жену — авт.] лелеял, хранил и делил с ней свой трудовой кусок хлеба, она же, Манефа Александровна, всем этим пренебрегла, сменив меня на более зажиточного»[138]. Таким образом, постоянные отлучки мужа по делам службы и отсутствие свободных денег привели его супругу к идее раздельного проживания, в чем, по-видимому, ее поддержали и родители.

Примерно через год после свадьбы Манефа Александровна «стала уклоняться ... от семейной и супружеской жизни», изыскивая средства, чтобы разойтись с мужем и жить самостоятельно. В Саратове, где проживали на тот момент супруги, Манефа Александровна сошлась с «не имеющим чина дворянином Алексеем Сергеевичем Колесниковым, впоследствии бывшим в г. Аткарске нотариусом, бросившим в свою очередь жену свою в г. Саратове на произвол судьбы». Сам Колесников при этом откровенно признавался Генисаретскому «— Я люблю вашу жену, уступите мне ее»[139].

Тесть и теща Генисаретского заявляли ему, что с женой они не сошлись характерами, просили оставить ее в покое: «... Она полюбила другого, ты ее не любишь и с тобою ей трудно жить; средств

[136] Свод военных постановлений 1869 года. СПб., 1907. Книга VII: Прохождение службы по военному ведомству. С. 224.
[137] Свод военных постановлений 1869 года. СПб., 1907. Книга VII: Прохождение службы по военному ведомству. С. 224.
[138] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 22 об.
[139] Там же. Л. 30 об.

у тебя нет, пройдет некоторое время, — найдешь себе подругу жизни и успокоишься»[140]. В итоге Манефа Александровна с Колесниковым стали жить открыто, «предварительно с помощью и по происками отца своего заручившись от меня [К.А. Генисаретского — авт.] письменным согласием на свободное проживание во всех городах России»[141].

Как пишет в своей монографии Б.Н. Миронов, в 1860 г. было принято дополнение к статье 103 Свода законов об обязательном совместном проживании супругов, дававшее право женщинам без развода уклоняться от совместного жительства. Такая возможность появлялась у женщин, чьи мужья были приговорены к ссылке, отличались жестоким обращением с женой или «развратным поведением»[142]. Для получения согласия Алексея Сергеевича на свободное проживание супруги, брату Манефы Александровны, Аристарху, даже пришлось инсценировать факт супружеской измены, заманив Генисаретского в гостиницу «Г. Деттерер» и устроив там его «свидание» с проституткой, которое было прервано вторжением тестя и полицейского чиновника. В письме Генисаретского, выданном жене, сообщалось, что «по сложившимся обстоятельствам» он «недостоин своей жены и, сознавая себя виноватым пред нею», дает ей «полную свободу и иск на расторжение брака с правом за ней»[143].

19 августа 1883 г. в г. Орле Манефа Александровна родила сына Николая[144]. Ее родственники восприняли это обстоятельство спокойно и даже принимали женщину с ребенком у себя во время ее визитов в Саратов[145]. В Оренбурге Манефа Александровна и А.С. Колесников жили «на Цейхгаузной улице в доме Левиных». Колесников служил делопроизводителем Губернского Правления[146].

На требование супруга вернуть ему выданную бумагу Манефа Александровна отвечала отказом, как она объясняла, «во-первых, потому что доку-

[140] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л 30 об.
[141] Там же. Л. 3–3 об.
[142] Миронов Б.Н. Социальная история России. XVIII — начало XX в. ... С. 254.
[143] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 31.
[144] Там же. Л. 3–3 об.
[145] Там же. Л. 6.
[146] Там же. Л. 28 об.

мент этот служит мне как единственное удостоверение о моей личности, во-вторых, он необходим мне для снискания себе средств к жизни, так как я, не имея никакого имущества, приносящего доход, содержу себя единственно личным трудом»[147].

В 1891 г. Манефа Александровна обратилась в Консисторию со встречным иском, обвиняя своего мужа в прелюбодейной связи с «дочерью поручика Евгенией Константиновной Смердовой, чему выставляла свидетелей, и указывала, что вследствие связи Смердовой и ее мужа, Смердова в 1888 г. родила дочь Надежду»[148]. Решением Оренбургской духовной консистории супруги Генисаретские, как совершившие обоюдное прелюбодеяние, были оба преданы семилетней епитимии и оставлены в брачном союзе[149].

В разводе же оренбургского адвоката Евсевия Марковича Городисского с женой Евдокией Захаровной был виноват исключительно сам супруг. Как показывали в бракоразводных документах супруги Городисские, «несчастная встреча в лето 1897 года одного из нас, Евсевия Городисского, в вокзале Белова [знаменитом в Оренбурге ресторане на набережной Урала — авт.] с хористкой Пелагеей Яковлевной Смирновой, с которой он вступил в связь, оказала роковое влияние на нашу дельнейшую семейную жизнь. Небольшие семейные раздоры, к сожалению, происходящие во многих семействах, приняли после этого более острый характер. Смирнова сумела его взять в руки, своими изменами разжигая в нем чувство ревности. Я, Евдокия Городисская, несколько раз покидала свой дом, а я, Евсевий Городисский, в это время окончательно устраивался вместе со Смирновой в одном доме»[150].

Хористки, «бульварные певички» частенько были виновницами семейных скандалов и разводов. Как правило, непременным атрибутом такой артистки был откровенный наряд. В статье Е.Г. Под-

[147] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 8–8 об.
[148] Там же. Л. 316 об.
[149] Там же. Л. 324 об.
[150] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9351. Л. 3.

гайко приводится стихотворение, опубликованное в одной из оренбургских газет в 1897 г.: «Шансонетки же костюм возбуждает пылкий ум. // Говорят, разрез продольный через чур уж своевольный, // Да и стройная спина без границ обнажена, // От такой лихой напасти возгорятся в сердце страсти, — // И тушить их, господа, уезжают в страны льда»[151]. В той же работе была приведена цитата из другой оренбургской газетной публикации: «Вот вам вокзал "Беловка", дела идут там ловко ... // Вот по залу маски шныряют, кавалеров поддевают, увлекают: есть хотят! // Кавалеры к маскам цепляются, больно щипаются ... // Слышен писк, женский визг. Содом настоящий! ...»[152].

9 ноября 1906 г. Городисские подписали прошение в Оренбургскую духовную консисторию о нежелании продолжать совместную жизнь[153]. Евсевию Марковичу на тот момент исполнилось 38 лет, «разлучнице» П.Я. Смирновой — 30. Возраст жены установить не удалось. Ситуация в этой семье была немного нестандартной, потому что Евсевий Маркович в 1894 г. был крещен в православие[154], а его супруга сохранила иудейское вероисповедание. При крещении Евсевия Марковича обоими супругами были даны расписки о сохранении их брака и о том, что рождаемые в браке дети будут крещены по православному обряду, как того требовало законодательство. Евдокия Захаровна показывала, что она «давно имела намерение принять православие, но препятствием к этому сначала служило опасение огорчить старуху мать — ныне уже умершую», а впоследствии, из-за связи мужа со Смирновой, «нежелание этим актом как бы ... закрепить сильнее брачные узы»[155].

Несмотря на имеющуюся расписку, Оренбургская духовная консистория, не проведя никаких бесед с Городисскими, не пытаясь примирить супругов, 11 ноября 1906 г. просто признала брак расторгну-

[151] Подгайко Е.Г. Женщины различных профессии в обывательских стереотипах южноуральских горожан ... С. 609.
[152] Подгайко Е.Г. Женщины различных профессий в обывательских стереотипах южноуральских горожан ... С. 610.
[153] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9351. Л. 3 об.
[154] Там же. Л. 2 об.
[155] Там же. Л. 4—4 об.

тым с разрешением Евсевию Марковичу вступить в новый брак «с лицом христианского вероисповедания, о чем последовал указ причту Градо-Оренбургской Иоанно-Богословской церкви, где на другой день произошло венчание Евсевия Городисского с вышеуказанной девицей Пелагеей Яковлевной Смирновой. Все сделано было с крайней поспешностью, так сказать, очертя голову!»[156].

Такая поспешность не могла не повлечь за собой печальных последствий. В апреле 1910 г. Оренбургская духовная консистория приступила к разбирательству по делу о расторжении брака теперь уже новой жены присяжного поверенного Пелагеи Яковлевны Городисской с мужем Евсевием Марковичем, «по его прелюбодеянию[157]». В ходе судебного разбирательства факт прелюбодеяния Городисского подтвержден свидетелями не был, и в иске Пелагее Яковлевне было отказано «по недоказанности» преступления[158].

Если высшее дворянство городов Оренбургской губернии ориентировалось на жизнь столицы, рядовое дворянство вело жизнь, во многом схожую с существованием мещанства или купечества. В этой среде дольше сохранялись традиционные семейные устои, а требования к заключению официального брака носили обязательный характер.

В сохранившихся метрических книгах оренбургских Петропавловской и Троицкой церквей за 1870–1871 гг. содержится информация о браках, заключенных в ней оренбургскими дворянами. Ориентируясь на Табель о рангах и российское законодательство, удалось определить, что на личное дворянство во второй половине XIX в. имели право гражданские чиновники, дослужившиеся до 9 чина (титулярного советника) и выше (коллежские асессоры 8-го чина, надворные советники 7-го чина). В таблице 9 (приложение) представлены дочери гражданских чиновников, поскольку на их приме-

[156] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9351. Л. 4.
[157] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10223.
[158] Там же. Л. 36 об.

рах легче прослеживаются тенденции, существующие в брачном поведении оренбургского дворянства.

Судя по имеющимся данным, в Оренбурге дворяне не слишком заботились о сохранении социального статуса своих дочерей. Девушек, чаще всего, отдавали замуж за носителей более низких социальных статусов, в том числе за крестьян и солдат. Так, из 9 брачных пар, перечисленных в таблице, в 8 парах отцы невест находились в более высоком статусе, нежели их мужья, а в 1 паре статус отца и мужа был одинаков.

Второй момент, на который также следует обратить внимание, это значительная разница в возрасте жениха и невесты. В 8 парах из 9 жених был старше невесты. Разница в возрасте составляла от 9 до 18 лет. Такие супружеские союзы, в которых мужчина был старше жены на 10 и более лет, было принято относить к категории «неравных браков»[159]. Дворяне-чиновники, как правило, вступали в брачный союз достаточно поздно, стремясь вначале получить хорошую должность или дослужиться до высокого чина. В одной паре старше была невеста (на 7 лет). Как правило, оба будущих супруга вступали в первые браки. Возраст вступления в брак для девушки, как правило, составлял 17–19 лет (6 пар из 9).

Информация о дочерях дворян-офицеров поддается анализу с большими трудностями, поскольку большинство из них были дочерьми унтер-офицеров, которые могли иметь как дворянское, так и недворянское происхождение. Если же брать сведения только о дочерях высших офицеров, то таковых было выявлено немного. Согласно записям в метрических книгах Петропавловской и Троицкой церквей за 1870–1871 гг., дочь умершего генерал-майора Людмила Осиповна Парамонова (21 год) венчалась с коллежским асессором Матве-

[159] Гончаров Ю.М. Очерки повседневной жизни горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2014. С. 217.

ем Васильевичем Сверкуновым (34 года)[160], дочь капитана Мария Степановна Соблукова (25 лет) – с капитаном Оренбургского губернского 4-го батальона по части строевой Владимиром Погоршемским (38 лет)[161], дочь отставного поручика, «артистка имперских московских театров», девица Клавдия Александровна Зыбина (23 года) – с врачом Илецкого уезда Тургайской области Николаем Павловичем Чебатаревым (24 года)[162], дочь поручика Мария Николаевна Крашенникова (18 лет) – с исполняющим должность полицейского пристава 1–й части города Оренбурга коллежским регистратором Александром Андреевичем Прокофьевым (28 лет)[163], дочь умершего поручика Вера Тимофеевна Васина (17 лет) – с коллежским регистратором Герасимом Авкинтиевичем Ахмашетевым (26 лет)[164].

В этих брачных союзах также имело место неравенство статусов невесты и жениха. Так, дочь генерал-майора, имевшего 4-ый чин по Табели о рангах, вышла замуж за носителя 8-го чина, а чин поручика (10) был выше чина коллежского регистратора (14). Разница в возрасте жениха и невесты, как и в ситуации с браками дочерей гражданских чиновников, сохранялась практически во всех случаях, хотя была несколько меньше, в диапазоне от 9 до 13 лет. Лишь в одном случае в брак вступили практически ровесники 23 и 24 лет. Для всех перечисленных супругов браки были первыми. Возраст вступления в брак для девушек этой категории составлял 17–25 лет.

В качестве брачной партии дочери дворян-офицеров, как правило, выбирали гражданских чиновников или представителей интеллигенции. Браки с дворянами, служащими по военному ведомству, были, по-видимому, менее предпочтительными, поскольку предполагали значительные бытовые трудности, связанные с частым изменением места службы супруга.

[160] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 39. Л. 132 об.–133.
[161] Там же. Л. 137 об.–138.
[162] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 67. Л. 134 об.–135.
[163] Там же. Л. 141 об.–142.
[164] Там же. Л. 160 об.–161.

Исходя из приведенных данных, можно сделать вывод о том, что в среде оренбургских гражданских чиновников и офицеров, в условиях постоянной изменяемости состава этих социальных групп, а также отдаленности и малой привлекательности Оренбургской губернии для поместного дворянства, найти достойную партию для дочери на выданье было сложно. Поэтому родители соглашались на ее брак с носителем более низкого чина, мужчиной младшего или значительно более старшего возраста. Ситуация усугублялась, если отец девушки, определяющий ее принадлежность к определенной социальной группе, а также достаток семьи, к моменту вступления дочери в брачный возраст уже скончался, и родственникам приходилось соглашаться, по сути, на любого жениха.

Общую картину семейного положения дворянок в городах Оренбургской губернии можно проследить по данным Переписи 1897 г., размещенным в таблице 10 (приложение). Исходя из приведенных сведений, в браке состояло 32,4 % дворянок. В то же время, в среднем по губернии горожанок, состоящих в браке, насчитывалось 63,68 %[165], то есть в два раза больше.

Во вдовстве находились 15 % дворянок (по губернии в среднем 16, 41 % горожанок[166]), 52,4 % дворянок были не замужем. Учитывая то обстоятельство, что среди 2 323 дворянок, не состоявших в браке, 1 847 входили в возрастную группу до 19 лет (79,5 %)[167], дворянок брачного возраста, не создавших семью, было всего 476 (10,7 %) или немногим более (учитывая, что брачный возраст девушек достигался в 16 лет). Дворянок, находившихся в разводе, насчитывалось всего 0,07 %. Таким образом, женщин дворянского сословия, достигших брачного возраста, но не состоявших в браке на момент Переписи было 25–30 %. Каждая 3–4 женщина брачного возраста, принадлежавшая к дво-

[165] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. XV.
[166] Там же. С. 52.
[167] Там же. С. 28.

рянскому сословию в городах Оренбургской губернии, проживала вне брака.

Одной из причин могла быть существенная диспропорция в соотношении мужской и женской части дворянства. На 100 мужчин-дворян в губернии приходилось 111,4 женщин того же сословия[168]. И это была самая большая разница между мужским и женским населением среди всех сословий, проживающих в регионе. В Оренбурге женщин-дворянок было на 269 чел. больше, чем мужчин-дворян, в Верхнеуральске – на 65 чел., в Илецкой Защите – на 19 чел., в Орске – на 14 чел., в Челябинске – на 8 чел. и в Троицке – на 6 чел. Здесь крылись корни и высокой степени половой свободы, и основания для неравных браков. В то же время, какая-то часть дворянок могла сознательно сохранять свой статус «свободной женщины».

Свою роль играла и высокая степень образованности горожанок дворянского сословия. Общий уровень грамотности дворянок городов Оренбургской губернии в конце XIX в. составлял 76 % (грамотными были 3 374 дворянки из 4 432, проживающих в городах)[169]. В Оренбурге таковых насчитывалось 2 360 (77,5 % дворянок в городе), в Челябинске – 459 (74,5 %), в Троицке – 328 (77,7 %), в Верхнеуральске – 148 (68,5 %), в Орске – 59 (65,6 %) и в Илецкой Защите – 20 (46,5 %). В Оренбурге, Троицке и Челябинске даже проживали дворянки, имеющие университетское образование (3, 5 и 1 человек соответственно)[170]. При наличии такого уровня образованности стремление к личностному самовыражению, личностному комфорту приобретало значимые ценностные характеристики.

Таким образом, следует констатировать, что во второй половине XIX – начале XX века в дворянских семьях городов Оренбургской губернии стали происходить серьезные перемены. Росло число

[168] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. XII.
[169] Там же. С. 28.
[170] Там же. С. 36, 44.

дворянок, предпочитавших вести свободную жизнь, либо не вступая в брачный союз, либо расторгая имеющиеся брачные узы. Развод в дворянской среде стал распространенным явлением. Наиболее распространенным основанием для расторжения брака было «нарушение святости брака прелюбодеянием», которое объяснялось ответчиками длительным отсутствием одного из супругов или сильным любовным увлечением. Городское сообщество относилось к этому терпимо, что было обусловлено отсутствием крепких родственных или корпоративных связей в местном дворянстве, имеющем, чаще всего, иногубернское происхождение и пребывающем в губернии временно, по делам службы.

Общий тон свободному поведению дворянок, принадлежавших к высшей городской аристократии, задавали высшие губернские чиновники, включая губернаторов. Именно они поощряли адюльтер среди своих подчиненных и сами часто становились участниками любовных интриг. Высокий уровень образованности оренбургских дворянок смещал аксиологический акцент в сторону личного счастья, самовыражения, ставя на первое место понятия любви, но не супружеского долга. Супруги могли развестись относительно мирно, но иногда бракоразводный процесс растягивался на годы.

В дворянстве средней руки традиционные семейные взаимоотношения сохранялись более длительное время. Институт брака продолжал сохранять свою социальную ценность. Однако в ситуации существенного преобладания женской составляющей оренбургского дворянства над мужской, а также постоянной сменяемости чиновничье-офицерского состава городских жителей дворянкам приходилось соглашаться на неравные браки с носителями более низких социальных статусов, мужчинами значительно старше или даже младше себя.

В целом, изложенные факты позволяют гово-

рить о глубинной трансформации семейной сферы женской повседневности провинциальных горожанок дворянского сословия, произошедшей в пореформенную эпоху. Вектором этих изменений было расширение степени женской свободы в сфере супружеских взаимоотношений, происходившее вопреки стремлению Церкви сохранить институт брака в рамках традиционных устоев.

3.3. Брачно-семейные отношения в среде пореформенного купечества и мещанства

Семейное положение купчих и мещанок в городах Оренбургской губернии можно представить с помощью таблицы 11 (приложение).

Процент состоящих в браке горожанок по городам губернии распределился следующим образом: в Оренбурге он составил 42,6 %, в Орске – 42,9 %, в Челябинске – 41,5 %, в Троицке – 42,8 %, в Верхнеуральске – 41,2 % и в Илецкой Защите – 46 %. В среднем эта цифра составила 42,7 %. Данный показатель среди ведущих городских сословий оказался выше, чем среди дворянок, проживавших в городе (32,4 %), но все же был меньше, чем в среднем по губернии (63,68 %). Горожанки, таким образом, все же были более свободными в плане определения своего семейного статуса, чем сельские жительницы.

Во вдовстве находились 10,4 % горожанок, что было меньше, чем в дворянской среде (15 %) и в среднем по губернии (16,4 %). В Оренбурге этот показатель составлял 11,8 %, в Орске – 8,8 %, в Челябинске – 10,8 %, в Троицке – 10,5 %, в Верхнеуральске – 8,9 %, в Илецкой Защите – 6,5 %. Учитывая довольно высокий процент горожанок, состоящих в браке, следует констатировать, что в сообществе представительниц городских сословий (купечество, мещанство и пр.) были довольно часты повторные браки, а статус замужней женщины был довольно престижен. Минимальный процент вдов наблюдался в городах со значительным

военным контингентом (Илецкая Защита, Орск, Верхнеуральск).

В работе М.М. Кенигсберга специально подчеркивалась такая особенность жителей Оренбурга, как склонность к многобрачию. Склонность населения к многократному вступлению в брак отличала Оренбург от центрально-русских местностей. Кенигсберг приписывал это явление «влиянию соседства и примера магометанского элемента»[171]. Другой причиной Кенигсберг называл «относительное благосостояние населения, способствующее, как замечено, усилению браков, так как большое число живущих в браке считается признаком благоприятным в смысле хозяйственном»[172]. Согласно сведениям, приводимым Кенигсбергом, основная часть браков (78,6 %) заключалась в Оренбурге между холостыми и девицами, между вдовцами и девицами (9,1 %), а «остальные браки приходятся уже между холостыми и вдовами и между вдовцами и вдовами»[173].

Разведеными были в среднем 0,15 % горожанок, что было в 2 раза больше, чем в дворянской среде. В Оренбурге таковых было 0,17 %, в Орске – 0,2 %, в Челябинске – 0,08 %, в Троицке – 0,15 %, в Верхнеуральске – 0,13 %, в Илецкой Защите – 0,12 %. Столь незначительный процент разведенных представительниц городских сословий в Челябинске мог быть вызван значительным притоком в город сельского населения, вызванного колонизационными процессами конца XIX в. А сельские жители были более традиционны в семейных отношениях и негативно относились к расторжению брака.

Более детальные сведения о брачно-семейных отношениях в среде ключевых городских сословий можно представить на основе метрических книг. Первый раздел любой метрической книги был посвящен сведениям о родившихся. Рожали горожан-

[171] Кенисберг М.М. Опыт медико-топографического исследования гор. Оренбурга ..С. 85.
[172] Там же. С. 101.
[173] Там же. С. 101.

ки практически ежегодно. М.М. Кенигсберг отмечал, что «плодовитость браков», т.е. число законных рождений на один зарегистрированный брак, в Оренбурге (5,7 рождений) была выше, чем в среднем по России (4,7) и в странах Западной Европы (4)[174]. Так, например, в семье оренбургского купца 1-й гильдии, потомственного почетного гражданина Петра Михайловича Деева и его супруги Анны Алексеевны (урожденной Путоловой) в исследуемый период родились: дочь Мария (12.02.1870–19.05.1870[175]), дочь Александра (12.03.1871–16.05.1871[176]), сын Михаил (31.08.1873–29.11.1873[177]), сын Павел (24.06.1875-24.05.1876[178]), сын Николай (13.10.1877[179]), сын Александр (6.08.1879[180]), дочь Марья (22.02.1881[181]), сын Сергей (21.02.1883[182]). Старшая дочь Екатерина была рождена еще в 1866 г.[183]. Большая плодовитость браков объяснялась Кенигсбергом двумя главными причинами: 1) «число рождений увеличивается при большей смертности детей в первые месяцы жизни»; 2) «чем менее очень ранних браков и слишком поздних и чем более равновесия в летах супругов, тем большею плодовитостью отличаются браки»[184]. Чуть ниже будут приведены данные, доказывающие справедливость этих выводов.

Рождение детей в купеческих семьях воспринималось с большой радостью. Мальчики должны были стать наследниками отцовского дела. Девочки через браки с купеческими сыновьями могли способствовать объединению сразу нескольких крупных капиталов. Так, например, первой супругой Якова Алексеевича Путолова – богатого оренбургского коммерсанта – была Екатерина Михайловна Гандурина (род. 1848) – известного своим текстильным производством «села Иванова купеческая дочь»[185]. А Ольга Матвеевна Путолова, дочь купца и почетного гражданина г. Оренбурга, стала женой Василия Михайловича Деева, оренбургского пер-

[174] Кенисберг М.М. Опыт медико-топографического исследования гор. Оренбурга ...С. 102.
[175] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 42. Л. 10 об.–11, 93 об.
[176] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 66. Л. 424 об.–425, 510 об.
[177] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 124. Л. 52 об.–53, 137 об.
[178] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 179. Л. 468 об.–469; Д. 217. Л. 147 об.
[179] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 244. Л. 83 об.–384.
[180] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 317. Л. 89 об.–90.
[181] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 390. Л. 15 об.–16.
[182] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 464-а. Л. 19 об.–20.
[183] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 151. Л. 1 об.–2.
[184] Кенисберг М.М. Опыт медико-топографического исследования гор. Оренбурга ...С. 105.
[185] Бурлуцкая Е.В. Путоловы. «Миллионами рублей ворочала здесь эта фамилия ...» // Купечество оренбургское: сб. статей. Оренбург, 2016. С. 62.

вогильдейского купца, потомственного почетного гражданина, землевладельца и предпринимателя[186].

Отсутствие собственных детей или сыновей, необходимость позаботиться о сохранении семейного дела, а также искреннее следование христианским заповедям становились причиной усыновления детей купеческими семействами или принятия сирот на воспитание. К примеру, женой оренбургского купца Ивана Яковлевича Путолова была некая Анисья Степановна (род. 1809). В браке была рождена дочь Александра (род. 1843)[187], а вот сыновей супруги, видимо, так и не дождались. Документы за 1872 г. повествуют о купцах 2-й гильдии – купеческой вдове Анисье Степановне Путоловой и приемыше Иване Васильеве (род. 1866)[188]. Значит к этому времени Иван Яковлевич уже умер и дело перешло к его супруге, которая, чтобы было кому оставить капитал, взяла на воспитание мальчика. Необходимо отметить, что в провинциальном купеческом сообществе практически не встречалось случаев внебрачного рождения детей. По крайней мере, за исследуемый период в метрических книгах не было указано ни одного такого случая.

Вторым разделом метрических книг являлись сведения о бракосочетавшихся. Они позволяют проследить межсословные контакты в российском городском пореформенном обществе, определить средний брачный возраст, возрастное соотношение супругов, а также выявить особенности брачного поведения представителей определенного сословия. Брачное поведение – это поведение, целью которого является удовлетворение потребности в браке, поведение, связанное с выбором брачного партнера (т.е. с брачным отбором). Процесс брачного отбора всегда исторически конкретен и зависит от экономических, социальных, социокультурных и других условий, существующих в обществе.

Анализ метрических книг позволил констати-

[186] Бурлуцкая Е.В. Деевы. Вековая династия оренбургских предпринимателей // Купечество оренбургское: сб. статей. Оренбург, 2016. С. 20.
[187] ГАОО. Ф. 368. Оп. 1. Д. 520. Л. 282 об.–283.
[188] ГАОО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 107. Л. 7 об.–8.

ровать сословную открытость оренбургского купечества и его тесную связь с другими сословиями. Чаще всего представители купечества заключали брачные союзы с мещанами. Купеческие дочери выходили замуж за чиновников, казаков, крестьян. Единичными были случаи, когда представительницы купеческого сословия сочетались браком с солдатом[189] (отставным рядовым) или священником[190].

Примерно третья часть супругов-купцов имела возрастную разницу в диапазоне 6–10 лет. Еще треть браков заключалось между женихом и невестой, обладающими возрастной разницей менее 6 лет. И, наконец, почти четверть браков заключалась между супругами, обладающими значительной разницей в возрасте. Как правило, значительная разница в возрасте между супругами отмечалась в ситуации повторных браков. Однако встречались и исключения. Так, представитель одной из известнейших купеческих фамилий Оренбурга, «нежинский грек» Дмитрий Николаевич Захо лишь в 40 лет вступил в свой первый брак. Избранницей его стала 24-летняя оренбургская купеческая дочь, девица Мария Стефановна Путолова[191].

Подавляющее большинство женщин-купчих (60 %) вступало в первый брак до достижения 20-летнего возраста, лет в 16–17. Нередки были и 15-летние невесты. До 24 лет выходили замуж еще 30 % купеческих дочек и сестер. Найти себе пару в более зрелом возрасте для девушки было уже проблематично. Они считались старыми девами и на брачном рынке не котировались. Поэтому случай, когда 32-летняя оренбургская купеческая дочь, девица Елена Ивановна Андреева вышла замуж за вдовца, 50-летнего оренбургского мещанина Федора Прокофьевича Прокофьева, можно считать для невесты джек-потом[192].

Тяжелые условия купеческого труда, сопровождавшиеся постоянными стрессами, рано делали

[189] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 42. Л. 76 об.–77.
[190] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 317. Л. 165 об.–166.
[191] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 122. Л. 50 об.–51.
[192] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 124. Л. 86 об.–87.

купеческих жен вдовами. В такой ситуации женщина нуждалась и в психологической, и в материальной поддержке. Выходом являлся повторный брак. К примеру, второй супругой М.М. Михайлова стала «вдова, оренбургская купеческая жена» 20-летняя Агрипина Артемьевна Хохлова[193]. Вдовой после первого брака была и «оренбургская купеческая жена», 28-летняя Александра Васильевна Овчинникова, заключившая свой второй брачный союз с мещанином из г. Переяславля Владимирской губернии Иваном Яковлевичем Саврасовым[194]. В 1872 г. был заключен брак между стерлитамакским купцом 2-й гильдии Василием Андреевичем Буреником (56 лет) и оренбургской купеческой вдовой Екатериной Федоровной Карандаковой (22 года). Для жениха этот брак был третьим, для невесты – вторым[195].

Институт семьи, возникший в силу необходимости удовлетворения социальных потребностей, является одной из важных составляющих общества. Именно семья служит основным хранителем традиций и культуры, а также главным агентом социализации личности. Острое неблагополучие семейных отношений во все времена считалось признаком общественных проблем, болезненным ответом на трансформацию устоявшихся социальных связей. Кризис семьи в России второй половины XIX – начала XX века был связан с резким изменением социального фона, в котором она находилась; с медленной адаптацией семьи к новым социально-экономическим условиям.

Традиционная семья была малогуманна, но очень прочна. По словам П. Сорокина, церковный брак предполагал «полное слияние двух существ, пожизненное шествие их по дороге жизни и совместное осуществление поставленных себе задач»[196]. «Да убоится жена мужа своего...», – внушалось девочкам с детства. Их воспитывали в духе

[193] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 424. Л. 193 об.–194.
[194] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 122. Л. 47 об.–48.
[195] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 96. Л. 513 об.–514.
[196] Сорокин П. Кризис современной семьи [Электронный ресурс]. URL: http://portal21.ru/news/we_recommend.php?ELEMENT_ID=6166 (дата обращения: 17.10.2019).

послушания мужу, готовили к домохозяйству и воспитанию детей. Замужняя женщина была уважаема, в отличие от разведенной или так и не вступившей в брак. Первую общество осуждало и ограничивало контакты с ней, вторую — жалело.

Однако на рубеже XIX—XX вв. супружеский союз претерпел серьезный кризис, выразившийся в уменьшении числа заключаемых браков, растущем проценте разводов и количестве «внебрачных» связей мужчины и женщины, падении рождаемости. В статье П. Сорокина касательно данной проблемы были приведены сведения о количестве разводов на каждые 10 000 заключенных браков в 1867—1876 и 1877—1886 гг. В Англии эти показатели возросли с 9 до 19, в России — с 18 до 22, во Франции — с 72 до 127, в США — с 330 до 444[197]. Хотя Россия в этом ряду выглядела наиболее прилично, тенденция прослеживалась вполне ясно. Количество разводов возросло везде. Брачные связи становились все более и более непрочными, все легче и чаще разрывались.

Одной из главных основ семьи и брака традиционно была религия. Брак объявлялся ею «таинством», посягательства против семьи — грехом и великим преступлением. Ослабление религиозности в российском обществе на рубеже XIX—XX вв. привело к тому, что брак, семья стали рассматриваться с утилитарной точки зрения как институт гражданского общества. Исчезновение религиозного характера брака дало возможность более легко относиться к нему. «Если личной воли не хватало раньше, чтобы противиться соблазну "незаконного" полового общения, — писал П. Сорокин, — то искушаемого могла остановить мысль о грехе... если не эта мысль, то соображение о грозящей жестокой каре, часто грозившей, помимо позора, смертью»[198]. С ослаблением веры и государственного принуждения как своеобразных «тормозов» поло-

[197] Сорокин П. Кризис современной семьи ...
[198] Там же.

вого поведения семья и брак, как традиционные общественные институты, оказались под угрозой.

Сыграла свою роль и постепенно становившаяся нормой финансовая независимость женщины. В среде городских обывателей все чаще можно было встретить женщину-учителя, женщину-врача, женщину-актрису, писательницу, телефонистку и пр. Если же женщина происходила из среды городской аристократии, то вопрос ее безбедного существования снимался сам собой. Результатом становились ее конфликты с мужем на почве попыток отстоять личностные интересы и расторжение семейного союза.

Перепись 1897 г., зачастую неожиданно для ее организаторов, фиксировала интересные явления повседневности. Газета «Оренбургские губернские ведомости» в 1897 г. публиковала курьезные выдержки из материалов Переписи, рисующие яркие картины повседневной жизни горожанок. Например, в одном переписном листе некая «интеллигентная особа» в графе «отношение к главе хозяйства» написала «сама себе господин», в графе об отсутствии – «летом езжу, куда захочу», а в графе о положении по воинской повинности, которая должна была для нее остаться незаполненной, написала «повинностей не несу, но живу очень весело». Жена доктора на вопрос о средствах к жизни признавалась – «ласкаю мужа»[199].

Даже купечество, представляющее собой наиболее консервативную часть российского социума, не избежало проблем, связанных с упадком института брака и семьи. В одной из статей, касающихся особенностей купеческой семьи, было отмечено: «наибольшее количество разводов в купеческих семьях наблюдалось в конце 80-х, и особенно в 90-е гг. XIX столетия и было связано с коренной ментальной перестройкой, проходившей в пореформенный период»[200].

[199] Крыкер А. «Сама себе господин». О первой переписи населения в Оренбургской губернии // Аргументы и Факты в Оренбурге. 2017. 20 марта [Электронный ресурс] URL: https://oren.aif.ru/society/event/sama_sebe_gospodin_o_pervoy_perepisi_naseleniya_v_orenburgskoy_gubernii (дата обращения: 14.08.2019).

[200] Меньшикова Е.Н. Семейные конфликты как один из факторов психоэмоциональной жизни купеческой семьи Центрального Черноземья в 60–90 гг. XIX века (на материалах Курской и Воронежской губерний) // Исторические науки. 2007. № 1. С. 27.

В фонде Оренбургской духовной консистории Государственного архива Оренбургской области сосредоточено несколько десятков дел о расторжении браков, относящихся к концу XIX – началу XX в. Так, судебные тяжбы о расторжении брака открыли: в 1887 г. Мария Дмитриевна Дегтярева, жена оренбургского купеческого сына Николая Федоровича Дегтярева[201]; в 1895 г. Мария Степановна Ванюшина, супруга оренбургского купеческого сына Сергея Сергеевича Ванюшина[202], в 1911 г. Елена Александровна Мякинькова[203], супруга Николая Дмитриевича Мякинькова – представителя большой и богатой купеческой династии Оренбурга. Первые два развода были вызваны неподобающим поведением мужчин. В ходе судебных разбирательств была доказана их вина. Причем Николай Дегтярев и не пытался скрыть факт супружеской измены[204], а вот Сергей Ванюшин всячески избегал признания в супружеской неверности и даже пытался выдвигать встречный иск, обвиняя в прелюбодеянии свою жену[205].

В случае же Е.А. Мякиньковой материалы бракоразводного процесса дают основание считать сам процесс результатом бездоказательного оговора Еленой Александровной собственного мужа[206]. Инициация бракоразводных процессов именно женщинами может считаться специфической чертой южноуральского региона, поскольку, к примеру, в Центральном Черноземье к судебным разбирательствам прибегали исключительно мужчины-купцы[207].

Данные об умерших, сосредоточенные в метрических книгах, также дают исследователям интереснейшую информацию. Около 45 % умерших горожан составляли дети первого года жизни. Еще около 20 % были детьми 1–5 лет. Статистика детской смертности была осуществлена в ряде публикаций[208]. Хотя в работе Кенигсберга проводилась

[201] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8745.
[202] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9023.
[203] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 103314.
[204] Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Оренбургские купцы Дегтяревы: семейные драмы и конец фамильного дела // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность. Мат-лы междунар. науч. конференции. СПб., 2016. С. 300–305.
[205] Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Семейные конфликты в купеческих семьях Оренбурга второй половины XIX в.: любовь и бизнес // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI-XIX вв. Сб. мат-лов Четвертой междунар. науч. конференции. Н. Новгород, 2018. С. 623–630.
[206] Бурлуцкая (Банникова) Е.В. «Свободу, свободу, мне дайте свободу...». Кризис института купеческой семьи в условиях трансформации пореформенного общества // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.) Мат-лы междунар. науч. конференции. СПб., 2017. С. 335–341.
[207] Меньшикова Е.Н. Семейные конфликты ... С. 27.
[208] Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Семейная повседневность православного оренбургского купечества по материалам метрических книг Покровской церкви г. Оренбурга (1870–1884 гг.) // Вестник ОГПУ. 2016. № 1 (17). С. 117–127; Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Брачно-семейные отношения оренбургского купечества по данным метрических книг Вознесенской церкви г. Оренбурга (1870–1884 гг.) //

обратная связь между обеспеченностью населения и смертностью и отмечалось, что казачество, «мелкие купцы, мещане, составляющие главную и преобладающую часть населения, отличаются в общем относительно достаточными средствами, если не более»[209], тем не менее, несмотря на материальную обеспеченность родителей, во второй половине XIX века детская смертность в купеческих семьях оставалась довольно высокой.

Одним из наиболее ярких примеров тому может служить семья оренбургского купца Алексея Ивановнича Упырина. В метрической книге Покровской церкви за 1893 г. среди умерших были указаны сыновья А.И. Упырина Александр (родился 11 июня[210] и умер 4 августа от младенческой болезни) и Василий (умер 4 ноября от скарлатины в возрасте трех лет)[211]. Это были далеко не первые детские смерти в купеческом семействе Упыриных. Брак 26-летнего оренбургского купеческого сына Алексея Ивановича Упырина с «крестьянской девицей» с. Богородского Горбатовского уезда Нижегородской губернии Марией Николаевной Любимовой был заключен 6 июня 1872 г.[212]. Через год, 4 июля 1873 г. Алексей Иванович и Мария Николаевна стали родителями дочери Анны[213]. Через две недели ребенок умер «от младенческой»[214].

В 1875 г. (13 августа), согласно данным метрической книги Покровской церкви[215], у молодых родителей умер годовалый сын Алексей (род. 5 октября 1874 г.[216]). В Метрической книге Покровской церкви за 1876 г. содержится запись о рождении 2 июня у А.И. Упырина сына Ивана. Ребенок прожил меньше месяца и умер 29 июня того же года[217]. В такой же книге за 1877 г. отмечено, что 17 июня у А.И. Упырина и его супруги Марии Николаевны родился сын Петр, который скончался 1 августа в возрасте 2 месяцев от младенческой болезни[218]. В аналогичном документе за 1878 г. записано, что

Региональная история: методология, источники, историография: сб. науч. трудов. Стерлитамак, 2016. С. 71–74.

[209] Кенигсберг М.М. Опыт медико-топографического исследования гор. Оренбурга... С. 148

[210] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 839. Л. 135 об.–136.

[211] Там же. Л. 258 об., 269 об.

[212] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 96. Л. 511 об.

[213] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 124. Л. 40 об.

[214] Там же. Л. 124 об.

[215] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 179. Л. 590 об.

[216] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 156. Л. 75 об.

[217] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 217. Л. 39 об., 161 об.

[218] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 244. Л. 50 об.–51, 152 об.

25 ноября у Алексея Ивановича Упырина родился сын Николай[219], а в метрической книге той же церкви за 1884 г. имеется запись о рождении в семействе Алексея Ивановича Упырина и его жены дочери Прасковьи (25 июля 1884 г.)[220].

При этом в Посемейном списке оренбургских купцов на 1914 год в семействе А.И. Упырина показаны лишь дочери Анна (родилась в 1880, умерла от скарлатины 26 августа 1884 г.[221]), Ольга (род. 22 июня 1888 г.[222]) и Мария, из которых только последняя, 27-летняя Мария, рожденная 5 августа 1886 г.[223], на момент составления списка была жива[224]. Поскольку данных о Николае и Прасковье в Посемейных списках за 1914 год нет, следует предположить, что и они скончались в юном возрасте. Итак, за 14 лет в семье появилось 11 рожденных детей, из которых лишь один дожил до зрелого возраста. Выживаемость составила 9 %.

По губерниям уровень детской смертности в первый год жизни распределялся довольно неравномерно и составлял в 1867-1881 гг. на 1000 родившихся младенцев от 438 (в Пермской губернии) до 125 (в Виленской губернии). Данные по Оренбургской губернии (320) значительно превышали средний показатель по 50 губерниям европейской части России (271). В 1886–1897 гг. этот показатель по Оренбургской губернии снизился до 308, в то время как в среднем по России он составил 274. Смертность детей в возрасте до 5 лет в Европейской России в среднем составила в 1867–1881 гг. 423, а в 1887–1896 гг. – 432. И вновь в Оренбургской губернии показатели за соответствующие периоды были выше, нежели эти средние показатели. В первый хронологический период он составил 470, во второй – 491[225].

Согласно мнению П.Н. Столпянского, «детский мор» был настоящим бедствием для Оренбурга. По его словам, «летом, этой болезнью Оренбург при-

[219] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 280. Л. 110 об.–111.
[220] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 495. Л. 271 об.–272.
[221] Там же. Л. 365 об.
[222] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 564. Л. 55 об.–56.
[223] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 563. Л. 73 об.–74.
[224] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 424. Л. 15 об.–16.
[225] Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811-1913) ... С. 195, 198.

ближается к чисто русской деревне». Далее Столпянский приводил статистические данные, согласно которым в 1904 г. 97 % числа всех умерших составили дети от 1 месяца до 10 лет. Умершими в возрасте от 1 месяца до 1 года оказалось 32,3 % от этого числа. Далее автор сокрушался, что такой ужасающей детской смертности «надо поискать. Она ясно говорит, что население мало культурно, что заботы о детях почти не существует и действительно, — ни приютов яслей, ни капли молока, ни других этим подобных учреждений в городе нет. Далее в смысле санитарном город является прямо-таки отрицательною величиною»[226].

Причиной детской смертности чаще всего становилась «младенческая болезнь», которую, в соответствии с данными метрических книг, можно трактовать как любое заболевание, имеющее нечеткую симптоматику. Об этом свидетельствуют широкие возрастные рамки умерших — не только дети до года, но и более старшего возраста: до 2–3 лет. Под эту категорию попадали заболевания, связанные с резким повышением температуры, судорогами. Писатель Сергей Яковлевич Елпатьевский (1854–1933) замечал: «Болезнь какая-то ходила по деревням и подбирала много детей, — и тех, что в зыбках качались, и тех, которые ползали и ходить учились. Горел ребенок, красный делался, а потом умирал»[227]. «Младенческая» могла быть вызвана недоношенностью детей, связанной с частыми родами матери или ее юным возрастом. Состояние здоровья родителей также могло влиять на продолжительность жизни потомства. Такие заболевания, как чахотка у матери или подагра, венерические болезни, хронический алкоголизм у отца могли существенно ослабить жизнеспособность их детей.

К неблагоприятным факторам, ведущим к росту детской смертности, можно отнести и неудачно складывающиеся супружеские отношения.

[226] Столпянский П.Н. Город Оренбург ... С. 183.

[227] Елпатьевский С.Я. Мать // С. Елпатьевский. Рассказы. Том 3. СПб., 1904. URL: http://az.lib.ru/e/elpatxewskij_s_j/text_0340oldorfo.shtml (дата обращения: 17.10.2019).

Так, например, у оренбургской купеческой жены Марии Степановны Ванюшиной в 1892 г. случился выкидыш, следствием которого стали «женские болезни». Причину прервавшейся беременности Ванюшина объясняла тем, что из-за постоянных измен мужа «она стала нервна, истерична, лишилась прежнего покоя, хорошего сна, потеряла аппетит»[228].

Среди наиболее частых причин смерти детей упоминались т.н. детские болезни — «простуда», «корь», «скарлатина», а также «оспа» и «понос». Последняя из названных причин детской смертности была связана с широким распространением в регионе желудочно-кишечных заболеваний. Основная часть этих болезней была вызвана следующими причинами: несоблюдением санитарных норм или возрастных норм питания, плохим питанием, слабой сопротивляемостью организма, высокой степенью заразности. Холера, дизентерия были частыми явлениями в Оренбургской губернии и из за ее близости к азиатским рубежам, где эти заболевания были чрезвычайно распространены[229].

Кроме того, в традиционной культуре беременность и роды рассматривались как естественное состояние женщины, не требующее медицинского сопровождения. Повседневность беременной или кормящей матери, ее поведение, используемые практики были, как правило, основаны «на особом женском знании, передаваемом от матери к дочери»[230], однако это «женское знание» могло быть предельно далеко от здорового образа жизни. Преждевременное употребление младенцами твердой пищи, употребление ими коровьего или козьего молока могли стать причинами серьезных заболеваний у детей и даже привести к их гибели.

Как отмечал М.М. Кенигсберг, искусственное кормление младенцев «коровьим молоком и различными суррогатами детской пищи, получило

[228] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9023. Л. 35 об.–36.

[229] Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Семейная повседневность православного оренбургского купечества по материалам метрических книг Покровской церкви г. Оренбурга (1870-1884 гг.) // Вестник ОГПУ. 2016. № 1 (17). С. 125.

[230] Мицюк Н.А. Формирование системы медицинского патронажа беременных на рубеже XIX–XX вв. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 2017. С. 330.

у нас, по нашему наблюдению, громадное развитие. Детскую соску, жевку с их спутниками можно встретить сплошь и рядом и у зажиточных людей, несмотря даже на одновременное кормление, другой раз и грудью. Трудность доставления здесь кормилиц, зависящая от относительной обеспеченности массы населения, заставляет еще чаще прибегать к искусственному вскармливанию, что при умственном убожестве родителей становится в их руках истым орудием смерти нежных детских организмов». «Умственное убожество» и невежество родителей даже из купеческого сословия, убежденных, что «детей лечить не следует, что в раннем возрасте все больше зависит от зубков»[231], негативно влияло на ситуацию с детской смертностью в городах губернии.

Еще хуже обстояло дело с так называемыми «подкидышами» – детьми, оставленными неизвестными у порога того или иного купеческого дома. В метрической книге Вознесенской церкви за 1872 г. упомянуты «подкидыш Лидия», оказавшаяся у дома оренбургского купца Ивана Карповича Овчинникова в марте, и «подкидыш Иоанн», найденный там же в начале ноября. Оба младенца были крещены. Крестным отцом выступил сам коммерсант. Однако оба младенца скончались в том же году – Лидия 11 апреля, а Иван – 25 ноября, оба – «от поноса»[232].

Мать, потерявшая своего ребенка, а чаще всего нескольких детей, ни в коем случае не воспринимала эти смерти равнодушно. Пережить эти потери помогали глубокая вера («Бог дал, Бог и взял»), а также необходимость растить и воспитывать выживших детей. В малодетных купеческих семьях, воспитывавших одного-двух детей, смерть ребенка воспринималась, естественно, острее, нежели в многодетных семействах. Случившаяся трагедия могла привести даже к распаду семьи. Так, 29 июля 1912 г. у оренбургских купцов Александра Дмитри-

[231] Кенигсберг М.М. Опыт медико-топографического исследования гор. Оренбурга... С. 149.
[232] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 97. Л. 6 об., 32 об., 54 об., 69 об.

евича и Ольги Ивановны Дегтяревых, воспитывавших дочку и сына, случилось горе – от дизентерии умер младший ребенок, Николенька. Брак, который и так нельзя было назвать слишком удачным, распался (правда, официального развода супруги так и не оформили). Фамильный дом, располагавшийся неподалеку от Покровской церкви, был продан[233].

В итоге следует признать, что изменения, происходящие в российском обществе в пореформенную эпоху, значительно повлияли на семейные устои оренбургского купечества. «Классическое» городское сословие демонстрировало все большую склонность к многобрачию, в то же время, относительно спокойно реагируя на разводы, в том числе и по женской инициативе. Оренбургские купчихи были не слишком привередливы в плане сословной принадлежности супруга, заключая браки с мещанами, крестьянами, казаками и т.д. В то же время браков с дворянами почти не заключалось, видимо, по причине их малой численности.

Брачное поведение представительниц оренбургского мещанства – основного городского сословия, еще ни разу не становилось предметом научного обсуждения. Хотя, применительно к другим российским регионам, такие работы на современном этапе историографии уже были осуществлены[234]. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. были защищены диссертации целиком или частично посвященные мещанскому сословию второй половины XIX – начала XX века в губернских и уездных городах (работы В.В. Захаровой[235], Ю.М. Гончарова[236], Т.Б. Котловой[237], В.С. Чутчева[238], Е.Г. Подгайко[239] и др.). Авторы останавливались на таких аспектах брачных отношений мещанок, как брачный возраст, сословность браков, разница в возрасте между супругами, число браков, в которые в среднем вступала мещанка на протяжении жизни, и пр.

[233] Бурлуцкая Е.В. Дегтяревы. Семейная драма и конец фамильного дела // Купечество оренбургское: сб. науч. статей. Оренбург, 2016. С. 12.

[234] Гончаров Ю.М., Чутчев В.С. Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века. Барнаул, 2004.

[235] Захарова В.В. Мещанское сословие пореформенной России: автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М., 1998.

[236] Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в.: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Томск, 2003.

[237] Котлова Т.Б. Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX – XX вв. 1890–1914: автореф. дисс... докт. ист. наук. Иваново, 2003.

[238] Чутчев В.С. Мещанское сословие Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дисс. ...канд. ист, наук. Томск, 2005.

[239] Подгайко Е.Г. Повседневная жизнь женщин в городах Южного Урала в конце XIX – начале XX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2013.

Особый интерес заявленная тема представляет в контексте сравнительного анализа мещанской и купеческой семей городов отдаленной оренбургской провинции. Чаще мещанство рассматривалось в качестве «питательной базы» купеческого сословия, а, следовательно, как группа населения, мало отличающаяся от купечества по своим социографическим признакам. Так, в статье А.А. Зайцевой отмечается, что жизнь городских слоев на рубеже XIX–XX вв. «по-прежнему во многом определялась не столько адаптацией к нарастающему динамизму социальной жизни, сколько стремлением сохранить традиционалистский тип мышления и традиционную систему ценностей. Купечество и мещанство сохраняли в своем мировоззрении, укладе жизни... черты тех сословий, из которых они происходили и, прежде всего, крестьянства – консерватизм мышления, приоритет коллективных интересов над личными, потребность в патернализме, социальную инертность, патриархальность быта. В наибольшей степени это касалось мещанства...»[240].

Тем не менее, в ряде публикаций исследователи обратили внимание на существующие между этими социальными общностями различия. Так, например, К.Г. Фрумкин указывал, что «в России мещанство и купечество – традиционные сословия, долгое время развивавшиеся параллельно и потому имевшие специфические физиономии»[241]. Мир купеческий и мир мещанский, хотя и являлись взаимопроникающими, тем не менее, сохраняли массу различий. Как отмечает автор, зрелость и самодостаточность, сбалансированность и саморегуляция отличали представителей мещанства, «пытающегося построить свою жизнь действительно самостоятельно, не используя влияния богов небес и земли, т.е. не глядя ни на европейские (книжные), ни на национальные (народные, крестьянские) образцы»[242]. Их повседневность требовала «выработан-

[240] Зайцева А.А. Социальный аспект изучения историко-культурной среды русского провинциального города конца XIX – начала XX веков // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием. Курган, 2015. С. 557.

[241] Фрумкин К.Г. Купечество и мещанство: социально-психологические размышления на материале русской классической драмы // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 84.

[242] Фрумкин К.Г. Купечество и мещанство ... С. 80.

ных поколениями жизни в городе мещанских добродетелей – умеренности и аккуратности»[243].

Мещанство стремилось к стабильности и покою. Совокупность устойчивых черт характера мещанства, по мнению З.М. Кобозевой, включала в себя образованность, сочетание религиозных и семейных ценностей, открытость к постижению внешнего мира»[244]. Указанные особенности менталитета оказывали влияние и на брачное поведение мещанок.

В Оренбурге, согласно данным официальной статистики, в 1861 г. насчитывалось 10 055 женщин, из которых 3 863 женщины (38,4 % горожанок) принадлежали к мещанскому сословию. Приписано к городу по X ревизии было 4 127 мещанок из 4 746 всех городских обывателей-женщин (86,9 %)[245]. Таким образом, именно мещанство составляло базовую часть городского сообщества.

На брачный выбор всегда влияет комплекс факторов. К социологическим факторам брачного выбора относится гомогамия – тенденция к заключению браков между людьми, обладающими некоторыми общими или сходными характеристиками – социальными, психологическими, физическими и т. д. Важнейшими характеристиками в этом отношении являются возраст, этническая принадлежность, социальный статус, образование, уровень интеллекта.

Именно поэтому важным аспектом для характеристики брачного поведения мещанок Оренбурга является так называемый брачный круг, – перечень сословных групп, за представителей которых мещанки выходили замуж. Анализ метрических записей Вознесенской церкви (см. таблицу 12, приложение) свидетельствует о том, что в пореформенный период доля внутрисословных браков в мещанской среде была значительно выше, чем межсословных. Мещане, как и представители других, более замкнутых сословных групп, таких как крестьяне, дво-

[243] Фрумкин К.Г. Купечество и мещанство ... С. 81.
[244] Кобозева З.М. Диалогичность хронотопов: «мещанский мирок» в «купеческом царстве» провинциальной Самары // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2009. № 7 (73). С. 144.
[245] Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 г.: Ч. 2. СПб., 1863. С. 15.

ряне, чиновники, предпочитали заключать брачные союзы с представителями своего сословия.

Аналогичную информацию сообщают и метрические книги других оренбургских церквей, относящиеся к исследуемому периоду. Так, по данным метрик Воскресенской церкви за 1861 г., из четырех зафиксированных браков мещанок[246] в трех случаях браки были внутрисословными (75 %), а в одном – мещанка выходила замуж за государственного крестьянина. По данным метрики Покровской церкви за 1861 г.[247], из 6 браков мещанок 5 (83,23 %) были внутрисословными, в одном случае женихом был купеческий сын.

В среднем, по данным таблицы 12, на внутрисословные браки приходилось около 80 % браков мещанок. В метрических книгах нам не встретилось сведений о том, чтобы мещанки вступали в браки с казаками или солдатами. По всей видимости, принадлежность именно к городскому мещанскому сословию являлась для оренбургских мещанок ценностью. Образ жизни, присущий казачеству или солдатской среде – военизированный, подчиненный строгой дисциплине – был чужд мещанству, которое во второй половине XIX в. постепенно превращалось в носителей нового, более свободного мировоззрения.

Такая сословная ограниченность брачного выбора была специфической чертой оренбургского мещанства. По сведениям Г.В. Жирновой, мещанство давало больше «смешанных браков с близким по уровню городским крестьянством»[248]. В Тобольске и в Тюмени, по данным Ю.М. Гончарова, среди мещан меньше половины браков были односословными, а в смешанных браках невесты-мещанки встречались в союзе с купцами, военными (нижними чинами), представителями духовного сословия, крестьянами, разночинцами, дворянами и чиновниками[249].

[246] ГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 387. Л. 169–176.
[247] ГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 390. Л. 51–59.
[248] Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М., 1980. С. 22.
[249] Гончаров Ю.М., Чутчев В.С. Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2004. С. 116.

Пристрастие именно к внутрисословным бракам представляло специфическую черту оренбургского мещанского сообщества, в отличие, например, от оренбургского купечества, демонстрирующего сословную открытость при заключении брачных союзов. Чаще всего представительницы купечества заключали брачные союзы с мещанами, выходили замуж за чиновников, казаков, крестьян. При заключении браков купцы в большинстве случаев руководствовались соображениями финансовой выгоды или финансовой стабильности. У мещанства же, как нам кажется, на первый план выходили общность взглядов, образа жизни, ценностей, идеалов.

Одним из важных условий заключения брачного союза было достижение определенного брачного возраста. Императорским указом «О воспрещении священникам венчать браки, если жених и невеста не достигли еще: первый 18-ти, а последняя 16-ти лет» от 19 июля 1830 года[250], чтобы избежать «вредных последствий, кои происходят от сочетания браков между несовершеннолетними и потрясают добрые нравы», устанавливался предельно низкий возраст вступления в брак. Минимальный брачный возраст для женщин составил 16 лет, а для мужского населения — 18 лет.

Однако, встречались случаи, когда епархиальный архиерей мог разрешить заключение брачного союза даже при условии, что жених или невеста были на несколько месяцев моложе установленного государством брачного возраста. Так, например, в метрической книге Вознесенской церкви за 1861 г. зафиксирован брак оренбургской мещанки Анны Михайловны (фамилия неразборчива), 15,5 лет, и оренбургского купеческого внука Дмитрия Лаврентьевича Балденкова, 23-х лет[251], а в метрике Покровской церкви за 1861 г. — брак мещанки Феоктисты Андреевны Пожарской 15,5 лет и купеческого сына Михаила Тимофеевича Попова 20-ти лет[252].

[250] Указ «О воспрещении священникам венчать браки, если жених и невеста не достигли еще: первый 18-ти, а последняя 16-ти лет» (19 июля 1830 года) // ПСЗ-II. Собрание (1825 — 1881). Том 5 (1830). Часть 1. № 3807.
[251] ГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 386. Л. 50 об.
[252] ГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 390. Л. 52 об.—53.

Как неоднократно подчеркивали исследователи, средний возраст вступления в брак в значительной степени зависел от сословной и национальной принадлежности. Наибольший средний возраст вступления в первый брак у женщин был отмечен для сословия военных, а также дворян и чиновников – 23–26 лет. Для невест из других сословий он был ниже (19–21 год), наименьший средний возраст отмечался у невест из духовного сословия – 17,5 лет[253].

Согласно данным таблицы 13 (приложение), наиболее распространенным брачным возрастом для мещанок был возраст 16–20 лет. Около 14 % невест составляли девушки в возрасте 21–25 лет. Невест в возрасте 26–30 лет было уже существенно (почти в три раза) меньше, а очень ранних браков или браков, заключенных невестами, старше 30 лет, были единицы. В то же время, как уже отмечалось ранее, подавляющее большинство купеческих дочерей (60 %) вступало в первый брак лет в 16–17. Нередки были и 15-летние невесты. До 24 лет выходили замуж еще 30 % купеческих дочек и сестер. В городах Западной Сибири, для сравнения, возраст мещанских невест в большинстве случаев составлял 19–21 год[254].

В целом же брачный возраст мещанок в Оренбургской губернии в XIX веке соответствовал социальным возрастным нормам для вступления в брак, который в Российской империи составлял в среднем 16–25 лет. Довольно ранний брачный возраст женщин мещанского сословия объяснялся тем, что они, как и представители крестьянства, выполняли очень широкий круг домашних обязанностей, а также зачастую помогали в работе мужу. Потребность в дополнительных рабочих руках вынуждала мещан чаще заключать браки в раннем возрасте, нежели это было распространено в купеческой среде. Как отмечает в своей монографии Ю.М. Гонча-

[253] Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в.: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Томск, 2003. С. 34.
[254] Гончаров Ю.М., Чутчев В.С. Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2004. С. 117.

ров, ранние браки у девушек-мещанок также могли быть «связаны с бытовавшими социальными установками, стремлением родителей пораньше выдать дочерей замуж, устроить им жизнь и тем самым выполнить родительский долг»[255].

Женщины вступали в брак и в более зрелом возрасте, но, по представлениям пореформенного времени, девица в возврате 26–28 лет начинала относиться к разряду так называемых «старых дев». Тем не менее, документы зафиксировали несколько совершенно нетипичных случаев первого брака: 1) оренбургской мещанки Екатерины Потаповны Захрепиной, 30-ти лет, с оренбургским мещанином Михаилом Павловичем Арзамасцевым, 21-го года, для которого брак также был первым[256]; 2) оренбургской мещанки Софьи Семеновой, 34-х лет, и оренбургского мещанина Евграфа Андреяновича Брагина, 41-го года[257].

Поздний брачный возраст был более характерен для женщин, вступавших в повторные браки. Так, по данным метрической книги Вознесенской церкви за 1851 г., две невесты 29 и 30 лет вступали уже во второй или третий (29-летняя вдова) браки[258]. По сведениям метрик Воскресенской церкви за 1861 г.[259], одной из невест было 44 года, но для нее это был уже второй брак. По данным метрики Вознесенской церкви 1853 г., 35-летняя невеста вступала во второй брак[260].

Роль возраста в брачном отборе подтверждается многочисленными статистическими и социологическими данными. При этом данный показатель является несколько специфичным, поскольку более предпочтительным является не совпадение (равенство) возрастов партнеров, а небольшое превышение возраста партнера мужского пола в пределах 5-летнего интервала.

Согласно данным о купеческих браках, разница в возрасте супругов, как правило, располагалась

[255] Гончаров Ю.М., Чутчев В.С. Мещанское сословие Западной Сибири ... С. 117.
[256] ГАОО. Ф. 173. Оп. 11. Д. 207. Л. 151 об.–152.
[257] ГАОО. Ф. 173. Оп. 11. Д. 1849. Л. 69 об.–70.
[258] ГАОО. Ф. 173. Оп. 11. Д. 207. Л. 58 об.–59.
[259] ГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 387. Л. 169 об.–170.
[260] ГАОО. Ф. 173. Оп. 11. Д. 1849. Л. 65 об.–66.

в диапазоне 6–10 лет, а почти четверть браков заключалась между супругами, обладающими значительной разницей в возрасте.

Ситуация в мещанских семьях отличалась в сторону большего возрастного равенства между супругами. Разница в возрасте между супругами составляла в основном 2–4 года. При возрастной разнице супругов мещанского сословия в 8–10 лет брак считался «неравным», и девушки неохотно вступали в такие браки. Объяснялось это тем, что брак с человеком, который был значительно старше 16–20-летней жены, создавал предпосылки для слишком быстрого перехода в статус вдовы. Вероятность вступления во второй брак у женщин при этом была значительно ниже, чем у мужчин. Купеческий капитал, оставшийся после смерти мужа, все же обеспечивал представительницам купеческого сословия, по сравнению с мещанками, большую конкурентоспособность на «вторичном брачном рынке».

Согласно данным таблицы 14 (приложение), наибольшая доля браков мещанок заключалась с мужчинами, возраст которых не превышал возраст невесты более, чем на 5 лет. Примерно пятую часть брачных союзов мещанки заключали с мужчинами, которые были старше на 6–10 лет. Доля браков, в которых жених был старше невесты более, чем на 10 лет, составляла около 15 %.

По мнению Ю.М. Гончарова, наибольшая «разница в возрасте супругов была характерна для дворян и чиновников – 8,4–9,5 года, военных – 6,4–9,9 и купцов – 4,3–8,6 года. В других сословиях разница в возрасте супругов была ниже: у мещан 3,9–7,5 года, крестьян – 3,5–5,9, духовных – 3,3–4,2»[261].

В метриках Воскресенской церкви 1861 г.[262] разница в возрасте между женихом и невестой от 0 до 5 лет имела место в трех браках (75 %) мещанок из четырех зафиксированных. Еще в одном браке

[261] Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в.: автореф. дисс. ... д.и.н. Томск, 2003. С. 35.
[262] ГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 387. Л. 169–176.

разница в возрасте составила 11 лет. По данным метрик Покровской церкви 1861 г.[263] в 6 зафиксированных браках мещанок разница в возрасте супругов от 0 до 5 лет имела место в 5 случаях (83,3 %). В шестом случае разница составила 7 лет (для обоих супругов брак был вторым). Таким образом, в Оренбурге разница в возрасте между супругами в мещанской среде была в целом меньше, чем в мещанских браках Сибири.

Среди 22 брачных союзов мещанок, записанных в метрическую книгу Вознесенской церкви за 1851 г.[264], разница в возрасте составила от 0 до 5 лет в 18 случаях (81,8 %). Причем в двух случаях девушки были старше своих женихов на год или два. В остальных парах разница в возрасте между женихом и невестой насчитывала 10, 11, 13 и 16 лет. В метриках той же церкви за 1853 г., браков, в которых невеста была старше жениха, насчитывалось уже пять из 23, а разница в возрасте составила от 1 года до 6 лет[265]. Несмотря на кажущееся «неравенство» брачного союза, в котором невесты были старше, никаких препятствий для его заключения не имелось, если и жених, и невеста достигли брачного возраста. В некоторых случаях такие брачные союзы приветствовались, поскольку считалось, что взрослая жена лучше подготовлена к семейной жизни и имеет больше опыта в плане ведения домашнего хозяйства. Соответственно ей будет легче заботиться о собственном доме, муже и детях.

В случае повторных браков, разница в возрасте между супругами возрастала. В метрической книге Воскресенской церкви за 1861 г. был зафиксирован брак 3-й гильдии купеческой вдовы Ольги Николаевны Моисеевой 27-ми лет с уволенным от службы коллежским асессором Петром Васильевичем Силинцевым 47-ми лет[266]. Разница в возрасте супругов составила 20 лет. Правда для невесты брак был вторым, а для жениха — третьим. В метриче-

[263] ГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 390. Л. 51–59.
[264] ГАОО. Ф. 173. Оп. 11. Д. 207. Л. 52–64.
[265] ГАОО. Ф. 173. Оп. 11. Д. 1849. Л. 57–70.
[266] ГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 387. Л. 173 об.

ской книге Вознесенской церкви за 1851 год был указан 47-летний мещанин Николай Васильевич Захрепин, вступающий во второй брак с 29-летней вдовой-мещанкой Евдокией Власовной Авдеевой, для которой этот брак был уже третьим[267]. Вторыми браками, согласно метрикам Вознесенской церкви за 1852 г., сочетались оренбургские мещане 32-летний Николай Яковлевич Степанов (первобрачной невесте исполнилось 18 лет) и 45-летний Михаил Иванович Панфилов (первобрачной невесте исполнилось 20 лет)[268]. А в метриках той же церкви за 1853 г. содержатся сведения о втором браке 38-летнего оренбургского мещанина Гаврилы Ивановича Кудряшова с 22-летней Лукией Игнатьевной, для которой брак был первым[269].

Однако встречались и исключения. Например, 37-летний отставной таможенный досмотрщик, фельдфебель Степан Васильев в 1853 г. вступил в первый брак с 21-летней мещанкой Анной Лаврентьевной Ивановой[270]. Или отставной унтер-офицер Николай Федорович Сипайлов в 1861 г. первым браком сочетался с мещанской дочерью Елизаветой Яковлевной Лебедевой. Жениху исполнилось 33 года, а невесте — всего 17[271].

Вторая половина XIX в. стала временем, когда семейная сфера повседневности переживала кризис, причем не только в России, но и в Европе. Участились случаи разводов, внебрачных сожительств, появления на свет внебрачных детей. Однако семьи представителей различных сословий приспосабливались к новым условиям с различной степенью успешности и переживали кризисные явления с разным накалом драматизма.

Разводы в семьях дворян, как правило, проходили относительно спокойно, без душещипательных сцен. Стороны вначале просто разъезжались по разным домам, а то и городам, вступали в новые отношения, зачастую обзаводились внебрачны-

[267] ГАОО. Ф. 173. Оп. 11. Д. 1849. Л. 58 об.–59.
[268] Там же. Л. 150 об.–151.
[269] Там же. Л. 65 об.–66.
[270] Там же. Л. 64 об.–65.
[271] ГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 386. Л. 42 об.–43.

ми детьми, а затем оформляли развод юридически. Купцы при разводе долго делили имущество, предъявляли встречные иски, обвиняя друг друга в неверности и вовлекая в семейные скандалы родственников, знакомых и соседей. В мещанской же среде расторжение брака, чаще всего, было сопряжено с семейными трагедиями, разворачивающимися на фоне общего кризиса традиционного общества.

Анализ метрических записей свидетельствует о том, что в пореформенный период доля внутрисословных браков в мещанской среде была значительно выше, чем межсословных. На первый план выходили не финансовые интересы, а общность взглядов, образа жизни, ценностей, идеалов.

Брачный возраст мещанок в Оренбургской губернии в XIX в. был довольно ранним и составлял для женщин в среднем 16–20 лет. Это объяснялось тем, что мещанки, как и представительницы крестьянства, выполняли очень широкий круг домашних обязанностей, а также зачастую помогали в работе мужу. Потребность в дополнительных рабочих руках вынуждала мещан чаще заключать браки в раннем возрасте, нежели это было распространено в купеческой среде. Отличало мещанские семьи от купеческих и большее возрастное равенство между супругами.

Однако большая демократичность мещанских браков имела и свою обратную сторону. Если в патриархальных купеческих и традиционных дворянских семьях мужчины практически полностью брали на себя обязанности по материальному обеспечению супруги и детей, в семьях мещан женщина рассматривалась как самостоятельная трудовая единица, вносящая свою лепту в семейный бюджет. Именно здесь и крылись истоки большинства семейных конфликтов, приводящих к семейным трагедиям.

Так, в сочинении «Переселенцы и новые места» В.Л. Кигн-Дедлова говорилось о переселенке, Ильинишне, по словам которой, они с мужем шли «в Бийский, дошли до Троицка: он тут в мещане определился, да и запил. Да девятый год и пьет. Я и не вижу его ирода!»[272]. Подобная ситуация была совершенно невообразима ни в дворянской, ни в купеческой семье.

Поступление в ряды прислуги было для женщин-мещанок, оставленных своими мужьями на произвол судьбы, не самым плохим вариантом. Зачастую, единственной возможностью найти средства к жизни становилось занятие проституцией или согласие на роль содержанки у более состоятельного земляка. В 1889 году Центральный статистический комитет МВД организовал перепись легальных проституток в рамках всей России. Собранная информация вскоре была издана. Таблица 20 этого статистического издания, посвященная роду занятий женщин до их обращения к проституции, свидетельствовала, что в Европейской России большинство из них (46 %) работали домашней прислугой[273].

Так, например, в г. Троицке Оренбургской губернии в 80-х гг. XIX в. разыгралась семейная драма. Местный мещанин Хрисанф Моисеевич Старосельцев в 1883 г. подал в Оренбургскую духовную консисторию прошение о расторжении брака с женой Устиньей Васильевной. Как отмечал истец, восемь лет назад, он, «будучи 17 лет, имел несчастье жениться на дочери троицкого мещанина Василия Жукова... имевшей в то время 21 год и, к несчастью, испытавшей уже интимные отношения с мужчинами». С самой свадьбы супруга Хрисанфа Моисеевича демонстрировала свою склонность к разгульной жизни. Супруг, не становившийся свидетелем ее измен, «не обращал особого внимания на толки людей; она же, между тем

[272] Дедлов (Кигн) В.Л. Из поселков в Троицк ... С. 76.
[273] Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. СПб., 1890. С. 74.

все более и более развращалась, и дошла до того, что открыто стала заниматься проституцией, пропадая по нескольким дням в шинках»[274].

В объяснении, данном консистории, Устинья Васильевна утверждала, что проституцией «никогда не занималась и в списках оных не состояла»[275]. «Скитаться под чужим кровом», по ее словам, ее вынудило то обстоятельство, что в отсутствие мужа «мой свекор, неоднократно приставал ко мне с просьбой удовлетворить его сластолюбие», а сам супруг неоднократно «оскорблял меня как словом, так и действием»[276], «бил меня бесчеловечно и бросил меня через забор»[277].

По словам женщины, свекор, на притязания которого она не ответила взаимностью, выгнал ее из дома, «а когда она послала сказать об этом мужу, проживающему у купца Степанова [видимо, в приказчиках – авт.], то муж ее через квартального надзирателя объявил ей, чтобы она не жила и близко от его дома, вследствие этого она и перешла на дальнюю квартиру»[278]. По словам свидетелей, Устинья Васильевна жила то «в портерной лавке отставного рядового Петра Антонова»[279], то в доме мещан Николаевых[280], то в доме троицкого мещанина Максима Дегтярева, в квартире, «которую нанимал ей кучер поверенного Паклевского Андрей Столбов, к которому она ходила ночевать»[281], а затем перешла на квартиру к вдове Девятовой[282].

Сам Андрей Егорович Столбов – 36-летний крестьянин Песковской волости Шадринского уезда Пермской губернии – показывал, что действительно состоял с Устиньей в любовной связи. Знакомство будущих любовников произошло, когда Устинья пришла к Столбову, чтобы сшить для него рубашки. Женщина рассказала, что ее бросил муж, стала просить у Столбова денег. Андрей Егорович женщину пожалел, дал ей денег, снял для нее комнату и прожил с ней около года. По словам

[274] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8672. Л. 1.
[275] Там же. Л. 12.
[276] Там же. Л. 12–13 об.
[277] Там же. Л. 13.
[278] Там же. Л. 77 об.
[279] Там же. Л. 48–48 об.
[280] Там же. Л. 60–60 об.
[281] Там же. Л. 54–54 об.
[282] Там же. Л. 79 об.

Столбова, «первый рубль был дан им в счет шитья рубашек»[283].

По словам других участников бракоразводного процесса, живя со Столбовым, который служил кучером то у Паклевских, то у Покровских, Устинья нанималась к тем же хозяевам стряпухой. Таким образом, женщина, оставленная мужем, была вынуждена искать для себя средства к существованию, используя любую возможность, выполняя различную работу, не требующую специальных навыков или образования.

После разрыва со Столбовым Устинья поступила стряпухой в портерную [пивную лавку – авт.], содержимую отставным рядовым Петром Антоновичем Андреевым, где вынуждена была заняться проституцией. Как отмечали свидетели, там она «вела самую развратную жизнь»[284], «тут же в пивной действительно имела прелюбодейную связь с разными мужчинами русскими и татарами» и «таких мужчин было много»[285]. Во время одного из свиданий Устиньи с «клиентом» – троицким мещанином Шакиром Ижбаевым – факт прелюбодеяния и был зафиксирован мужем Устиньи, Хрисанфом Мотсеевичем Старосельцевым и тремя свидетелями, заставшими изменщицу на месте преступления.

По итогам судебного разбирательства в 1887 г. брак был расторгнут. Устинья была приговорена к 7-летней епитимье и всегдашнему безбрачию[286]. В декабре 1891 г. Устинья скончалась в Троицкой городской больнице[287].

Аналогичный случай произошел в 1888 г., когда в Оренбургскую духовную консисторию было подано прошение орского мещанина Ивана Максимовича Афанасьева с просьбой о расторжении его брака с женой, Екатериной Аристарховной по причине ее прелюбодеяния. Согласно выписке из метрической книги, 13 ноября 1878 г. мещанин И.М. Афанасьев 20-ти лет сочетался первым бра-

[283] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8672. Л. 72 об.
[284] Там же. Л. 48 об.
[285] Там же. Л. 58 об.
[286] Там же. Л. 134.
[287] Там же. Л. 249.

ком с мещанкой Е.А. Кожуховой, 17-ти лет[288]. То есть на момент развода мужу исполнилось 30 лет, а жене – 27. По свидетельству священника Михаило-Архангельской церкви г. Орска Василия Пальмова, обязанного провести пастырское увещевание конфликтующих супругов и таким образом их примирить, «вследствие страшного ожесточения супругов друг против друга», увещевания «ни к каким благоприятным результатам не привели»[289].

Иван Максимович показывал в своем прошении, что его жена, «войдя в тайную прелюбодейную связь с сыном временно орского купца Николая Мелехова Данилой и пользуясь моим отсутствием из города, 30 марта 1887 года окончательно ушла из дому для незаконного сожития с Данилой Мелеховым, с которым проживает и до сих пор, а в марте месяце сего года родила от него сына...»[290].

Екатерина Аристарховна в ответ показывала, что «к сыну орского купца Даниле Николаевичу Мелехову я сначала поступила в стряпки, после того, как выгнал меня муж, а потом я стала с ним жить и прижила от него ребенка Александра... [...] Ушла я от мужа вследствие чрезмерно жестокого обращения», причиной которого «служило подозрение мужа, внушенное ему отцом (который принадлежит к расколу старообрядства) в том, что будто я не верна мужу»[291].

В 1890 г. брак супругов Афанасьевых был расторгнут с разрешением Ивану Максимовичу вступить в новый брак. Екатерина Аристарховна была осуждена на всегдашнее безбрачие[292]. Согласно рапорту священника Старо-Преображенского собора г. Орска Петра Страхова епископу Оренбургскому и Уральскому Макарию от 29 сентября 1891 г., «Екатерина Аристарховна, бывшая по мужу Афанасьева, порвав связь с мужем и живя несколько лет на свободе», вела «жизнь рассеянную, нетрезвую и беспутную. Ведя жизнь праздную и занимаясь по-

[288] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8791. Л. 3.
[289] Там же. Л. 7.
[290] Там же. Л. 1.
[291] Там же. Л. 16–16 об.
[292] Там же. Л. 70–71.

ганым ремеслом проституции, Екатерина Аристарховна, представляет из себя личность нравственно изуродованную и разнузданную, трудно исправимую»[293].

Хотя Данила Мелехов, бывший причиной развода Екатерины Аристарховны с мужем, к тому времени уже полтора года находился в новом браке, связи с ней он не прерывал, «к крайнему огорчению своей молодой жены». Жаловались на Екатерину и тесть Мелехова, и ее бывший муж. Последний писал, что «при нетрезвой жизни» и «беспокойном характере» Екатерина «при всяком удобном случае делает ему, Афанасьеву, неприятности и становится помехой в женитьбе. Женщины, зная нрав Екатерины и опасаясь от нее скандала (и порчи), не решаются принять предложение ко вступлению в брак с Афанасьевым»[294].

В 1892 г., «вследствие крайней бедности вместе с своими родственниками по примеру многих жителей г. Орска ... вынужденных оставить Орск и отправиться в степь для избрания себе нового места жительства», Екатерина Аристарховна уехала в Ташкент. Там ее след был потерян[295].

Еще одна обвиняемая по бракоразводному делу – жена челябинского мещанина Любовь Александровна Ильиных, в ответ на обвинения в прелюбодеянии сообщала в 1896 г. в Оренбургскую духовную консисторию: «2. Мой муж, Андрей Ильиных, единственный пьяница, пропившийся до всякой невозможности, вечно сидящий в кабаках, и, кроме того, пропил свой дом, теперь скитается где день, где ночь, и вообще ведет пошлую жизнь, так, что с ним нет никакой возможности жить, просто морит голодом, но я сама трудом пропитываю себя и свою престарелую мать. 3. Мой муж меня бросил и по своей распутной дурной жизни скитался без вести по Сибири 7 лет, оставя меня на произвол судьбы в голодные годы. [...] 4. Я от

[293] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8791. Л. 84–84 об.
[294] Там же. Л. 84 об.–85.
[295] Там же. Л. 87–91 об.

мужа ни более ни менее получала постоянно побои и различного рода оскорбления и теперь, доживши до 40 лет, стала мужу нехороша и распутна...»[296]. Поскольку супруги Ильиных дважды не явились на судоговорение в Оренбургскую духовную консисторию, дело о расторжении их брака было прекращено[297].

Как красиво выразилась в своем диссертационном исследовании З.М. Кобозева, страсти, «сотрясавшие мещанские семьи на рубеже XIX–XX вв., казалось, были вневременные, вечные, связанные с любовью, предательством, расчетом, игрой случая. С другой стороны, во всех этих эмоциональных переживаниях есть нечто общее, свойственное именно данной социальной среде, что позволило объединить их дискурсом "жестокого романса". Сознание многочисленных социальных слоев России, сдвинувшихся с места в пореформенный период, наводнивших город, но еще не успевших приспособиться к городскому образу жизни – надрывно, как надрывен мещанский романс»[298].

В целом следует констатировать, что разводы в мещанских семьях были вызваны, большей частью, желанием мужчин расторгнуть брак с неугодной (постаревшей, надоевшей) супругой. В качестве основания для развода выступало аморальное поведение жены. Однако при этом, в ходе бракоразводного процесса, выяснялось, что к такому поведению женщину подталкивали финансовые проблемы, жестокое обращение мужа или его длительное отсутствие, посягательства на честь женщины со стороны свекра или других родственников-мужчин. Правовая и социальная незащищенность мещанок приводила их в итоге к различного рода девиациям, болезням, ранней смерти.

Говоря о семейной повседневности купчих и мещанок – основных представительницах городского сообщества, следует отметить, что, несмотря

[296] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8986. Л. 26–26 об.
[297] Там же. Л. 51–51 об.
[298] Кобозева З.М. Мещанская повседневность провинциальных городов России во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2014. С. 32.

на близость этих сословий, их брачное поведение в городах Оренбургской губернии все же имело ряд отличий. Мещанки имели более узкий брачный круг, состоящий преимущественно из представителей того же сословия. Предпочтение оказывалось брачным партнерам с небольшой разницей в возрасте. Мещанское сообщество демонстрировало спокойное отношение к ситуации, когда в брачной паре старше была жена.

В целом, можно говорить о большей демократичности мещанских семей, в которых женщина была, скорее, партнером, нежели ведомым персонажем. Однако, эта демократичность часто оборачивалась семейными трагедиями, связанными с необходимостью для мещанки поиска самостоятельного материального содержания в случае длительного отсутствия супруга.

Представительницы купеческого сословия, как правило, имели с мужем большую разницу в возрасте и обладали более широким брачным кругом, включающим довольно широкий спектр социальных групп. Купчихи были более свободны в финансовом плане, поэтому расторжение браков в купеческих семьях городов Оренбургской губернии не приводило к трагическим последствиям для женщин. Изменение условий повседневной жизни приводило к росту числа разводов в купеческих семьях, причем, по инициативе женщин, не желающих мириться с половой свободой мужей.

Общим для представительниц обоих сословий было многобрачие. Большинство вдов успешно вступали в повторные браки.

3.4. Семейная повседневность женщин духовного сословия

Реформы Александра II предоставили женщинам духовного звания больше возможностей для получения образования и устройства на службу. Однако подавляющее большинство дочерей священнослужителей, прежде всего, стремились выйти замуж. Поэтому при исследовании частной жизни женщины духовного сословия особое значение приобретает изучение семейной повседневности попадей.

Согласно таблице 15 (приложение), духовенство, представлявшее собой наиболее малочисленное сословие, живущее в городе, в сфере семейной очень сильно отличалось от других категорий населения. Так, в браке состояло примерно 19,5 % женщин духовного сословия, в то время, как в среде дворянок этот процент составил 32,4, в среде купчих и мещанок – 42,7, а в среде крестьянок – 41,5. В Оренбурге замужних «матушек» было 16,8 %, в Орске – 38,5 %, в Челябинске – 19 %, в Троицке – 21,2 %, в Верхнеуральске – 35,5 %, в Илецкой Защите – 35 %.

Во вдовстве числилось 9,2 % женщин духовного сословия. Этот процент был меньше, чем в среде живущих в городе крестьянок (10,2 %), городских сословий (10,4 %) и в среде дворянства (15 %). Разведеных в среде духовенства, согласно законодательству, быть не могло. Единственная женщина, состоявшая в таком статусе, так и не была выявлена через архивные документы и осталась для нас загадкой.

Таким образом, в среде священнослужителей оказался максимальный, среди всех сословий, процент девиц – 70,9 %. В Оренбурге их оказалось 74,4 %, в Орске – 53,9 %, в Челябинске – 68,6 %, в Троицке – 67,7 %, в Верхнеуральске – 54,8 %, в Илецкой Защите – 60 %. Вероятно, дело было не только в большом числе дочерей, рождавшихся у местных священников, но и в том, что большая

часть этих дочерей, а также сестры священников, не могли подобрать себе подходящую партию и оставались старыми девами. Участь их была печальна.

Исследователь, решивший заняться проблемой семейной повседневности духовенства, прежде всего, сталкивается с недостатком источников. Жены и дочери священнослужителей не оставили дневников или мемуаров. Редко встретишь в документах и написанные ими письма. На этом фоне богатый материал для характеристики женщины духовного звания предоставляют клировые ведомости и метрические книги храмов города Оренбурга. Так, благодаря анализу клировых ведомостей за 1860—1890 гг. XIX в., были собраны сведения о 137 священнослужителях их 129 женах и 346 детях[299]. Работа с метрическими книгами Оренбургских церквей с 1870 по 1890 годы того же столетия позволила собрать данные еще о 25 супружеских парах из среды духовенства[300].

Работа с источниками позволяет утверждать, что поповны отдавали предпочтение внутрисословным союзам. Из 25 девушек духовного сословия, заключивших брак в Оренбурге между 1870 и 1890 гг., 13 (52 %) стали супругами клириков. Союзы с чиновниками по популярности стояли на втором месте. С ними обвенчались 6 (24 %) девушек. Женами мещан стали 4 (16 %) дочери священно- и церковнослужителей. И лишь 2 (8 %) удалось войти в семьи купцов[301]. Такой расклад был вполне объясним. Брак с девушкой из духовного сословия редко мог принести выгоду мещанину или чиновнику, не говоря уж о купце. Именно поэтому статистика демонстрировала такой высокий процент незамужних девушек духовного сословия, живущих в городах Оренбургской губернии.

А вот родители тех юношей, которые собирались посвятить жизнь служению церкви, считали, что будет лучше, если их будущая спутница жизни

[299] ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 417, 418, 686, 687, 965, 966, 1361, 1362, 1363.
[300] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 39, 40, 41, 42, 352, 353, 390, 726, 727, 770.
[301] Там же.

также будет происходить из духовной среды, так как она может лучше понять устремления супруга и принять тяготы, выпадающие на долю матушки, поскольку знакома с ними с детства. Девушка другого сословия редко могла полностью включиться в дело служения, ее слишком манили светские интересы, мирские вопросы.

Так, например, в повести «Страна отцов» Гусева-Оренбургского одним из ключевых персонажей была Павлинька, дочь отставного чиновника, супруга священника отца Матвея. Она уехала от мужа к отцу и объясняла свой поступок другу семьи, приехавшему вовзратить ее: «Ну вот ... вернусь я ... буду шерсть собирать, ссориться с работницами, буду кур щупать, буду яйца считать, к попадьям на тройках ездить, сплетничать с ними ... величаться перед ними модной шляпкой, шелковой юбкой. Буду на фортпеьяно по целым дням Штрауса играть ... ну ... А потом что? [...] — Пересчитаю все яйца, перещупаю всех кур ... переиграю все вльсы ... А потом что? Неужели так всю жизнь? Год за годом?! Вот стареть буду ... морщины по лицу пойдут, глаза будут тухнуть ... Очки куплю и все буду кур щупать, яйца считать ... играть вальсы ... на тройках ездить ...»[302].

Кроме того, если у священнослужителя на момент выхода за штат или смерти не было сына, которому он мог бы передать приход, то место служителя «закрепляли», и оно оставалось за тем, кто соглашался взять замуж его дочь, либо родственницу[303]. Этот механизм позволял молодому человеку быстро получить место в приходе, а девушке — сохранить за семьей недвижимое имущество и поддерживать овдовевшую мать с младшими братьями и сестрами. Так как после отмены наследственности приходов[304] правительство не приняло никаких существенных мер для поддержки духовенства, на практике этот обычай сохранился до начала XX века[305]. Такова была своеобразная со-

[302] Гусев-Оренбургский С.И. Страна отцов ... С. 146—147.
[303] О заведении шнурованной книги для внесения записей на домы и дворы священно и церковнослужителей и о порядке перехода таковых мест от одного лица к другому (22.01.1786) // ПСЗРИ-I. Т. 18. № 13967. С. 151.
[304] Об общих средствах призрения для всего служащего при церквах духовенства (22.05.1867) // ПСЗРИ-II СПб., 1871. Т. 42. № 44610. С. 797—798.
[305] Добросклонский А.П. Руководство по истории церкви 1700—1890. М., 1893. С. 167.

циальная защита сословия, и в ней роль женщины оказывалась весьма значительной.

Если по каким-то причинам невозможно было передать свое место по наследству, отцы, «обретенные дочерьми», искали праздный приход. Действуя через знакомых или давая взятки, они сводили знакомство с влиятельными прихожанами («воротилами прихода»), способными повлиять на мнение всех остальных. После обильной попойки с помощью таких воротил прихожане подписывали прошение на имя епископа с просьбой определить на приход будущего зятя заинтересованного священника. Это называлось «купить заручную». Таким образом, выходила все та же «невеста с местом», только отцу для обеспечения дочери приданым необходимо было приложить больше усилий и денег. Данный процесс подробно описал в одноименном рассказе П. Несмелов[306].

Очевидно примерно таким образом действовал протоиерей Николай Васильевич Кречетов, устраивая судьбу двух из своих семерых дочерей. Покидая в 1851 г. Кундравинскую станицу Троицкого уезда, чтобы занять должность настоятеля собора Александра Невского в Уральске, он передал свое прежнее место будущему мужу дочери Анны — Льву Емельянову. В этом легко убедиться, проанализировав сведения послужных списков родственников[307]. Позже, уходя на заслуженный отдых в 1874 г. с должности настоятеля Христорождественского собора города Челябинска, Николай Васильевич вновь добился перевода Льва Емельянова на свое место[308]. В Кундравинскую же станицу Троицкого уезда отправился служить Евгений Федорович Шмотин, супруг младшей дочери Николая Васильевича — Ольги[309].

Конечно, не все священнослужители могли обеспечить своих дочерей приходами. Однако за невестой необходимо было дать хоть что-нибудь.

[306] Несмелов П. Заручная // Странник. 1883. Октябрь. С. 260–275; Ноябрь. С. 432–455; Декабрь. С. 644–662.
[307] ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 290. Л. 2–3 об.; Д. 837. Л. 8 об.
[308] Движение по епархиальной службе // Оренбургские епархиальные ведомости. 1874. № 10. Часть официальная. С. 327.
[309] ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 904. Л. 6 об.

Известно, что жена дьякона Оренбургского кафедрального собора Антонина Нассанова – Лидия при выходе замуж получила в приданое «родовую посуду из серебра», кроме того, отец купил ей корову[310]. Иногда в приданое девушки входила довольно значительная сумма денег. Так, Вера Григорьевна Маляровская, жена священника Градо-Троицкого собора, после смерти супруга в 1869 г. представила в попечительство о бедных духовного звания доказательства, что «деревянный, покрытый тесом дом в четыре комнаты, с особой кухней через сени» и надворные постройки: две завозни, конюшня и баня были возведены на деньги, которые она получила от родителей при выходе замуж[311].

После того, как стороны договаривались о приданом, обычно назначались смотрины. Родители невесты перед визитом жениха приводили в порядок дом, по возможности накрывали богатый стол, а на видном месте расставляли предметы из приданого, чтобы произвести на родню кандидата в мужья хорошее впечатление. Волнение и суету, поднимающуюся в доме при приближении жениха, красочно описывал П. Несмелов: «...Жених! Жених! – Крикнула кухарка Марья, влетая в столовую. Батюшка, на ходу застегивая свое полукафтанье, поспешил в переднюю встречать гостей. Сережа бросился зажигать в зале стенную лампу, а прочие члены семьи суетились вокруг стола, помогая Марье убирать остатки ужина. Сама матушка ушла одеваться в приличный такому случаю костюм, наказав то же сделать дочерям. Но в впопыхах и волнении она никак не могла найти рукавов в своем шелковом платье. <...> И спустя время только заметила, что вместо своего платья, она усиливается просунуть голову в широкий рукав шелковой батюшкиной рясы»[312]. Впрочем, волнение, как правило, быстро оставляло собравшихся. Поговорив немного о посторонних предметах и выпив чаю,

[310] ГАОО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 88. Л. 2.
[311] ГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 27. Л. 4, 14.
[312] Несмелов П. Заручная // Странник. 1883. Октябрь. С. 266.

который разносила невеста, чтобы гости могли как следует ее рассмотреть, все обычно перемещались за стол, где под водку и закуски улаживали оставшиеся формальности[313].

Под формальностями следует понимать согласие молодых людей на брак, потому что, по замечанию С.Е. Елпатьевского, «...в нашей среде впереди всего стояли "приход", и "место", и "роспись приданого", затем положение родни на практической духовной лестнице и потом уже согласие жениха и невесты, которое, собственно, и не спрашивалось, а подразумевалось само собой»[314]. Век и нравы не располагали к обстоятельному знакомству молодых людей перед венчанием. Слишком много практичных жизненных обстоятельств зависело от вступления в брак, чтобы можно было задумываться о чувствах молодых людей.

Стремление решить жизненные проблемы путем заключения брачного союза, как правило, самым пагубным образом сказывались на взаимоотношениях супругов. Так Екатерина Павловна Дроздова была выдана замуж за выпускника Уфимской духовной семинарии Николая Петрова. Несколько лет после окончания учебного заведения юноша не мог найти праздный приход, чтобы иметь возможность принять сан и содержать себя. Его расчет оказался верным. После свадьбы тесть, Павел Дроздов, будучи благочинным, помог быстро решить эту проблему. Кроме того, он, очевидно, поддерживал молодую чету материально. Зависимость от тестя привела к конфликту между новоиспеченными родственниками. В результате Николай Петров стал пренебрежительно относится к служебным обязанностям и пристрастился к алкоголю. К тому же, выпив лишнего, он принимался бить жену[315].

Екатерина Павловна сначала только изредка уезжала к отцу[316]. Наконец, не выдержав постоянных истязаний, женщина забрала пятерых детей и по-

[313] Несмелов П. Заручная // Странник. 1883. Октябрь. С. 271, 277.

[314] Елпатьевский С.Е. Рассказы о прошлом. Праздники. Т. 3. СПб., 1904. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/e/elpatxewskij_s_j/text_0360oldorfo.shtml (дата обращения: 25.10.2019).

[315] Подробнее об этом см: Фот А.Г. Семья приходского священника Оренбургской епархии в контексте реалий бытовой повседневности // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 14. С. 144–152.

[316] ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4361. Л. 1–8.

кинула супруга, отправившись на постоянное место жительство в Орск, где Павел Дроздов с 1893 г. служил настоятелем при Спасо-Преображенском соборе[317]. Такой исход супружеского конфликта был, конечно, единичным случаем для представителей приходского духовенства. Обычно полная материальная зависимость жены от мужа, наряду с православными канонами, ставила ее в подчиненное положение по отношению к супругу, что и побуждало женщину сохранить семью.

Иллюстрацией данного тезиса может служить судьба Лидии Нассановой, о которой уже упоминалось выше. На момент свадьбы с Лидией Антонин Нассанов был сигналистом телеграфной станции. Благодаря связям двоюродного брата Лидии, Владимира Ясенского, который состоял личным секретарем при епископе Оренбургском и Уральском Митрофане[318], Нассанов получил сначала место псаломщика, а зачем был рукоположен в дьяконы к Оренбургскому кафедральному собору. Получив желаемую должность, он, однако, не испытывал ни малейшей благодарности к родственникам и супруге. Напротив, он не только продолжил выпивать и проматывать приданое Лидии, но и стал поднимать на нее руку[319].

Когда ситуация напрямую стала угрожать ее жизни, Лидия с детьми уехала в отчий дом и оттуда направила прошение епископу с просьбой повлиять на супруга. Однако архипастырь ничем не мог помочь женщине. Он только отдал распоряжение: «д. Нассанову сделать необходимое вразумление»[320]. В итоге, не имея никакой возможности обеспечивать себя и детей самостоятельно, Лидия склонилась под давлением обстоятельств и общественным мнением. Окружающие уверяли ее, что удел женщины покориться судьбе и смирить свою волю перед супругом. Воссоединение семьи, естественно, не принесло Лидии ничего хороше-

[317] ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1526. Л. 272–276 об.
[318] ГАОО. Ф. 173. Оп 9. Д. 966. Л. 44 об.
[319] ГАОО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 88. Л. 2–8 об.
[320] Там же. Л. 2.

го. Дьякон продолжил пить, в хмелю бить жену и выгонять ее из дома. Однако попыток разъехаться с мужем женщина больше не предпринимала[321].

Примерно такой же вариант создания семьи в среде духовенства описал С.И. Гусев-Оренбургский в своей повести «Страна отцов». Один из персонажей повести, отец Иван Гонибесов, священник в селе Гнездовка, рассуждал о своем браке: «Как он женился на ней? Зачем? Даже не спросил ее, хочет ли? Повезли его, смотрины сделали ... А он, — только кончил семинарию, был сильно выпивши. Все ему представлялось светлым, все люди — хорошими, с радостными лицами. Обнимались, поздравляли ... Венчали! Он смотрел на брак, как на побочное обстоятельство, — главное было впереди... жизнь. Он даже слышал, что у этой высокой, немного бледной, немного городой девицы был роман ... Он даже видел слезы под ее венчальным вуалем, обильные слезы, немного его оскорбившие, но он знал, что "все невесты плачут"...

И потом ... стали жить ... И потом ...»[322].

Подчинение супругу объяснялось не только патриархальным укладом, царившим в семейных отношениях дореволюционной России, но и тем, что муж, как правило, был старше жены. Абсолютный брачный возраст мужчин из духовного сословия, проживавших в городе, составлял 18—25 лет. Поповны выходили замуж между 15 и 22 годами[323]. Браки между ровесниками были довольно редки. В середине XIX столетия из 129 супружеских пар духовных лиц по городу Оренбургу лишь 6 (4,6 %) оказались сверстниками[324].

Разница между возрастом новобрачных, по утверждению Б.Н. Миронова, у простого народа не превышала четырех лет в пользу жениха, и лишь в высшем обществе она часто бывала большей[325]. В исследуемый период, по данным Оренбургских клировых ведомостей, 59 (45,7 %) супружеских

[321] ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6891.
[322] Гусев-Оренбургский С.И. Страна отцов С. 136.
[323] Подсчитано по: ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 39, 40, 41, 42, 352, 353, 390, 726, 727, 770.
[324] Подсчитано по: ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 417, 418, 686, 687, 965, 966, 1361, 1362, 1363.
[325] Миронов Б.Н. Социальная история периода империи (XVIII — начало XX века) ... С 149.

[326] Подсчитано по: ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 417, 418, 686, 687, 965, 966, 1361, 1362, 1363.
[327] Подсчитано по: ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 417, 418, 686, 687, 965, 966, 1361, 1362, 1363.

пар соответствовали этому стандарту. Однако у 49 (37,9 %) пар разница в возрасте была значительно большей и варьировалась от 5 до 9 лет, а в ряде случаев значительно превышала этот показатель, составляя 10–15 лет. При работе с источниками нами было обнаружено 10 (7,7 %) подобных пар[326]. Столь большая разница в возрасте между супругами в данном случае объясняется тем, что мужчины долгое время состояли на службе в Духовной консистории или преподавали в учебных заведениях. Решив принять сан, они, подобно мужчинам из других сословий, стремились брать в жены девушек значительно моложе себя.

Владимир Васильевич Пальмов с невестой, Ольгой Федоровной Маляровской. 1906 г.

Но даже разница в возрасте года в четыре зачастую давала о себе знать. Если 15-летняя девушка связывала жизнь с 19-летним юношей, эта разница, по крайней мере, на начальном этапе, оказывала существенное влияние на их отношения. Особенно если жена получила посредственное домашнее образование, а муж окончил специальное учебное заведение. Из 137 Оренбургских клириков 135 (98,5 %) окончили хотя бы духовное училище. В то же время из 129 их жен, о которых удалось собрать полную информацию, только 3 (2,3 %) окончили специальное учебное заведение[327]. Таким образом, очевидно, что в подавляющем большинстве случаев Оренбургские клирики были образованнее своих жен.

Будни женщины духовного звания были посвящены ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей. Православие пропагандировало многодетность. Представи-

тели духовенства видели в детях благословение Божье и считали большое их число обязательной составляющей счастья в доме. Поэтому семьи, где по каким-то причинам у супругов не появилось отпрысков, нередко усыновляли подкидышей или воспитанников приюта Святой Ольги в Оренбурге. В нашем распоряжении оказались данные о числе детей в 131 семье приходских клириков. У 37 (28,2 %) священнослужителей не было своих детей. 19 из них (51,3 %) взяли на воспитания хотя бы одного ребенка. В семьях с родными детьми их число обычно колебалось от 1 до 4. Таких супружеских пар в Оренбурге насчитывалось 77, т.е. 58,7 %. У 17 супругов (12,9 %) подрастали 5 и более детей (иногда до 9 детей в одной семье)[328]. Так, в семье священника оренбургской Николаевской церкви Капитона Алексеевича Беляковского и его супруги Анны Борисовны подрастали 9 детей. Разница между старшим и младшим ребенком составляла 19 лет[329]. Матушки могли рожать и в весьма преклонном возрасте. Так, Прасковья Ксаверьевна, супруга священника Семена Васильевича Циркулинского, в 1870 г. служившего при Георгиевской церкви Оренбурга, родила сына Сергея в 48 лет[330].

Нужно отметить, что, кроме собственных детей, в домах оренбургского клира нередко проживали юные родственники одного из супругов. Например, Ольга Федоровна, супруга настоятеля Михаило-Архангельского храма Орска Владимира Пальмова помогала мужу воспитывать пятерых его се-

[328] Подсчитано по: ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 417, 418, 686, 687, 965, 966, 1361, 1362, 1363.
[329] ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1363. Л. 49 об.
[330] ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 687. Л. 41 об.

Пальмов В.В. с женой и детьми. По старшинству слева направо: Николай, Ольга, Елизавета, Семен. 1917 г.

стер[331]. Анна Васильевна, жена священника Алексея Никольского, с 1889 г. служившего при челябинской Свято-Троицкой церкви, кроме четверых собственных детей, заботилась о племянниках мужа: Валентине, Марии и Леониде[332]. Несмотря на сложное финансовое положение, сирот в доме приняли радушно и по мере сил проявляли заботу об их будущем. В 1900 г. отец Алексей запрашивал 100 р. из капитала, принадлежащего Марии, чтобы отдать эти деньги учительнице, которая должна была подготовить девочку к поступлению в Оренбургское епархиальное женское училище[333]. Очевидно не сразу, но Марии удалось поступить в данное учебное заведение. Ее имя в 1903 г. значится среди воспитанниц, которым предстояло держать переэкзаменовку по русскому и славянскому языкам, чтобы перейти во второй класс училища[334].

Валентине родные подобрали жениха. Еще один дядя девушки — протоиерей Геннадий Никольский много лет совмещал священнослужение в Вознесенской церкви с преподаванием логики воспитанникам Оренбургской духовной семинарии[335]. Он и сосватал семнадцатилетнюю племянницу за выходца из крестьян Симбирской губернии Якова Ивановича Маскаева. Венчание состоялось 22 июля 1901 г. в оренбургской церкви Вознесения Господня[336]. После свадьбы Яков Маскаев принял на себя опеку над братом и сестрой жены. Только устроив таким образом жизнь сирот, семья Никольских позволила себе наконец перебраться в Казань, где Алексей Николаевич собирался продолжить образование в духовной академии[337]. Подобные примеры свидетельствуют о том, что родственные взаимоотношения в среде приходского православного духовенства строились на традициях взаимопомощи. Представители одной семьи осознавали свою ответственность за ее менее защищенных членов

[331] ГАОО. Ф. 173. Оп. 9 Д. 1624. Л. 417–148.; Ф. 176. Оп. 1. Д. 298.
[332] ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1530. Л. 59 об.
[333] ГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 207. Л. 30.
[334] От совета Оренбургского епархиального женского училища // Оренбургские епархиальные ведомости. 1903. № 13. Часть официальная. С. 155.
[335] ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1535. Л. 67–70 об.
[336] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 1397. Л. 253 об.
[337] ГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 207. Л. 32–33.

и готовы были оказать им поддержку в случае необходимости.

Число детей в семье не может служить показателем рождаемости. За время замужества женщина рожала 10–12 раз. Для духовенства, как и для всех сословий Российской империи, была характерна высокая детская смертность. Из семи братьев и сестер митрополита Евлогия выжили только трое[338]. Мать епископа Саввы похоронила восьмерых из двенадцати детей[339]. С.Я. Елпатьевский всю жизнь помнил молчаливое, неизбывное горе матери над могилами, где покоились пять ее отпрысков[340]. Судя по данным метрических книг Вознесенской церкви Оренбурга, за 10 лет с 1880 по 1890 гг. там умерло 63 представителя духовного звания обоего пола. 39 (61,9 %) из них – дети. Причем 26 из 39 умерли до года, а остальные в возрасте от года до 16 лет[341].

Частые роды и смерти детей подрывали здоровье и силы женщины, становясь дополнительным стрессовым фактором и без того непростой супружеской жизни. Характерен и портрет женщины духовного сословия на склоне лет: «...Когда-то чудесные голубые глаза приняли теперь покорное, как бы умоляющее, скорее молитвенное выражение. Не осталось и следа прежнего молодого задора и жизнерадостности. В поредевших, когда-то черных как смоль волосах пестреют седые пряди; на бледном худом лице редко-редко заметна улыбка, обнаруживающая недостаток зубов; сгорбившаяся матушка кажется ниже прежнего роста. Совсем скромное темное платье, без претензий на моду. Покорной и кроткой нотой звучит речь. В разговорах нет уже прежнего оживления, не просвечивают, как яркие огоньки, блестки прежнего молодого ума; безжизненно, словно по нужде, выжимая из себя каждое слово, ведет она теперь свою речь. За хозяйством и детьми думать о себе много не приходится!»[342].

[338] Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. Париж, 1947. С. 4.
[339] Савва, архиепископ. Хроника моей жизни: автобиографические записки Высокопреосвященнаго Саввы, Архиепископа Тверскаго и Кашинскаго. Сергиев Посад, 1898.С. 5.
[340] Елпатьевский С.Р. Рассказы о прошлом ...
[341] Подсчитано по: ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 353, 424, 463, 526, 557, 608, 626, 691, 726.
[342] Одна из многих // Руководство для сельских пастырей. 1907. Т. 3. № 19. С. 33–34.

Тяжким испытанием для женщины духовного звания становилось вдовство. Оно означало потерю финансовой стабильности. Кроме того, женщина должна была покинуть дом, в котором проживала. Жилище, как правило, принадлежало приходу, а с отменой наследственности церковнослужительских должностей, новый священник не обязан был содержать жену своего предшественника и его отпрысков[343]. Существовала возможность получить пособие от Попечительства о бедных духовного звания, но это было делом хлопотным. Требовалось доказать, что вдова не получает иных доходов, и у нее нет родственников, способных ей помочь.

Пособие, выдаваемое Попечительством, как правило, было небольшим. Во второй половине XIX в. оно составляло от 6 до 45 р. в год. Иногда вдове выдавалось единовременное пособие в размере 50–100 руб. для выдачи дочери замуж. Но капиталы Попечительства были невелики, оно не могло обеспечить всех вдов и сирот. Об этом свидетельствует, например, «Список лиц духовного звания Градо-Оренбургского благочиния, пользующихся пособием от Оренбургского епархиального попечительства»[344]. Если супруг при жизни заслужил пенсию, то вдове с детьми полагалась половина пенсионного оклада. Для священнической вдовы сумма обычно составляла 150 р., а для дьяконской – 50 р. в год. Однако пенсии назначали медленно и далеко не всем священнослужителям, а значит, женщины редко могли рассчитывать на такой доход со смертью мужа[345].

Конечно, овдовев, женщина могла вновь выйти замуж и таким образом решить часть бытовых проблем, а заодно и избавиться от одиночества. Такие примеры крайне редко, но встречаются в исторических источниках. Так, согласно записи в метрической книге Покровской церкви за 1881 г., 23 августа вдова дьякона Мария Алексеевна Сушницкая

[343] Об общих средствах призрения для всего служащего при церквах духовенства (22.05.1867) // ПСЗРИ-II. СПб., 1871. Т. 42. № 44610. С. 798.
[344] ГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 201. Л. 93–93 об.
[345] ГАОО. Ф. 173. Оп. 6. Д. 11054 Л. 28–29; 59 об.–60; 251.

обвенчалась с помощником начальника станции «Сырт», отставным поручиком Николаем Александровичем Стругацким[346]. И все же это был практически исключительный случай. Для всех мужчин из духовного сословия, кроме псаломщиков и пономарей, повторный брак был запрещен. Да и эти две последние категории, в том случае если женились на вдовах, теряли возможность принять сан[347]. Поэтому у женщины оказывалось мало шансов вновь найти спутника жизни внутри своего сословия.

Иносословные союзы, как уже отмечалось выше, были редкостью. Если вдова клирика вновь выходила замуж, она приобретала статус своего нового супруга и теряла все права, которыми пользовались представители белого духовенства[348]. Кроме того, повторное замужество ставило под сомнение право женщины воспитывать своих детей от предыдущего брака. Так, скончавшийся 14 марта 1869 г. пономарь Свято-Троицкой церкви Челябинска Валентин Апустин оставил после себя 25-летнюю беременную жену с тремя малолетними детьми. Александра Апустина 4 октября 1870 г. обвенчалась с пономарем села Щучьего Челябинского уезда Арсением Скворцовым. Когда сведения об этом дошли до Оренбургской духовной консистории, благочинному Градо-Челябинских церквей было отправлено распоряжение, предписывающее выяснить: можно ли оставить Апустину опекуншей над детьми и имуществом ее первого супруга. Причем уверения молодой женщины в том, что с ролью опекунши она справляется не хуже чем раньше, а Арсений Скворцов «и помыслить не может обидеть ее детей, почитая их за своих», особого влияния на начальство не оказали[349].

От сложного и длительного разбирательства в Консистории супругов спасло вмешательство благочинного Челябинского уезда Григория Николаевича Образцова. Опережая городского коллегу,

[346] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 390. Л. 105.
[347] Певцов В.Г. Лекции по церковному праву. Саратов, 2004. С. 97–98.
[348] Законы о состояниях // Свод законов Российской империи. СПб., 1857 Т. 9. С. 62.
[349] ГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–1 об.

он 2 декабря 1870 года написал в попечительство о бедных духовного звания рапорт, в котором, тепло характеризуя молодоженов, присовокуплял: «едва отчуждать эту вдову Апустину от опеки, потому что в сем случае как бы не произошло раздора в семейной жизни теперешних супругов, от чего будут страдать в первую очередь дети, которых поручить кроме матери некому, правда, у них есть бабка, мать покойного пономаря Апустина, вдова, священническая жена Александра Ивановна Апустина, но она уже не молода и не пользуется здоровьем»[350]. Это решило дело. Опекунство над детьми оставили матери под надзором местного священника Невзорова[351].

По выше названым причинам вдовы священно- и церковнослужителей, как правило, предпочитали повторно замуж не выходить. Вдовство для женщины духовного сословия вообще влекло за собой необходимость доказывать право воспитывать своих детей. Ни одно опекунское дело подобного рода не обходилось без обязательной справки от благочинного, что вдова «женщина надлежащих нравственных качеств, хорошая мать и хозяйка». Справедливость сказанного своими подписями подтверждали все члены местного причта[352]. Женщине приходилось искать мужчин, которые соглашались хотя бы формально разделить с ней опекунские заботы. Так, вместе с вдовой священника оренбургской Николаевской церкви Василия Соловьева Надеждои,опеку над их сыном Владимиром принял родной брат покойного[353]. После смерти 10 ноября 1896 г. протоиерея Оренбургского кафедрального собора Николая Сергеевича Сперанского, его супруга Ольга Цезаревна осуществляла опеку над их семью детьми при формальной поддержке мужа своей сестры — коллежского советника Ивана Снегирева[354].

Права женщины на опеку могли оспаривать и ее родственники со стороны мужа. Так, псалом-

[350] ГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 30. Л. 1 об.
[351] Там же. Л. 2.
[352] См., например: ГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 166. Л. 2 об.
[353] ГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 175. Л. 2 об.
[354] ГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 199. Л. 1.

щик Переволоцкого поселка Георгий Стрельцов добился, чтобы его невестку, Феклу Ивановну, ограничили в праве опекать сыновей. Из-за того, что «главный в опеке контроль был предоставлен местному благочинному – Вонифатию Подьячьеву, женщине пришлось отказаться от мысли переехать в Оренбург[355]. Александра Владимировна Пономорева, овдовев, вообще лишилась права воспитывать дочь, поскольку епархиальные власти решили передать опекунские обязанности ее свекру[356].

Подводя итоги, необходимо сказать, что жизнь женщины духовного сословия в пореформенную эпоху была подчинена интересам семьи. Руководствуясь практическими соображениями, поповны, как правило, выходили замуж. Брак в духовной среде, несмотря на ряд принятых государством мер, так и остался одним из способов поступления на должность в причте и одновременно средством социальной защиты вдов и сирот. Поэтому поповны предпочитали заключать внутрисословные союзы.

Межсупружеские отношения строились на принципах патриархальности. Главенствующее положение в семье принадлежало мужчине. Женщина, в силу возраста и статуса, находилась, как правило, в подчинении у супруга. Браки, в основном, заключались по расчету. В результате отношения супругов строились, скорее, на чувстве долга, нежели на любви. Полная материальная зависимость жены от мужа, наряду с православными канонами, ставила ее в подчиненное положение по отношению к супругу. Это также способствовало закреплению авторитаризма во внутрисемейных отношениях.

Тем не менее, женщина играла в семье достаточно важную роль. Именно она отвечала за ведение домашнего хозяйства и воспитывала детей. Причем часто это были не только общие дети, но и осиротевшие родственники супруга. Насколько бы многотрудной не оказалась семейная жизнь, она была

[355] ГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д.100. Л. 124 об., 126.
[356] ГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 52. Л. 47–48 об.

все же предпочтительнее вдовства. Овдовев, женщина не только теряла финансовую стабильность, но и оставалась в одиночестве, поскольку у овдовевшей представительницы духовного сословия было мало шансов повторно выйти замуж. Кроме того, вдовство влекло за собой необходимость доказывать право на воспитание детей. Исторические источники свидетельствуют, что не все подобные истории завершались для женщины благополучно. Имели место как ограничение матери в опекунских правах, когда роль главного опекуна отводилась постороннему лицу, так и полное отчуждение матери от воспитания детей.

3.5. Семейная повседневность крестьянок, живущих в городе

Большую часть своей истории Россия была аграрной страной. Решающую роль в формировании многих городов сыграло крестьянское население. В то же время, крестьянство само по себе было неоднородно, периоды формирования и возрасты городов были различны, поэтому, наряду со схожими тенденциями в общем процессе урбанизации, имелись и региональные отличия. Оренбуржье не было аграрным регионом изначально, но заселение его крестьянами привело к тому, что именно таковым оно и стало, поскольку крестьяне несли свою культуру и образ жизни на осваиваемые территории.

Оренбург возник как город-крепость, поэтому основную роль в нем должны были играть военные, но, в любом случае, для обеспечения нужд всех слоев общества, для поддержания инфраструктуры города необходимы были представители самого многочисленного сословия – крестьянского. В истории Оренбуржья было несколько волн крестьянского заселения края, в основном выходцами из центрально-европейской части России и Малороссии (Украины). Большая часть населения пришла в середине – второй половине XIX века.

Крестьянство было важным источником пополнения городов. Жизнь крестьян в городе во второй половине XIX в. сильно менялась в связи с развитием государства, трансформацией экономики, внутренними процессами, происходившими в крестьянской среде. Реформы 1860-х гг. сильно повлияли на правовой и социальный статус крестьян.

Тема расселения крестьян в Оренбуржье поднималась советскими и местными исследователями[357], но участие крестьян в развитии города не изучалось. В советской историографии внимание уделялось в основном экономическим и политическим вопросам, например, пролетаризации крестьян в городах после реформ, участию сельчан в процессе урбанизации. Авторитетные исследователи пореформенного периода и крестьянской жизни Н.М. Дружинин, П.А. Зайончковский, П.Г. Рындзюнский, А.М. Анфимов и другие обращали внимание на некоторые аспекты жизни крестьян в городах, обходя стороной семейные и демографические данные[358]. Например, П.Г. Рындзюнский отмечал, что широкие массы крестьянства стремились к выселению из родных деревень в иные места, прежде всего в города из-за тяжелых условий жизни в деревне[359]. Современный же исследователь Б.Н. Миронов считает, что переселение крестьян в город в пореформенное время происходило вяло, в связи с сохранением ими в деревне значительного фонда земли после эмансипации[360].

Пожалуй, только в XXI веке в рамках истории повседневности и при изучении истории городов возник устойчивый интерес к другим аспектам жизни крестьян в городе[361]. В.Б. Безгин, являясь одним из ведущих современных крестьяноведов, осветил крестьянскую повседневность, затронув вопросы семейного быта[362]. В пределах гендерной истории активно изучаются разнообразные аспекты повседневной жизни крестьян, в том числе и в городах[363].

[357] Зобов Ю.С. Русские на Южном Урале, их роль в заселении и развитии края // Многонациональный мир Оренбуржья / Под ред. В.П. Торукало. Оренбург, 1994. С. 24–41; Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М., 1984.

[358] Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство европейской России 1881–1904. М., 1980; Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе 1861–1880. М., 1978; Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1964; Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России 1850–1880 гг. М., 1978.

[359] Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 455.

[360] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) ... С. 492–498.

[361] Апкаримова Е.Ю. Общественный быт уральского города второй половины XIX – начала XX в. в историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VIII Всероссийской научной конференции, [г. Екатеринбург], 27–28 апреля 2007 г. Екатеринбург, 2007. Т. 1. С. 34–40; Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М., 2012; Пивоварова Л.Н. Повседневная семейная жизнь крестьян российской провинции во второй половине XIX века: на материалах Курской губернии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006; Постников С.П. и др. Формирование городского образа

жизни // Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М., 2000. С. 227–243; Синкин К.А. Нравственно-правовые особенности заключения брака среди крестьян в дореволюционной России // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 6. С. 22–26.

[362] Безгин В.Б. «На миру» и в семье: русская крестьянка конца XIX – начала XX века. Тамбов, 2015.

[363] Мухина З.З. Трансформация статуса женщины в русской крестьянской семье середины XIX – начала XX века: автореф. дис. ... док. ист. наук. М., 2015; Пивоварова Л.Н. Повседневная семейная жизнь крестьян российской провинции во второй половине XIX века: на материалах Курской губернии : автореф.дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006.

[364] ГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 373, 380.

Происходит своеобразный сплав урбанистики, повседневноведения и гендерной истории при изучении положения горожанок в пореформенный период, с учетом их сословной принадлежности.

Положение женщин-крестьянок в городе в пореформенный период, с одной стороны, представляется весьма очевидным, учитывая общие социально-экономические изменения в империи этого периода. С другой стороны, реальной историей повседневной жизни крестьянок-горожанок исследователи занимались недостаточно. Источники, доступные в рамках изучения истории Оренбургской губернии, больше всего помогают охарактеризовать семейную повседневность крестьянок в городе. Трудовая и досуговая составляющие повседневности зачастую остаются скрытыми, поэтому о них можно судить по аналогии с другими регионами, либо на основании отрывочных сведений в губернских отчетах разного рода и отчасти из информации в прессе.

Общая география происхождения крестьян, живущих в городе, в пространстве Оренбургской губернии, обнаруженная в метрических записях, охватывает 12 губерний, включая Оренбургскую. В некоторых случаях были указаны лишь уезды и населенные пункты без губернии. В число губерний, из которых выходили крестьяне, переселявшиеся в Оренбург, входили: Оренбургская, Самарская, Нижегородская, Владимирская, Казанская Тамбовская, Симбирская, Саратовская, Пензенская, Калужская, Рязанская, Ярославская[364], а также ряд уездов Уфимской губернии. Таким образом, география происхождения проживающих в Оренбурге крестьян была весьма обширной, включала в себя Поволжский регион, а также территории центрального черноземного района и другие.

Таблица 16 (приложение) позволяет определить долю неместного населения в составе крестьянок,

живущих в городах Оренбургской губернии. Данные переписи 1897 г. в категорию сельского населения включают казаков и иностранных поселенцев, но основной приток уроженок из других губерний составляли именно крестьянки (иностранок было всего 5, а казачки, скорее всего, были местными). Судя по данным таблицы, в основном в города переселялись жители того же уезда. На втором месте находились переселенцы из других губерний.

Уроженки других губерний в общей массе сельского населения в городах составили в Оренбурге 43 %, 24 % в Орске, 50 % в Челябинске, 45 % в Троицке, 21 % в Верхнеуральске и 45 % в Илецкой Защите. То есть от четверти до половины сельских жительниц в городах губернии составляли женщины иногубернского происхождения. Если же предположить, что уроженками других губерний, переселившимися в города Оренбургской губернии, были именно крестьянки (т.е. примем число казачек-переселенок за 0), то процентное соотношение будет еще большим: 54,5 % иногубернских крестьянок в Оренбурге, 36,4 % в Орске, 59,5 % в Челябинске, 59 % в Троицке, 40,2 % в Верхнеуральске и 53,6 % в Илецкой Защите.

Большая часть записанных крестьян происходила из Оренбургского уезда, где сохранялась наибольшая концентрация переселяемых еще с XVIII в. государственных крестьян. Следующими по числу переселившихся в Оренбург крестьян шли Самарская, Нижегородская и Владимирская губернии[365]. Близкое расположение Самары и постоянные территориальные хозяйственные и прочие связи способствовали переселению крестьян из этого региона в Оренбург. Происходившие из Нижегородской и Владимирской губерний крестьяне, особенно владельческие, вероятно, не по своей воле попадали на Южный Урал в дореформенный период. В пореформенный период география происхож-

[365] ГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 373, 380.

дения крестьян в городе осталась такой же, с той лишь разницей, что теперь все крестьяне были носителями единого статуса, в связи с отменой разрядных отличий.

В начале 1860-х гг. еще встречались записи, фиксировавшие разницу в разрядном положении крестьянок: государственная, удельная, отпущенница, но уже к концу 60-х гг. все женщины обозначались просто крестьянками. Определяющим статус чаще было брачно-семейное состояние женщины.

Поскольку государственные крестьяне юридически были лично свободными («свободные сельские обыватели»), то вступать в браки с представителями других сословий им было легче, нежели удельным или крепостным крестьянам. Женщинам в этом плане было легче, чем мужчинам, потому что они не были финансово ответственны перед государством. Удельным крестьянкам дозволялось выходить в другие сословия путем замужества, с уплатою выходных денег или при обязательстве учреждения, принимавшего женщину, уволить, в свою очередь, в удельное ведомство крестьянку, которую посватает удельный крестьянин. Поэтому в изученных метриках есть браки удельных крестьянок с представителями не своей социальной группы. Государственные крестьянки в большем количестве случаев выходили замуж за мещан, поскольку они были освобождены от уплаты «выводных денег».

Обобщая изученные данные, можно констатировать, что крестьяне составляли довольно большую часть жителей Оренбурга, о чем свидетельствуют записи в метриках. Частое появление крестьян в разделах рождений и браков, с одной стороны, указывало на длительное пребывание (проживание) их в городе и открывало определенные стороны их повседневной жизни, связанные с семьей и трудовой деятельностью. В среднем, в метриче-

ских книгах церквей, расположенных в районах компактного проживания крестьян в городе, от 19 до 25 % записанных при крещении детей принадлежали к крестьянскому сословию, т.е. от одной пятой до четверти населения города были крестьянами.

В то же время в разделе «Умершие» в метриках крестьян вначале фиксировалось не такое большое число, за исключением крестьянских детей, умерших в младенчестве. Это свидетельствовало о пока еще тесной связи крестьян с сельскими местностями. Город рассматривался крестьянами как временное место проживания, место, где можно было найти дополнительный заработок, но не место окончательного оседания.

С конца 1860-х гг. и далее в метриках обнаруживается косвенное подтверждение постепенного закрепления крестьянок в городе — регистрация смертей крестьянских женщин в преклонном возрасте. Если в начале пореформенного периода такие данные были единичными, то к концу века их количество увеличивается. Возраст и указанные обстоятельства смертей, чаще всего связанные с продолжительными болезнями, свидетельствуют о длительном пребывании крестьянок в городе. Самой пожилой, по этим сведениям, была крестьянская вдова 79 лет — возраста значительного, в сравнении со средней продолжительностью жизни крестьян того периода. В среднем, в разделе «Умершие» метрических книг к концу века встречалось примерно по пять женщин-крестьянок старше 60 лет в год[366].

Основную массу сельских сословий, проживающих в городе, до реформ составляли государственные крестьяне, что подтверждается данными метрических книг. Именно они отправлялись осваивать относительно новый регион и в XVIII, и в первой половине XIX в. В условиях развивающихся рыночных отношений государственные кре-

[366] ГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 391, 760, 843.

стьяне нередко отходили от занятия земледелием. Будучи «свободными сельскими обывателями», на границе империи они могли жить, осваивая городской образ жизни и профессии. В городской среде в условиях пореформенной модернизации общества в равной степени оказался востребованным и мужской, и женский труд, а со временем – даже больше женский.

История города, его районирование обусловили ограничения в расселении крестьян в рамках городской территории. В Оренбурге наиболее «крестьянскими» оказались районы Аренды и Новой слободки, начавшие активно заселяться после отмены крепостного состояния губернской столицы. Соответственно наиболее полными для изучения семейной повседневности крестьянок в городе являются метрики Покровской церкви, расположенной в западной части города.

Семейные отношения среди крестьян в городе претерпевали значительные изменения в связи с отличающимися от деревни условиями жизни. Следует отметить, что в городе, тем более пограничном и торговом, каким являлся Оренбург и другие города губернии, ослабевали родственные и общинные связи, на которых строились отношения в сельской местности. Патриархальные многопоколенные семьи распадались, более широкое распространение получала нуклеарная семья.

Репродуктивное поведение крестьянок в городе точно по метрикам выяснить невозможно, другие документы также не дают подобной информации. Можно предположить, что городские условия влияли на сокращение количества родов у крестьянок. Эта тенденция была характерна для всего крестьянского сословия в конце XIX в.

Растущее число незаконнорожденных детей и повторных браков в крестьянской среде указывало на неумолимое изменение характера как внутри- так

и внесословных отношений. Удаленность Оренбургской губернии от центральной России и миграции населения, «пришлость» крестьян в регион постепенно освобождали их от традиционности, необходимости строго придерживаться старых правил в межличностных и прочих социальных отношениях. Особенно это становится заметно в 1890-е гг., когда и в целом в России произошли существенные изменения во многих сферах жизни, и более явными стали последствия реформ 1860-х гг.

Брачное поведение крестьянок также не оставалось без изменений. Информацию о крестьянских семьях в городе дает Перепись 1897 г., на основе которой составлена таблица 17 (приложение).

При составлении таблицы выяснилось, что сведения, касающиеся сельского населения в городах, в материалах переписи 1897 г. представлены некорректно и различаются в разных сводных материалах. Поэтому в последней строке «всего» в таблице 17 представлены как данные, уже приведенные в таблице 16, так и сведения, подсчитанные по таблице 17. Расхождения составляют от нескольких единиц (для Челябинска и Верхнеуральска), до нескольких десятков (Оренбург, Орск, Троицк, Илецкая Защита) человек. При анализе табличных данных сравнение происходило с первой, большей цифрой.

В среднем, процент крестьянок, состоящих в браке, по городам губернии составил 41,5 %. Женщины сельского сословия, живущие в городах губернии и состоящие в браке, составляли значительную часть этой категории населения: 42,9 % в Оренбурге, 41,1 % в Орске, 39,6 % в Челябинске, 38,8 % в Троицке, 37,9 % в Верхнеуральске, 44,7 % в Илецкой Защите. Среди городского населения (купчихи и мещанки) этот процент был несколько выше, составляя 42,7 %. Среди дворянок состоящих в браке насчитывалось 32,4 %.

Как уже отмечалось выше, в Оренбургской гу-

бернии население, принадлежавшее к сельским и городским сословиям, все же предпочитало вести жизнь семейную. Большое число девиц среди крестьянок и казачек, живущих в городе, могло указывать на значительный приток в города молодых крестьянок, пытающихся устроиться там на работу – нянькой, горничной, стряпухой. Либо, учитывая иногубернское происхождение значительной части крестьянок в городах, это могли быть девушки, попадавшие в город с родительскими семьями крестьян-перселенцев.

Вдовы составляли в числе живущих в городе крестьянок небольшую часть: в Оренбурге 10,2 %, 10,1 % в Орске, 10,4 % в Челябинске, 10,5 % в Троицке, 13,5 % в Верхнеуральске и 6,7 % в Илецкой Защите. В среднем по губернии их процент составил 10,2, что соответствовало проценту вдов в городах (10,4) и было меньше, чем вдов среди дворянок (15 %). Эти данные свидетельствуют о том, что крестьянки, как и горожанки, довольно часто вступали в повторные браки.

Разведенных крестьянок, как и представительниц других сословий, было немного, всего 0,22 %. По городам этот процент составил: в Оренбурге – 0,28, в Орске – 0,16, в Челябинске – 0,11, в Троицке – 0,3, в Верхнеуральске – 0 и в Илецкой Защите – 0,07. То есть в военных крепостях разводов практически не случалось. Хотя общий процент разведеных крестьянок был небольшим, все же он был немного больше, чем среди горожанок (0,15 %) и дворянок (0,07 %).

До 1870-х гг. в городах в основном проживали крестьянские семьи, сложившиеся еще до попадания в город. В этой связи преобладали внутрисословные семьи: государственные крестьяне сочетались браком с государственными крестьянками, удельные – с удельными, хотя были и браки между разными группами крестьян. Позднее стало

наблюдаться увеличение межсословных браков. Получение всеми крестьянами гражданских прав в результате реформы 1861 г. способствовало росту социальной мобильности не только мужчин, но и женщин. В городах Оренбургской губернии, в силу их географического положения, важной военной роли, активной колонизации и быстрого экономического развития в конце XIX в., крестьянские девушки становились весьма востребованными в качестве невест.

Согласно анализу метрик Покровской церкви Оренбурга, внутрисословные браки в крестьянской среде к концу века стали сдавать свои позиции. В среднем в год по метрикам регистрировалось всего 15–30 браков крестьян с крестьянками, что составляло от 20 до 40 % от общего количества супружеских союзов крестьянок. В начале пореформенного периода крестьянин был супругом крестьянки в 40–60 % этих семей. Крестьянки все чаще становились женами отставных рядовых, встречались браки с купцами и купеческими родственниками – сыновьями, внуками, братьями.

Эти факты в значительной степени отражали не только специфику брачного поведения крестьянок, но и особенности брачно-семейной практики в городе в пореформенный период для мужчин. Перевес мужского населения в городах создавал диспропорцию в брачных отношениях. Для Оренбурга, как и для других городов губернии, все более характерной становилась картина, когда крестьянскую дочь выдавали за местного мещанина. Причем, если до середины 1860-х – начала 1870-х гг. среди крестьянок, вступавших в брак в городе, преобладали те, кто был родом из Оренбургской губернии и Оренбургского уезда, впоследствии увеличилось число крестьян, происходивших из иных губерний, возможно, бывших переселенками.

Для крестьянских семей это был хороший выход в решении вопроса содержания дочерей.

Метрики также дают возможность проследить возрастные показатели крестьянок в браках, нижний и верхний пороги брачного возраста, тенденции его изменения, возрастную разницу между супругами.

По возрастным показателям у венчавшихся наблюдалась следующая картина. Среди мужчин, женой которых были крестьянки, самому юному было 17,5 лет, он был купеческим сыном. Его женой стала двадцатилетняя крестьянская девица, происходившая из Тульской губернии[367]. Молодых супругов до 20 лет у крестьянок было немного. Причем в пятилетие до реформ их встречалось по метрикам больше, а в пореформенный период стало заметно общее возрастание возраста мужчин, вступающих в брак. Это было связано с усложнением процесса становления самостоятельности мужчин (особенно крестьян), в первую очередь, экономической. Да и крестьянкам в городах необходим был более взрослый супруг, что было связано со спецификой городской жизни вообще и особенностями трудовой повседневности в городе. Трудовая деятельность в городе предъявляла больше требований к уровню мастерства, профессиональному опыту, которые приобретались с годами. Слишком молодой человек еще не успевал наработать достаточный объем навыков, необходимых для получения работы с уровнем оплаты, позволяющей содержать семейство.

Самому возрастному супругу, найденному в метриках, было 45 лет. Это был оренбургский мещанин, женившийся повторным браком на крестьянской вдове 26 лет, происходившей из Уфимской губернии[368]. Средний возраст мужчин супругов крестьянок в дореформенное пятилетие составлял 21,5 лет. Это вообще был средний возраст, характерный

[367] ГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 760. Л. 80.
[368] ГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 760. Л. 69.

для женитьбы в крестьянской среде в первой половине XIX в. В пореформенный период средний возраст повысился до 26 лет.

У женщин самой молодой невесте – крестьянской девице из Верхоторска – было 15,5 лет. Примерно треть крестьянок, вступавших в брак в городе, делала это в возрасте до 20 лет. Самой взрослой невесте было 30 лет – крестьянской вдове, происходившей из Оренбургского уезда, выходившей замуж за отставного рядового 42 лет[369]. По-видимому, оба супруга уже достаточно долго жили в городе, у обоих был повторный брак.

Средний брачный возраст у женщин, по выявленным записям браков в исследуемый период, составил 20,1 года, что демонстрировало небольшое повышение возраста в сравнении с дореформенным пятилетием (тогда он был 19 лет). Мы не наблюдаем значительного повышения брачного возраста, как это случилось у мужчин, поскольку социальная роль женщины не претерпела таких серьезных перемен. К женскому труду в городе, как и в деревне, не предъявлялось особых требований. Женщины продолжали заниматься привычными для них действиями – готовили пищу, стирали, ухаживали за детьми, вели хозяйство. Этот круг забот (за редким исключением) не предполагал достижения определенного уровня мастерства, и, в любом случае, не требовал достижения зрелого возраста для того, чтобы создать семью.

Обращает на себя внимание разница в возрасте между супругами в случае, когда жена была старше мужа. Существует представление, что в патриархальных традиционных обществах, такая практика не особо распространена, однако в условиях развивающихся рыночных отношений это явление начинает чаще встречаться не только среди мещан и купцов, но и среди крестьян. Так, в подсчитанных нами 273 браках в 15 случаях супруга была

[369] ГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 760. Л. 80.

старше. Все женщины в этих брачных союзах, за исключением одной (купеческой дочери), относились к государственным крестьянкам, а мужчины – к мещанам и купеческим отпрыскам. Максимальная разница между супругами в таких случаях составляла четыре года, а в среднем – два года. По-видимому, такая разница считалась незначительной, особенно в промежутке от 19 до 24 лет, в котором и заключались браки. Интересно, что в дореформенное пятилетие таких браков в метриках встречалось больше, чем в пореформенный.

Более старший возраст жены может считаться определенным пережитком традиционных устоев, рассматривающих женщину, прежде всего, как работницу в доме. Расширяющаяся же свобода женщин и меньшая их зависимость от родительской традиционной патриархальной семьи могли позволить крестьянкам в городе выходить замуж больше по личному желанию и выбору.

Еще одним показателем трансформации семейной повседневности крестьянок в городе был повторный брак. В метриках отмечена повторность браков, которая была редкостью в начале периода и возросла к концу века. Чем старше был возраст людей, вступающих в брак, тем чаще предполагалась повторность браков, как у женщин, так и у их мужчин. Рано овдовевшая (до 30 лет) женщина имела все шансы выйти замуж снова. Судя по метрикам, такие крестьянки становились женами, как правило, более взрослых мужчин, а максимальная разница в возрасте составила 19 лет. Сравнивая повторность брака с дореформенным периодом, видно, что это явление стало более распространенным для крестьянок. Среди женщин в предреформенное пятилетие только у одной государственной крестьянки 24 лет был второй брак[370].

Позднее, в конце 1860-х – 1870-е гг. повторные браки у крестьянок в городе стали встречаться

[370] ГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 373. Л. 280 об.

чаще, в среднем их было 5 на каждые 20 зарегистрированных браков. В рассмотренной выборке пореформенного периода самой молодой крестьянской вдове было 22 года, самой старшей – 30 лет. Супруги таких крестьянок чаще всего были мещанами и были старше 35 лет[371]. В целом, судя по документам, крестьянки составляли серьезную конкуренцию на брачном рынке мещанкам, которых в городах губернии было на три тысячи больше, чем мужчин их же сословия (учитывая поправки на возраст). В Оренбурге, например, мещанок было больше мещан на тысячу[372].

Подводя итог разговору о семейной повседневности горожанок Оренбургской губернии, следует отметить, что в этой сфере повседневной жизни наблюдались довольно резкие межсословные различия. Наиболее очевидной была разница в бытовых условиях семейной жизни, демонстрирующих сильнейшее имущественное расслоение. Население практически всех городов региона испытывало жилищную проблему, обострившуюся еще более в связи с организацией железнодорожного сообщения, способствующего привлечению в губернию тысяч новых жителей.

Разноплеменность, поликонфессиональность населения, его во многом иногубернский характер были причиной относительной свободы брачного и семейного поведения женщин разных сословий. Дворянство, особенно средней руки, чуствовало себя здесь, на внутренней окраине, совершенно раскрепощенно, будучи удалено от столичного высшего общества и понимая, что его пребывание в Оренбургском крае когда-нибудь да закончится. Высшее губернское чиновничество, зачастую, подавало негативный пример остальным дворянам, вступая в сомнительные любовные связи.

Купечество и мещанство были более традиционны в сфере семейных отношений, демонстри-

[371] ГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 760, Д. 843.
[372] ПВПН РИ. Оренбургская губерния. С. 48–49.

руя стремление к заключению браков, в том числе и повторных. У купчих при этом брачный круг отличался большей широтой, нежели у мещанок. Брачный возраст купчих и мещанок был довольно юным – 16–20 лет. Семьи горожанок, как правило, были многодетными. В то же время детская смертность составляла колоссальную проблему для жителей губернии, превосходя по своим масштабам аналогичные явления в других российских регионах. Именно купечество в городах Оренбургской губернии демонстрировало уникальные случаи инициирования бракоразводных процессов женщинами без каких-либо негативныхх для них последствий. В мещанской среде расторжение браков, как правило, было сопряжено с личными женскими трагедиями.

В среде духовенства браки продолжали сохранять в основном внутрисословный характер. Заключались брачные союзы, скорее, по необходимости, нежели по любви, что приводило к многочисленным внутрисемейным конфликтам. Сравнительно большое число женщин духовного сословия вообще оказывались вне брачных уз, пополняя ряды «старых дев».

Крестьянки в городах Оренбургской губернии подвергались воздействию тех же процессов в социальной и семейной жизни, что и крестьянство в целом. Особенности региона в какой-то степени ускоряли эти процессы, в сравнении с городами центральной России. В крестьянской среде наблюдался рост повторных браков, повышение брачного возраста, расширение брачного круга за счет мещанства.

ГЛАВА IV
ТРУДОВАЯ СФЕРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЖИТЕЛЬНИЦ ГОРОДОВ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

4.1. Общая структура занятости

Процессы урбанизации и модернизации, охватившие в конце XIX века большинство городских центров Российской империи, неизбежно затрагивали их население. Темп жизни ускорялся, трансформировались традиционные социальные нормы и установки, привычные социальные роли, менялся весь образ жизни. Экономический быт населения подвергался, пожалуй, наиболее существенным переменам. Возникали новые сферы занятости, связанные с промышленным производством и сферой услуг, развитием средств транспорта и связи. Роль женщин в общественно организованном труде становилась все более значительной. Степень финансовой независимости женской части городского населения повышалась. Эти социальные и экономические процессы приобретали различный характер в отдельных регионах страны. Удаленная от столиц, окраинная Оренбургская губерния в эту эпоху превратилась в один из ведущих центров притяжения населения, транзитный пункт колонизационных потоков населения на восток и юго-восток.

Как отмечают современные авторы, профессия «и занятия имели важное значение в стратификации российского общества начала XX в., когда под воздействием модернизационных процессов, происходивших в стране, усложнялась его дифференциация»[1]. В то же время, по мнению других исследователей, «при всей весомости и важности этого критерия [профессии – авт.], он не может быть исчерпывающим применительно к российскому обществу начала XX в.», поскольку «представители одной профессии могли относиться к разным стратам, на что оказывали влияние разница в доходах, должностных различиях, сословии и т.д.»[2].

К анализу проблемы структуры занятости городского населения неоднократно обращались представители отечественной науки. Возникло даже новое направление исторических изысканий, по-

[1] Брюханова Е.А., Владимиров В.Н., Стрекалова Н.В. Сословие, профессия, социальная страта: к проблеме исследования социальной структуры провинциального российского губернского города в конце XIX – начале XX в. (на материалах Тамбова и Тобольска) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 41–42.

[2] Стрекалова Н.В. Профессия как фактор социальной стратификации средних слоев провинциального российского города в начале XX в. // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 12. С. 229.

лучившее название «историческое профессиоведение»[3]. В результате исследований, выполненных В.Н. Владимировым, А.В. Демкиным[4] и др. была создана русскоязычная версия Международного исторического стандарта классификации профессий HISCO (Historical International Standard Classification of Occupations), которая предоставила историкам возможность унифицировать процесс сравнения профессиональных структур населения различных территорий и эпох, проследить и проанализировать динамику развития профессиональной структуры населения.

Наиболее активно изучением профессиональной структуры населения занимаются сибирские исследователи – В.А. Скубневский, Ю.М. Гончаров[5], Е.А. Брюханова[6] и др. Однако к занятиям именно женской части населения исследователи обращались достаточно редко. В публикациях последних лет чаще встречаются лишь отдельные замечания, касающиеся женской профессиональной занятости. Так, по мнению Ю.М. Гончарова, «вовлечение в XIX в. женщины в профессиональную деятельность способствовало ее общественной активности и отразилось на ее социально-экономическом статусе – все это вместе взятое положило начало кризису патерналистских ценностей»[7].

Наиболее полная информация о занятиях женщин Оренбургской губернии содержится в материалах Первой всеобщей переписи населения 1897 г. По данным Переписи 1897 г. было выделено 65 различных групп занятий. Для удобства они были разбиты на более крупные сообщества, составившие в итоге 23 различных варианта получения средств к существованию. Эти варианты были сгруппированы в еще более крупные разделы в соответствии с Международным историческим стандартом классификации занятий (HISCO).

Соотнесение структуры HISCO с данными пере-

[3] См., например: Владимиров В.Н. Историческое профессиоведение: предмет и проблематика // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 3 (10). С. 96–99.

[4] Владимиров В.Н. и др., Демкин А.В., Киселева Е.А., Колдаков Д.В., Перебоев Р.Н., Силина И.Г. Историческая классификация профессий: первый русскоязычный вариант HISCO // Историческое профессиоведение. Барнаул, 2004. С. 57–81.

[5] Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Международный проект HISCO в России: к проблеме кодификации исторических профессий // Известия Алтайского государственного университета. 1998. № 3 (8). С. 58–62.

[6] Брюханова Е.А. Профессиональная структура городского населения Сибири по материалам переписи 1897 г. // Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер. 2014. № 41. С. 57–75.

[7] Гончаров Ю.М. Социальный статус и гендерные роли женщин Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века: сборник материалов региональной научной конференции. Новосибирск, 2007. 319 с. С. 59–71.

писи 1897 г. было произведено на основании работы Е.А. Брюхановой[8]. В первую группу вошли квалифицированные специалисты и работники интеллектуального труда (группы занятий 3–12, 36 и 63 по Переписи 1897 г.), во вторую – «Административные, управление и конторские служащие» (группы 1, 2, 45), в третью – работники сферы торговли (группы 46–59), в четвертую – работники сферы обслуживания (группы 13, 60–62, 64), в пятую – работники сельского хозяйства и промыслов (группы 17–21), в шестую – работники сферы производства, транспорта, неквалифицированные рабочие (группы 22–35, 37–44). Отдельно были выделены группы дополнительной квалификации (группы 14, 15, 65) и лишенные свободы (группа 16).

В таблице 18 (приложение) были учтены исключительно женщины, имеющие самостоятельные занятия, без членов семейств. Нам было интересно проследить распределение женского населения по группам занятий именно в плане того, какие виды деятельности давали горожанкам Оренбургской губернии средства к существованию.

Судя по данным таблицы, в целом по губернии, в городах почти 18 % женщин имели самостоятельный доход. Учитывая, что в целом по губернии процент женщин, имеющих самостоятельные занятия, составлял 5,6 %[9], занятость горожанок была почти в три раза выше. Больше всего работающих женщин было в Челябинске (почти четвертая часть всех женщин города), а меньше всего – в Илецкой Защите (чуть более 5 % горожанок).

Высокий процент горожанок, имеющих собственный доход, свидетельствовал о начавшихся в городских социумах модернизационных процессах, расширявших степень женской свободы. Однако в Оренбургской губернии эти процессы отчетливо наблюдались лишь в Челябинске и Оренбурге,

[8] Брюханова Е.А. Профессиональная структура городского населения Сибири по материалам переписи 1897 г. // Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер. 2014. № 41. С. 66–68.

[9] Степанов В. Краткий обзор цифровых данных по Оренбургской губернии... С. XIX.

в то время как другие городские центры сохраняли традиционную социальную структуру, в которой женщины находились в зависимости, в том числе и финансовой, от мужчин. Как отмечает в своем диссертационном исследовании Е.Г. Подгайко, «вид трудовой деятельности, которым женщина зарабатывала на жизнь, определялся скорее обстоятельствами, чем ее сознательным выбором»[10].

Соотношение самозанятых женщин в группах HISCO по городам Оренбургской губернии проследим с помощью диаграммы 1 (приложение). Под категориями мы будем понимать группы HISCO:

Категория 1. Квалифицированные специалисты и работники интеллектуального труда

Категория 2. Административные, управление и конторские служащие.

Категория 3. Работники сферы торговли

Категория 4. Работники сферы обслуживания.

Категория 5. Работники сельского хозяйства, животноводства, лесных промыслов, охотники и рыболовы.

Категория 6. Работники сферы производства, транспорта, неквалифицированные рабочие.

Категория 7. Группы дополнительной классификации.

Категория 8. Лишенные свободы.

Таким образом, судя по диаграмме 1, среди самозанятых горожанок Оренбургской губернии преобладали группы категории 4 и категории 7 – работницы сферы обслуживания (около 49 % работающих горожанок в губернии) и горожанки, входящие в группы дополнительной классификации (около 23 %). Затем располагались категория 6 и категория 1 – работницы сферы производства (более 11 %) и квалифицированные специалисты (10 %). Работницы, относящиеся к категориям 3 (около 4 %), 5 (около 2 %), 8 (0,64 %) и 2 (0,19 %) находились в меньшинстве.

[10] Подгайко Е.Г. Повседневная жизнь женщин в городах Южного Урала в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2013. С. 21.

Работа в сфере обслуживания. На основании данных таблицы 18 (приложение) можно утверждать, что среди всех вариантов получения доходов в городах Оренбургской губернии женщины чаще всего выбирали работу прислуги (41 % работающих горожанок губернии). Больше половины поденщиц и прислуги сосредотачивалось в Оренбурге (2 863 чел. от общего числа в 5 433 чел.). Город представлял собой средоточие чиновничества и офицерства, нуждающегося в ежедневном обеспечении своих повседневных нужд. В силу этих обстоятельств прислуга в Оренбурге была весьма востребована. Кроме того, этот род занятий не требовал от женщины ни специальных знаний, ни профессиональной подготовки. В ситуации, когда 32 % городского женского населения Оренбургской губернии была обучена грамоте[11], выявленные показатели представляются вполне объяснимыми. Тем более, что в среде купечества, мещанства и других городских сословий процент грамотных составлял всего 18,66 %[12].

Довольно много женщин, занимающихся этим родом занятий, было в Челябинске (1 157 чел.). Немногим меньше – в Троицке (869 чел.). В других губернских городах, где зажиточные горожане, имеющие возможность содержать прислугу, сосредотачивались в малом числе, эта категория работающих женщин была незначительна.

Возраст женщин, работающих прислугои, был самым различным. Судя по данным, собранным по всей губернии, это могли быть как дети 12 лет и моложе (558 девочек), так и женщины, старше 60 лет (583 по губернии). Основная доля женской прислуги (38,6 %) приходилась на женщин в возрасте 20–39 лет (4 387 по губернии). На прислугу в возрасте 40–59 лет приходилось 18,9 % женщин этой группы занятий. Еще 5,1 % были женщинами старше 60 лет[13].

[11] Степанов В. Краткий обзор цифровых данных по Оренбургской губернии ... С. XVII.
[12] Там же. С. XVII.
[13] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 106–107.

Получение доходов с капитала, недвижимости, содержание за счет родственников. На втором месте (около 12 % горожанок губернии, имеющих собственный доход) располагались дамы, живущие на доходы от капиталов и недвижимости или на средства родственников, то есть вполне обеспеченные особы. 62 % таких женщин проживали в Оренбурге. Это могли быть как дворянки, так и наследницы крупных купеческих капиталов. Не случайно вторым по этому показателю городом губернии был Троицк, сосредоточивший в себе 13 % таких горожанок, а третьим – Челябинск (11 %). Н.В. Стрекалова в одной из своих статей отмечала, что для владельцев дорогой недвижимости довольно сложно определить род занятий. Автор предполагает, что эти женщины жили, «скорее всего, на доходы, оставленные мужем»[14]. Основная масса женщин данной категории располагалась в возрастной группе «60 лет и более» (916 из 2 723 по губернии)[15]. Таким образом, скорее всего, в указанную группу действительно входили вдовы.

Так, например, оренбургский купец Максим Матвеевич Мокеев в 1906 году составил завещание, согласно которому основным держателем наследства после его смерти должен был стать старший брат. Все свое «имущество, как недвижимое, так и движимое, в чем бы оно не заключалось и где бы не находилось, наличный капитал в деньгах, товаре, процентных бумагах, долги за разными лицами, словом все, что в день смерти моей принадлежать мне будет и на что я по закону буду иметь право», купец завещал своему брату, Антону Матвеевичу Мокееву[16].

Далее Максим Мокеев предписывал брату выделить в пользу жены и дочери часть имущества: «...при этом я обязываю его – Антона Матвеевича, во первых: немедленно после моей смерти передать находящееся в общем нашем с ним владении

[14] Стрекалова Н.В. Состав, стратификация и типология средних слоев провинциального губернского города в начале XX в. (на материалах Тамбова) // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 10 (32). С. 259–260.

[15] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 106–107

[16] ГАОО. Ф. 200. Оп. 2. Д. 140. Л. 3.

дом со всеми постройками и дворовым местом, состоящий во второй части города Оренбурга, на углу Воскресенской и Суринской улиц, в пожизненное владение законной жене моей Пелагеи Дмитриевне, а в собственность после ее смерти, родной дочери моей Евдокии Максимовне, по мужу — Нехорошевой, с тем однако условием, чтобы в течение сорока восьми лет со дня моей смерти они — жена и дочь мои не имели права это имущество ни продавать, ни закладывать, ни иными способами отчуждать, а лишь пользовались бы доходами сначала жена моя, а после смерти ее, названная дочь Евдокия; во вторых вложить из общего нашего капитала в один из государственных или частных кредитных учреждений, куда окажется наиболее выгодным относительно процентов — капитал в сорок тысяч рублей, сроком на сорок восемь лет, каковой капитал, для пользования процентами я также завещаю в пожизненное владение сначала жены моей Пелагеи Дмитриевны, а после ее смерти дочери — Евдокии Максимовне Нехорошевой. После же смерти поименованной дочери капитал этот я завещаю в собственность детям ее, которые к тому времени будут находиться в живых, по равной части каждому, но с тем однако условием, чтобы до истечения означенного сорока восьмилетнего срока капитал оставался неприкосновенным, а наследники пользовались бы процентами»[17]. Получается, что завещание было составлено так, чтобы лишить наследниц финансовой самостоятельности и исключить возможность непродуманной растраты ими полученных средств.

Занятость в сфере промышленного производства. На третьем месте располагались женщины, выбирающие для заработка сферу промышленного производства (11,13 % работающих горожанок губернии), причем больше половины от этого числа (7,59 %) составляли женщины, занимающиеся

[17] ГАОО. Ф. 200. Оп. 2. Д. 140. Л. 3 об.

изготовлением одежды — модистки, закройщицы, швеи, портнихи. И вновь больше половины (52 %) имеющихся в губернии портних и пр. работали в Оренбурге. Немало их было также в Троицке (19 %) и в Челябинске (17 %).

Оренбургская губерния располагалась далеко от столичных регионов. Заказывать модные новинки в Петербурге или Москве было крайне неудобно, а местные щеголихи еще со времен губернатора Перовского привыкли к тому, что их наряды почти не отличались от платьев жительниц столиц. Подполковник Михайлов записал по этому поводу: «Известно, что провинциальные города страдают роскошью и изысканностью женских нарядов, но Оренбург, как центр военного и гражданского управления краем и притом резиденция генерал-губернатора, подвержен этой мании в превосходной степени»[18].

Однако и здесь высокий спрос порождал массу проблем. Как писал Лобысевич, если кому-либо из оренбуржцев требовалось «заказать платье, сапоги или что-нибудь другое», был велик шанс не получить «ничего в срок и хорошо сделанного. Недостаток здесь хороших мастеров всех цехов весьма ощутителен, подмастерья и мастеровые пьянствуют и, пользуясь отсутствием мировых судей, ставят и хозяев, и публику в полную от себя зависимость»[19].

В Орске в 1870 г. ремесленников насчитывалось 120 м. и 30 ж. Женщины занимались «исключительно печением на продажу хлеба и калачей и шитьем белья женского платья»[20]. В Троицке в том же году изготовлением дамских головных уборов занимались 15 женщин, благодаря чему в городе открылись «2 магазина дамских уборов»[21].

Неразвитость ремесла во многом была связана с активной внешней торговлей, ведущейся в крае. Все капиталы, все усилия были направлены именно

[18] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 38–39.
[19] Лобысевич Ф.И. Город Оренбург ... С. 20.
[20] Игнатьев Р.Г. Однодневное исчисление жителей г. Орска ... С. 141.
[21] Игнатьев Р.Г. Однодневное исчисление жителей г. Троицка ... С. 189.

на эту отрасль экономики. Внутренняя же торговля, потребности которой должно было обеспечивать местное ремесло, находилась в губернии в очень неудовлетворительном состоянии.

Казенное содержание, содержание на средства общественных организаций или частных пожертвований. Значительное число жительниц городов Оренбургской губернии жили за счет казенного содержания, средств общественных организаций или частных пожертвований (около 10 % горожанок губернии). Причем более 80 % таких женщин проживали в губернской столице. Здесь,также, как и в предшествующем случае, основную массу получательниц такого содержания были женщины старше 60 лет (1 058 из 2 745 по губернии). По всей видимости, это были жительницы богаделен, всевозможных приютов для одиноких стариков. Много таких женщин находились и в возрастных категориях 40–59 лет (514 по губернии) и младше 12 лет (480 по губернии), то есть не могли содержать себя самостоятельно в силу малолетнего возраста или старости и болезней[22].

Так, например, проживавшая в Оренбурге вдова бузулукского мещанина Наталья Ивановна Розанова в 1878 году написала заявление на имя городского Головы о выделении ей ежемесячного пособия[23].

Просительница указывала, что ее покойный супруг был болен на протяжении десяти лет, и все имеющиеся средства уходили на его лечение. В течение некоторого времени Н. Розанова зарабатывала на жизнь собственным трудом, но сейчас, «...будучи преклонных лет и слаба здоровьем...», больше не могла продолжать трудовую деятельность[24]. Однако, Городская дума, вместо запрошенного пособия, постановила выделить мещанке 16 рублей на проезд в Бузулук, где она могла бы находиться под опекой собственных родных.

[22] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 106–107.
[23] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 6. Л. 151.
[24] Там же. Л. 151.

Другие источники получения доходов. В крупных городах – Оренбурге, Челябинске, Троицке – можно было также прокормиться при церквях и кладбищах (всего по губернии около 5,5 % горожанок). В 1854 г. в Челябинске была утверждена женская община под названием Одигитриевская, Богородичная. В Оренбурге с 1859 г. существовал Свято-Успенский женский монастырь. Женская община в Троицке возникла в середине XIX в., а статус монастыря (Казанский женский монастырь) получила в 1865 году.

Популярным вариантом получения доходов была торговля (4,14 %). Торговля тканями и предметами одежды в этой группе занятий горожанок Оренбургской губернии располагалась на третьем месте после торговли продуктами сельского хозяйства и разносно-развозной торговли.

Таблица 19 (приложение) вобрала в себя данные сразу по трем губерниям – Оренбургской, соседней с ней Самарской и одной из губерний Центральной России – Смоленской. В сравнении с показателями других губерний срез источников доходов женской части городских сообществ изучаемого региона становится еще информативнее.

В Самарской губернии доля работающих горожанок была почти на 6 % выше, чем в губернии Оренбургской. Это могло свидетельствовать о более высоких темпах модернизационных процессов, в ней происходящих. К этому выводу также подталкивают данные о сравнительно большей занятости женщин городов Самарской губернии в сфере транспорта и связи. В то же время, среди горожанок Самарской губернии занятия сельским хозяйством были немногим более популярны, нежели у жительниц городов Оренбургской губернии (3,33 % против 2,01 %).

Популярность различных источников доходов для женщин в Самарской губернии в целом со-

ответствовала аналогичным показателям по Оренбургской губернии. На первом месте располагались поденные работы и работа прислугой (более 38 % работающих горожанок губернии), на втором – сфера промышленного производства (около 12 %), на третьем – получение доходов с капиталов, недвижимости или содержания от родственников (более 10 %).

За счет казны, общественных организаций и частных лиц существовали примерно 9 % горожанок Самарской губернии, что было примерно на один процент меньше, чем в Оренбургской губернии. При церквях и кладбищах кормились порядка 7 % горожанок. В торговой сфере нашли себя 5,2 % жительниц городов Самарской губернии.

При сравнении данных по Оренбургской губернии со сведениями, полученными из переписи населения центральной Смоленской губернии, можно увидеть аналогичные тенденции. Вновь на первом месте по популярности среди работающих женщин были поденные работы и работа в прислугах (почти 43 % всех работающих горожанок). Вновь максимальное число женщин губернии, выбирающих эту сферу занятий в качестве источника своего дохода, входили в возрастную группу 20–39 лет (40 %). Однако довольно много женщин работали в прислугах и в более старшем возрасте. Почти четверть (24,6 %) входила в возрастную группу 40–59 лет, и 10,7 % были женщинами старше 60 лет[25].

При сравнении этих показателей с данными по Оренбургской губернии можно увидеть, что там прислуга была «моложе». На долю девочек младше 15 лет, занимающихся этой работой, в Оренбургской губернии приходилось 12,9 % всей прислуги, в то время, как в Смоленской губернии – лишь 6,3 %. Соотношение 15–16-летней прислуги было 11,2 % к 6,3 % вновь в пользу Оренбургской губернии. В то же время прислуга старше 60 лет со-

[25] ПВПН РИ, 1897. Смоленская губерния. С. 154–155.

ставляла в Смоленской губернии 10,7 %, а в Оренбургской – только 5,1 %[26]. Это могло означать, что в Смоленской губернии прислуга часто работала в домах до старости. Существовали довольно крепкие личные связи домохозяев со своим «обслуживающим персоналом». Слуги переходили из домов отцов в дома детей. В Оренбургской же губернии, при постоянно меняющемся контингенте домовладельцев, в цене были молодые, более работоспособные служанки, связанные со своими работодателями исключительно деловыми связями.

На втором месте располагались дамы, живущие за счет доходов с капитала, недвижимости или содержания от родственников (почти 13 % горожанок губернии). Эти женщины, преимущественно, входили в возрастные группы «60 лет и более» (41,7 %) и «40–59 лет» (34 %). То есть, как и в Оренбургской губернии, чаще всего это были вдовы, получившие крупное наследство[27].

На третьем месте снова мы видим сферу промышленного производства, в которой было занято почти 12,25 % работающих горожанок. Примерно равный процент работающих горожанок (немногим более 7 %) получали доходы от торговли и от казны, общественных учреждений и частных лиц. Таким образом торговая сфера для горожанок в Смоленской губернии (7,17 %) была в плане получения доходов несколько предпочтительнее, чем в Оренбургской губернии (4,14 %). Это объясняется и лучшим состоянием торговой инфраструктуры в Центральной России, и более длительными традициями торговых операций, а также тем, что Смоленская губерния находилась на торговых путях, ведущих в Европу, а жительницам Оренбургской губернии приходилось налаживать торговые контакты с Азией. Интересно, что только в Оренбургской губернии горожанки занимались торговым посредничеством (4 чел. по губернии). Ни

[26] ПВПН РИ, 1897. Смоленская губерния. С. 154–155; ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 106–107.
[27] ПВПН РИ, 1897. Смоленская губерния. С. 154–155.

в Самарской, ни в Смоленской губерниях женщин, избравших такой род занятий, отмечено не было.

При сходном соотношении наиболее популярных видов торговой деятельности (на первом месте – торговля продуктами сельского хозяйства, на втором – развозно-разносная), торговля тканями и предметами одежды в Смоленской губернии несколько уступала торговле предметами, не указанными в общем перечне, что дает основание предположить более широкий ассортимент товаров в торговых пунктах Смоленской губернии.

Бросается в глаза разница в доле горожанок, живущих за счет работ при церквях и кладбищах – 5,49 % в Оренбургской губернии и всего 1,97 % в Смоленской губернии. За счет казны, общественных организаций и частных жертвователей в Оренбургской губернии существовало 9,93 % горожанок, а в Смоленской – только 7,3 %. Скорее всего, в городах Смоленской губернии городское общество было достаточно устойчивым, давно сложившимся. Среди горожанок губернии всего около 16 % имели иногубернское происхождение[28] (для сравнения, в Оренбургской губернии их доля составляла 35 %[29]). Это означает, что, попав в сложную финансовую ситуацию, горожанки имели возможность, не обращаясь к внешним источникам, получить финансовую поддержку от родственников. Престарелые и малолетние горожанки также имели возможность кормиться за счет многочисленных родственников, а не поступать в богадельни или приюты. Кроме того, такая разница могла быть вызвана более высоким уровнем жизни смолянок, в силу чего женщин, нуждающихся в поддержке церковных, государственных или общественных структур в городах губернии было соответственно меньше.

В контексте Международного исторического стандарта классификации профессий HISCO

[28] ПВПН РИ, 1897. Смоленская губерния. С. 36.

[29] Степанов В. Краткий обзор цифровых данных по Оренбургской губернии ... С. XII–XIV.

соотношение самозанятого женского населения в Оренбургской, Самарской и Смоленской губерниях выглядело следующим образом (диаграмма 2, приложение).

Судя по данным диаграммы 2, названные губернии были схожи по соотношению самозанятого женского населения в рамках классификации HISCO. Приоритетной сферой занятий горожанок была сфера обслуживания, служащая источником доходов почти для половины работающих горожанок губерний. В сфере администрирования и управления горожанки, напротив, практически не были задействованы.

В перечне различных занятий, дающих доход жителям Оренбургской губернии, имелось несколько вариантов, где горожанки не были задействованы совсем. К ним относятся: служба в вооруженных силах, частная юридическая деятельность, выплавка металлов, ремонтные и строительные работы. То есть эти виды деятельности можно отнести либо к сфере тяжелого физического труда, либо к занятиям, требующим обширных специальных знаний и навыков.

Таким образом, представленный анализ материалов переписи 1897 г. в отношении распределения женского населения городов Оренбургской губернии по группам занятий позволяет сделать ряд наблюдений. Большая часть городского женского самозанятого населения (более 48 %) занималась трудом в сфере обслуживания, не требующим специальных знаний и подготовки, и получала доход, работая прислугой, банщицами, проститутками и т.п.

Значительная часть горожанок жила либо за счет доходов с капитала, недвижимости или наследства, либо на средства от казны, общественных организаций и частных лиц (почти 23 %). Это свидетельствовало, с одной стороны, об общей состоятельно-

сти горожанок, а с другой — об отсутствии крепких родственных связей у жителей городов губернии, что не позволяло нуждающимся женщинами оставаться на попечении родственников.

Примерно равный процент работающих горожанок (10–11) занимались высококвалифицированным интеллектуальным трудом или входили в число работниц сферы производства, транспорта и неквалифицированной рабочей силы.

Торговля, несмотря на выгодное расположение Оренбургской губернии, не стала значимой сферой занятости для горожанок. В ней было задействовано всего 4 % самозанятого городского женского населения губернии. В основном женщины торговали в городе продукцией сельского хозяйства, мелочным товаром, тканями и предметами одежды.

Тот факт, что Оренбургская губерния относилась к аграрным регионам Российской империи, не повлиял на занятость горожанок в сфере сельского хозяйства. Лишь 2 % жительниц городов губернии выбрали эту сферу деятельности в качестве главного источника доходов.

Перечисленные факты могут быть определены в качестве специфических черт сферы занятий горожанок Оренбургской губернии, выявленных по Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

4.2. Уровень образования горожанок Оренбургской губернии

Во второй половине XIX века сложились благоприятные условия для более интенсивного развития системы образования в губернии. Это обстоятельство также отразилось на культурном уровне населения и способствовало как формированию новых досуговых потребностей, так и расширению уже существующих. В 1875 г. был учрежден самостоятельный Оренбургский учебный округ, в который входили также Уфимская и Пермская губернии и Уральская и Тургайская области. В этих условиях

появились разнообразные учебные заведения, следовательно, большее количество населения повысило свой образовательный уровень и через эту систему смогло получить доступ к культурным ценностям.

Занятия женской части населения были тесно связаны с уровнем полученного ими образования. Данные Переписи 1897 г. свидетельствуют о том, что к концу XIX в. в губернии насчитывалось 326 995 человек грамотного населения, что от общей численности жителей губернии составляло всего 20,44 %. Из них 55 620 грамотных обоего пола приходилось на городское население (36,45 % всех горожан), что от общей численности грамотных составляло 17 %. Из городов максимальное число грамотных приходилось на Оренбург (41,19 % жителей города), минимальное – на Илецкую Защиту (20,7 % горожан)[30]. Для сравнения, в Самарской губернии процент грамотного населения в среднем по губернии составлял 22,1 %, а в городах – 41,4 %, что превышало показатели Оренбургской губернии[31].

Если принимать во внимание исключительно население старше 7 лет, которое, собственно, и могло обучаться грамоте, то в среднем по губернии грамотные мужчины составляли 37,21 % всего мужского населения региона, а грамотные женщины – 14,35 % жительниц губернии, а в городах губернии грамотные мужчины составляли 54,38 % горожан, а грамотные женщины – 32,03 % горожанок[32]. Таким образом, если в среднем по губернии доля грамотных мужчин в 2,6 раза превосходила долю грамотных женщин, в городах это соотношение было меньшим – процент грамотных мужчин был больше процента грамотных женщин всего в 1,7 раза.

Сословные различия среди грамотного населения были весьма заметны. Так, по сведениям

[30] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. XVI.
[31] ПВПН РИ, 1897. Самарская губерния. С. VIII.
[32] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. XVII.

В. Степанова, в среднем по губернии процент грамотных женщин составлял: среди дворянства и чиновничества – 69,85 %, среди духовенства – 66,32 %, среди городских сословий (почетных граждан, купцов, мещан) – 18,66 %, среди сельских сословий – 9,69 %[33]. Таким образом, наивысший уровень грамотности в городах губернии демонстрировали представительницы духовенства (от 64,5 до 84,7 % в различных городах) и дворянства (от 46,5 до 77,7 % в различных городах). В Самарской губернии аналогичные показатели составили: 70,1 % для дворянок, 71,9 % для женщин духовного звания, 20,7 % для представительниц городских сословий и 12,8 % – для представительниц сословий сельских[34]. Таким образом, за исключением городских сословий – мещан, купцов и почетных граждан – во всех других городских социальных группах уровень грамотности женщин в Самарской губернии был несколько выше.

Практически половина от общей численности образованных женщин Оренбургской губернии приходилась на город Оренбург, в котором насчитывалось 10 935 (31,4 % от всех горожанок) женщин, имеющих образование различного уровня[35]. Объяснялось это достаточно просто, Оренбург являлся губернским центром, в котором находилась основная масса образовательных учреждений, в которых могли получать образование женщины. Кроме того, именно здесь сосредотачивалось максимальное число дворянок, обладающих наивысшим уровнем образования, среди всего женского городского населения. Много было здесь также женщин духовного звания и представительниц городских сословий, которые также обладали довольно высоким уровнем грамотности.

Как отмечалось в хронике г. Оренбурга за 1864 год, до этого времени в городе для девочек были открыты городское училище 2-го разряда с числом

[33] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. XVII.
[34] ПВПН РИ, 1897. Самарская губерния. С. X.
[35] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 43.

учениц до 120, и две частные школы, содержавшиеся за счет благотворителей, в которых обучалось около 30 девочек. Авторы Хроники отмечали быстрый рост числа учениц в участковых приходских школах, содержащихся за счет Общества вспомоществования бедным (243 девочки). Интерес к учебным заведениям такого типа объяснялся тем, что в городском училище 2-го разряда делался упор на изучение предметов, входящих в программу уездных училищ. «Но для дочерей семейств достаточных, которые желали бы образования гимназического, изучение этих предметов оказывается далеко не полным; для дочерей же недостаточных семейств, готовящихся снискивать пропитание трудами своих рук, предметы школы 2 разряда представляются лишними»[36].

Обсуждение этой проблемы привело к выработке устоявшегося мнения о необходимости при учреждении участковых женских школ вводить в них обучение ремеслам: «прачечному, хлебопечения, переплетному и проч.». В одной из школ было введено обучение «башмачному ремеслу», при другой был заведен огород. Однако «при крайней неразвитости поступающих в школы учениц», было «трудно соединить умственное развитие с изучением ремесел». Даже научение шитью и вышивке шло плохо, поскольку практическое обучение было организовано на основе самоокупаемости. При этом «необходимость требовать от школ большой выручки за работы» шло «в ущерб внимания к изучению рукоделий в подробностях»[37].

Получение девушкой общего образования по-прежнему воспринималось в обществе как блажь, роскошь, доступную лишь людям состоятельным. Людям небогатым, вынужденным жить своим трудом, в большей степени требовались именно практические навыки, знание какой-либо специальности. Как отмечают в своей книге

[36] Хроника г. Оренбурга за 1864 г. ... С. 6–7.
[37] Там же. С. 10.

В. Руга и А. Кокорев, «лучше кончить лишь прогимназию, но знать хорошо иностранные языки и бухгалтерию, чем кончить историко-филологические курсы. [...] Лучше быть хорошей чертежницей или закройщицей, нежели "имеющей права домашней учительницы"»[38].

Как ответ на вызов времени, в 1885 г. состоялось открытие «профессионального класса» при городской женской прогимназии. Инициатором создания такого класса был «местный попечитель» Х.П. Сотьский, по словам которого «"ученые" молодые женщины, благодаря преобладанию теоретического элемента в образовании, вступают в жизнь почти без всякой практической подготовки и за исключением учебно-педагогической службы, очень ограниченной и не всякому доступной, весьма часто обрекаются на бедность и безделие, к обременению семьи и к своему собственному неблагополучию. Здесь же кроется корень и тех опрометчивых поступков, которыми разбивается жизнь "ученой" девушки, равно как и той готовности хвататься за чужую помощь, которая иногда бывает гибельнее нищеты»[39].

В программу этого «рукодельного класса» были включены: «a) шитье белья и платья на руках и на машине, b) снятие мерок и кройка по ним белья, и верхней дамской одежды при помощи готовых фасонов и картинок модных журналов, c) примеривание и улаживание выполняемой работы по фигуре и росту заказчиц, d) развитие в воспитанницах вкуса и должной сноровки в изящном и более дешевом украшении дамских и детских костюмов, e) приготовление шляп, обтягивание зонтиков, починка и переделка по новому фасону белья и всякого платья, ж) вышивание разного рода, и наконец з) чистка и глажение белья и платья»[40].

Согласно данным М.М. Кенигсберга, в середине 80-х гг. XIX в. в Оренбурге процент грамотного на-

[38] Руга В. Кокорев А. Барышни и дамы. Повседневная жизнь москвичек в середине XIX – начале XX в. М., 2018. С. 44.
[39] Цит. по: Столпянский П.Н. Город Оренбург... С. 332–333.
[40] Столпянский П.Н. Город Оренбург... С. 334–335.

селения довольно сильно различался по районам города. Так, в 1-й центральной части Оренбурга, где в основном селилось дворянство и чиновничество, число грамотных и окончивших учебные заведения мужчин составляло 1 366, женщин – 713, что в совокупности соответствовало 16, 6 % проживающего в этом районе города населения. Во 2-й части города проживало 604 грамотных мужчины и 241 грамотная женщина (7,2 % местного населения). Обитателями этой северной и северо-восточной части города был «бедный чиновничий люд, крестьяне, мещане»[41]. Здесь же располагались все дома терпимости. В 3-ей части города (Аренда, Старая слободка, заселенные, в основном, купечеством и мещанством) грамотными были 614 мужчин и 156 женщин (9,3 % населения)[42].

Распределение контингента учащихся в женских учебных заведениях городов Оренбургской губернии в конце 1880-х гг. можно проанализировать с помощью таблицы 20 (приложение).

Судя по данным таблицы 20, дворянские дочери составляли в учебных заведениях от 15 до 77 %, дочери духовного звания – от 3 до 25 %, дочери городских сословий 8 до 58 %, дочери сельских сословий – от 1,5 до 17 %. То есть дворянки получали образование чаще, чем представительницы других сословий. Наиболее «дворянскими» женскими учебными заведениями были Николаевский институт и гимназии, а вот прогимназии были более привлекательны для представительниц городских сословий. В Челябинске сравнительно высоким был процент дочерей духовного звания, обучающихся в местной прогимназии.

В «Географическо-статистическом очерке» об Оренбурге К. Белавина за 1891 г. было зафиксировано, что в Женской гимназии, основанной в 1868 г. как 6-классное женское училище 1-го разряда и преобразованной в 1870 г. в 7-классную гим-

[41] Кенигсберг М.М. Опыт медико-топографического исследования гор. Оренбурга ... С. 60.
[42] Там же. С. 70.

назию, дочерей дворян и чиновников обучалось 171, духовного звания – 22, городских сословий – 46, сельских сословий – 6, иностранцев – 14[43]. В том же году в Женской прогимназии, открытой в 1860 г. как 3-классное женское училище 2-го разряда, обучались 28 дочерей дворян и чиновников, 6 девочек духовного звания, 138 – городских сословий, 27 – сельских сословий[44]. В четырех женских приходских училищах обучалось 14 дочерей дворян и чиновников, 3 девочки духовного звания, 236 дочерей купцов и мещан, 53 дочери солдат и казаков, 23 крестьянские дочери[45]. В Николаевском институте, основанном в 1832 г. под именем девичьего училища для воспитания дочерей нижних военных чинов, получали образование 151 дворянская дочь, 10 дочерей купцов и 2 дочери священнослужителей[46]. В Епархиальном женском училище, открытом в 1889 г., обучались 56 дочерей духовных лиц, 5 дочерей военных и чиновников, 3 дочери казаков и солдат, 4 дочери купцов и мещан, 1 крестьянская дочь[47]. В школе грамотности при Оренбургском женском монастыре, основанной в 1870 г., учились 1 девочка духовного звания и 24 мещанки[48].

Согласно приведенным данным, дворяне и чиновники предпочитали отдавать дочерей для обучения в Николаевский институт и гимназию, лица духовного звания – в епархиальное училище и гимназию, купцы и мещане, как и лица сельских сословий – в прогимназию и приходские училища. Таким образом, в массе своей дворяне, чиновники и священники все же не предполагали, что образование, данное их дочерям, станет основой для их будущей самостоятельной работы.

Вторым по уровню женской грамотности городом губернии был Челябинск, где проживало значительное число образованных женщин – 2 733 человека или 28,1 % от общей численности горожанок. Ненамного от Челябинска отставал Троицк,

[43] Белавин К. Оренбург. Географическо-статистический очерк. Оренбург, 1891. С. 102–104.
[44] Там же. С. 104–106.
[45] Там же. С. 110–111.
[46] Там же. С. 118–119.
[47] Там же. С. 123.
[48] Там же. С. 124–125.

в котором доля образованных женщин составила 3 201 человек или 27,5 % горожанок[49]. И Троицк, и Челябинск были относительно крупными торговыми центрами. Именно за счет образованных представительниц городских сословий эти города и смогли выбиться на второе и третье место по губернии. Кроме того, в Челябинске проживало много женщин духовного звания, практически поголовно грамотных. Почти на одном уровне находились Орск (1167 человек или 5,9 %) и Верхнеуральск (1125 человек или 5,7 %). Наиболее малочисленным по количеству образованных женщин являлась Илецкая Защита (655 человек или 3,3 %), в которой было сосредоточено наименьшее число представительниц дворянства, духовенства и торгового сословия[50].

Категории, относящиеся, в первую очередь, к грамотному населению имели различный уровень образования, который можно разделить на следующие ступени: учащиеся в университетах и других высших учебных заведениях; учащиеся в специальных и технических высших учебных заведениях; учащиеся средних специальных учебных заведениях; учащиеся средних учебных заведений; учащиеся высших военных учебных заведений; учащиеся средних военных учебных заведений. Последние две категории были исключительно «мужскими».

В высших учебных заведениях во второй половине XIX в. обучалось незначительное число горожанок Оренбургской губернии – всего 19 человек. В основном это были представительницы дворянского сословия (14 человек – 8 жительниц Оренбурга, 5 жительниц Троицка и 1 горожанка из Челябинска). Пятеро горожанок, получивших университетское образование, принадлежали к городским сословиям – 2 из Оренбурга и по одной из Илецкой Защиты, Троицка и Челябинска[51]. Основная масса городского женского населения получа-

[49] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 51.
[50] Там же. С. 36–50.
[51] Там же. С. 36–51.

ла образование в средних и средних специальных учебных заведениях.

Учебные заведения Оренбурга в 1883 г. насчитывали среди своих обучающихся следующее число девушек: Женская гимназия – 331, Женская прогимназия – 164, Николаевский институт – 95, Женское приходское училище – 360, Приходское училище для лиц обоего пола – 56, частные женские училища – 15, Училище при Приюте Святой Ольги – 54. Таким образом, всего в различных учебных заведениях Оренбурга обучалось 1 075 девушек[52].

В то же время, общий уровень образованности оренбургских дворянок, по мнению А.Н. Плещеева, был довольно низким: «Одна дама, не отличавшаяся особенною образованностью, хотя имела мужем астронома и химика и читала обыкновенно русские повести с карандашом в руках для каких-то заметок, изъявила искреннее сожаление, что между Ухабинском и Казанью не существует телеграфа, ибо по телеграфу могли бы скорее прислать куафюру; и при этом с большою язвительностью отозвалась о варварстве, в котором до сей поры находится Россия»[53].

Анализ статистических данных свидетельствует о том, что процент образованных женщин среди всего женского городского населения Оренбургской губернии был достаточно высоким. Наибольший процент образованных женщин был сконцентрирован в крупных городах Оренбургской губернии, таких как Оренбург, Троицк и Челябинск. Что касается уровня образования, то большинство женщин обучались в средних учебных заведениях. Высшее образование получало очень незначительное число женщин дворянского происхождения. По сравнению с соседней Самарской губернией уровень грамотности женщин в городах Оренбургской губернии был несколько ниже.

[52] Кенигсберг М.М. Опыт медико-топографического исследования гор. Оренбурга ... С. 71.
[53] Плещеев А.Н. Пашинцев ... С. 614.

4.3. Учительский труд

Учительство во второй половине XIX в. становится главной женской профессией в сфере «интеллигентного труда». Потребность в профессиональном труде именно женщины-учительницы в своей статье объясняла Г.К. Скачкова: «Во-первых, как констатировал известный русский педагог, издатель и редактор журнала «Женское образование» В.Я. Сиповский, есть две черты, "выгодно отличавшие учительниц от учителей – это большая добросовестность в отношении к своим обязанностям и большая сердечность в отношении к учащимся – два качества в педагогическом деле весьма ценные". Во-вторых, относительная дешевизна учительского труда, особенно в начальной и сельской школе, мало привлекала к данному делу педагогов-мужчин»[54].

К женскому учительскому труду в последнее время обращается все больше исследователей, интересующихся как профессиональными навыками женщин на этом поприще, так и психологическими, социальными и бытовыми особенностями данной сферы профессиональной деятельности. Проблемой исследования частной жизни учителей рубежа XIX–XX вв. занимались И.В. Сучков[55], М.В. Егорова[56] и др.

Многие из исследователей отмечают двойственность социального статуса учителей, выражающуюся, с одной стороны, в относительно высоком общественном престиже образования, а, с другой, в жесткой зависимости учителей от школьного начальства и городского общества. Как пишет в своей статье А.В. Суворова, «возникало унизительное противоречие между самосознанием "человека с образованием" и невозможностью по-настоящему поддерживать этот статус»[57].

Половая принадлежность в учительской среде становилась к тому же основанием для различных проявлений дискриминации – притеснений замуж-

[54] Скачкова Г.К. Женский учительский труд в Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 12 (90). С. 142.

[55] Сучков И.В. Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX–XX вв. // Отечественная история. 1995. № 1. С. 65–72.

[56] Егорова М.В. Растительная жизнь педагога // Родина. 2008. № 11. С. 102-108.

[57] Суворова А.В. Повседневность учителя начальной школы Южного Урала (1901–1914 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5. Ч. 1. С. 169.

них учительниц, меньшим размером заработной платы и пр. Д.А. Громовой была защищена диссертация, специально посвященная женщинам-учителям[58]. Автор в своих выводах отмечает, что зачастую «женщинам не предоставляли возможность получить специальное педагогическое образование», а «кадровая политика учебного начальства относительно семейных учительниц нередко приводила к уходу из профессии»[59].

С другой стороны, в диссертации Р.Р. Сайфуллоной женщины-учительницы названы носителями прогресса в новой системе ценностей, складывающейся в условиях перехода от традиционного общества к буржуазному[60]. Как пишет в своей статье М.Ф. Ершов, на смену «необязательным неудачникам дореформенной поры пришли новаторы, которые надеялись на собственное подвижничество в просвещении народа. Далеко не все педагоги жили в полном соответствии с этими почти мессианскими идеалами. Но для большинства из них эти нравственные максимы стали жизненными целями»[61].

Педагогический труд женщин обществом не порицался, и учительницы с развитием системы народных школ стали обыденным явлением, хотя долгое время их численность уступала числу учителей-мужчин. В основном, учительницами становились представительницы мещанства, духовенства, дворянства и чиновничества. Причина крылась как в большем распространении грамотности именно среди названных городских сословий, так и в труднодоступности профессионального образования для крестьянок.

Учительством и воспитательной деятельностью в Оренбургской губернии занималось около 2 % самозанятых женщин. Это было чуть больше, чем в соседней Самарской губернии, где показатели составляли 1, 55 %. Больше всего женщин этих про-

[58] Громова Д.А. Социальный статус женщин-учителей народных училищ в России в конце XIX – начале XX веков: по материалам Таврической губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2016.
[59] Громова Д.А. Социальный статус женщин-учителей народных училищ в России ... С. 25.
[60] Сайфуллова Р.Р. Социально-профессиональный статус учительства российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Казанской и Вятской губерний): автореф. дис.... канд. ист. наук. Оренбург, 2019. С. 10.
[61] Ершов М.Ф. Дореволюционная школа Зауралья в художественных текстах // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2019. № 1 (29). С. 57.

фессий было в Оренбурге (по данным на 1897 г. – 171 человек), Челябинске (37 чел.) и Троицке (28 чел.), что было связано с наличием в этих городах учебных заведений для девочек. В конце XIX столетия в Оренбургской губернии существовали две гимназии и одна прогимназия в Оренбурге, по гимназии в Челябинске и Троицке, а также Николаевский женский институт в губернской столице[62].

По мнению исследователей, положение учительниц в городских школах было гораздо более выгодным, чем в сельских. Причинами служило, во-первых, то, что именно в городах были сосредоточены учебные заведения повышенного типа, в которых размер жалования был в 3–8 раз выше, чем в сельских начальных школах. Как отмечает в своем диссертационном исследовании, посвященном учительству Казанской и Вятской губерний, Р.Р. Сайфуллова, среди учителей «наибольшим почетом и репутацией пользовались учителя средних учебных заведений», что было «напрямую связано с их большим жалованьем, образовательным уровнем и более высоким статусом»[63]. Преподаватели гимназий и епархиальных училищ, как отмечает Е.Г. Подгайко, «работали с детьми большей частью из относительно благополучных семей. Жалование педагогов в гимназиях зависело от количества уроков, образования, выслуги, и в среднем составляло от 60 до 90 руб. в месяц»[64].

В городе имелась возможность дополнительного заработка через преподавание рукоделия и частные уроки. Имеющиеся в городе библиотеки, музеи, театры, лектории и пр. позволяли учителям заниматься самообразованием. Условия жизни в городе были несоизмеримо выше, чем в селе. «Наконец городской жительнице было легче найти спутника жизни и создать семью», – пишет Г.К. Скачкова[65].

В Оренбургской женской гимназии, переименованной в гимназию в 1871 г. из Оренбургского

[62] Списки населенных мест Оренбургской губернии по сведениям, собранным от полиции, волостных и станичных правлений в 1900. СПб., 1901. С. I–IV.

[63] Сайфуллова Р.Р. Социально-профессиональный статус учительства российской провинции ... С. 23.

[64] Подгайко Е.Г. Женщины различных профессий в обывательских стереотипах южноуральских горожан (конец XIX – начало XX в.) ... С. 606.

[65] Скачкова Г.К. Женский учительский труд в Сибири ... С. 144.

женского училища I разряда, открытого в 1868 г., начальницей была баронесса Мария Ивановна Гершау, учительницей французского языка – баронесса Мария Карловна Гершау. Многие учительницы были выпускницами Николаевского женского института, предназначенного для обучения дворянских дочерей[66].

В день 50-летия этого учебного заведения педагогический совет Оренбургского мужского средне-учебного заведения А.В. Бардина направил в адрес гимназии поздравление, в котором содержались следующие слова: «И для всего этого общинного края только ты была главным рассадником женского образования. В течение полувека выпускала ты культурных работниц, которые боролись на всех поприщах общественной жизни... В конце концов в Оренбурге и других учебных городах появились у тебя младшие сестры – женские гимназии, – но главное ядро преподавательниц и воспитательниц составили твои выпускницы»[67].

[66] ГАОО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.

[67] Цит. по: Любичанковский С.В. Организация учебного процесса, управления и финансирования Оренбургской женской гимназии в пореформенный период // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2014 № 2 (10). С. 118

Оренбург.
Женская прогимназия

[68] Любичанковский С.В. Организация учебного процесса, управления и финансирования Оренбургской женской гимназии ... С. 118.

Третьей начальницей гимназии (1900–1913) была Аполлинария Владимировна Жанколя. Закончив курс обучения в Оренбургском Николаевском институте, она получила в этом институте должность классной дамы, затем преподавала в институте французский язык. В 1871 г. Аполлинария Владимировна была назначена преподавательницей французского языка в Оренбургскую 1-ю женскую гимназию. Несколько раз она получала денежные вознаграждения за усердную службу, а в 1873 г. – подарок – золотые часы от Николаевского института ценою в 75 руб.[68].

Гимназия стала первым женским средним образовательным учреждением не только в Оренбурге, но и в Оренбургской губернии. В 1873 г. в гимназии был открыт VIII педагогический класс, по окончании которого девушки получали свидетельство на звание домашних наставниц и учительниц. В газетах стали появляться объявления с предложениями давать уроки: «Окончившая с медалью гимназию, специальность русский язык, желает давать уроки.

Оренбург. Николаевский женский институт

Спросить в лазарете, кв. врача Пахомова», «Окончившая гимназию с педагогическим при ней классом ищет уроков по предметам гимназического курса. Спросить у Любедецкаго в д. Орлова, угол Николаевской и Кладбищенской улиц», «Парижанка желает давать уроки французского языка, адрес: кварт. оренбургского губернатора. М-me Газе», «Француженка ищет уроков французского языка с учениками от 10 до 20 лет, 1 1/2 час. в день, 3 раза в неделю за 4 руб. в месяц. Можно видеть в доме Орлова, против собора, квартира Любедецкаго»[69], «Слушательница высших женских курсов физико-математического отдела, знающая языки и занимающаяся педагогическ. деятельностью, желает получить урок или др. подходящее занятие. Петропавлов. ул., д. Лемке, 1-й эт. Обр. письм. или лично от 3—7 ч.»[70]., «Окончившая полный курс гимназии желает давать уроки по предметам гимназического курса. Может заниматься и в утренние часы. Адрес: Бухарский переулок, дом и кварт. И.В. Будрона ...»[71].

[69] Оренбургская газета. 1901. № 1281. С. 5.
[70] Там же. С. 1.
[71] Там же. С. 4.

Оренбург. Женская гимназия

Наличие такого числа объявлений в ежедневной газете примерно за неделю дает основание полагать, что занятие преподавательской деятельностью в начале века стало для женщин очень популярным вариантом заработка, а также то, что в педагогической сфере предложение значительно превышало спрос. Причем для обывателя практически не ощущалось разницы между барышнями, окончившими высшие курсы, или выпускницами гимназии. Преимущество отдавалось той, что брала за свои уроки меньшие деньги.

В отличие от гимназических преподавателей, учительницы народных, церковно-приходских и воскресных школ за свой труд получали мизерную плату (от 15 до 45 руб. в месяц), представляли в глазах обывателей «образованных нищих», занимавших двойственное положение в обществе. С одной стороны, имеющийся уровень образования поднимал их над основной массой городского населения, с другой же – минимальный уровень доходов заставлял их влачить весьма жалкое существование. В статье Подгайко приводятся примеры повседневности учительницы оренбургской школы для детей из «неимущего дома» М. Миртовской, которая занималась с детьми за «спасиба», и педагогов церковно-приходских школ Верхнеуральска, не получавших жалование по несколько месяцев[72].

Однако учительская профессия у подавляющего большинства городских обывателей вызывала уважение. Самим же учителям было приятно ощущать благодарность детей и родителей, осознавать роль, которую они сыграли в жизни ребенка. Так, матушка П.П. Жакмон была в 1849 году назначена начальницей Оренбургского девичьего училища II разряда (будущего Николаевского училища Оренбурга). Поступившие в училище ученицы, «числом до 40, были почти все грубые, невоспитанные ка-

[72] Подгайко Е.Г. Женщины различных профессий в обывательских стереотипах южноуральских горожан (конец XIX – начало XX в.) ... С. 606.

зачки, говорившие на «о» и употреблявшие часто в разговоре неприличные слова. Притом все они были немытые, грязные, и у многих из них на белье и в волосах водилось множество насекомых. У некоторых тело было покрыто чесоткою и даже злокачественными нарывами»[73]. «Многие из них не только не знали ни одной молитвы, но не умели даже сложить пальцев для крестного знамения. Другие же, воспитанные сектантками, в особенности принадлежащие к раскольничьей секте беспоповщины, читали молитвы навыворот, искажая не только слова, но и самый смысл молитв»[74].

По прошествии шести лет обучения был организован «выпускной акт». «Все выпускные девицы были одеты в легкие белые платья, и наружность их настолько изменилась к лучшему, что в них нельзя было узнать прежних грубых оренбургских и уральских казачек. Манеры, походка, все изменилось к лучшему. Все они умели поддержать салонный разговор на французском языке и могли читать a livre ouvert французские и немецкие книги. Целый ряд рукодельных работ и прекрасно исполненных карандашом и красками рисунков свидетельствовал о том, что природные их таланты развивались под благотворным влиянием умелых наставниц и наставников»[75]. Девушки играли на рояле отрывки из произведений Глинки, Россини и Гуно, декламировали Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Грибоедова. «Родители и родственники благодарили со слезами на глазах начальницу и весь учительский персонал за очевидные успехи своих дочерей»[76]. По словам выпускницы Челябинской женской гимназии А.Я. Резвушкиной, преподаватели гимназии привили своим воспитанникам «любовь к труду, чувство товарищества и уважения к старшим. Не говоря уже о том, что они привили хорошие манеры и дали основы к восприятию жизни»[77].

Девушки духовного звания также хотели быть

[73] Жакмон П.П. Из воспоминаний оренбургского старожила // Исторический вестник. Год двадцать шестой. Т. С. 1905. Апрель. С. 75.
[74] Там же.. С. 76.
[75] Там же. С. 83.
[76] Там же. С. 83.
[77] Цит. По: Подгайко Е.Г. Женщины различных профессий в обывательских стереотипах южноуральских горожан (конец XIX – начало XX в.) ... С. 607.

полезными обществу, хотя их вовлечение в профессиональную среду, по мнению исследователей, происходило труднее и медленней чем у представительниц других сословий. Т.Г. Леонтьева, В.Д. Орлова и А.И Конюченко считают, что виной тому консервативное мировоззрение поповен[78]. О.Д. Попова видит главную причину этого явления в отставании женских учебных заведений духовного ведомства от их светских аналогов. Воспитанницам духовной школы в результате было тяжело конкурировать на рынке труда со своими сверстницами, окончившими женские гимназии и прогимназии[79].

Проблема заключалась еще и в том, что дочерям духовенства практически негде было получать профессиональное образование. Николаевский институт был учрежден исключительно для дочерей дворян. В гимназии и прогимназии, согласно Уставу Министерства народного просвещения, могла поступить девочка из любого сословия. Однако, достаточно беглого взгляда на перечень предметов, которые необходимо было сдать, чтобы поступить в гимназию, как сразу становится очевидным формальность данной фразы. Так, для поступления в первый класс Оренбургской женской гимназии требовалось: 1) умение читать внятно и понятно, с надлежащими остановками и интонациями; 2) писать по крайней мере согласно с произношением; 3) знание молитв: «Царю Небесный», «Святый Боже», «Отче наш», «Богородице Дево», св. Ангел Хранитель, одной молитвы утренней «Господи Боже наш», молитвы перед учением и после учения, перед обедом и после обеда; 4) знание сложения, вычитания и таблицы умножения. Поступающим в старшие классы необходимо было сдать еще и экзамены за предыдущий курс[80].

Далеко не каждая пасторская семья могла дать дочери такие первоначальные знания. Те родители, которые все же пытались сделать это, не всег-

[78] Конюченко А.И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006; Леонтьева Т.Г. Женщины из духовного сословия в самодержавной России // Женщины. История. Общество: сб. науч. тр. Тверь, 1999. Вып. 1. С. 41–49; Орлова В.Д. Семьи духовенства во второй половине XIX в. Распределение мужских и женских обязанностей в повседневной жизни // От мужских и женских к гендерным исследованиям: материалы междунар. конф. Тамбов, 2001. С. 108–109.

[79] Попова О.Д. Женское духовное образование и его роль в изменении общественного положения женщины в России (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. С. 26–27, 41–42.

[80] ГАОО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 208. Л. 149–152.

да достигали успеха в данном начинании. Например, в 1882 г. в Оренбургскую гимназию поступало 8 представительниц духовного звания. Три из них экзаменационных испытаний не выдержали[81]. Кроме того, клирики имели право обучать дочерей в гимназии только на платной основе. За обязательные предметы брали 15 р. в год, а за необязательные – 10. Обязательных предметов в гимназии было шесть[82]. Таким образом, даже «программа минимум» обходилась в 90 р. в год. Если учесть, что городские священнослужители Оренбургской губернии в пореформенный период получали от 50 до 300 за год[83], становится понятным, почему редкая поповна могла рассчитывать получить образование в гимназии.

Сохранившиеся документы позволяют установить, что за период с 1868 по 1916 г. Оренбургскую женскую гимназию закончили всего 35 представительниц духовного звания. К слову, учились барышни хорошо. 16 девушек из 35 (45,7%) были при выпуске награждены золотой либо серебряной медалью[84]. Источников, которые бы позволили судить, сколько девиц духовного звания окончили другие светские учебные заведения губернии, не сохранилось.

Специальное учебное заведение для дочерей духовенства Оренбургской епархии начало свою работу только 3 сентября 1889 г.[85]. Из стен Оренбургского епархиального женского училища за первые 10 лет его существования вышли 140 выпускниц, 42 из них (т. е. 30 %) преподавали на территории епархии[86]. Это достаточно хороший показатель. Диплом домашней учительницы, который при выпуске получали гимназистки и епархиалки, предоставлял достаточно скромные перспективы: преподавательница в начальной школе или учительница церковно-приходской школы. Можно было попытаться устроиться в богатый дом в каче-

[81] ГАОО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 36. Л. 18–23.
[82] ГАОО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 208. Л. 149.
[83] ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 6783. Л. 474, 485 об.–486 об., 488–489, 490 об.–491.
[84] ГАОО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 5. Л. 67–68 об., 82–82 об.; Д. 28. Л. 7–7 об.; Д. 36. Л. 34 об., 47–47 об., 51–51 об.; Д. 45. Л. 37–37 об.; Д. 195. Л. 22–22 об.; Д. 196. Л. 49–49 об.; 63–63 об., 64–64 об., 66–66 об.; Д. 197. Л. 18–18 об., 39–39 об.; Д. 198. Л. 68–68 об.; Д. 201. Л. 63–63 об.; Д. 203. Л. 22-22 об.; Д. 204. Л. 47–48 об., 106–106 об., 125–125 об., 130–133 об., Л. 143–143 об.; Д. 205. Л. 41–41 об., 46–46 об., 53–53 об., 81–82 об., 117–117 об., 120–121 об.; Д. 207. Л. 27–27 об., 84–84 об., Л. 94–94 об.
[85] Объявление от комитета по устройстзу Оренбургского епархиального женского училища // Оренбургские епархиальные ведомости. 1889. № 1. Часть официальная. С. 407.
[86] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10569. Л. 64 об.

Капитолина Петровна Райская. 1890 г.

стве домашней учительницы или давать частные уроки сразу нескольким семействам. Но в этом отношении епархиалки проигрывали выпускницам гимназий. Из-за отсутствия в программе епархиальных училищ танцев, рисования и новых языков их неохотно нанимали в качестве домашних наставниц.

Кроме того, следует учитывать, что, несмотря на модернизацию, значительная часть русского общества продолжала считать: место женщины у домашнего очага, ей незачем ступать на профессиональную стезю. Показательна в этом плане речь К.П. Победоносцева перед выпускницами Ярославского епархиального женского училища в 1887 г.: «Не верьте, когда слышите льстивых проповедников о женской свободе и вольности: то говорят лживые пророки. Истинное слово таково: не место женщине ни на кафедре, ни в народном собрании, ни в церковном учительстве. Место ее в доме, вся красота ее и сила во внутренней храмине и в жизни без слов, служащей для всех живым примером»[87]. Однако, несмотря на подобные наставления, часть девушек, получивших образование, упорно стремилась к профессиональной деятельности.

Например, дочь заштатного священника Воскресенской церкви Никанора Семеновича Добролюбова — Надежда, окончив Оренбургскую женскую гимназию с 1885 г., состояла классной дамой в этом учебном заведении[88]. Дочь настоятеля Николаевской церкви в Форштадте Капитона Андреевича Беляковского — Ольга, работала учительницей в школе приюта Святой Ольги. Устроились на службу и все дочери дьякона того же храма Василия Андреевича Красноградова. Мария учительствовала в участковой школе Челябинска, Елена в Оренбургской церковно-приходской школе, Раиса стала на-

[87] Мысли и чувства при посещении Ярославского епархиального женского училища // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1887. № 20. С. 310.
[88] ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1155. Л. 55 об.

ставницей по рукоделию в Оренбургской женской прогимназии[89].

Выпускницы Оренбургской женской гимназии из духовного звания стали первыми воспитательницами в Оренбургском епархиальном женском училище. Так, с 1889 г. при училище состояла воспитательницей дочь священника Вера Поспелова. С 1894 г. ей помогала Капитолина Райская — дочь протоиерея Градо-Оренбургского собора Петра Райского[90]. Капитолина Петровна прослужила в училище по 1899 г., оставив работу в связи с замужеством[91].

Три года службы в качестве воспитательницы — нелегкий труд. Воспитательница должна была интересоваться жизнью учениц своего класса, следить за тем, как они играют и готовят уроки, заботиться об их умственном и нравственном воспитании, вникать в причины их слабых успехов, и, при необходимости, помогать с подготовкой домашнего задания, заботиться о том, есть ли у учениц все нужные книги и учебные пособия, и содержат ли девушки эти книги в порядке[92]. В училище воспитательниц недоставало, поэтому в иные годы на долю девушки выпадала необходимость следить за учащимися нескольких классов. В отчетах отмечалось, что воспитательницы весь день отдают училищу и у них почти не остается времени для себя[93].

За свои труды в Оренбургском епархиальном женском училище до 1891 г. воспитательница получала 120 р., а после 180 р. в год. Даже учитывая, что жили девушки в здании училища и им не приходилось оплачивать квартиру и стол[94], для города это считалось достаточно посредственным содержанием. И все же известны случаи, когда девушки не только успешно справлялись с этой сложной должностью, но и поднимались вверх по служебной лестнице. Так, дочь троицкого дьякона Анна Поспелова начинала свою службу в училище в ка-

[89] ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1363. Л. 49 об.

[90] Отчет о состоянии Оренбургского епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1895–96 учебный год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1897. № 7. Часть официальная. С. 37.

[91] Отчет о состоянии Оренбургского епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1898–99 учебный год) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1900. № 1. Часть официальная. С. 5.

[92] Отчет о состоянии Оренбургского епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1895–96 учебный год (окончание) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1897. № 8. Часть официальная. С. 55.

[93] ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 200. Л. 5.

[94] Отчет о состоянии Оренбургского епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1895–96 учебный год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1897. № 7. Часть официальная. С. 38.

честве помощницы воспитательницы, затем стала воспитательницей, а в 1895 году заняла должность помощницы начальницы училища, с годовым окладом в 300 р.[95].

Дочь законоучителя второго кадетского корпуса города Оренбурга протоиерея Федора Смирнского сначала служила в училище воспитательницей, а с 16 августа 1893 г. стала преподавать во втором и третьем классе географию. Интересно, что ее оклад был меньше чем зарплата воспитательниц. За четыре урока в неделю она получала 140 р. в год[96]. Это было связано с тем, что у учительниц все же был нормированный рабочий день и, как правило, им не приходилось постоянно наблюдать за воспитанницами. Преподавательницы, которые вели больше уроков, соответственно получали и большее жалование. Так, вдова преподавателя Оренбургской духовной семинарии Ольга Переверзева, обучающая воспитанниц I–III классов русскому языку и чистописанию, вела в общей сложности 13 уроков в неделю, получая за это 320 р в год[97]. Рукоделием девушки занимались под началом дочери священника Надежды Воскресенской. Нагрузка у педагога была нешуточной. Все белье и верхнее платье, за исключением теплой одежды, шили сами воспитанницы под ее началом. Получала она 200 р. в год. Отметим, что педагоги при училище не жили. Оплачивать квартиру, заботиться об одежде и пропитании им приходилось исключительно на свое жалование[98].

Преподаватели строили урок таким образом, чтобы каждые четверть часа самостоятельной речи учителя при объяснении новой темы сменялись четвертью часа опроса учеников. Самыми распространенными методами преподавания были объяснение, повторение, анализ, пример. При изучении русского и церковно-славянского языков ученицы часто писали диктанты, после чего преподаватель

[95] Отчет о состоянии Оренбургского епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1895–96 учебный год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1897. № 7. Часть официальная. С. 37.
[96] Отчет о состоянии Оренбургского епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1895–96 учебный год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1897. № 7. Часть официальная. С. 36.
[97] Отчет о состоянии Оренбургского епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1896–97 учебный год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1898. № 3. Часть официальная. С. 38.
[98] ГАОО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 200. Л. 6.

всегда проводил работу над ошибками вместе с классом. А для лучшего понимания истории и географии руководство училища активно закупало исторические и географические карты. Также для наглядности при изучении наук периодически устраивались чтения с «туманными картинами»[99].

В целом судить о качестве и особенностях трудовой повседневности воспитательниц и преподавательниц епархиального училища, основываясь на данных официальных отчетов, достаточно сложно. Конфликты с ученицами и прочие сложности во время работы на их страницы не попадали. Указывая число малоуспешных воспитанниц, педагоги неизменно писали, что девочки в целом проявляют «похвальное прилежание» в освоении наук. Типичный отзыв о поведении девочек таков: «поведение воспитанниц заслуживает полного одобрения и может быть признано безукоризненным. [...] Ни проступков, свидетельствующих о дурном направлении и злом умысле, ни серьезных случаев нарушения дисциплины. [...] Напротив, все они проявили добрые навыки, свидетельствующие о должном направлении их ума и сердца»[100]. Так что, если верить отчетам, то педагоги, хотя и были загружены работой, получая за свой труд не самую большую плату, однако должны были быть довольны плодами своей деятельности.

После первого выпуска Оренбургского епархиального училища в 1895 г. среди его сотрудниц стали появляется питомицы этого учебного заведения. Так, в 1896–1897 гг. в его стенах трудились выпускницы: Елизавета Моревская, Софья Мусатова и Татьяна Ефорицкая[101]. Однако, как правило, Оренбургские епархиалки работали в церковноприходских школах или народных училищах. Причем подавляющее большинство – в сельской местности. Так, например, в отчете оренбургского Преосвященного за 1901 г, который он отправил в Синод, отмеча-

[99] Отчет о состоянии Оренбургского епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1898–99 учебный год) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1900. № 1. Часть официальная. С. 14–16.

[100] Отчет о состоянии Оренбургского епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1895–96 учебный год (окончание) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1897. № 8. Часть официальная. С. 55.

[101] Отчет о состоянии Оренбургского епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1896–97 учебный год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1898. № 3. Часть официальная. С 38-39.

лось: «Путем учительства, свет просвящения несут пастве оренбургского края 56 девиц, окончивших местное епархиальное училище». Причем 49 из них отправились в сельские приходы[102].

Среди тех, кому удалось устроиться служить в городе, оказалась дочь протоиерея оренбургской Свято-Троицкой церкви Матвея Семеновича Любичестнова — Вера, работавшая учительницей в Четвертом приходском училище города Оренбурга[103]. Любовь Алексеевна Предтеченская стала преподавать в женской церковно-приходской школе, которую при оренбургской церкви Михаила Архангела организовал ее отец — протоиерей Алексей Иванович Предтеченский[104].

Анастасия Данилова после окончания Оренбургского епархиального училища отправилась в Верхнеуральск преподавать во второклассной церковно-приходской школе. Как и все девушки, впервые преступающие к трудовой деятельности, она была полна энтузиазма и надеялась обрести поддержку у своего непосредственного начальства. «...Я с радостью и надеждой бралась за школьный труд, я думала, что принесу пользу. Правда я была еще не опытна, но я твердо была уверена, что протоиерей Павел Шинотин, заведующий этой школой, поможет мне при моих школьных шагах»[105], — вспоминала Данилова впоследствии.

Занятия, начавшиеся с 1 сентября 1895 года, быстро развеяли эти иллюзии. Прежде всего, половина учениц вообще не посещали школы, а те, кто посещали, не желали признавать в молоденькой учительнице наставницу. Анастасия обратилась к отцу Шинотину за советом: какие принять меры этом случае? И получила ответ: «Никаких мер предпринимать не нужно. Ходят — и ладно, а не ходят — так это их дело. А если принимать меры, то у нас оставшиеся разбегаться станут»[106].

Анастасия посещала дома учениц с целью уго-

[102] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1909. Л. 19–20.
[103] ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1491. Л. 9 об.
[104] ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1526. Л. 117.
[105] ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5462. Л. 12.
[106] Там же. Л. 13.

ворить их родителей отправить девочек в школу. Толку от этой затеи не вышло никакого. Для поддержания дисциплины Данилова стала заставлять провинившихся учениц стоять 5–10 минут. Из-за этого у нее вышел конфликт с Павлом Шинотиным. Он заметил девушке, что «способная учительница, не прибегая к наказаниям, может внушить: рассеянным внимательность, неисполнительным – охоту к учению». Также протоиерей указывал на свое неприятие наказаний в деле обучения детей. Поскольку наказания «...ожесточают сердца детей, отбивают охоту к учению, и многие именно из-за этих наказаний оставляли и оставляют школу. Кроме того, наказанная, часто плачущая не может слушать преподавателя и таким образом теряет время, каждая минута которого дорога, и которого и так не хватает для усвоения обширной программы второклассной школы»[107].

По большому счету протоиерей, конечно, был прав. Однако не стоит забывать, что Анастасия преподавала только первый год: растерявшись в новой обстановке и не найдя помощи у старшего коллеги она легко совершала ошибки. Кроме того, различные виды наказаний для поддержания дисциплины в классе были обычным делом в системе образования дореволюционной России. В епархиальном училище, которое окончила Данилова, за нарушение распорядка следовало наказание: выговор, стояние во время урока, задержка в классе после окончания занятий, оставление без второго блюда на ужин или запрет поехать домой на каникулы[108]. Так что Данилова просто воспроизводила привычную для нее в такой ситуации модель поведения педагога. Причем выбирала самую мягкую форму наказания.

Павел Шинотитин не пытался найти компромисс с подчиненной. Напротив, стал высказывать свое недовольство тем, как Анастасия ведет уроки и за-

[107] ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5462. Л. 15 об.

[108] Отчет о состоянии Оренбургского епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1890-91 учебный год (окончание) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1892. № 3. Часть официальная. С. 34–35.

ведует местной библиотекой в присутствии ее учениц. Все это, разумеется, не добавило ей авторитета в глазах учениц[109]. Работать стало совсем тяжело и, отчаявшись, 31 октября 1897 года, Анастасия написала рапорт в Верхнеуральское уездное отделение Оренбургского училищного совета. Оттуда он был передан в Оренбургскую духовную консисторию, где 15 октября 1899 года вынесли решение: «...Принимая во внимание преклонный возраст протоиерея Шинотина (67 лет) и что ему трудно приноровиться к современным требованиям преподавания и сложно уже справляться с таким многотрудным делом [...] консистория предполагала бы освободить протоиерея Павла Шинотина от заведования второклассной Верхнеуральской ЦПШ и от преподавания закона Божьего в ней»[110]. В итоге протоиерей был отправлен за штат, а Анастасия Данилова осталась преподавать в верхнеуральской школе[111]. Таким образом, инцидент, хотя и оставил неприятный осадок на душе Анастасии Даниловой, однако не отбил у нее охоту заниматься педагогической практикой.

Конфликты учителей с духовенством были характерны не только для Оренбургской губернии. Р.Р. Сайфуллова отмечает, что «у народных учителей складывались сложные взаимоотношения с местным населением, в частности со священниками и волостными писарями, под постоянным надзором и давлением которых они находились. В конфликтных ситуациях чаще всего страдал народный учитель, и это могло приводить к его перемещению или увольнению»[112]. Так что, в данном случае, можно говорить о том, что А. Даниловой повезло.

К более печальным последствиям для девушек, приступавших к работе учителем, приводили ложные слухи и сплетни. Самое заурядное происшествие в жизни девушки, обогатившись разнообразными домыслами, пагубно сказывалось на ее

[109] ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5462. Л. 13–14.
[110] Там же. Л. 20–20 об.
[111] Там же. Л. 21.
[112] Сайфуллова Р.Р. Социально-профессиональный статус учительства российской провинции ... С. 23.

репутации, что, в свою очередь, обеспечивало неприятности по службе.

Дочь священника Военно-Петропавловской церкви города Оренбурга Василия Игнатьевича Светкулина – Раиса, получила образование в Оренбургском женском институте Николая I. К моменту выпуска в 1869 г. отец девушки скончался. К счастью, Раиса хорошо училась, и ей предложили остаться при институте в качестве пепиньерки [девушки, окончившей закрытое учебное заведение и оставленной при нем для педагогической практики – авт.]. Полученные знания не только позволили девушке за несколько лет подняться до должности преподавателя, но и найти частные уроки в семьях оренбургских дворян. Ее шаткое материальное положение, наконец, выровнялось, и Раиса вздохнула с облегчением, но ненадолго.

В три часа ночи с 10 на 11 декабря 1872 г. в квартиру, которую Светкулина снимала вместе с коллегой, попытались ворваться священник Арсений Светлов и причетник Николай Инфантьев. Произведенный ими шум разбудил соседей, и на следующее утро они активно обсуждали причину, по которой двое мужчин, ломились к одиноким девушкам[113]. Причина была проста: священнослужители возвращались домой после сильной попойки и под влиянием выпитой водки перепутали квартиры. Не сумев открыть дверь ключом, они принялись выбивать окна. Все это иерей А. Светлов объяснил Раисе в личном покаянном письме[114]. Однако, правда окружающих уже не интересовала.

Незначительное происшествие обернулось для девушек крупными неприятностями, о чем Раиса Светкулина с отчаяньем и страхом писала Оренбургскому и Уральскому епископу Митрофану 14 декабря: «Поступок священника Светлова дал нежелательный простор молве жителей, об этом толкующим превратно и далеко не в мою пользу. Меня

[113] ГАОО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 58. Л. 5–5 об.
[114] Там же. Л. 6–6 об.

теперь же просят покинуть Николаевское девичье училище, и почтенные семейства отказывают от места. Чем стану содержать себя?!»[115]. Только личное вмешательство архипастыря, который распорядился публично объявить о санкциях, примененных к виновникам инцидента, восстановило репутацию девушки и спасло ее от увольнения[116].

Однако вышестоящее начальство не всегда могло нейтрализовать пагубное влияние слухов на профессиональную деятельность девушек. На стол инспектора народных училищ 1 мая 1898 г. легло донесение от коллектива Фроловского народного училища Челябинского уезда, в котором учителя сообщали, что их заведующая — дочь священника Вера Алексеевна Крылова, две недели назад, никого не предупредив, уехала в неизвестном направлении и до сих пор не вернулась[117]. Инспектор, вероятно, уже собирался заявлять в полицию, но на следующий день получил прошение от сбежавшей девушки. Вера Алексеевна ходатайствовала о своем переводе в какой-либо из сельских приходов, где при школе есть квартира для педагогов. Зная, что сельское общество далеко не всегда способно решить вопрос с обеспечением жильем, девушка писала: «Если не находите такой возможности, то определите меня в приход, расположенный ближе к городу и железной дороге, чтобы из Челябинска, где я имею постоянное проживание, проще ежедневно добираться было к школе»[118].

Удивительно, но инспектор не только постарался найти для Крыловой новое место службы, но и решил выяснить причину, по которой девушке потребовалось покинуть Фроловское училище так спешно. Целый год до этого Крылова безропотно переносила трудности, связанные с отсутствием жилья при училище. Оказалось, что 23 февраля 1898 г. в канцелярию епископа Оренбургской епархии пришел анонимный донос на священника Свято-Троицкой

[115] ГАОО. Ф. 174. Оп 1. Д. 58. Л. 164.
[116] Там же Л. 164.
[117] ОГАЧО. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
[118] Там же. Л. 9 об.

церкви города Челябинска Алексея Никольского, в доме которого как раз и квартировала учительница Крылова. Неизвестный сообщал епископу, что отец Никольский, всячески способствует развитию у молодого учителя местной второклассной школы Ивана Стрельцова пристрастия к выпивке и карточным играм. В доме у иерея, якобы, раз в неделю непременно случались попойка и карточная игра. При этом аноним добавлял: «Особенно жалко живущую у о. Алексея учительницу Крылову. Втянули и ее в карточную игру с более или менее крупными ставками (до 10 р.), выигрышами и проигрышами. Девице-сироте разрешается совершать поздние загородные прогулки на лошадях в компании двух молодых людей»[119].

Естественно, архипастырь отдал распоряжение разобраться в происходящем[120]. Как выяснилось из объяснений священника Алексея Никольского, у него дома в узком семейном кругу или в присутствии близких друзей действительно иногда позволялось перекинуться в карты, «но игра эта никогда не носила на себе характера экзальтации, причем учительница Крылова всегда уклонялась от нее»[121]. Поездку за город вместе со Стрельцовым и псаломщиком Бахировым Вера Алексеевна совершила только однажды. Поездка эта имела конкретную и похвальную цель. Все вместе молодые люди навещали своего хорошего знакомого — священника Василия Соколова, который жил в двух верстах от города. Иерей тяжело болел — почти все знавшие его, были уверенны, что Соколов скоро умрет. «Мое мнение — это долг Христианина навестить умирающего друга. Но поставить в укор им, как можно?», — справедливо возмущался Никольский. В заключении оскорбленный до глубины души отец Алексей добавлял: «А что до попоек, их в моем доме не было и быть никак не может»[122].

Показания Алексея Никольского подтверждал

[119] ОГАЧО. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 12 об.
[120] Там же. Л. 13 об.
[121] Там же. Л. 21.
[122] Там же. Л. 21 об.

наблюдатель церковно-приходских школ Тургайской области Максим Худоносов, который, периодически приезжая в Челябинск по семейным делам, а иногда и служебной надобности, останавливался у Алексея Никольского, поскольку тот был другом его отца. Хорошо зная эту семью, Максим Худоносов характеризовал молодого иерея и его супругу в самых теплых выражениях, а об их постоялице отзывался так: «Это достойная своего звания молодая девица. [...] Нужно не иметь в себе никакого доброго чувства, ни капли стыда, чтобы, прикрываясь словами о ее благополучии бросать и на нее такие черные тени»[123].

[123] ОГАЧО. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 18–18 об.

В итоге с участников данной истории были сняты любые подозрения «в неблагоповедении», но все время, пока длилось «негласное следствие», сплетники активно обсуждали происходящее, строя предположения, чем закончится дело. И, если мужчины воспринимали происходящее хладнокровно, то Вера Крылова не смогла спокойно воспринимать повышенный интерес к своей личной жизни

Троицк. Женская гимназия

и спешно покинула приход. Случившееся произвело на девушку настолько сильное впечатление, что она отвергла предложенное ей место старшей учительницы в школе при Белорецком заводе Верхнеуральского уезда, решив больше никогда не возвращаться к педагогической практике[124].

И все же данная история завершилась достаточно благополучно. Случалось, что наговор приводил к страшной, непоправимой трагедии. Так, Оренбургскую губернию в 1894 г. взбудоражило самоубийство священнической дочери Екатерины Грудзинской, занимавшей должность учительницы народного училища города Челябинска. Дело даже взяли на контроль в Святейшем Синоде[125]. Екатерина Грудзинская после завершения образования в Троицкой женской прогимназии не смогла сразу найти места для службы, но домой к родителям возвращаться не стала, поселившись у своей старшей сестры — жены священника села Субботина Челябинского уезда Агнии Ивановой, продолжая ходатайствовать об определении на

[124] ОГАЧО. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л .6 об.
[125] ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5107. Л. 5–5 об.

Челябинск. Женская гимназия

учительское место к «какой-либо из городских школ губернии».

В марте 1894 г. она была командирована для исполнения обязанностей учительницы в народное училище Челябинска[126]. Обучение детей давалось молодой преподавательнице успешно. Позже ее начальник вспоминал, что Екатерина «в течение весьма короткого времени службы в Челябинске успела доказать умение вести учебное дело, причем обладала значительной энергией в достижении наставнической цели, и отличалась любовью, как к умственному, так и к физическому труду»[127]. Итак, служить девушке нравилось, небольшая оплата за труд ее также не беспокоила. Грудзинская была вполне обеспечена. После ее смерти осталось более 100 р. деньгами и банковский билет в 900 р., квартиру учительницы оплачивал местный училищный совет[128]. Словом, у Екатерины были все основания быть довольной началом своей самостоятельной жизни.

Радость ее омрачало только то, что, периодически приезжая навестить сестру в Субботино, девушка слышала распускаемые в ее адрес нелепые слухи. Жена дьякона местной церкви Ольга Андреевна Протопопова утверждала, что Грудзинская, уехала из Субботина, чтобы тайно родить в городе. Дьяконша пользовалась в приходе репутацией женщины зловредной, болтливой и склонной выдумывать разнообразные небылицы. Поэтому жители Субботина особого внимания на ее слова не обращали[129]. Однако, запущенная Протопоповой сплетня постепенно достигла Челябинска. В итоге на Грудзинскую стали с недоверием смотреть коллеги по работе и родители учеников. Дети, наслушавшись разговоров взрослых, стали выказывать ей неповиновение. Теперь Грудзинская слышала шепот за своей спиной и в городе.

Разозлившись, она отправилась в Субботино

[126] ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5107. Л. 3.
[127] Там же. Л. 4.
[128] Там же. Л. 4 об.
[129] Там же. Л. 9.

и наговорила резких слов Ольге Андреевне. На следующий день после этого разговора дьяконша обнаружила, что ворота ее дома вымазаны смолой и вдобавок на них сделана «циничная надпись в ее адрес»[130]. Ольга Андреевна с мужем обвинили во всем Грудзинскую и подали на нее жалобу в мировой суд. Заявление судом не было принято, однако кто-то уже успел сообщить Екатерине, что ей грозит разбирательство по столь скандальному делу. Вдобавок к этому, теперь уже ставни ее дома были вымазаны смолой и фуксином.

Не зная, как поступить в сложившейся ситуации, Грудзинская сначала решила обратиться к инспектору Челябинских народных училищ, но потом оставила свое намерение, поскольку не была уверена, что инспектор поверит объяснениям по делу, которое ее столь беспокоило[131]. Как следует из предсмертного письма Екатерины Грудзинской, девушка посчитала, что ее честному имени нанесен непоправимый урон, поэтому жить дальше не стоит, «ибо в жизни меня более ничего не ждет, кроме позора и подозрений, и лучше уж застрелиться, чем переносить это»[132]. Екатерина Грудзинская навела в училищной квартире образцовый порядок и вечером 5 сентября 1894 г. исполнила свое намерение[133].

Проведенное по требованию Синода расследование не дало никаких практических результатов, кроме доказательства «непорочности девицы, что было установлено путем вскрытия»[134]. Привлечь же Ольгу Андреевну Протопопову за самоубийство учительницы Грудзинской в Оренбургской духовной консистории не посчитали возможным. Дело было закрыто 28 января 1895 г.[135].

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что женщине для успешной трудовой деятельности, необходимо было сохранять безупречную репутацию. Распространение любых порочащих слухов

[130] ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5107. Л. 3.
[131] Там же. Л. 3 об.
[132] Там же. Л. 4 об.
[133] Там же. Л. 3.
[134] Там же. Л. 4.
[135] Там же. Л. 10.

грозило неприятностями по службе. В редких случаях циркулирующие в обществе сплетни заставляли девушек не только отказаться от своей профессии, но и сводить счеты с жизнью. Даже ложный слух, который удавалось опровергнуть, мог привести, к тому что женщина принимала решение не возвращаться к профессиональной деятельности. Однако самой частой причиной ухода со службы для женщины духовного сословия все же становилось замужество.

Так, уже упомянутая выше Капитолина Петровна Райская оставила работу в Оренбургском епархиальном женском училище, вступив в брак с есаулом Михаилом Тарасовым[136]. Дочь священника Градо-Троицкого собора Александра Степановича Будрина по окончании курса в Екатеринбургской женской гимназии некоторое время давала частные уроки[137]. Затем она преподавала в Троицкой женской гимназии, а в 1890 г. достигла должности заведующей женским училищем города Кустаная[138]. Карьерный рост, однако, не побудил

Оренбург. Епархиальное женское училище

[136] ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1526. Л. 139.
[137] ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1386. Л. 18.
[138] ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4948. Л. 32 об.

девушку отказаться от замужества. В клировой ведомости Градо-Троицкого собора за 1896 год отмечено, что Екатерина ушла со службы и состоит в браке с заведующим Троицким городским училищем Сосниковым[139].

Анна Авакумовна, жена священника Николая Александровича Агищева, в 1896 г. служившего при Свято-Троицком соборе города Троицка, с 1885 по февраль 1890 гг. состояла учительницей министерской щучинской школы. Была она, по-видимому, хорошим педагогом, поскольку указом Оренбургской духовной консистории от 31 декабря 1888 г. за № 9723 ей было передано архипастырское благословение «за примерные педагогические труды». Однако рождение дочери Александры — четвертого по счету ребенка, побудило ее оставить работу и полностью сосредоточиться на воспитании собственных детей[140].

Похожим образом сложилась судьба дочери священника села Ратчины Оренбургского уезда Николая Архангельского. Елена в 1887 г. окончила восьмилетний курс Оренбургской женской гимназии и была удостоена звания домашней учительницы по русскому языку. Сразу после этого события она поступила на должность классной дамы в том же учебном заведении, однако скоро вышла замуж за Константина Александровича Белавина[141]. Супруг преподавал историю в Оренбургской мужской гимназии и занимался исследованиями Оренбургского края. В Оренбурге были известны его труды: «Оренбург. Историко-географический очерк», «Историческая записка об Оренбургской мужской гимназии и другие[142]. Елена Николаевна занималась четырьмя детьми.

Наконец, вырастив последнюю девочку до 11 лет, Елена Николаевна очевидно решила, что подросшим отпрыскам уже не нужно уделять столько внимания. Женщина в октябре 1906 г.

[139] ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1491. Л. 316.
[140] Там же. Л. 317 об.
[141] ГАОО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 45. Л. 12 об.
[142] Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Дополнительный том I. СПб., 1905. С. 239.

устроилась в частную Оренбургскую гимназию Н.В. Карповой-Полуянской. Здесь в течение года она преподавала русский язык ученицам младшего отделения приготовительного класса[143]. Вновь оставить работу ее побудила семейная трагедия. В возрасте 17 лет внезапно скончался старший сын Белавиных — Константин. 10 ноября 1907 г. Елена Николаевна писала председателю педагогического совета: «...Вследствие внезапной смерти моего сына я еще не в состоянии продолжить исполнять обязанности преподавательницы [...] потому обращаюсь к вашему высокоблагословению с просьбой о дозволении мне продолжить преподавание в означенной гимназии с 1 декабря 1908 г»[144]. Отпуск ей предоставили, однако в декабре Елена Николаевна к работе не приступила, подав прошение об увольнении[145].

Изредка женщины все же продолжали работу и после замужества. Так, в 1861 г. Александра Логичева, вдова протоиерея Христорождественского собора, выдала дочь Августу замуж за инспектора Челябинского духовного училища Ивана Орлова[146]. В 1897 г. Августа Александровна Орлова преподавала чтение, арифметику, чистописание и русский язык во второй начальной школе Челябинска с жалованием 400 р. в год[147].

Изредка в исторических источниках встречаются сведения о женщинах духовного звания, которые посвятили преподавательской деятельности многие годы своей жизни. Так дьяконская дочь Лариса Павловна Дмитриева после обучения в Челябинской прогимназии 17 лет прослужила учительницей в Челябинской городской начальной школе, неизменно получая лестные отзывы от посещающего школу высокого начальства. После того, как из-за тяжелой болезни Лариса Павловна была вынуждена покинуть службу, ей, ввиду признания заслуг на ниве образования, была назначена пенсия[148].

[143] ГАОО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 172. Л. 13 об.–14.
[144] Там же. Л. 1.
[145] Там же. Л. 3 об.
[146] ОГАЧО. Ф. И-68. Оп. 1. Д. 11. Л. 44 об.
[147] ОГАЧО. Ф. И-3. Д. 411. Л. 2, 9.
[148] ОГАЧО. Ф. И-3. Д. 401. Л. 1–5.

Челябинскую прогимназию окончила еще одна знаменитая учительница города Челябинска – дочь священника Андреева, Мария Николаевна. Выпустившись в 1884 г. она сразу начала трудовую деятельность. Сначала работала во Втором мужском и Втором женском училищах города. 19 сентября 1901 г. в дополнение к своим прежним обязанностям была назначена заведовать Четвертым смешанным приходским училищем, 20 августа 1903 г. – заведующей Первым женским приходским училищем и прослужила на этих должностях до революционных событий 1917 г. Мария Николаевна неоднократно получала благодарности от начальства за «добросовестное исполнение служебных обязанностей», состояла членом Попечительства о начальном образовании Челябинска. В 1914 г. она была награждена золотой медалью «за усердие» для ношения на груди на Анненской ленте. Скончалась Мария Николаевна 3 ноября 1933 г., будучи учительницей начальной школы № 2 в Челябинске[149]. В общей сложности Мария Николаевна посвятила педагогической деятельности 40 лет своей жизни.

Таким образом, быстрому вовлечению женщин духовного звания в трудовую деятельность мешала ограниченная возможность получить образование. Девушки, окончившие гимназию или реальное училище, могли рассчитывать только на должность воспитательницы или учительницы. Причем большинство из них отправлялись служить в сельскую местность. Работа в качестве воспитательницы или учительницы предполагала значительные нагрузки и небольшую оплату. Вчерашние выпускницы закрытых учебных заведений не всегда оказывались готовы столкнуться с проблемами, которые преподносила самостоятельная жизнь. Девушкам оказывалось тяжело применять на практике полученные знания и ладить с начальством. Кроме того, они не всегда были готовы противостоять сплетням, кото-

[149] Боже В.С. Школьный мир дореволюционного Челябинска. Т. 2: справочные материалы. Челябинск, 2006. С. 22.

рые нередко распускали про них окружающие. Ложные слухи не только осложняли девушкам жизнь, но и побуждали оставить трудовую деятельность. Как правило, дочери клириков оставляли работу и после выхода замуж, поскольку рождение детей и семейные проблемы оставляли им мало возможностей для профессиональной деятельности.

4.4. Предпринимательская деятельность

Женский мир предпринимательства и торговли получил в конце XX – начале XXI века довольно широкое освещение в исторической литературе. Женский торгово-промышленный мир Санкт-Петербурга был представлен в статье О.Б. Вахромеевой. Автор подчеркивала, что в начале XX века «обычной практикой становилось единоличное владение женщиной или группой женщин торговым домом или ее нахождение на посту главы правления акционерной компании»[150]. В статьях Г.Н. Ульяновой были проанализированы причины профессиональных успехов и петербургских, и московских купчих. Историк утверждала, что, «как правило, успешность их бизнеса определялась прежде всего авторитарным стилем руководства владелицы, занимавшей высшую позицию в семейной иерархии, а также включенностью в систему общественных связей внутри предпринимательского сообщества»[151].

Наиболее масштабную работу в этом направлении проделала Е.Н. Меньшикова. Специфике бытового поведения женщин-купчих, ментальным особенностям и проблемам ведения бизнеса предпринимательниц в пореформенный период посвящена диссертационная работа этого автора[152]. По мнению исследователя, «в российском законодательстве пореформенного периода, регламентирующего жизнедеятельность купеческого сословия, отчетливо проявлялась линия к выравниванию правовой ассиметрии между полами»[153]. В свою очередь, «причастность к различным видам пред-

[150] Вахромеева О.Б. Женщины-предприниматели в Санкт-Петербурге на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 2. Вып. 1. С. 72.

[151] Ульянова Г.Н. Женщины-предприниматели Петербурга и Москвы в 1860-е годы (по «Справочным книгам о лицах, получивших купеческие свидетельства») // Экономическая история. Ежегодник. 2014–2015. М., 2016. С. 79.

[152] Меньшикова Е.Н. Купеческая женщина Центрального Черноземья в 60–90-е годы XIX века: исторический портрет (на примере Воронежской и Курской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2008..

[153] Меньшикова Е.Н. Купеческая женщина Центрального Черноземья ... С. 18.

принимательской деятельности, требующим проявления поведенческой активности, поддержания деловых и личных контактов с многочисленными людьми, выводила купеческую женщину за узкие рамки семьи»[154].

По мнению С.В. Филатовой, принятие буржуазной модели экономики в пореформенные годы оказало влияние на переосмысление купеческими женщинами собственной роли в деловой жизни их семей. В работе историка сказано об этом процессе так: «...Говоря об эволюции образа жизни женщин купеческой среды в указанный период, мы отмечаем, что дореформенная относительно закрытая модель, основанная на патриархальных ценностях, постепенно разрушалась. Хотя брак, семья и домашний очаг по-прежнему оставались приоритетными ценностями, круг интересов и целей женщин, принадлежавших к купеческому званию, значительно расширился»[155].

Женщины купеческого звания вполне успешно реализовывали свои профессиональные навыки в сфере предпринимательства и коммерции. Подтверждая деловую самостоятельность многих купчих, Н.В. Козлова пишет: «Жены купцов владели разнообразными торговыми и промысловыми предприятиями не только после смерти своих мужей, получая их по наследству, но и еще при их жизни. Об этом свидетельствует состав принадлежавшей им лично собственности»[156].

В Оренбургской губернии женщины были представлены практически во всех сферах предпринимательства. Женщины-купчихи позиционировали себя в таких областях бизнеса, как промышленное производство, собственно торговля, предоставление различных видов услуг (содержание питейных заведений и пр.), арендные отношения, финансы. Женскими руками управлялось даже такое сложное предприятие, как золотодобывающее производство.

[154] Меньшикова Е.Н. Купеческая женщина Центрального Черноземья ... С. 22.

[155] Филатова С.В. Купчихи в провинциальной России: образ жизни и предпринимательская деятельность (вторая половина XIX – начало XX в.) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.. сб. статей науч. конф. Коломна, 2015. С. 168.

[156] Козлова Н.В. Хозяйственная активность и предпринимательская деятельность купеческих жен и вдов Москвы в XVIII в.// Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв. Сборник материалов международной научной конференции. СПб., 2001. С. 141.

[157] Макарова В.Н. К вопросу о добыче золота на территории Башкирии в конце XIX – начале XX вв. // Археография Южного Урала: Материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции. Уфа, 2004. С. 114.
[158] Макарова В.Н. К вопросу о добыче золота на территории Башкирии ... С. 115.

Представители купеческой семьи Рамеевых являлись крупнейшими частными золотопромышленниками в Оренбургской губернии пореформенного периода. У истоков семейного дела стояла жена верхнеуральского купца – Ханифа Альмухаметовна Рамеева, «...которая по заключенному ею с башкирами-вотчинниками Бурзянских волостей контракту от 30 января 1870 г., взяла в аренду земельную площадь под прииски»[157]. Уже во второй половине 1880 гг. прииски Ханифы Рамеевой перешли к Мухамет-Садыку Абдулкаримовичу Рамееву, а от него, в течение 1890-1900 гг. – к его сыновьям Мухамет-Закиру и Мухамет-Шакиру Рамеевым[158]. Прииски Рамеевых располагались в Орском уезде, по рекам Султанка и Худолаз, близ деревни Гадельшино.

О масштабности деятельности этих золотодобытчиков писал В.К. Павловский: «В 80-е – 90-е гг. XIX в. в Оренбургском крае появляются химические заводы для извлечения золота: завод Башкирова, Сувундукско-Орской компании и т.д. Самым боль-

Дом Мухамед-Садыка и Ханифы Рамеевых в деревне Балканы Нагайбакского района Оренбургской губернии

шим из которых являлся завод Рамеевых близ поселка Верхнеуральского уезда, где для обработки песков поставлены чаши Комарницкого, проведены конно-железные дороги для подвозки песков, устроены различные уловители золота, и вообще дело устроено на широкую ногу»[159]. Рамеевы заботились о техническом оснащении приисков, где действовали 4 чаши с бегунами, 1 дробилка Блека, 6 бутар, 2 шлюза, 50 ручных станков, 3 паровых двигателя мощностью 35 лошадиных сил и 1 турбина в 25 лошадиных сил. Кварцевые жилы разрушались динамитом. Производственный персонал предприятия насчитывал 850 рабочих[160].

После передачи управления золотым промыслом своим сыновьям Ханифа Рамеева не прекратила заниматься коммерцией. На конец 80-х годов XIX века она являлась владелицей кожевенного завода, расположенного в деревне Юлукский Ям 1-й Бурзянской волости Орского уезда. Функционировало заведение с 1844 года. Его производственная способность на 1887 г. составляла 900 кож в год, на сумму 5 тыс. руб. На производстве было задействовано 3 человека наемного персонала[161].

В архивных документах имеются свидетельства того, что и другие женщины, подобно Ханифе Рамеевой, вступали во владение золотыми рудниками. Правда из-за отсутствия конкретных сведений можно сделать вывод, что их предприятия не разрослись до значительных масштабов. В деле «О закреплении золотых приисков за разными лицами» упоминалась купчиха Авдотья Андреевна Маркова, которая в 60-х годах XIX века владела Николаевским прииском, расположенным на землях Оренбургского казачьего войска[162]. А в конце XIX века на землях близ поселка Мельниковский был выделен прииск на имя купчихи Кисляковой[163].

В исследованиях последних лет авторы отмечают, что выросшие в купеческих семьях женщины

[159] Павловский В.К. Оренбургская золотопромышленность за сто лет, правовые отношения к ней Оренбургского Казачьего Войска и современное положение золотопромышленности вообще. Екатеринбург, 1905. С. 19.

[160] Макарова В.Н. К вопросу о добыче золота на территории Башкирии ... С. 115.

[161] Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов европейской России и царства Польского. Материалы для фабрично-заводской статистики. Издание второе, исправленное и значительно доработанное. СПб., 1887. С. 228.

[162] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13923/6. Л. 2.

[163] Павловский В.К. Оренбургская золотопромышленность за сто лет ... С. 63.

Александра Никифоровна Первушина

большей частью вполне успешно справлялись с обязанностями главы торговой династии. «Встречаются примеры, когда после смерти мужа вдова брала в свои руки семейное дело. Она выбирала на свое имя купеческое свидетельство, несла ответственность за торговые операции. Некоторым из купеческих вдов удавалось в течение долгих лет умело управлять семейным делом, поддерживать на должном уровне семейные капиталы и коммерческую репутацию», – писали в своей работе А.В. Старцев и Ю.М. Гончаров[164]. В статье Н.В. Козловой также подтверждалась способность женщин правильно распорядиться унаследованным имуществом: «В целом навыки деловой активности, участие в предпринимательской деятельности купеческих жен в условиях высокой степени риска занятий торговлей способствовали сохранению капитала умерших мужей, преемственности занятий и социального положения подраставших сыновей»[165].

В Оренбургской губернии примером несгибаемой воли и желания продолжать династический бизнес, несмотря ни на что, являлась деятельность жены троицкого купца Степана Ивановича Первушина – Александры Никифоровны. Купец Первушин был владельцем нескольких крупчатых и раструсных мельниц [раструсная мельница обладала меньшим количеством жерновов и сит для просеивания муки, давала муку худшего качества, чем крупчатая, применялась в основном для помола ржи – авт.], расположенных в различных селах Екатеринбургского уезда по берегам реки Исеть. По завещанию купца, умершего от чахотки в 1880 г., предприниматель оставил «...на попечение своей жены все предприятия...»[166]. Возглавив семью и фирму, купчиха Первушина отказалась от использования мельниц, которые были взяты в аренду ее

[164] Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.): Учебное пособие. Барнаул, 1999. С. 181.
[165] Козлова Н.В. Хозяйственная активность и предпринимательская деятельность купеческих жен и вдов Москвы в XVIII в.// Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв. Сборник материалов международной научной конференции. СПб., 2001. С. 144.
[166] Барсукова М.А. Мукомольная промышленность Урала во второй половине XIX века // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX в.): межвуз. сб. науч. ст. Барнаул, 1995. С. 111.

покойным мужем у сторонних лиц, и сосредоточила все производство на собственной – Покровской. Располагалось предприятие в Екатеринбургском уезде, на р. Исеть, и одно время носило название Плещеевской мельницы. Активная наследница решилась на снос старого раструсного производства, и на его месте в 1886 г. возвела новый мукомольный комплекс. Это была водяная крупчатая мельница высотой в пять этажей (три из которых – каменные), с самым современным на тот момент оборудованием производительностью 275 тыс. пудов муки в год[167].

Эффективно управляя унаследованным делом и при этом воспитывая шестерых детей, А.Н. Первушина вынуждена была перенести производственные мощности своего предприятия в село Мишкино Челябинского уезда Оренбургской губернии. Причиной передислокации производства стал пожар на Покровской мельнице в 1905 г., который уничтожил все имущество, делая нецелесообразным его восстановление. В 1907 г. на новом месте начала ра-

[167] Барсукова М.А. Мукомольная промышленность Урала ... С. 112.

Паровая мукомольная мельница А.Н. Первушиной в селе Мишкино Челябинского уезда Оренбургской губернии

боту четырехэтажная каменная мельница с паровой машиной в 390 сил, с годовым перемолом более 1 млн пудов в год, названная Воскресенской[168].

Во второй половине XIX века экономика Оренбургского края носила преимущественно аграрный характер. Как было отмечено в «Списках населенных мест России», содержащих данные за 1866–1867 гг., «за исключением горнозаводской промышленности, заводская и фабричная деятельность в губернии весьма незначительна и ограничивается почти вся обработкой сырых животных продуктов и переделкою хлеба в напитки»[169]. На территории губернии действовали десятки кожевен, мыловарен, салотопен, свечных заводов. В развитии этого бизнеса был задействован большей частью капитал купеческого сословия.

Из 5-и действовавших в 60-х годах на территории Челябинска салотопенных заводов один принадлежал местной предпринимательнице – купчихе 2-й гильдии М.М. Шиховой. Матрена Михайловна являлась единоличной собственницей и ключевой фигурой в управлении бизнесом с начала второй половины XIX века. Этот факт был отмечен в заявлении о продлении арендного срока городской выгонной земли, поданном Шиховой в челябинскую Думу. В прошении предпринимательницы от 20 ноября 1863 г. было сказано, что в оброчном содержании у нее с 50-х гг. находился участок городской выгонной земли в 452 квадратные сажени, на котором располагался салотопенный завод. Шихова просила «еще оставить за мною на двадцать четыре года на тех же условиях, какие были в означенных при первоначальной отдаче участка относительно его содержания по оброчной плате»[170].

Чтобы правильно оформить документы, неграмотной предпринимательнице понадобилась помощь сторонних лиц: «Прошение сочинял и набело переписывал челябинский мещанин Матвей Федо-

[168] Барсукова М.А. Мукомольная промышленность Урала ... С.112.
[169] Списки населенных мест Российской империи... С. 93.
[170] ОГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 5806. Л. 2–2 об.

ров. Прошение вместо просительницы – челябинской 2 й гильдии купчихи Матрены Михайловны Шиховой неграмотной, по ее личной просьбе руку приложил писарь 3-го разряда Владимир Григорьевич Мещеряковский[171]. То есть отсутствие навыков чтения и письма совершенно не мешало Шиховой осуществлять коммерческие операции.

Все юридические акты об арендном использовании Шиховой городского выгона были составлены в соответствии с буквой закона. Требуемая оренбургской администрацией копия прежнего договора была предоставлена. В итоге прошение Матрены Шиховой о значительном увеличении срока аренды было удовлетворено. Из архивных документов становится ясно, что Шихова приняла решение о расширении бизнеса путем возведения на этой земле еще одного салотопенного предприятия. Договор гласил: «Участок выгонной земли города Челябинска в количестве 452 квадратных сажен, которые занимает салотопенный завод купчихи Шиховой отдается в двадцати четырех летнее оброчное содержание под постройку такого же салотопенного завода на следующих условиях: Арендатор на снятом участке обязан будет в течение двух лет со дня заключения контракта устроить салотопенный завод из таких материалов и такой силы, как найдет для себя удобным и выгодным. Кроме завода арендатор может, если пожелает, выстроить на этом участке необходимые для хранения сала подвалы, амбары и другие, дозволенные законом здания; На принятом участке арендатор другого заведения, кроме салотопенного завода с необходимыми при нем службами – строить права не имеет»[172]. В некоторых копиях договора количество арендуемых саженей – 452 было исправлено на 900. Получается; что челябинская предпринимательница договорилась о двукратном расширении территории в соответствии с масштабами нового проекта.

[171] ОГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 5806. Л. 2 об.
[172] Там же. Л. 18–18 об.

Подпись на новом договоре Шиховой вместо матери вновь поставил ее сын Степан Шихов, на этот раз классифицированный как мещанин[173]. Довольно интересной представляется ситуация с полным отрешением купчихой Шиховой своего сына от семейного бизнеса. Одной из причин того, что Степану Шихову доверяли лишь ставить подписи за неграмотную мать, мог быть неподобающий образ жизни мужчины, например, склонность к употреблению спиртных напитков. Либо Матрена Шихова разглядела необходимые предпринимательские качества в жене другого своего сына, к тому времени уже покойного.

Добившись положительного решения от всех административных органов Оренбуржья Матрена Шихова не успела приступить к реализации строительства нового салотопенного завода, так как скончалась в 1865 году. Но исправно функционировавший на протяжении многих лет семейный бизнес не прекратил существования, а был подхвачен купчихой 2-й гильдии А.В. Шиховой – снохой Матрены Михайловны. Успешно заключенный договор с Городской думой подвергся корректировке в плане изменения личности арендатора, как основного ответственного лица и Анна Васильевна Шихова вступила в права наследования.

«1865 года, ноября двенадцатого дня, челябинская 2-й гильдии купчиха – вдова Анна Васильевна Шихова заключила сей контракт с челябинской Городской Думой в том, что при торгах умершей свекровью моей – челябинской купчихой, вдовой Матреной Михайловной Шиховой, произведенных в Думе и утвержденных Оренбургским (ныне Уфимским) губернским правлением в указе от 16 ноября 1864 года за № 5128 публичных торгов, участок выгонной земли города Челябы в количестве 452 квадратных сажени, на котором ныне находится салотопенный завод умершей Матрены

[173] ОГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 5806. Л. 20 об.

Шиховой, я – Анна Шихова, вступившая по праву наследства... приняла в оброчное содержание сроком на двадцать четыре года, считается таковой с 1-го января 1864 по 1-е января 1888 года...», – гласил новый вариант договора[174]. Анна Шихова, как и ее покойная свекровь, не обладала достаточным образовательным уровнем, чтобы заверять документы самостоятельно, поэтому от имени наследницы подпись поставил ее сын Николай[175].

Рассмотренный выше пример демонстрирует то, что иные из женщин-купчих могли быстро адаптироваться к стремительно меняющимся правовым условиям российской пореформенной действительности и успешно развивать семейный бизнес. После упразднения в 1863 г. третьей купеческой гильдии многие представители небогатого челябинского купечества переместились в категорию мещан из-за отсутствия средств на выборку свидетельств 2-го и 3-го разряда. М.М. Шихова же не отказалась от купеческого статуса и нашла средства на продолжение коммерческой деятельности в качестве потомственной предпринимательницы.

Владение предприятием по производству кирпича в пореформенное время считалось у выходцев из купеческой среды чем-то вроде «правила хорошего тона». На рубеже XIX–XX веков в Оренбурге начал работу кирпичный завод братьев Варфоломея и Василия Мошковых, который в некоторых справочниках фигурирует как «наследников Мошковой», то есть изначально производство было зарегистрировано на мать предпринимателей – Ираиду Романовну Мошкову[176].

В некоторых случаях женщинам удавалось опередить мужчин в плане освоения отдельных перспективных направлений коммерческой деятельности и стать своего рода первооткрывательницами этих сфер для индивидуальных вложений капитала. Так, в 60-х годах позапрошлого столетия Оренбург-

[174] ОГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 5806. Л. 23.
[175] Там же. Л. 24 об.
[176] Бахарева О.Я., Бурлуцкая Е.В. Клюмп. Мошковы. Начало пивоварения в Оренбурге // Купечество оренбургское. Сборник статей. Вып. 2. Оренбург, 2017. С. 22.

ский край не имел частных предприятий, выпускающих печатную продукцию. В самой губернской столице на 1868 год насчитывалось всего три казенных заведения подобного рода. Это были: типография «Оренбург», принадлежавшая штабу Оренбургского военного округа, литография этого же собственника и войсковая типография хозяйственного управления Оренбургского Казачьего Войска[177]. Первая частная типография в Оренбургской губернии появилась в 1871 году, и принадлежала второй гильдии купеческой жене Анастасии Степановне Хохловой[178].

Стоит взглянуть и на обратный пример того, как женщине не удалось наладить свой бизнес, несмотря на хорошие стартовые условия. В начале 70-х гг. XIX столетия отставной прапорщик Александр Кузьминский получил в оброчное держание местность в Зауральной роще «...под устройство вокзала, буфета и других при нем увеселительных для гуляющей публики заведений»[179]. Аренда сроком на три года обходилась предпринимателю в 25 рублей за год. Вскоре после запуска проекта А. Кузьминский неожиданно скончался, и дело перешло к его жене. У женщины не получилось наладить эффективную работу увеселительных заведений и вывести их на уровень самоокупаемости. Выросли долги частным лицам и городской казне, составившие 41 руб. 66 копеек. Оброчная плата в пользу города не поступала в течение 2-х лет (1873–1874 гг.). Поэтому у администрации Оренбурга не осталось другого выбора, как описать имущество Кузьминской и готовить его к продаже с торгов[180]. Интерес к покупке обанкротившегося дела проявили оренбургские купцы – А. Каретников, И. Гладков и С. Порхунов[181]. В банкротстве предприятия, вероятно, было виновато отсутствие интереса и необходимых навыков у наследницы для продолжения начатого мужем дела. Этот развлекательный бизнес при правиль-

[177] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14072. Л. 9–9 об.
[178] Шицкова М.А. История книгораспространения в Оренбургской губернии во второй половине XIX–начале XX века. Челябинск, 2014. С. 51.
[179] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 2. Л. 71.
[180] Там же. Л. 71–71 об.
[181] Там же. Л. 71–72.

ной его организации должен был приносить хорошую прибыль.

Конец второй трети XIX века ознаменовался интенсивным проникновением российских купцов вглубь среднеазиатских земель. В своей монографии М.К. Рожкова отмечала, что «русские купцы, почти не торговавшие в Средней Азии до начала 60-х годов, к 70-м годам торгуют не только в Ташкенте, но и за пределами Туркестанского края»[182]. Следует отметить, что контакты с азиатским деловым миром были крайне проблемным делом – они сулили русским купцам не только солидные прибыли в случае успеха предприятия, но и обещали оставить ни с чем в результате потери товара при транспортировке через степь, обмана со стороны азиатских конкурентов или произвола местных чиновников, оказывающих протекцию соплеменникам-единоверцам в ущерб остальным коммерсантам. Поэтому кажется весьма необычным, что в столь трудоемкой и ненадежной сфере бизнеса, наряду с именитыми оренбургскими купцами-мужчинами, принимала самое деятельное участие женщина.

Женщиной, ведущей торговлю на азиатском направлении с 60-х годов XIX века, была оренбургская купчиха первой гильдии Пелагея Спиридонова. Например, в 1865 году приказчик Н.Н. Шмелев доставил караван этой предпринимательницы в Бухару, без всякого ущерба перевозимому грузу[183]. О прочности и длительности контактов Спиридоновой с азиатскими коллегами говорит то, что она в 1873 году подала иск о взыскании с бухарских и хивинских купцов долга на сумму, превышавшую 26 тысяч рублей. В должниках числились один хивинский и четыре бухарских торговца. Долговые векселя среднеазиатских предпринимателей, самый ранний из которых датировался ноябрем 1863 года, были получены в Оренбурге[184].

По мнению Г.К. Гинса, умение организовать

[182] Рожкова М.К. Экономические связи России со Средней Азией. М., 1963. С. 144.
[183] Там же. С. 217.
[184] Там же. С. 144.

торговое предприятие в столь сложных условиях, каким являлся среднеазиатский вектор торговли, являлось доказательством несомненного предпринимательского таланта: «Русский народ, несомненно, обладает предприимчивостью. Новгородская торговля «из варяг в греки» и история колонизации севера Европейской России и огромных пространств Азиатской России, служат доказательством этой предприимчивости»[185].

Подготовка торгового каравана предполагала решение ряда проблем. Следовало найти толкового приказчика, подыскать опытных и надежных проводников среди иноязычного населения, нанять необходимое количество прислуги (иногда и вооруженной), купить или арендовать здоровых животных, приобрести провиант для людей и скота. Предпринимателям, действовавшим в Средней Азии, было необходимо выстраивать деловые отношения с исламско-тюркскими народностями – носителями иного менталитета и других культурных традиций. Психологические качества, которыми должен был обладать купец, занимающийся внешней торговлей на азиатском направлении, сводились к способности четкого планирования своих действий и обладанию волей к действию, упорством и решимостью. Он должен был являть собой образец «человека, который имеет силу на многое отважиться, который жертвует всем, чтобы достичь великого для своего предприятия»[186].

Возможно, именно поэтому пример Спиридоновой представляется уникальным явлением, так как тщательно зафиксированная в архивных источниках история торгово-экономического взаимодействия Оренбуржья с Центральной Азией не содержит сведений о других купчихах, рискнувших вложить капитал в столь рискованное предприятие.

Торговля, наряду с производством, в пореформенный период оставалась одной из основных

[185] Гинс Г.К. Предприниматель. М., 1992. С. 52.

[186] Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 2009. С. 68.

сфер приложения купеческих капиталов. В списках торгующих хлебом челябинских предпринимателей за 1870–1871 гг. в Челябинске среди осуществляющих хлебную торговлю предпринимателей числились: купчиха второй гильдии Лукерья Беляевская, и торгующая по купеческому свидетельству Екатерина Толстых[187].

В столице губернии 70-е годы XIX века обозначились интенсивным освоением рынка алкогольной продукции, в чем местные купчихи приняли активное участие. Согласно сведениям о количестве пунктов реализации спиртного за 1878 год, среди собственников числилась купчиха Агафья Ладыгина, владеющая одним питейным заведением[188].

Оренбургская купчиха Пелагея Ануфриева в конце XIX столетия торговала нефтепродуктами. На страницах оренбургских газет часто можно было встретить подобное объявление: «В лавке Ануфриевой имеется для розничной и оптовой продажи бакинский керосин высшего сорта товарищества братьев Нобель»[189]. Корреспондент газеты «Оренбургский листок», готовивший статью, посвященную условиям хранения огнеопасных материалов в черте города, стал свидетелем такой картины: «На днях нам пришлось видеть на Введенской улице, как во двор купчихи Ануфриевой ввозили сотни пудов керосина в деревянных бочках»[190].

Не располагавшие собственными специализированными торговыми местами женщины-коммерсанты были вынуждены выступать в роли арендаторов необходимых площадей. Так, в 1908 году от имени торгового дома «Алексей Зарывнов с сыновьями», представитель фирмы – Федор Алексеевич Зарывнов подписал с купчихой В.Н. Жаломской договор следующего характера: «...мы нижеподписавшиеся Торговый дом "Алексей Зарывнов с сыновьями" и оренбургская купчиха Валентина Николаевна Жаломская заключили настоящее до-

[187] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14281. Л. 3.
[188] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 6. Л. 315.
[189] Судоргина Т. Средства освещения сделались прибыльной отраслью торговли // Оренбургское время. 2006. 30 августа. С. 10.
[190] Цит. по: Судоргина Т. Средства освещения сделались прибыльной отраслью торговли... С. 10.

машнее условие в нижеследующем: я – Жаломская, сняла у Торгового дома "Алексей Зарывнов с сыновьями" в арендное содержание лавки, находящиеся в Оренбурге на главной рыночной площади в Казанско-Никольском ряду под №№ 3 и 12 с подвалом и верхом. Означенная лавка сдана на пять лет, считая от первого октября тысяча девятьсот восьмого года, с платою по одной тысяче руб. в год, что составляет за все пять лет – пять тысяч руб., каковую плату Жаломская обязуется вносить за каждые три месяца вперед, по двести пятьдесят рублей, под расписку на сем договоре»[191].

В оренбургском гостином дворе до его реконструкции собственными лавками владели купчихи Любовь Шерина и Анисья Путолова[192]. Купчиха же Авдотья Семенова из принадлежащей ей деревянной лавки торговлю не вела, а сдавала ее в аренду[193]. До середины 70-х гг. XIX столетия гостиный двор Оренбурга в архитектурном плане более походил на образец фортификационного искусства, чем на торговый центр. Выбор подобного строительного решения был обусловлен спецификой деловых контактов с представителями коммерческого мира Средней Азии и был вполне актуален до времени изменения условий оренбургской торговли. В статье М.М. Имашевой о первоначальной «миссии» гостиных дворов пограничных городов России, принимающих потоки иностранных предпринимателей, сказано, что изначально «гостиные дворы строились казной, но не собственно для торговли, а для складирования и хранения товаров приезжими купцами, как русскими, так и иностранцами, "в предупреждение утайки торговцами товаров для уплаты пошлины"»[194].

На тот момент Гостиный двор вряд ли возможно было считать чем-то вроде комплекса торговых точек для покупателей. Скорее, он был местом хранения товаров, центром заключения торговых сде-

[191] ГАОО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 5. Л. 92.
[192] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14181. Л 5–5 об.
[193] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14132. Л. 18 об.
[194] Имашева М.М. Гостиные дворы Астрахани в конце XVIII – первой половине XIX века как форма предпринимательства персидских купцов // Вектор науки ТГУ. 2015. № 1 (31). С. 145.

лок. Торговля была ориентирована, прежде всего, на самого коммерсанта, купца, но никак не на потребителя. Солидная публика редко заходила в эту цитадель коммерции, поскольку лавки, выходящие во внутренний двор, были труднодоступны от сваленных в нем тюков шерсти. Пространство двора было загромождено различными временными торговыми павильонами. Лавки были темны. Товары не были рассортированы и разложены для удобства покупателей — о наличии необходимой покупателю вещи и ее цене следовало спрашивать продавца. Цена на товары в лавках не указывалась. Опытный продавец «на глаз» определял платежеспособность покупателя и, исходя из этого, называл цену. Если цена покупателя не устраивала, он или торговался, или просто покидал лавку. Нельзя было понять качество товара «на ощупь», не испытывая давления со стороны продавца. В такой обстановке найти приличный товар практически не представлялось возможности. Заниматься коммерцией в таких условиях было очень неудобно.

Сдача в аренду торговых или жилых площадей также была распространенным видом бизнеса для женщин купеческого сословия. Известный оренбургский предприниматель греческого происхождения Александр Николаевич Захо содержал на Николаевской улице чайный и бакалейный магазин, который был расположен в доме, арендованном у купчихи Ладыгиной[195].

Во втором десятилетии XX века купчихе Е.И. Ивановой принадлежало несколько доходных домов, сдаваемых ею в аренду городским ведомствам и частным лицам. В заявлении от 12 декабря 1913 года говорилось: «Мы нижеподписавшаяся вдова потомственного почетного гражданина Евдокия Ивановна Иванова, с одной стороны, и Оренбургская Городская Управа с другой, заключили настоящий договор в том, что я — Иванова

[195] ГАОО. Ф. 10. Оп. 10. Д. 14. Л. 206 об.

сдала Оренбургскому Городскому Общественному Управлению в аренду собственно принадлежащий мне дом, находящийся в I части г. Оренбурга, на углу Перовской и Эссенской улиц, состоящий из двух этажей: нижний – под квартиру для оренбургского полицмейстера, и верхний под квартирование Оренбургского Полицейского Управления на следующих условиях: При означенном доме, мною – Ивановой, отводятся: чердачное помещение над снятым городом домом, помещение для прислуги Полицейского Управления, занимаемое ныне курьерами Губернского Распорядительного Комитета, погреб, конюшня, каретник, сеновал над двумя каретниками, два дровяника, теплая уборная в обоих этажах и ретирадное место во дворе. Срок аренды указанного дома со службами считается трехлетний – с 1 января 1914 года по 1-ое января 1917 года, с представлением городу права занимать означенный дом на тех же условиях по окончании арендного срока еще на четыре месяца»[196]. «Плата за аренду сдаваемого по сему договору дома со всеми перечисленными при нем службами, назначается в две тысячи семьсот рублей в год. За верхний этаж – 1500 руб. в год, и нижний – квартиру полицмейстера 1200 руб. в год»[197]. Также Евдокия Ивановна сдавала помещения управлению Ташкентской железной дороги[198].

У предпринимательницы было несколько объектов недвижимости, и, скорее всего, средств, поступающих от арендаторов, не хватало на обслуживание зданий и выплату налогов. Подобная ситуация привела к тому, что Иванова в 1916 году решилась на продажу двух принадлежавших ей домов в собственность города: один из домов во второй части на Кадетской площади за сумму в сто сорок тысяч руб., а другой, в первой части по Николаевской улице – за сумму в сто шестьдесят тысяч рублей[199]. Вырученные деньги купчиха планировала напра-

[196] ГАОО. Ф. 41. Оп. ·. Д. 1100. Л. 7.
[197] Там же. Л. 7 об.
[198] Там же. Л. 9.
[199] Там же. Л. 13.

вить на погашение долга Городскому Общественному банку. Задолженность перед финансовым учреждением составляла: за дом на Николаевской улице – 60 тысяч рублей, а за здание на Кадетской площади – 75 тысяч[200].

На рубеже XIX–XX веков заметную активность в этом виде бизнеса проявила Анна Николаевна Путолова. В одном из фондов госархива Оренбургской области сохранились договоры этой предпринимательницы с рядом физических и юридических лиц. В 1898 г. у оренбургского нотариуса было составлено заявление на сдачу в аренду правлению Общества Взаимного Кредита помещений в перешедшем к А.Н. Путоловой «на правах собственности от Прасковьи Петровны, Николая и Ивана Васильевичей Путоловых, каменном двухэтажном доме, состоящем в городе Оренбурге, первой части, на углу Троицкой улицы и главной рыночной площади, а именно: помещение для банка Общества взаимного кредита, две квартиры для артельщиков и три квартиры для швейцаров и сторожей, и находящиеся при доме: ледник, на котором находится чулан и сарай для склада дров и других надобностей...»[201].

В договоре подробно были прописаны права и обязанности участников сделки. Например, он фиксировал такое ограничение для квартиросъемщика: «...помещения для лошадей, коров и вообще домашнего скота, держать который на моем – Путоловой дворе, правлению Общества взаимного кредита или его служащим не дозволяется...»[202]. Арендодатель же, со своей стороны, принимал на себя обязанность обеспечить должный уровень комфорта в предоставленных комнатах. Помещения передавались арендующей стороне «...с моим – Путоловой отоплением всех помещений, за исключением лишь кухонных печей, сроком на пять лет... ценою с отоплением за одну тысячу восемьсот рублей

[200] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1100. Л. 14.
[201] ГАОО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 5. Л. 46.
[202] Там же. Л. 46.

в год, и за все время аренды – за девять тысяч рублей». Температура в помещениях в холодное время года должна была при нагревании составлять «не ниже 14–15 градусов тепла по термометру Реомюра» [11–12 градусов по Цельсию – авт.], причем пояснялось, что отопление в сданных помещениях устроено «посредством нагревания водою, т.е. так называемое водяное. Если сданные помещения не будут иметь показанной выше температуры тепла, то правление Общества Взаимного Кредита вправе отказаться от аренды таковых во всякое время, не ожидая истечения срока найма, и в этом случае я – Путолова не должна иметь к Обществу никаких претензий за отказ от аренды до срока»[203].

В 1901 году А.Н. Путолова сдала в аренду несколько торговых площадей коллегам-коммерсантам. Вот некоторые из составленных договоров. «Мы нижеподписавшиеся потомственная почетная гражданка Анна Николаевна Путолова и павловский купец Василий Алексеевич Еремин заключили договор: я – Путолова, сдала ему – Еремину, две каменные лавки с подвалами под ними, находящиеся на собственном своем месте под помещением ныне занимаемым банком Общества взаимного кредита под торговлю павловским товаром, то есть замками, кожами и т.п. Ценою мы договорились за тысячу триста рублей в год, сроком на три года. Устроенные в лавках разбор и прилавок, я Еремин, по окончании арендного срока, должен сдать в исправном виде. Ему– Еремину, предоставляется право приделать по его желанию разбор и полки с тем, чтобы по окончании арендного срока таковые остались в пользу Путоловой», – было прописано в одном договоре[204].

Следующее соглашение было подписано с крестьянином Х. Назмутдиновым: «...Анна Николаевна Путолова и крестьянин Царевококшайского уезда... Хайрутдин Назмутдинов, заключили настоящий до-

[203] ГАОО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 5. Л. 46.
[204] Там же Л. 48–48 об.

говор в нижеследующем: А. Путолова сдала Назмутдинову в арендное содержание, принадлежащую ей каменную лавку под № восемь, находящуюся под помещением Общества взаимного кредита в доме ее в первой части гор. Оренбурга, на главной рыночной площади, сроком впредь на три года, считая таковой с первого июля сего 1901 года, ценою по шестисот рублей за каждый год пользования...»[205].

У купчихи Путоловой было несколько объектов коммерческой недвижимости. Одно из зданий располагалось «...в Оренбурге на углу Троицкой улицы и Торгового переулка, находящийся по Торговому переулку под помещением магометанской харчевни, содержимой Магуманом Нигматуллиным...»[206]. В этом доме «...крестьянин Казанской губернии, Чистопольского уезда... Закир Хисамутдинович Гумаров...» взял в аренду подвальное помещение «...под торговлю фруктовыми товарами...»[207]. Срок пользования торговым местом составил три года и стоил Гумарову 450 рублей в год.

Примечательно, что некоторые документы были подписаны со стороны арендодателя «...в доме своем потомственным почетным гражданином Иваном Васильевичем Путоловым, действующим по доверенности жены своей Анны Николаевны Путоловой»[208]. Этот факт дает понять, что А.Н. Путолова вела свой бизнес независимо от мужа, и пользовалась правом самостоятельно заключать сделки, прибегая к услугам последнего в качестве доверенного лица.

Купеческие жены, которые занимались коммерцией независимо от своих мужей — имели возможность самостоятельно распоряжаться значительными суммами денег. Наличие свободных денежных средств позволяло купчихам участвовать в кредитно-финансовых операциях. К примеру, в 1914 г. жена лесопромышленника Федора Егоровича Попова, который числился в орском купечестве, выступила в качестве кредитора мещанина А.Д. Но-

[205] ГАОО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 5. Л. 50.
[206] Там же. Л. 51 об.–52.
[207] Там же. Л. 51 об.–52.
[208] Там же. Л. 50 об.

сачева. Орский нотариус Франц Михайлович Браун заверил договор двух сторон: «...орский мещанин Афанасий Дмитриевич Носачев и жена орского купца Анна Терентьевна Попова, жительствующие в городе Орск первой части в своих домах: Носачев на Мордовском валу, а Попова на Михаило-Архангельской площади... что они Носачев и Попова желают совершить закладную крепость на следующих условиях. Из них Афанасий Дмитриевич Носачев занял у Анны Терентьевны Поповой наличными деньгами четыре тысячи рублей из десяти процентов годовых сроком на восемь лет считая от сего числа с уплатою процентов по полугодиям и за каждое полугодие вперед. В обеспечение этого займа Носачев заложил Поповой свое, свободное от запрещения недвижимое имущество, состоящее в Оренбургской губернии в городе Орск первой части, на Мордовском валу в девяносто восьмом квартале под №№ четыреста сорок пятым и четыреста сорок шестым... на одном из участков располагался деревянный двухэтажный дом низ которого каменный, и один полностью каменный дом, и один деревянный амбар...»[209].

В итоге можно утверждать, что бизнес в Оренбургской губернии не был монопольным правом купцов мужского пола. Отсутствие на деловом уровне какой-либо дискриминации по половому признаку позволяло купчихам довольно комфортно устроиться на ниве предпринимательства и успешно развивать какие-либо направления коммерции. В городах Оренбургского края пореформенного времени проживало и осуществляло профессиональную деятельность значительное число женщин-коммерсантов. Являясь женами и дочерями местных предпринимателей, женщины, решившие посвятить себя торговому делу, перенимали опыт отцов и мужей, в результате чего управлялись с делами не хуже последних.

[209] ГАОО. Ф. 200. Оп. 1. Д. 17. Л. 2–2 об.

4.5. Домашняя прислуга

Женская прислуга в Оренбургской губернии пореформенного периода еще ни разу не становилась предметом научного обсуждения, причем, данное обстоятельство нельзя назвать региональной спецификой. Так, В.А. Временко в своей статье, посвященной домашней прислуге в дворянских семьях на рубеже XIX–XX вв., отмечает, что в последнее время, «казалось бы, все сколько-нибудь значимые в истории социальные группы подверглись самому пристальному изучению», «и только «лица, занятые в услужении», так и не попали на страницы научных книг»[210].

Сама Валентина Александровна посвятила женской прислуге целую серию своих публикаций[211], в которых исследовались вопросы взаимоотношений кухарок и горничных со своими хозяйками, их положение в доме, диапазон занятий, способы найма и другие аспекты повседневности данной категории женского населения. В основном рассматривались ситуации, происходившие с прислугой в дворянских семействах столичного региона. Тем не менее, обозначенные В.А. Временко проблемы были характерны для всех российских губерний.

Как отмечает Л.А. Самарина, в результате «отмены крепостного права существенно изменилось материальное положение русского дворянства, одновременно росло количество семей чиновников-мещан среднего достатка. Дворяне больше не могли содержать дорогостоящую квалифицированную прислугу» или пользоваться трудом лично зависимого от них крестьянства, «но и отказываться от услуг домашних работников они не хотели. Теперь дворяне искали дешевых и без специализации наемных рабочих». Одновременно рост числа и достатка мелких чиновников, предпринимателей подталкивал эти группы горожан к поиску собственной прислуги. В результате спрос на рынке домашних услуг значительно вырос[212].

[210] Временко В.А. Домашняя прислуга в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. № 1. С. 181–182.

[211] Временко В.А. Домашняя прислуга в дворянских семьях России во второй половине XIX начале XX в // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. № 1. С. 181–191; Ее же. «Дура в доме» – женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX – начала XX в. // Альманах гендерной истории «Адам и Ева». Москва, 2013. С. 241–273; Ее же. Женская домашняя прислуга в России второй половины XIX – начала XX в.: состояние здоровья и факторы профессиональнойзаболеваемости // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19. № 3–1. С. 37–40; Ее же. «Ничтожные» и «благородные»: общественная дискуссия о домашней прислуге накануне отмены крепостного права в России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 4. С. 82–89; Ее же. Организация найма прислуги в городах России во второй половине XIX – начале XX в. // Модернизация в России: история, политика, образование: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. СПб., 2014. С. 87–96; Ее же. Хозяйка на кухне: адаптационные практики в жизни российской дворянской семьи во второй половине XIX – начале XX в. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): мат-лы

С другой стороны, вторая половина XIX в. стала временем, когда женщины, в силу различных причин, вынуждены были включаться в трудовую деятельность вне рамок семьи. По словам И.В. Синовой, причины расширения профессиональной занятости женщин «заключались как в относительной дешевизне для хозяев женского труда и отсутствии с их стороны активных форм борьбы за свои права, бедственном уровне благосостояния низших слоев населения, что вынуждало всех членов семьи идти на заработки»[213]. Отсутствие специального образования приводило к тому, что представительницы слабого пола чаще всего устраивались на работу, сопряженную с привычными и знакомыми действиями — приготовлением пищи, уборкой, стиркой, присмотром за детьми. Как пишет В.А. Временко, «основной формой женского заработка оставалась работа в качестве прислуги, преимущественно домашней»[214]. Труд этот был часто тяжел физически и оплачивался крайне низко.

Если в дореформенный период, как справедливо отмечает В.А. Временко, специализация женского надомного труда «была достаточно широкой и включала более десятка различных самостоятельных "специальностей": экономка, кормилица и няня; кухарка; горничная; "девочка", выполнявшая мелкую подсобную работу; и значительная группа чернорабочих-женщин (прачки, уборщицы, подсобницы и т.д.)[215]», в пореформенную эпоху ситуация значительно изменилась. Число служанок в доме, как правило, сокращалось до 1–2. На плечи этих женщин теперь были возложены самые разные обязанности, объем их работы вырос многократно. Так, у акцизного челябинского чиновника К.Н. Теплоухова в доме находилась «бессменная нянька Настасья», горничная и «рябая кухарка Матрена из Мартыновки, — для ухода за скотом и птицей и — кормления» хозяина[216].

междунар. науч. конф., 16–18 марта 2017 г. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. С. 315–323.

[212] Самарина Л.А. «Мерзавцы все крали»: воровство среди домашней прислуги в россии второй половины XIX в. // История повседневности. 2017. № 1 (3). С. 77–89.

[213] Синова И.В. Профессиональная занятость горожанок во второй половине XIX — начале XX в.: от предпринимательства к государственной службе // Горожане и горожанки в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV-XXI веков. Мат-лы Одиннадцатой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород. В 2-х тт. Т. 1. М., 2018. С. 20.

[214] Женская домашняя прислуга в России второй половины XIX — начала XX в.: состояние здоровья и факторы профессиональной заболеваемости // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19. № 3–1. С. 37.

[215] Женская домашняя прислуга в России второй половины XIX — начала XX в. ... С. 37.

[216] Теплоухов К.Н. Мемуары ... С. 13, 15, 42.

По версии О.Б. Вахромеевой, характер деятельности женщин, состоящих на какой-либо службе, различался «крайним образом (например, на одной ступени стоял труд чиновниц, на другой – кухарок). Служащие, чье право на труд было определено в законах, имели перспективы карьерного роста (повышение разрядов и годового жалованья), что сказывалось на их стабильном уровне жизни. Напротив, постоянную нужду испытывали те, кто был вынужден, находясь на нижней ступеньке социальной лестницы, постоянно доказывать свое право на труд»[217].

Единственной работой иностранного автора, посвященной женской прислуге в пореформенной России, является монография А. Рустемейер «Прислуга в Петербурге и Москве, 1861–1917: истоки, будни, социальная роль». По словам А.Р. Клоц, «Рустемейер признает, что институт домашней прислуги в России оставался "бастионом доиндустриального общества"... в котором сохранялись патриархальные отношения, характерные для эпохи крепостного права»[218].

Из-за возросшего спроса на прислугу, в пореформенный период женский труд в сфере обслуживания приобрел весьма заметные масштабы. Больше половины поденщиц и прислуги сосредотачивалось в Оренбурге (2 863 чел. от общего числа в 5 433 чел.). Однако по исследуемому параметру Оренбург находился далеко не на первом месте в регионе. В Челябинске, к примеру, женская прислуга составляла почти половину от самозанятых женщин. Город был крупным переселенческим пунктом, через который огромные массы народа шли дальше, в Сибирь. Женщины-переселенцы, в силу различных обстоятельств, иногда оставались на жительство в местах транзитных остановок, не имея средств или возможностей двигаться дальше. Неграмотные бывшие крестьянки не видели

[217] Вахромеева О.Б. Социально-экономическое положение женщин в Санкт-Петербурге в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дисс. ... д.и.н. СПб., 2009. С. 9.

[218] Клоц А.Р. Домашняя прислуга как объект исторического исследования в англоязычной историографии второй половины XX века // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 3 (17). С. 78.

для себя в городе больше никакой работы, кроме как пойти в прислуги, или, на совсем худой конец, в проститутки. В то же время, прибывшие из деревень женщины, с трудом адаптировались к условиям городской жизни. Им требовалось довольно много времени для того, чтобы овладеть навыками перемещения в городе, общения с различными городскими структурами (магазины, почта и пр.), приспособиться к городскому быту.

Так, в сочинении «Переселенцы и новые места» В.Л. Кигн-Дедлова говорилось о переселенке, служившей прислугой – «уродливой бабе» Ильинишне, которая ушла с мужем из родных мест где-то на Тамбовщине. Прислугой Ильинишна, по словам Кигн-Дедлова, была дрянной. Она, как и ее «коллега» Исак, «вечно где-то отсутствовали или всегда были чем-то заняты. Нужно послать на почту – Исак рубит мясо для кур. Велишь закрыть ставни – Ильинишна ушла полоскать белье. Кроме того, оба были или притворялись дурковатыми...»[219].

Еще одна девочка-подросток – Ольга Самохина – была дочерью переселенца. Отец пил, и для того, чтобы хоть как-то сводить концы с концами, девочку устроили прислугой, нашли ей место няньки. Но когда пришла пора получать жалованье, «явился папенька Ольги. Мужик высокий, сухой, в рваной куртке, на ногах опорки, на голове гимназическая фуражка. И добродушный в сущности мужик, но беспробудный пьяница». Он затребовал деньги себе, а когда ему отказали, «он выбил в кухне окна и погнул самовар. Ольгу, разумеется, отправили, и она вернулась в переселенческий дом»[220].

Как отмечает в одной из своих статей Е.Г. Подгайко, «большинство домашней прислуги (за исключением гувернанток) рекрутировалось из крестьянок, приехавших в город в поисках заработка, либо из представительниц городских низов»[221].

[219] Дедлов (Кигн) В.Л. Из поселков в Троицк ... С. 76.
[220] Дедлов (Кигн) В.Л. Курьезы // Дедлов (Кигн) В.Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб., 1894. С. 173–174.
[221] Подгайко Е.Г. «Немые и забытые» ... С. 61.

Возраст прислуги зависел от функций, которые она должна была выполнять: кухарками чаще устраивались женщины в возрасте, имевшие опыт приготовления пищи в городских условиях, горничных подыскивали среди молодых женщин и девушек, а няньками могли быть и совсем юные девочки.

В столице губернии спрос на прислугу зачастую превышал предложение, что крайне негативно сказывалось на ее отношении к своим обязанностям. Как писал М. Михайлов, «главное неудобство здешних семейных квартир то, что кухни помещаются на другом конце двора, где прислуга, *крайне здесь избалованная* [выделено нами – авт.], живет по-своему. На подобных заочных кухнях постоянные сборища всякого сброду»[222]. Ему вторил Ф.И. Лобысевич: «Захотите иметь повара, кухарку, лакея, кучера не пьяниц – останетесь только при одном желании – таковых у нас не имеется»[223].

В Верхнеуральске в середине 1860-х гг. наем кучера или дворника обходился в 2–3 руб., «стряпки от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. и более», но наем прислуги, по словам современника, был «часто затруднителен, исключая кучеров, которых можно нанимать из башкир; женская же прислуга более состоит из казачек и горно-заводских крестьянок»[224].

В Орске в 1870 г., по словам Р.Г. Игнатьева, «в числе находящихся в услужении (в денщиках, кучерах, лакеях, горничных, кухарках, нянька) находятся солдаты, их жены и дочери, мещане и крестьяне с их семействами». К числу поденщиц относилась 61 женщина, «занимающиеся мытьем полов и стиркою белья»[225].

В своих «Челябинских впечатлениях» А.М. Нечаева также сетовала на трудности с поиском хорошей прислуги. «Еще для комнатных услуг можно найти деревенскую девушку и приучить ее к домашним работам. Кухарок же положительно нет. Кто хочет иметь хороший стол, тот должен выпи-

[222] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 28.
[223] Лобысевич Ф.И. Город Оренбург ... С. 20.
[224] Игнатьев Р.Г. Верхнеуральск ... С. 130.
[225] Игнатьев Р.Г. Однодневное исчисление жителей г. Орска ... С. 143.

[226] Нечаева А.М. Челябинские впечатления ... С. 237.
[227] Оренбургская газета. 1901. № 1287. С. 5.

сывать кухарку из Петербурга или обречь себя на произвол местной «стряпки», которая грозит каждый момент вас покинуть, если вы не исполняете всех ее капризов. Кухарки – вот кто может иметь в Челябинске благородный заработок и постоянные места за отсутствием конкурентов», – писала Нечаева[226]. В оренбургских газетах часто можно было встретить такое объявление: «Требуется КУХАРКА (пожилая), хорошо знающая свое дело. Жалованья 8 руб. в месяц»[227].

Кухарки среди прислуги вообще находились в привилегированном положении. Найти хорошую стряпуху среди прибывших из деревень женщин было проблематично, поскольку способы приготовления пищи в деревне и в городе сильно разнились. В деревнях еда готовилась в основном в печах, путем томления. В городе же кухарке требовалось освоить плиту и соответствующие способы готовки – варенье, жаренье. К.Н. Теплоухов, рассказывая в своих мемуарах о своей жизни в Челябинске, писал, что кухарка Матрена «плени-

Заготовка капусты на зиму. Оренбургская губерния. Начало XX в.

ла жену добродушием, умением ходить за скотом, но кухаркой оказалась неважной. В первый самостоятельно приготовленный обед после супа подала жареную телятину, густо посыпанную сахаром, – "чтобы слаще было!"...»[228].

Как отмечала Е.Г. Подгайко, практически во всех газетах, выходивших в городах Оренбургской губернии, наиболее частыми были объявления с предложением работы именно для поварих: «Нужна опытная здоровая кухарка за хорошее вознаграждение» (Верхнеуральск), «Нужна кухарка 40–45 лет, умеющая самостоятельно готовить» (Троицк), «Нужна кухарка на хорошее жалование. Без рекомендаций о прежней службе не приходить» (Орск) «Кухарка-повариха трезвая нужна!» (Троицк)[229].

Прасковья Александровна Крючкова, супруга одного из жителей Оренбурга, даже принялась обучать девушек из бедных семей высокому поварскому мастерству в открытом в 1899 г. Народном доме. Девушки учились хорошо готовить завтраки, обеды, ужины, сервировать стол. Кроме того, Крючкова была автором и создателем большого количества кулинарных рецептов, которые проверялись на практике в общественной столовой, открытой при Народном доме. Обеды были недорогими, но сытными. Продукты привозили крестьяне со своих подворий, продавая их по невысоким ценам, либо в порядке благотворительности их передавали вообще безвозмездно. В общественной столовой было особенно многолюдно, когда воспитанницы Прасковьи Александровны устраивали показательные конкурсы на лучшее блюдо[230].

Обучать искусству кулинарии зачастую требовалось не только будущих кухарок, но и самих хозяек дома. Так, в мемуарах К.Н. Теплоухова был зафиксирован момент, когда его супруга «осканда-лилась» за дружеским ужином. «На ужин она купила рябчиков и осетрины, но ... рябчиков – уже

[228] Теплоухов К.Н. Мемуары ... С. 42.
[229] Подгайко Е.Г. «Немые и забытые» ... С. 63.
[230] Народный дом [Электронный ресурс] URL: https://56stroyka.ru/narodnyiy-dom/ (дата обращения: 25.10.2019).

зажаренных — перед ужином утащили собаки, а осетрина оказалась непроваренной ...»[231].

Значительная доля женской прислуги (37,3 %) в Оренбургской губернии были девочками и девушками в возрасте до 19 лет[232]. Преимущественно молодой возраст прислуги, неизбежно, приводил к тому, что многие из них подвергались сексуальным посягательствам со стороны хозяев-мужчин.

Так, к примеру, жительница Орска Екатерина Аристарховна Афанасьева, объясняя в консистории в рамках бракоразводного процесса с мужем, орским мещанином Иваном Максимовичем Афанасьевым, причины своего прелюбодеяния показывала, что к своему нынешнему сожителю, орскому купеческому сыну Даниле Николаевичу Мелехову она сначала «поступила в стряпухи, после того, как выгнал меня муж, а потом я стала с ним жить и прижила от него ребенка»[233]. Другая женщина, жена троицкого мещанина Хрисанфа Моисеевича Старосельцева Устинья Васильевна, вступила в «любовную связь» с крестьянином Андреем Столбовым, когда шила на заказ ему рубашки, а, работая стряпухой в пивной лавке «бессрочно-отпускного рядового из крестьян» Петра Андреева, вела «самую разгульную жизнь тут же в пивной действительно имела прелюбодейную связь с разными мужчинами русскими и татарами»[234].

В 47 номере журнала «Огонек» за 1908 год были опубликованы рассуждения г-жи Н.Б. Северовой (литературный псевдоним Натальи Нордман, невенчанной жены Ильи Репина) о жизни домашней прислуги в Российской империи начала XX века. Наряду с различными сторонами жизни «кухарок, горничных и лакеев», автор остановилась и на проблеме вольного обращения хозяев со служанками: «Когда мы прикажем, наша молодая горничная должна подавать мыться нашим мужьям и сыновьям, носить им в кровать чай, убирать их постели,

[231] Теплоухов К.Н. Мемуары ... С. 18.
[232] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 106–107.
[233] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8791. Л. 16.
[234] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8672. Л. 58 об., 72 об.

помогать одеваться. Часто прислуга остается с ними совсем одна в квартире и ночью по возвращении их с попоек снимает им сапоги и укладывает спать. Все это она должна делать, но горе ей, если на улице мы встретим ее с пожарным. Но горе ей еще больше, если она объявит нам о вольном поведении нашего сына»[235].

Изложенные факты подтверждаются и В.А. Веременко, которая утверждала, что в результате преследований со стороны хозяина дома, его взрослого сына, гостей или кого-то из слуг-мужчин «бывшая прислуга составляла до половины легальных проституток, а продолжавшие служить – до половины тайных»[236]. В 1889 году Центральный статистический комитет МВД организовал перепись легальных проституток в рамках всей России. Собранная информация вскоре была издана. Таблица 20 этого статистического издания, посвященная роду занятий женщин до их обращения к проституции, свидетельствовала, что в Европейской России большинство из них (46 %) работали домашней прислугой[237].

Однако автор фельетона «Господа и прислуга», опубликованного в «Оренбургской газете» в 1901 г.[238], утверждал, что девушка-прислуга, как правило, вступала на путь порока добровольно. В Оренбурге «горничные все склонны и жаждут любви, а потому, что ни делайте, но уж это их судьба», – писал Ф.И. Лобысевич[239]. Один из оренбургских обывателей констатировал, что из четверых кухарок, смененных им за три года, «ни одна не жила со своим мужем, но зато все они жили с чужими мужьями»[240].

Служанка, по мнению журналиста «Оренбургской газеты», могла подвергнуться насилию только там, «где прислуга не одна, а имеются в наличности кучера, лакеи, дворники и т.д., или наконец там, где прислуга-девушка живет у одинокого холосто-

[235] К-в. Раскрепощение прислуги // Огонек. 1908. № 47.
[236] Веременко В.А. Женская домашняя прислуга в России. С. 39.
[237] Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. СПб., 1890. С. 74.
[238] Оренбургская газета. 1901. № 1281. С. 2–4.
[239] Лобысевич Ф.И. Город Оренбург... С. 20.
[240] Оренбургский край. 1892. № 4. 20 декабря.

го человека или в №№ разных отелей и гостиниц, с массой приезжей публики, среди которой немало попадается людей совершенно безнравственных, или таких, которые смотрят на номерную женскую прислугу, как на людей, потерявших уже честь, а потому и легко соблазняемых деньгами и подарками»[241].

При этом сама прислуга требовала к себе отношения весьма нежного. Автор уже упомянутого выше фельетона утверждал, что «бить прислугу теперь совсем уж невыгодно, во-первых, она тотчас же очистит место, во-вторых, может сама дать сдачи, и в-третьих — господа гораздо более нуждаются в прислуге, чем последняя в господах». Современная оренбургская прислуга уходила от хозяев, чаще всего, потому, что была «очень уж *скучлива*». Одна «любит веселое общество, — другая семейные скандалы, — и если этого нет — прислуга скучает и ищет развлечения там, где это для нее доступно: напр. в обществе своих же товарок или лакеев, кучеров и т.д.»[242].

Современная автору фельетона прислуга была очень далека от идеала. «С глубоким сожалением вспоминаем мы теперь об исчезнувшем типе прежнего верного слуги, душою стоявшего за своих господ, — сетовал автор. — Иногда, среди беспорядочной толпы современной наемной челяди, жадной до подарков и свободной от законов совести, изредка попадается прежний крепостной человек, с сохранившимися еще привычками к прежней дисциплине. С какой жадностью ухватываемся мы за этого человека, все еще помнящего, как говорится, страх Божий!»[243].

26 августа 1903 г. в «Оренбургской газете» в разделе «Смесь» была опубликована рекомендация на кухарку, озаглавленная «Аттестат кухарки Анфисы». Рекомендация давалась от имени титулярного советника Ф. Луковицына и содержала в себе

[241] Оренбургская газета. 1901. № 1281. С. 2.
[242] Там же. С. 2.
[243] Там же. С. 2.

следующий текст: «Проживающая у меня Анфиса Морковкина отличалась благонравием и исполнительностью. Пила ежедневно отнюдь не больше полуштофа [около 0,6 литра – авт.] Наживала при покупке провизии только законные двенадцать процентов. Замечания о плохом качестве пищи "со стола" делала вполне основательно, хотя, получая ограниченное содержание, я не мог расходовать на кушание большой суммы. Детям иногда делала внушение действием, но каждый раз заслуженно. Моим чаем и сахаром пользовалась в самых скромных размерах, снабжая оными только одного "кума". Разбила до двух дюжин тарелок, но не по своей вине, а единственно по причине хрупкости тарелок. Нанесла оскорбление моей жене, но как выяснилось, в состоянии извинительного раздражения, под влиянием мигрени. Жила у меня четыре месяца, но принуждена была отказаться, так как страдает легкой отдышкой, а делать подъемную машину я был не в состоянии»[244].

По воспоминаниям Екатерины Александровны Дегтяревой (бабушки одного из авторов), представительницы оренбургской купеческо-мещанской семьи Дегтяревых, в семье ее тетки – Веры Дмитриевны Дегтяревой, обращение прислуги с хозяйкой было весьма вольным. Время от времени между Верой Дмитриевной и ее горничной Малашкой вспыхивали ссоры, во время которых обе женщины выясняли отношения на повышенных тонах. И, как утверждала Екатерина Александровна, неизвестно, кто из них кричал громче.

В уже упоминаемой ранее статье журнала «Огонек» 1908 г. был приведен весьма интересный диалог, объясняющий подобное поведение прислуги: «– Как же это возможно, чтобы не окрыситься, – говорила мне другая более опытная кухарка. – Без того, никак нельзя. Как это ожгешь барыню словцом, так и отступится. А то хуже лошади загоня-

[244] Оренбургская газета. 1901. № 1287. С. 4.

ет»[245]. Следует признать тот факт, что оренбургская прислуга часто помыкала собственными хозяевами и держала их в ежовых рукавицах. Встречались и случаи воровства служанками у собственных хозяев. Ряд таких примеров был приведен в статье Е.Г. Подгайко[246].

Российская интеллигенция на рубеже веков стала активно интересоваться проблемами рабочего люда и заниматься вопросами его бытового и нравственного благополучия. В то же время прислуга смотрела на это, скорее, как на «излишнюю барскую затею господ, и вместе с тем хорошо зная, что господа физически малоспособны для чернорабочего труда», эксплуатировала «своих господ как только ей угодно!». «Попробуйте-ка не отпустить прислугу, когда она настоятельно того требует? И вы останетесь без прислуги, потому что ни тяжелое семейное положение, ни какие просьбы, не остановят уход прислуги, раз она заблагорассудила переменить место. Теперь скорее живут в прислугах дольше там, где господа махнули на все рукой, ни во что не вмешиваются и только просят прислугу возвращаться домой поскорее и в приличном виде», – констатировал автор[247].

Прислуга бросала своих хозяев в «самую тяжелую минуту», беспричинно требовала большего жалования, отдельного помещения для проживания, в то время, как «сами господа-наниматели жмутся в тесных комнатах, платя однако безобразно высокие цены, в особенности в настоящее время в Оренбурге»[248]. Не брезговали служанки и другими приемами «кухонных войн» – мелким воровством продуктов, утайкой части денег от сдачи с покупок, плохим исполнением своих обязанностей и т.п.[249]. Требовалось непрерывно контролировать кухарок и горничных, чтобы они не потратили лишнюю хозяйскую копейку или не воспользовались хозяйскими вещами. По этой причине в конце XIX – начале

[245] К-в. Раскрепощение прислуги // Огонек. 1908 № 47.
[246] Подгайко Е.Г. «Немые и забытые» ... С. 68.
[247] Оренбургская газета. 1901. № 1281. С. 3.
[248] Там же. С. 3.
[249] Временко В.А. Домашняя прислуга в дворянских семьях России во второй половине XIX начале XX в // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. № 1. С. 189.

XX века было издано множество пособий и руководств для домашних хозяек. В одном из них автор утверждал, что при помощи его книги «вы нисколько не станете зависеть от произвола наемной кухарки, а вам будет нужна только женщина, которая точно бы исполняла ваши приказания. Средство для этого постоянное наблюдение хозяйки за кухаркою...»[250].

Горожане, пользующиеся услугами домашних работниц, искали пути выхода из сложившейся ситуации. Автор все того же фельетона предлагал целый комплекс мер, направленных на упорядочение взаимоотношений хозяев и прислуги. В перечень того, что необходимо сделать, входила организация прислуги в особую корпорацию, установление за ней специального надзора, создание конторы для найма прислуги, документальное фиксирование условий найма. За недобросовестное выполнение этих условий предполагался штраф виновного — как прислуги, так и хозяина. За преступление «против чести и имущества своих господ» прислуга должна была отвечать по законам, которые «несомненно должны быть строже, чем для прочих»[251].

В 1908 г. в Оренбурге была создана справочно-посредническая контора по найму рабочих и служащих. В нее можно было обратиться любому, кто нуждался в работе, начиная с 15 лет. Предпочтение при устройстве отдавалось семейным. Поиск места велся в течение месяца, а затем его следовало возобновлять через новый запрос[252]. С 23 сентября по 31 декабря за местом в контору обратились впервые 325 человек и 3 повторно, из которых мужчин было 176, женщин — 152. Женщины искали место прислуги (139 чел.), швеи или портнихи (4 чел.) и «интеллигентного труда» (9 чел.). Нашли себе работу 26 женщин[253].

В художественной литературе образы женской прислуги встречаются нечасто. В основном это

[250] Коломийцова Н.А. Необходимая настольная книга для молодых хозяек. Общедоступный дешевый и вкусный стол, 654 рецепта общеупотребительных постных и скоромных блюд. 3-е изд. СПб., 1891. С. VIII.

[251] Оренбургская газета. 1901. № 1281. С. 4.

[252] Отчет о деятельности санитарно-благотворительных попечительств г. Оренбурга в 1907 году, т.е. за первые 10 месяцев их существования. Оренбург, 1908. С. 119.

[253] Отчет о деятельности санитарно-благотворительных попечительств г. Оренбурга ... С. 26.

наперсницы своих хозяек, посвященные в ее любовные интриги. Более подробное описание этой категории работающих женщин можно встретить в довольно неожиданном месте. Интереснейшая повесть Дины Бродской «Марийкино детство» была написана в начале 1930-х гг. Однако возраст автора позволяет предположить, что книга опиралась на ее детские воспоминания. Так, в книге речь идет о живущей в одном из городов Полтавской губернии девочке Марийке, дочери бедной прислуги Поли и еврея-часовщика Соломона Михельсона, умершего за шесть месяцев до ее рождения.

На страницах повести можно обнаружить различные категории прислуги — няньку, поденщицу, «прислугу за все», горничную. Они жили в различных условиях, выполняли разный объем работы, к ним предъявлялись разнообразные требования. Обязанности няньки были не сложными, но тяжелыми физически. Работа нянькой в деревне не предполагала особого протокола для воспитательных практик. По словам автора, она «таскала на руках крестьянских ребят, набивала им рты жеваным хлебом и, если они орали, забавляла их тарахтелками из свиного пузыря, в котором гремели камешки»[254]. Главное, чтобы дети, ей порученные, были под присмотром, пока их родители работали в поле.

Горничные находились в привилегированном положении — они были хорошо одеты («маленькая чистенькая женщина в передничке с кружевцами»[255]), приближены к хозяевам дома и считали себя почти членами семьи. Как писала Бродская, горничная Катерина «обожала доктора так же сильно, как ненавидела его жену. Служила она у доктора Мануйлова тринадцать лет и в письмах к нему подписывалась: "Ваша раба Катерина Шишкова". Катерина любила вспоминать те времена, когда доктор был еще не женат и она три года заправляла всем домом, как полная хозяйка»[256].

[254] Бродская Д. Марийкино детство. М., 1956. С. 9–10.
[255] Там же. С. 4.
[256] Там же. С. 6–7.

Обязанности горничных были не слишком обременительны, в отличие от поденщиц, вынужденных выполнять самые грязные работы – «стирать пропитанное заводской копотью белье, отчищать заскорузлые кастрюли, отскабливать затоптанные, заплеванные полы»[257].

Положение «прислуги за все» тоже было незавидным. Ее рабочий день продолжался до 20 часов, а в обязанности входило приготовление пищи, прислуживание хозяевам за столом, содержание в порядке одежды и обуви, походы на базар за продуктами и в лавки за газетами или папиросами, уборка комнат, встреча хозяев и гостей после ночных увеселений и пр. «"Будильника то нет, так поминутно с 4-х часов просыпаешься, боишься проспать". [...] К 12 часам ног не слышишь, ткнешься на плиту, только заснешь – звонок. Одна барышня домой вернулась, только заснешь, кадет с балу, и так всю ночь, а в шесть то вставать – битки рубить», – описывала свой день молодая девушка-прислуга[258].

В зажиточных домах между слугами существовало разделение обязанностей. Горничная обеспечивала комфортный быт своих хозяев, выполняя мелкие домашние работы – помогала хозяевам с туалетом, следила за состоянием одежды, накрывала на стол, занималась ежедневной уборкой. Кухарка была ответственна за приготовление пищи. Няня присматривала за детьми. Как пишет в одной из своих статей В.А. Веременко, «умелая прислуга, как правило, была дорогой и специализированной. Требуя за свой труд значительной оплаты (7–8 р. – горничная, 10–12 р. – кухарка, а взятая к нескольким разновозрастным детям няня – до 20 р. в месяц), она соглашалась выполнять только строго определенные функции. На работу же «одной прислугой» нанимались большей частью те, кто не обладал достаточным уровнем квалификации ни в одной из сфер»[259].

[257] Бродская Д. Марийкино детство ... С. 13–14.
[258] К-в. Раскрепощение прислуги // Огонек. 1908 № 47.
[259] Веременко В.А. Хозяйка на кухне: адаптационные практики в жизни российской дворянской семьи во второй половине XIX – начале XX в. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): мат-лы междунар. науч. конф., 16–18 марта 2017 г. СПб., 2017. С. 318.

Если служанка плохо готовила обеды — это была еще половина беды. Гораздо опаснее была неспособность обслуги управиться с хозяйскими детьми. В «Оренбургской газете» за 1901 г. был размещен ряд объявлений, сообщающих о потребности семейств в няньках и гувернантках. Так, в одном из них требовалась «пожилая женщина или даже старушка к двум детям-девочкам. Жалованье 5 руб. Адрес в редакции. Нужны рекомендации»[260]. «Ищут немку гувернантку, приходящую для занятий с детьми. Введенская ул.», — сообщали в другом объявлении[261].

Хотя автор уже упоминаемого фельетона соглашался, что на «действительный и святой труд, каковым является нянченье детей — охотниц совсем мало!»[262], тем не менее он же констатировал, что «прислуга нередко жестоко обращается с детьми, во время отсутствия родителей и подобные безобразные сцены нередко происходят на улицах». В качестве контрмеры следовало «надзор за нянь-ками» поручить специальным «надзирателям или даже полиции»[263]. Примером мог служить Саратов, где полицмейстер издал специальный указ: «Ввиду часто повторяющихся случаев, когда няньки позволяют себе дерзко обращаться на улице с отданными им на попечение детьми, предписываю гг. Приставам вменить в обязанность полицейским чинам надзор за прислугою, гуляющей с детьми и, в случае подобного обращения с ними, велено узнавать фамилию прислуги, а также и фамилию хозяев, у которых она живет. О каждом подобном случае мне докладывать для сообщения родителям»[264].

В итоге ситуацию, сложившуюся на рубеже XIX—XX вв. в отношениях между прислугой и хозяевами, можно охарактеризовать как тихую войну. Как отмечалось в прессе начала XX века, в этой «непрерывной войне у домашнего очага, которую ведут обе эти враждебные стороны, нет победите-

[260] Оренбургская газета. 1901. № 1116.
[261] Оренбургская газета. 1901. № 1251.
[262] Оренбургская газета. 1901. № 1281. С. 2.
[263] Там же. С. 4.
[264] Там же. С. 4.
[265] К-в. Раскрепощение прислуги // Огонек. 1908 № 47.
[266] Голосенко И.А., Голод С.И. Социологические исследования проституции в России (история и современное состояние вопроса). СПб., 1998.
[267] Нижник Н.С. Государственный надзор за проституцией Российской империи второй половины XIX — начала XX века // Вестник № 2. Челябинский институт экономики и права. Челябинск, 2002. С. 125—144; Зюбан М.Н. Государственная регламентация занятий проституцией в Российской империи: середина XIX столетия — 1917 г. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2008. № 2. С. 74—77; Тарасова И.А. Эволюция форм государственного контроля за проституцией в Российской империи (XVIII — начала XX в.) // Евразийское Научное Объединение. 2016. Т. 1. № 4 (16). С. 58—62.

лей: развращающее влияние крепостничества гнетет и порабощенных и поработителей. Первые чувствуют себя окруженными врагами, вторые мстят за унижение хитростью и предательством»[265]. Выход из этой войны был возможен только через четкое законодательное определение прав и обязанностей прислуги, в результате чего между прислугой и хозяевами должны были установиться понятные и вполне определенные правовые отношения, исключающие произвол как с одной, так и с другой стороны.

[268] Мартыненко Н.К. К вопросу истории морфологии одного из девиантных социальных институтов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2015. № 4 (19). С. 231–241.

4.6. Занятие проституцией

В последнее время проблема проституции в Российской империи в конце XIX века неоднократно становилась предметом научного исследования. Современные авторы опирались на многочисленные работы врачей, журналистов, экономистов, социологов, писателей второй половины XIX – начала XX века по данной теме, предваряя свои монографии фундаментальными историографическими обзорами[266]. Однако, преимущественно, это асоциальное явление рассматривалось с позиций государственного контроля, регламентации и противодействия его распространению[267]. Н.К. Мартыненко в своих работах исследовала проституцию как социально-девиантный институт, опираясь как на данные официальной статистики, так и на публицистику начала XX века[268].

Дореволюционная открытка

Хотя в историографии имеются и иные подходы к проституции, например, ее изучение в качестве специфической структурной единицы социально-сервисной сферы городов Забайкалья на-

чала XX в.[269]. В 2014 году в Казани вышла книга С.Ю. Малышевой[270]. В ней автор на примере Казани с опорой на архивные источники исследовала проблемы влияния проституции на становление и изменение городской повседневной и досуговой культуры второй половины XIX – начала XX вв., пыталась определить, какое место проституция занимала в культуре повседневности города и как сопрягалась с социальной реальностью городского общества в целом.

Изучение же проституции в качестве сферы профессиональной занятости городских жительниц еще не предпринималось, ни в территориальных рамках империи, ни отдельных ее регионов. Хотя, в одной из статей, посвященных проституции в современном обществе, можно встретить понимание проституции, как «особого типа неформальной, но институциализированной занятости»[271]. Кроме того, в диссертации ... подчеркивалось, что «многие публичные женщины сознательно выбирали проституцию как способ заработка и образ жизни»[272].

К глубокому изучению и научному обсуждению заявленной проблемы российские историки обратились лишь в постсоветский период, когда с исторической науки были сняты идеологические ограничения. Был издан ряд монографий, в которых авторы анализировали проституцию конца XIX – начала XX в. как весьма распространенное социальное явление. Был даже предложен некий социальный портрет жрицы любви. Так, например, «петербургская "билетная" проститутка на рубеже XIX–XX вв. – это женщина в возрасте 25 лет, провинциалка, проработавшая "жрицей любви" около 6–7 лет, как правило, один-два раза перенесшая венерическое заболевание и получающая за свои разовые услуги в среднем от 30 коп. до 1 руб. 50 коп., в целом существо сентиментальное и истерическое, часто хроническая алкоголичка»[273].

[269] Паликова Т.В. «Торговля позором», или «Заведения наслаждения»: дома терпимости в социально-сервисной сфере городов Забайкалья в начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 2. С. 38–52.

[270] Малышева С.Ю. «Профессионалки», «арфистки», «любительницы»: публичные дома и проститутки в Казани во второй половине XIX – начале XX века. Казань, 2014.

[271] Крупец Я.Н., Нартова Н.А. Переопределение границ между трудом, удовольствием и насилием: секс-работа как особый вид неформальной занятости // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 4. С. 537.

[272] Подгайко Е.Г. Повседневная жизнь женщин в городах Южного Урала в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис.... канд. ист. наук. Челябинск, 2013. С. 18.

[273] Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М., 1994.

Многие авторы отмечают, что кроме зарегистрированной проституции в России на рубеже XIX–XX вв. существовала скрытая проституция, не подлежавшая регистрации и надзору. Как отмечает, к примеру, П.А. Сунгуров, основной «контингент лиц, занимавшихся данным занятием, составляли женская прислуга в гостиницах, трактирах, пивных и меблированных комнатах, женская прислуга в банях, женские оркестры, хоры и отдельные певицы ресторанов и клубов»[274]. Значит число женщин, занимающихся этой деятельностью, значительно превышало официальные данные. Тем не менее, как отмечалось еще в начале XX века, ошибочно было бы думать, что «большинство жертв заманивается в дом терпимости обманом, под предлогом найма на службу в горничные, компаньонки, конторщицы. Неправда. Большинство туда идет, хотя с отчаянья, но вполне сознательно, понимая, куда и зачем они идут»[275].

Основными объективными причинами, толкающими женщин на торговлю собой, авторы традиционно называли усиление пролетаризации населения, невозможность для женщины заработать на жизнь честным трудом, наличие социальных институтов, обусловливающих безбрачие значительной части мужчин молодого возраста (например, армия), скученность населения в больших городах, интенсификацию внутренней и внешней сети коммуникаций[276].

Для многих женщин «проституция являлась одной из стратегий выживания в условиях дешевизны женского труда, отсутствия контроля и поддержки со стороны общества, ломки привычных устоев жизни и потери нравственных ориентиров»[277].

Однако, исследователи также отмечали, что для некоторых женщин «публичный дом и "желтый билет" означал хоть какое-то подобие свободы, права самостоятельно выбирать жизнь и судьбу»[278]. Пере-

[274] Сунгуров П.А. Проституция в сибирских губерниях (конец XIX – начало XX вв.) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 6. С. 110.
[275] Бентовин Б.И. Торгующие телом: Очерки современной проституции. М., 1907. С. 21.
[276] Голосенко И.А., Голод С.И. Социологические исследования проституции в России С. 34
[277] Подгайко Е.Г. Повседневная жизнь женщин в городах Южного Урала в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис.... канд. ист. наук. Челябинск, 2013. С. 19.
[278] Малышева С.Ю. «Профессионалки», «арфистки», «любительницы»: проститутки в российском провинциальном городе второй половины XIX – начала XX в. // Клио. 2012. № 3 (63). С. 73.

ездом из деревни в город, смена тяжелого сельского труда на «легкую» работу проститутки с невиданной ранее оплатой, соблазны в украшениях и одежде также могли способствовать вступлению женщины на путь разгульной жизни[279]. Высокий процент незамужних женщин-проституток свидетельствовал о том, что «неустроенность семейной жизни была еще одним фактором, толкающим женщин на подобное занятие»[280].

О том, что проституция рассматривалась женщинами именно как работа, как средство заработка пишет В.Б. Безгин: «Создание разветвленной сети железных дорог, соединившей многие крупные города империи, поддерживало постоянный приток в город сельских женщин в поисках работы. Большая часть молодого женского населения из разоренной деревни не могла найти сносную работу или устраивалась без достаточного денежного довольствия, что автоматически толкало на рынок сексуальных услуг»[281]. Так, именно нужда в деньгах, самостоятельном источнике дохода являлась превалирующей для женщин мотивацией в данной сфере.

Дореволюционная открытка

В середине XIX века в России занятие проституцией было легализовано как в форме деятельности различных «домов терпимости» и «домов свиданий», так и в форме индивидуальной деятельности. В ряде крупных городов Российской империи были созданы Врачебно-полицейские комитеты для надзора за состоянием здоровья публичных женщин. В 1889 году Центральный статистический комитет МВД организовал перепись ле-

[279] Голосенко И.А., Голод С.И. Социологические исследования проституции в России ... С. 37.
[280] Рамазанова Г.Р. Социальные девиации в городах Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1 (216). История. Вып. 43. С. 44.
[281] Безгин В.Б. Русская деревня конца XIX – начала XX века: грани крестьянской девиантности (Часть 2) // Genesis: Исторические исследования. 2012. № 2. С. 152.

гальных проституток в рамках всей России. Собранная информация вскоре была издана[282].

Согласно данным, собранным Центральным статистическим комитетом, в Оренбургской губернии в 1889 году имелось 16 домов «терпимости и свиданий», при которых состояло 62 жрицы любви. Из них 33 (53,2 %) женщины были местными, а 29 (46,8 %) происходили из других губерний. Число проституток-одиночек достигало 120, среди которых соотношение местных жительниц и женщин иногубернского происхождения было равным – 60 на 60[283].

Поскольку, по словам М. Михайлова, «Азиатский характер... начинается еще от Самары»[284], для сравнения с данными по Оренбургской губернии была выбрана губерния Самарская. В ней домов терпимости и свиданий насчитывалось 22. В них работало 117 женщин, что на 55 человек превосходило показатели Оренбургской губернии. Среди этих жриц любви 46 (39,3 %) были местными, 70 (59,8 %) прибыли из других губерний и 1 (0,9 %) была иностранкой. Зато «одиночек» в Самарской губернии было гораздо меньше, всего 52 – 28 местных (53,8 %) и 24 иногубернских (46,2 %). В Смоленской губернии, относящейся к Центральной России, насчитывалось 9 публичных домов с 66 содержанками (20 местных и 46 иногубернских – 30,3 % и 69,7 % соответственно), и 46 женщин, работающих индивидуально (35 местных, 11 иногубернских – 76,1 % и 23,9 % соответственно)[285].

То есть ситуация в Оренбургской губернии диаметрально отличалась от ситуации в губерниях, с которыми происходит сравнение. В Оренбургской губернии среди продажных женщин в публичных домах больше половины составляли местные уроженки, а среди одиночек – местных жительниц и приезжих было поровну. В иных же губерниях

[282] Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. СПб., 1890.
[283] Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. ... Таблица 1. С. 2.
[284] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 55.
[285] Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. ... Таблица 1. С. 2.

в домах терпимости преобладали приезжие, а вот среди одиночек большинство составляли местные уроженки. Та же ситуация наблюдалась и в целом по империи.

По данным А. Дубровского, в среднем по России в публичных домах в своей губернии работали 38,5 % женщин, из других губерний приезжали 56,9 %, еще 4,6 % были иностранками[286]. Получается, что чем дальше губерния располагалась от центральных российских регионов с давно сложившимся социумом, тем больше при домах терпимости состояло местных уроженок. В ситуации, когда значительная часть населения региона была пришлой, а в масштабах города, где в основном и сосредотачивались дома терпимости, жители не слишком хорошо знали друг друга, работать в публичном доме было не так позорно. В отношении одиночек наблюдалась обратная ситуация. В родной губернии в среднем по стране промысел осуществляли 60,2 % женщин, из других губерний приезжали работать 37,9 % женщин, 1,9 % прибывали из других стран[287]. В давно освоенных регионах с устойчивым городским сообществом торговать собой «в индивидуальном порядке» удобнее было именно местным жительницам, имевшим здесь свой угол, знакомых покровителей, нужные связи с полицией, врачебной частью и т.д. Но чем дальше губерния располагалась, тем больше среди публичных женщин оказывалось женщин из других регионов. Они прибывали в отдаленные окраинные губернии с родителями или мужьями, но, в силу тяжелых жизненных обстоятельств, оказывались без средств к существованию и в итоге вынуждены были торговать собой.

Число женщин, работавших при домах терпимости, составляло от 1 до 7. Заведения подобного типа в Оренбургской губернии, по сравнению с аналогичными в других регионах, в основном были, если

[286] Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. ... С. XVIII.

[287] Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. ... С. XVIII.

так можно выразиться, «малыми предприятиями». В 11 заведениях из 16 (68,8 %) трудилось от 1 до 4 женщин, в двух – пять, в одном – шесть, в двух – семь[288]. В Самарской губернии небольшими по численности работниц были 10 из 22 публичных домов (45,5 %), в Смоленской губернии – всего один из 9 (11,1 %). Зато максимальное число продажных женщин, состоящих при домах терпимости, и в Самарской, и в Смоленской губерниях было выше – 12 и 11 соответственно[289].

Основная масса борделей в Оренбургской губернии имела срок службы 1-2 года (6 из 16, 37,5 %), 4 заведения существовали на протяжении 3–5 лет (25 %), 2 заведения существовали около 10 лет и 4 – около 15. В Самарской губернии 4 заведения из 22 существовали 1–2 года, 3 заведения – 4–5 лет, 7 – до 10 лет, 3 – до 15 лет и 3 – до 20 лет. В Смоленской губернии также большая часть (4 из 9) домов терпимости существовали 1–3 года, но имелись и бордели-долгожители. Один из них насчитывал почти полувековую историю[290]. То есть для Оренбургской губернии публичные дома были явлением относительно новым. Хотя, по данным Дубровского, и по империи в целом более половины всех публичных домов работали до 5 лет[291].

В 1897 г. в Городскую думу Оренбурга были поданы предложения об ограничении рекламы домов терпимости любыми способами, а также о том, чтоб их работницы, как можно тише и скромнее вели себя, не противопоставляя себя всем прочим приличным людям[292]. По запросам Церкви городские и губернские власти пытались переносить дома терпимости и квартиры с падшими женщинами из центральной части города на окраины, подальше от церквей[293]. Однако, это обстоятельство негативно влияло как на клиентуру этих заведений, так и на доходность указанных заведений (постоянными посетителями становились преимущественно

[288] Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. ... Таблица 3. С. 8.
[289] Там же. Таблица 3. С. 8.
[290] Там же. Таблица 4. С. 10.
[291] Там же. С. XVIII.
[292] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 43. Л. 360.
[293] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 31. Л. 61 об.

маргиналы и откровенно криминальные элементы, требующие оказания бесплатных услуг).

В начале XX века, в связи с началом Русско-японской войны и вызванной ей концентрацией в городах Оренбургской губернии солдат, проблема проституции приобрела очень острый характер. В статье В.М. Сырова приводится обширный материал, обнаруженный им в газете «Голос Приуралья» (ноябрь 1905 г.). В ситуации, когда через Челябинск ежедневно проходило по несколько тысяч войск, в городе стали быстро расти притоны. «В местах, где появлялись эти гнезда, тихая жизнь мирных обывателей сменилась на шумно-разгульную и вечно беспокойную. Каждую ночь в домах, где ютились "гнезда", до самого утра не смолкая раздавались пьяные голоса, песни и пляска. Ближайшие соседи встревожились и запротестовали против засилия их людных улиц сплошными притонами. Чтобы оградить себя от "приютов", жители неоднократно обращались к властям с просьбой о выселении от них за черту города всех притонов». После того, как в доме терпимости, содержательницей которого была некто Попова, были тяжело ранены двое солдат, толпа, собравшаяся на шум, стала громить все городские дома терпимости. Погромы продолжались две ночи. Всего пострадало 15 домов терпимости. К ответственности было привлечено 16 человек. 45 человек проходили по делу в качестве свидетелей[294].

Содержательницами борделей в Оренбургской губернии преимущественно были женщины право-

[294] Сыров В.М. Повседневная жизнь Челябинска в начале XX века (по материалам газет) // Архив в социуме – социум в архиве. Мат-лы региональной науч.-практ. конф. Челябинск, 2018. С. 146–147.

Дореволюционная открытка

славного вероисповедания (14 из 16), а также одна женщина иудейского и одна магометанского вероисповедания. При этом если иудейки во главе домов терпимости по империи встречались довольно часто, то мусульманки, выбравшие такой род занятий, помимо Оренбургской губернии, встречались только в Казанской и Нижегородской губерниях[295].

Женщины, работающие в этих домах, преимущественно принадлежали к православной конфессии (54 из 62), были русскими по этнической принадлежности. Еще восемь были мусульманками (из 39 в целом по России), татарками[296]. Среди «одиночек» также преобладали женщины русские православного вероисповедания (102 из 120). Было также 17 татарок и даже одна киргизка[297]. По словам Ф.И. Любысевича, в Оренбурге имелось «очень большое количество татарок в списках наших кокоток»[298]. Особенность Оренбургской губернии заключалась в том, что здесь среди проституток практически не встречались представительницы этносов, населяющих Европу — немки, как, например, в Самарской губернии, или полячки и еврейки, как в Смоленской губернии.

Возраст содержательниц домов свиданий был различным. Пятеро из них входили в возрастную группу от 30 до 35 лет, по три — в группы от 35 до 40 и от 40 до 45 лет, одна была в возрасте 45—50 лет, две — в группе от 50 до 55 лет и еще двое — в еще более возрастной группе[299]. К концу века в рамках кампании по борьбе с венерическими заболеваниями в местных правилах, разработанных

[295] Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. ... Таблица 5. С. 12.
[296] Там же. Таблица 10. С. 20; Таблица 11. С. 24.
[297] Там же. Таблица 11. С. 28—29.
[298] Любысевич Ф.И. Город Оренбург ... С. 23.
[299] Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. ... Таблица 7. С. 15.

Дореволюционная открытка

специальной комиссией, возраст содержательниц борделей был строго ограничен 30–55 годами[300]. При этом возраст женщин, занимавшихся продажей своего тела, в основном приходился на 20–25 лет (27 из 62 девушек при домах терпимости и 37 из 120 одиночек). Восемнадцать девушек в домах терпимости и 52 одиночки были младше этого возраста (от 16 до 20 лет), а 17 в домах терпимости и 31 одиночка – старше. Причем максимальный возраст у одиночек был приблизительно на 10 лет больше и достигал возрастной группы 40–45 лет[301].

По данным Дубровского, продажей своего тела в империи преимущественно занимались девушки 15-25 лет, составлявшие 80,7 % работниц домов терпимости и 61,3 % одиночек[302]. В сравнении с этими данными показатели Оренбургской губернии – 72,6 % девушек в публичных домах и 74,2 % одиночек – заметно отличались. В заведениях Оренбургской губернии чаще встречались девушки постарше (до 35 лет), а среди одиночек, напротив, более молодые кадры.

Одиннадцать содержательниц публичных домов были дамами замужними, пятеро – вдовами[303]. К деятельности в сфере коммерческих секс-услуг эти женщины обращались также, очевидно, не от хорошей жизни. В 1897 году в суде рассматривалась жалоба крестьянки Рахили Ивановны Ениной – содержательницы дома терпимости – о его незаконном закрытии. Полицейское управление решило закрыть ее заведение в виду того, что сама она была под судом. Хозяйка опротестовывала решение, объясняя, что она находилась под следствием по подозрению в покупке краденых стульев, что, по ее мнению, представляло собой проступок небольшой тяжести. Заведение ее существовало более пяти лет и никогда до этого не подвергалось замечаниям.

По словам содержательницы дома терпимости,

[300] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 43. Л. 358.
[301] Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. ... Таблица 12. С. 32–33.
[302] Там же. С. XXII.
[303] Там же. Таблица 8. С. 17.

было видно, что она теряла свой единственный источник дохода и всячески пыталась его сохранить. Ситуацию усугубляло то обстоятельство, что Енина была хронически больной и неграмотной, из-за чего вряд ли могла найти для себя иной источник финансирования. Тем не менее, в удовлетворении жалобы ей было отказано, поскольку ее поведение было обозначено как небезупречное[304]. Такой подход властей заставлял хозяек домов терпимости внимательнее относиться к правилам их содержания, поскольку это была и сфера занятости, и способ зарабатывания денег, и образ жизни. Позднее городские власти снова подчеркнули необходимость определенного поведения от содержательниц этих сомнительных, хоть и легальных заведений, предписав им приводить доказательства, что они «трезвого поведения, не имеют наклонности к буйству и не находятся под судом»[305].

Среди девушек домов терпимости городов Оренбургской губернии 48 были незамужними и бездетными, 8 замужними и бездетными, 1 была замужем и имела детей, 4 были бездетными вдовами, 1 была разведена и детей не имела[306]. То есть 77,4 % контингента домов терпимости составляли незамужние девицы. Аналогичные среднероссийские показатели, приводимые Дубровским, составляли 89,3 %[307]. Таким образом, в Оренбургской губернии замужние женщины в домах терпимости, составлявшие 14,5 % контингента, встречались намного чаще, чем в среднем по империи (4,5 %). Для сравнения, в Самарской губернии эта категория падших женщин составляла 17, 9 %, а в Смоленской – 4,5 %. Это свидетельствует о достаточно свободных нравах, царивших на юго-восточной окраине Российской империи.

Пятеро из проституток оренбургских публичных домов имели обоих родителей, 6 – только отца, 2 – только мать, 12 – взрослых братьев и сестер,

[304] ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 288.
[305] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 43. Л. 359.
[306] Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. ... Таблица 14. С. 40–41.
[307] Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. ... С. XXIV.

1 – малолетних братьев и сестер, 1 – других родственников, 28 – сразу несколько родственников, 7 (11,3 %) – не имели никого из родных[308]. Учитывая, что 53,2 % женщин в домах терпимости Оренбургской губернии были местными, и в этих домах женщины оставались до довольно зрелого возраста, можно предположить, что проституцию, как род занятий, женщины выбирали вполне сознательно. Об этом же свидетельствует и наличие у этих падших женщин родственников, в том числе мужей, отцов и взрослых братьев. Возможно, женщины осознавали, что по каким-либо причинам они не смогут выйти замуж (в том числе, повторно, после развода или вдовства), а оставаться в родительском доме было невозможно. Либо в семьях, помимо этих девушек, было много других детей, которых родители не могли обеспечить самостоятельно. Либо муж подолгу бывал в отъезде, и женщина должна была искать средства к существованию самостоятельно. Работа же в доме терпимости давала крышу над головой и стабильный доход. Возможно, именно поэтому женщины, работающие в публичных домах, оставались там до вполне солидного возраста (до 30–35 лет).

Среди одиночек 66 из 120 были бездетными девицами, семеро – незамужними, но имевшими или имеющими детей, 22 замужними и бездетными, 8 – замужними и имевшими или имеющими детей, 7 – бездетными вдовами, 3 – вдовами с детьми, 4 – бездетными разведенными, 3 – разведенными, имевшими или имеющими детей. Т.о. незамужние девицы составили 55 % проституток-одиночек (по империи – в среднем 79,1 %), а замужние женщины – 25 %. Остальные 20 % были вдовами и разведенными. То есть в Оренбургской губернии замужние женщины, занимающиеся проституцией в индивидуальном порядке, составляя четвертую часть всего контингента такого класса, встречались

[308] Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. ... Таблица 14. С. 40–41.

намного чаще, чем в среднем по империи (11,9 %). С другой стороны, для сравнения, в Самарской губернии эта категория падших женщин составляла 32,7 %, а в Смоленской – 26,1 %[309].

Семейное положение проституток было различным. Пятеро из проституток-одиночек имели обоих родителей, по 2 – только отца или только мать, 37 – взрослых братьев и сестер, 1 – малолетних братьев и сестер, 64 – сразу нескольких родственников, 9 (7,5 %) были круглыми сиротами[310]. Наличие мужей и родственников у значительной части проституток-одиночек в Оренбургской губернии в ситуации, когда 50 % их состава происходили из иных губерний, дает основание к интересным выводам. Думается, что на путь торговли телом женщин часто толкали их супруги или ближайшие родственники, приехавшие в Оренбургский край в поисках лучшей доли. Это могли быть крестьяне, приехавшие на заработки, мещане-переселенцы и т.д. Наличие в семье детей лишь усугубляло ситуацию. Если мужчина не мог найти себе работу, или длительно отсутствовал, оставляя семью на произвол судьбы, женщинам (матери, дочерям) не оставалось иного пути, как заняться коммерческими сексуальными услугами. Этим объясняется и существование среди проституток-одиночек как совсем молодых девушек 15–16 лет, так и зрелых женщин 40–45 лет.

Во множестве бракоразводных дел, отложившихся в фонде Оренбургской духовной консистории государственного архива Оренбургской области женщины, обвиняемые в прелюбодеяниях, показывали, что на этот путь их по сути толкнули сами мужья. Так, например, Любовь Александровна Ильиных, 34-летняя мещанка г. Челябинска, указывала, что ее муж, Андрей Ильиных – «пьяница, пропившийся до всякой невозможности, вечно сидящий в кабаках и кроме того пропил свой дом, теперь скитается где день, где ночь и вооб-

[309] Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. ... Таблица 14. С. 44–45.
[310] Там же. С. 44–45.

ще ведет пошлую жизнь так, что с ним нет никакой возможности жить, просто морит голодом, но я сама трудом пропитываю себя и свою престарелую мать». По словам женщины, муж ее бросил «и по своей распутной дурной жизни скитался без вести по Сибири 7 лет», оставив ее «на произвол судьбы в голодные годы». Кроме того, от мужа она постоянно получала «побои и различного рода оскорбления»[311]. В такой ситуации обращение к проституции было единственным для женщины способом существования.

Возраст обращения к этому занятию у женщин, содержащихся в домах терпимости Оренбургской губернии, в основном приходился на 14–17 лет (25 из 62, 40,3 %). Еще 24 барышни пришли к этому занятию в возрасте 17–20 лет (38,7 %). В более зрелом возрасте торговлей собой в домах свиданий женщины начинали заниматься в единичных случаях. Наибольший возраст «новообращенных» приходился на 28–29 лет. Для сравнения, в Самарской губернии в публичных домах встречались девочки, вставшие на путь порока в 12–13 лет. К 17-летнему возрасту начали торговать собой 50 из 117 продажных женщин (42,7 %), 41 – в возрасте 17–20 лет (35 %), еще 18 – в возрасте 20–22 лет (15,4 %). Максимальный возраст обращения к проституции, как и в Оренбургской губернии, составил здесь 28–29 лет. В Смоленской губернии 3 девочки из 66 начали заниматься проституцией, когда им еще не исполнилось 12 лет. К 17 годам торговали собой 17 из 66 содержащихся в домах терпимости девушек (25,8 %), к 20-ти – 30 (45,5 %), еще 14 – к 22 годам (21, 2 %). Максимальный возраст обращения к проституции составил здесь 26–27 лет.

То есть совсем малолетних девочек в дома терпимости в Оренбургской губернии не гнали. Но в 14–20 лет, когда девушка была максимально выгодна содержательнице публичного дома в коммер-

[311] ГАОО. Ф.173. Оп. 5. Д. 8986. Л. 26–26 об.

ческом плане, как правило, и начиналась ее «карьера» жрицы любви. Проституток публичных домов, начавших работать в этом возрасте в Оренбургской губернии (79 %) было больше, чем, к примеру, в Самарской (77 %) или Смоленской губернии (71,3 %). Больше в домах терпимости Оренбургской губернии было и возрастных женщин. Начавших продавать себя женщин в возрасте старше 22 лет там было 19,4 %, в то время, как в Самарской губернии – 6,9 %, а в Смоленской – 7,5 %[312].

Похоже, что в Оренбургской губернии торговля телом для ряда женщин действительно становилась профессией. Девушки начинали работать либо в максимально выгодном для себя возрасте, либо, когда осознавали, что семейная жизнь их не ждет или не приносит чувства финансовой уверенности и защищенности. Не случайно 14,5 % этих женщин были замужними. Да и оставались в домах терпимости женщины достаточно долго, лет до 35. Кроме того, в домах терпимости Оренбургской губернии не встречалось женщин, лишившихся невинности в результате насилия[313]. А у 10 из 62 (16,1 %) женщин это вообще произошло после вступления в брак.

Как отмечается в статье С.Ю. Малышевой, в перечне причин, побуждавших женщин заниматься проституцией, поступать в публичные дома, «нужда, невозможность и неумение заработать иными способами, неграмотность и прочие стесненные жизненные обстоятельства играли ... превалирующую роль»[314]. Хотя, на путь поднадзорной проституции женщину могли толкнуть даже жилищные неурядицы. Любая одинокая самостоятельная женщина, снимающая угол – «модистка, белошвейка, работница легко могла быть обвинена в занятии продажной любовью хозяевами квартиры»[315]. После принудительного медосмотра в полицейском участке ей, чаще всего, взамен паспорта выдавали

[312] Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. ... Таблица 14. С. 54–55.
[313] Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. ... Таблица 19. С. 70.
[314] Малышева С.Ю. «Профессионалки», «арфистки», «любительницы»: проститутки в российском провинциальном городе второй половины XIX – начала XX в. // Клио. 2012. № 3 (63). С. 73.
[315] Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М., 1994.

желтый билет, который не оставлял ей другого выхода, кроме как действительно начать заниматься проституцией.

В архиве Оренбурга есть дело 1889 г. о жалобе на превышение власти приставом по причислению замужней женщины к проституткам. Некая Гали Акберова, крестьянка Казанской губернии, имеющая, в том числе, 10-летнего сына, жаловалась на незаконное освидетельствование и причисление к падшим женщинам. Во время разбирательства были найдены свидетели, подтвердившие ее тайное занятие проституцией. Кроме того, было выяснено, что она разбирается в методах и подходах освидетельствования здоровья, но не проходит это освидетельствование. Был сделан вывод о возможности заражения ею венерическими заболеваниями и необходимости ее включения в число публичных женщин[316].

Среди одиночек пик начала занятий проституцией приходился в Оренбургской губернии на возраст 15–18 лет (57 из 120, 47,5 %). В возрасте 18–22 лет на этот скользкий путь встала еще 31 девушка (25,8 %). Более молодых, 13–15 лет было всего 10 (8,3 %), более зрелых – 22 (18,3 %). Женщина, вставшая на путь порока в максимально зрелом возрасте, относилась к возрастной категории 37–38 лет. То есть среди одиночек возрастной разброс был заметнее. Массово девушки обращались к этому занятию чуть позже, нежели проститутки публичных домов. Но начать торговать собой одиночки могли решиться практически в любом возрасте, что еще раз подтверждает наши выводы о том, что на путь порока женщину могли толкнуть внезапно возникшие неблагоприятные жизненные обстоятельства.

По данным официальной статистики, среди проституток домов терпимости из бедных семей происходили 43 из 62 девушек (69,4 %), а сре-

[316] ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 289.

ди одиночек — 86 из 120 (71,7 %)[317]. Значительное большинство проституток составляли женщины, не получившие никакого образования. В домах терпимости таковых насчитывалось 57 из 62 (92 %), среди одиночек — 112 из 120 (93,3 %). Эти показатели были существенно выше, чем в среднем по России — 77,6 % и 79,6 % соответственно[318]. Если девушке нужно было кормить детей или младших братьев и сестер, а отсутствие образования не позволяло найти работу, проституция оставалась для нее единственным доступным занятием.

Так, к примеру, в сочинении «Переселенцы и новые места» (1894) В.Л. Кигн-Дедлова, в 1891–1892 годах служившего чиновником особых поручений МВД по переселенческим делам Оренбургской губернии и Тургайской области, описывалась такая ситуация. К нему пришла молодая «дамочка лет двадцати. Одета со вкусом и далеко не бедно. Лицо очень приятное. Свежие губы... Добродушные, наивные карие глаза, густые и широкие черные брови», утверждавшая, что она «грязная женщина, как говорится, самая последняя и потерянная...». Девушка, назвавшаяся Фросей, и ее сестра Луша — «хорошенькая блондинка, почти девочка, одетая так же щеголевато» — рассказали, что в силу обстоятельств вынуждены были заняться проституцией. «Вдруг это про своих начнешь думать: как мать с сестренками в голоде, в холоде, в грязи. Что ж, думаю, я и так уж погибшая, уж пропала душа, уж едва ли грех замолишь. Так уж лучше я погибну, да их буду питать, одевать». К такому занятию девушки пришли, захотев лучшей жизни: «Баловством да баловством, немножко да ничего, да ротонду хочется; да, а вдруг купец влюбится, да дом подарит, — и погубили души...».

Фрося рассказывала и про своих младших сестер — «одной двенадцать, другой девять». О том, что возвратясь домой под утро, застала младшую

[317] Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. ... С. 52.
[318] Там же. С. XXV.

сестру вскочившей с кровати и быстро собиравшейся. «Стукнула дверью, — младшая как вскочит спросонья — и ну одеваться. "Что ты, шалая?!" А она: кто, говорит, пришел? "Фрося пришла". А я, говорит, думала, офицеры за мной приехали...». Девушка просила помочь отправить «мать с сестренками на старину... На старине родня есть, девчонок разберут, а мать дядя взять обещается, пишет. В крестьянстве лучше. Замуж выйдут. А тут, — за нами пойдут»[319].

В Самарской губернии до 15-летнего возраста проститутками-одиночками девушки не становились. В 15—18 лет к этому занятию обратилась 21 девушка (40,4 %), в 18—22 — 18 (34,6 %), в более старшем возрасте — еще 13 (25 %). Максимальный возраст обращения к этому занятию составил 35—36 лет. В Смоленской губернии в 15—18 лет проститутками стали 19 девушек из 46 (41,3 %), в 18—22 года — 14 (30,4 %), в более старшем возрасте — 11 (23,9 %). Максимальный возраст начала занятий проституцией приходился здесь на 31—32 года. В Оренбургской губернии в сфере индивидуальной проституции девушки начинали работать раньше, нежели при домах терпимости, с 13 лет. В отличие от женщин при домах терпимости, среди одиночек 12 из 120 женщин (10 %) были лишены невинности насильно[320]. Сказывалось неместное происхождение почти половины проституток-одиночек губернии. В 15—18 лет в эту сферу деятельности девушки вовлекались в массовом порядке. С возрастом число женщин, встающих на путь одиночной проституции, становилось все меньше. После 22 лет в Оренбургской губернии таковых (18,3 %) было меньше, чем в Самарской (25 %) или Смоленской (23,9 %) губерниях. Но и работать они продолжали дольше, чем в других регионах. В Оренбургской губернии до 40—45 лет, в Самарской — до 30—35 лет, в Смоленской — до 35—40 лет.

[319] Дедлов (Кигн) В.Л. Курьезы // Дедлов (Кигн) В.Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб., 1894. С. 176—180.

[320] Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. ... С. 71.

Сословный состав содержательниц домов свиданий был не слишком пестрым: 9 из 16 были мещанками, одна – крестьянкой и 6 – солдатками[321]. Среди проституток при домах терпимости одна принадлежала к дворянскому сословию, 27 – к мещанскому (43,5 %), 24 – к крестьянскому (38,7 %), 3 – к солдатскому (4,8 %), 7 – к другим категориям населения. Одиночки по сословному составу распределялись следующим образом: 2 дворянки, 1 духовного сословия (!), 37 мещанок (30,8 %), 52 крестьянки (43,3 %), 7 солдаток (5,8 %), 19 других сословий и 2 принадлежали к неизвестным социальным группам[322]. То есть среди женщин в публичных заведениях преобладали мещанки, а среди одиночек – крестьянки. Состав «одиночек» был более пестрым.

В городах Оренбургской губернии жрицы любви часто работали в дорогих ресторанах, располагавшихся при гостиницах. Слухи об этом ходили и в отношении «Американской гостиницы» купцов Хусаиновых, и применительно к гостинице «Европейская» купца Лодыгина. В одном из архивных дел, посвященном бракоразводному процессу оренбургского купца Сергея Сергеевича Ванюшина с его супругой Марией Степановной Деевой, свидетельницами прелюбодеяния, ставшего поводом к разводу, выступали две проститутки – уже упоминаемая выше Надежда Золотухина и Феня Апаликова. Золотухина и Апаликова при опросе показывали, что познакомились с Ванюшиным в номерах оренбургской гостиницы «Москва»[323].

О том, что проституция часто шла рука об руку с деятельностью заведений общественного питания, писал В.Л. Дедлов. По его словам, в Орске были открыты «пивные залы» (Bierhalle), с «подносчицами» (Biermamsellen). «Результаты явились блестящие. Пива выпивалось реки, но вместе с тем посетители «зал», орские канцеляристы

[321] Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. ... Таблица 9. С. 18.
[322] Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. ... Таблица 13. С. 36–37.
[323] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9023. Л. 98 об, 132–132 об.

и мещане, орские, верхнеуральские и троицкие приказчики, башкиры, тептяри, киргизы ближних и дальних орд, татары, бухарцы и нагайбаки впали в такой неслыханный разврат, что начальство воспретило подносчиц. Зародыш культуры не был, однако, истреблен, так как подносчицы перешли из «пивных зал» во «флигеря», на тех же дворах»[324]. В Челябинске, в местном кафе-шантане, по словам А.М. Нечаевой, «солидные представители коммерческого мира» неоднократно до смерти опаивали шампанским «юных "рабынь веселья"»[325]. Указанная ситуация отнюдь не являлась особенностью городов Оренбургской губернии. Точно так же в губернии Казанской «скрытая проституция процветала в досуговых учреждениях и заведениях» — трактирах, гостиницах, банях[326].

Городские парки и скверы также становились местами для интимных свиданий. О «караван-сарайском саде» писал И.В. Чернов: «Года три назад сад отдан был одному антрепренеру за плату, он

[324] Дедлов (Кигн) В.Л. От Оренбурга до Орска // Дедлов (Кигн) В.Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб., 1894. С. 30.

[325] Нечаева А.М. Челябинские впечатления ... С. 252.

[326] Малышева С.Ю. «Профессионалки», «арфистки», «любительницы»: проститутки в российском провинциальном городе второй половины XIX — начала XX в. // Клио. 2012. № 3 (63). С. 77.

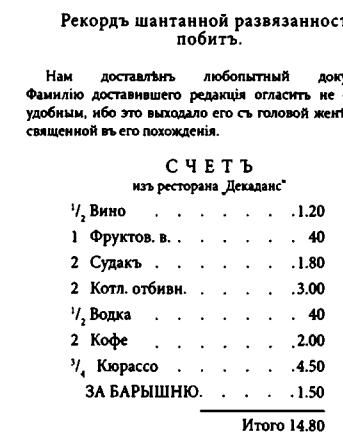
Оренбург. Гостиница Американская

выписал певчих, арфянок и образовал кафе-шантан, вход за плату — и явились здесь всевозможные безобразия и гулянки Оренбургских саврасов»[327]. Еще в одном архивном деле о бракоразводном процессе Павел Александрович Олисов, околоточный надзиратель 1-й части г. Оренбурга, выступая в качестве свидетеля по делу о расторжении брака, сообщил, что несколько раз, будучи в наряде по должности, он, якобы, видел ответчика — оренбургского купца Николая Дмитриевича Мякинькова гуляющим в компании с «шантанными певицами в Тополевом саду и Беловском в 1911 году летом», но закончились ли эти прогулки «незаконной связью», не знает»[328]. У С.И. Гусева-Оренбургского в повести «Страна отцов» Бульвар на берегу Урала (Беловский сад, Беловка) и Зауральная роща неоднократно выступали как места встреч со жрицами любви: «Где-то за деревьями звучал женский смех, что-то вроде поцелуя скользило в воздухе и ему [отцу Ивану Гонибесову — авт.] послышался запах сирени. [...] Бледная фигура проститутки робко скользнула к нему и испуганно отошла».

По городам Оренбургской губернии распределение домов терпимости и женщин, занимающихся проституцией «одиночно», выглядело следующим образом (таблица 21, приложение). Очевидно, что наибольшее число публичных домов и падших женщин сосредотачивалось в губернском центре — городе с максимальным числом населения, сосредотачивающем в себе большое число людей, приехавших на заработки, по торговым

[327] Чернов И.В. Заметки по истории Оренбургской губернии ... С. 127.
[328] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 103314. Л. 32 об.

Дореволюционная открытка



Рекордъ шантанной развязанности побитъ.

Намъ доставленъ любопытный документъ. Фамилію доставившего редакція огласить не считает удобнымъ, ибо это выходало его съ головой женѣ, непосвященной въ его похожденія.

СЧЕТЪ
изъ ресторана „Декаданс"

1/2 Вино	.1.20
1 Фруктов. в.	40
2 Судакъ	.1.80
2 Котл. отбивн.	.3.00
1/2 Водка	40
2 Кофе	.2.00
3/4 Кюрассо	.4.50
ЗА БАРЫШНЮ.	.1.50
Итого	14.80

На счетѣ гербовая марка.

Отнынѣ всякій, явившись въ „Декадансъ", требуй прейскурантъ съ расцѣнкой „барышень".

Время и качество, – все протаксировано для удобства почтеннѣйшей публики математически.

За вкусъ не ручаюсь, а горячо будет!

Оренбург. Счет из ресторана «Декаданс». Общественно-юмористический журнал «Пыль». 1909. № 10. С. 9

делам, переселенцев и других бессемейных. В Орске и Челябинске публичных домов не было совсем. В Орске, видимо, в силу отсутствия значительного спроса на интим-услуги, а в Челябинске к концу 1880 х годов в рамках недавно начавшегося бурного переселенческого движения этот спрос еще не успел оформиться в какие-либо предпринимательские формы.

Два дома терпимости было в Троицке – крупном торговом центре, где посетителями этих домов могли быть состоятельные торговцы, приезжавшие в город по делам коммерции. В городе вообще наблюдалось явное преобладание мужского населения, объясняемое, помимо приезжающих в Троицк по разным делам купцов, крестьян, башкир, иностранцев, наличием там регулярных войск – Линейного Оренбургского батальона, Инвалидной и Артиллерийской команд[329]. Один публичный дом имелся в Верхнеуральске, где его посетителями могли быть военные. В Оренбурге большинство работниц таких домов составляли местные жительницы, а вот в Троицке и Верхне-уральске основной контингент составляли дамы из других губерний.

Индивидуально проституцией женщины занимались во всех городах губернии. Больше всего их было в Оренбурге и Троицке, меньше всего – в Орске. В Троицке преобладали женщины иногубернского происхождения, в Челябинске и Верхнеуральске – местные жительницы. В остальных городах соотношение тех и других было примерно равным.

[329] Ильин В. Троицк ... С. 7.

По подсчетам Р.Г. Игнатьева, в Троицке в 1870 г. «женщин, промышляющих развратом, в последнее время официально обнаружено Полицией 18 ч. Это наиболее жены, вдовы и дочери солдат, заводских мастеровых, крестьян и мещан; проживают же они на квартирах в домах солдат и мещан, наиболее в предместье города, в так называемом «Верхнем форштадте»; но независимо обнаруженных официально Полицией, тайная проституция, как слышно существует между лицами женского пола промышляющими шитьем и мытьем белья, мытьем полов, и пр.»[330].

[330] Игнатьев Р.Г. Однодневное исчисление жителей г. Троицка ... С. 190.

В Оренбурге большая часть продажных женщин при домах терпимости была больна венерическими заболеваниями – 61,7 %. Среди одиночек этот процент был выше – 83,8 %. В Троицке в домах терпимости больны были 30 % женщин. В Верхнеуральске все были здоровы. Среди одиночек много больных было в Челябинске (52,6 %), Верхнеуральске (38,5 %), Троицке (33,3 %), меньше – в Орске (9,1 %). Очевидно, что при домах терпимости за состоянием здоровья женщин следили лучше, что значительно снижало процент больных венерическими заболеваниями, по сравнению с женщинами, работающими индивидуально. Да и контингент клиентов, которые могли позволить себе посещение заведения, был несколько лучше, чем категория клиентов одиночек.

Однако высокий процент заболеваемости венерическими болезнями среди проституток и их клиентов заставлял городские и губернские власти решать эту проблему.

Дореволюционная открытка

[331] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 43. Л. 345.
[332] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 108–111.

Санитарная комиссия по надзору за проституцией в конце 1897 года сделала большой доклад с представлением подробно разработанных правил для проституток и содержательниц домов терпимости. Правила касались и поведения девушек, и медицинских осмотров, и устройства «рабочего места», и общего контроля за сферой интимных услуг. Также комиссия просила для себя специальных полномочий для наложения денежных взысканий на содержательниц домов или на закрытие или ограничение их работы[331].

Основной сферой работы комиссии была медицинская сторона дела, и, несмотря на встречающиеся в тексте отчета фраз о возможном оставлении падшими женщинами своего промысла в силу нравственного прозрения, критики их деятельности и призывов к ее искоренению не наблюдалось. Более того, предложения комиссии, связанные с медицинским освидетельствованием всех занятых, работающих и обслуживающих публичные дома, можно расценивать как совершенствование условий их труда.

Дореволюционная открытка

В 1897 г. Перепись населения Российской империи зафиксировала некоторые изменения в исследуемой сфере занятости женщин Оренбургской губернии[332]. Через девять лет число женщин, занимающихся проституцией, сократилось в Оренбурге на 10 человек, в Верхнеуральске – на 5, в Троицке выросло на 10 человек, в Челябинске – на 8 человек, в Орске почти не изменилось. Рост числа продажных женщин в Троицке и Челябинске был связан с мощным переселенческим

движением, охватившем восточные регионы Оренбургской губернии после прокладки Самаро-Оренбургской железной дороги.

В сравнении с Самарской и Смоленской губерниями по-прежнему сохранялись особенности этой сферы занятости горожанок Оренбургской губернии, связанные со спецификой расположения региона и особенностями состава его населения (таблица 22, приложение). По данным на 1897 г., проституцией занимались 1,31 % горожанок Оренбургской губернии и всего 0,49 % губернии Смоленской (таблица 19, приложение). Это, на наш взгляд, было связано с тем, что, во-первых, в условиях массовой колонизации, затронувшей Оренбургскую губернию, интим-услуги оказались востребованной сферой деятельности. Во-вторых, женщинам, прибывающим в регион в составе колонистов, как правило, неграмотным и не имеющим профессии, при необходимости было сложно найти какой-либо другой источник средств существования. В Оренбургской губернии совсем юные девушки занимались проституцией существенно реже, нежели в губерниях, используемых для сравнения (см. таблицу 22). Зато в этой сфере было больше возрастных дам, что еще раз подтверждает сознательное обращение жительниц губернии к этому виду деятельности.

В целом следует констатировать, что в сравнении с Самарской и Смоленской губерниями в Оренбургской губернии по-прежнему сохранялись особенности такой сферы неформальной занятости горожанок губернии, как проституция, связанные со спецификой расположения региона и особенностями состава его населения.

Так, в домах терпимости, расположенных в городах региона, большинство «барышень» составляли местные жительницы, а среди одиночек было много приезжих. Это было связано с интенсивным

переселенческим движением, пестрым и постоянно изменяющимся составом городского населения. В городах отсутствовало сплоченное городское сообщество, горожане не всегда хорошо знали друг друга. Поэтому местным жительницам находиться в публичном доме было не слишком позорно, к тому же более безопасно и спокойно, хотя и менее выгодно в финансовом плане. Одиночками же часто становились именно иногородние женщины, прибывавшие в Оренбургскую губернию с колонизационными потоками, не имевшие в городах нужных связей, знакомств, очень нуждающиеся в деньгах.

Среди жриц любви в городах губернии в основном можно было встретить представительниц русского и татарского этносов. Доля замужних женщин среди проституток в городах Оренбургской губернии составляла 14,5 % в домах терпимости и 25 % одиночек, что было больше, чем в среднем по империи. Подавляющее большинство проституток имело родителей или родственников. Это может означать, что именно мужья или старшие родственники подталкивали женщину к постыдному занятию.

В «заведениях» преимущественно находились мещанки (43,5 %) и крестьянки (38,7 %), среди одиночек преобладали крестьянки (43,3 %) и мещанки (30,8 %). Одиночки имели более пестрый социальный состав. Средний возраст проституток составлял 20—25 лет. В дома терпимости женщины в основном поступали в возрасте 14—17 лет и оставались там лет до 35, одиночки обращались к своему занятию чуть позже — в 15—18 лет и продолжали его до 40—45 лет.

Около 70 % проституток происходили из бедных семей, более 90 % из них были неграмотными. Это означает, что получить необходимые средства к существованию каким-то способом, кроме интим-ус-

луг, эти женщины не могли. Доходы проституток были в любом случае многократно выше, чем доходы прислуги или крестьянок, занимавшихся сельскохозяйственными работами.

В целом следует признать, что во второй половине XIX – начале XX в. женщины в городах Оренбургской губернии стаи все более активно втягиваться в трудовую деятельность. Этому способствовали как общероссийские тенденции экономического развития (урбанизация, промышленный переворот и т.д.), так и социальные процессы, наблюдавшиеся в российском обществе (эмансипация женщин, их стремление к получению образования и пр.). В масштабах Оренбургской губернии распространению женского внесемейного труда также способствовали колонизационные процессы, заставляющие множество женщин – мещанок, крестьянок и пр., оказавшихся в сложной жизненной ситуации, искать источник средств существования. Во многом сфера применения женского труда зависела от уровня образования, полученного женщинами.

В городах Оренбургской губернии наблюдались довольно ощутимые сословные различия в масштабах женской образованности. Наибольший процент грамотных женщин демонстрировало оренбургское дворянство и духовенство. Среди крестьян, напротив, доля образованных женщин была минимальной. При сравнении показателей женской грамотности Оренбургской и Самарской губерний наблюдалось небольшое превышение доли грамотных женщин в Самарской губернии (на 3–6 %) практически во всех сословиях, живущих в городе. Лишь дворянство обеих губерний демонстрировало идентичные показатели.

Женщины находили себе применение в различных сферах труда. Интеллектуальные занятия были представлены, прежде всего, учительством. Женщины-купчихи успешно соперничали с мужчинами на

поприще предпринимательства. Огромный процент женщин был занят в сфере обслуживания — спрос на прислугу в пореформенный период в Оренбургской губернии превышал предложение. Женщины, не получившие никакого образования и не обладавшие какими-либо специальными знаниями, умениями и навыками, вынуждены были получать средства к жизни, занимаясь продажей своего тела.

ГЛАВА V
ДОСУГОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОЖАНОК

Досуговая составляющая повседневности до настоящего момента продолжает оставаться еще не вполне легитимизированной частью повседневной жизни, предполагаемой к изучению. В понимании ряда исследователей досуг не может считаться компонентом обыденного существования, поскольку всегда предполагает нечто радостно ожидаемое, предвкушаемое, выходящее за пределы рутины. Общепризнанным стало то мнение, что к повседневности относятся социальные явления и индивидуальные состояния, классифицируемые в качестве обычных, обиходных, то есть не принадлежащих к явлениям однократным, необычным или харизматическим: будни, но не праздник, работа, но не праздность[1]. С другой стороны, досуг вполне может быть повседневным, если он включает в себя ежедневные практики отдыха, не предполагающие каких-то специальных действий.

Досуг, как элемент повседневности, имеет много составляющих. Фактически, это понятие сформировалось на рубеже XIX–XX вв. в условиях урбанизации и было связано с достижениями цивилизации: появлением свободного времени у горожан в связи с нормированием рабочего времени, распространением коммуникаций различного вида, ростом грамотности и проч.

5.1. Библиотеки, музеи, театры

В Оренбургском крае из-за особенностей географического положения и национального состава складывалась весьма специфическая ситуация с развитием культурной жизни. Отдаленность Оренбуржья от столиц также сыграла особую роль в развитии и доступности культурной среды для горожан.

Оренбург был в этот период крупнейшим городом края (губернии), опережая по численности населения такие города, как Уфа, Екатеринбург, Челябинск. Город был военным и административным центром Оренбургского казачьего войска,

[1] См., например: Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1977. Вып. 411. С. 65–89; Любутин К.Н. Диалектика повседневности: методологический подход. Екатеринбург, 2007.

в 1850–1881 гг. – центром генерал-губернаторства. До 1868 г. здесь находились учреждения, ведавшие пограничными делами, управлением казахов Малого жуза, затем он стал местопребыванием губернатора Тургайской области. Эти обстоятельства и многонациональный состав населения в определенном смысле затрудняли культурное развитие города, поскольку первоначально его военная ориентация и пограничное состояние не способствовали развитию досуговой, развлекательной составляющей его жизни. Однако, впоследствии, военная прослойка, ее офицерская составляющая, в определенной степени стала содействовать развитию культурной жизни города[2].

Несмотря на относительно низкий уровень грамотности населения, в губернии достаточно много делалось для его просвещения не только через сеть учебных заведений, но и через библиотеки. *Библиотеки* представляли собой сложный культурный ресурс, поскольку выполняли не только функцию распространения книг и просвещения, но были и средством социализации, и инструментом политики, и средством информации, в том числе по актуальным общественным вопросам.

Специфика региона определила условия открытия библиотек, их роль в жизни губернии и общества. Первая библиотека была создана в Оренбурге по инициативе военного губернатора В.А. Перовского в 1854 г. Он выделил сумму на приобретение первых книг в Москве и Санкт-Петербурге, а затем ежегодно выделял средства на приобретение новых изданий. Библиотека имела специальный характер и предназначалась для чиновников. Уже в 1855 г. библиотека насчитывала 686 томов, среди которых были книги по географии, этнографии, пособия по изучению восточных языков, атласы. Однако общедоступной библиотеки в городе не было еще довольно долго.

[2] Колесникова В.А. Провинциальная культура Оренбурга второй половины XIX – начала XX века. Оренбург, 2002.

В середине 1860-х гг., по словам М. Михайлова, ни общественных библиотек, ни книжных лавок в Оренбурге не было. Любители чтения могли получить книги либо за умеренную плату «по рекомендации» в библиотеке казачьего ведомства, либо воспользоваться журналами и книгами, которые выписывало дворянское собрание. Остальные вынуждены были довольствоваться «бесплатным чтением газет в гостинице Антона Каретникова, где выписываются: "Голос", "Русский Инвалид", "Московские Ведомости", "Искра", "Санкт-Петербургские Ведомости" и "Иллюстрация"»[3]. Однако данный вид знакомства с прессой был доступен, почти исключительно, мужчинам, посещающим гостиницу.

В 1867 г. генерал-губернатор Н.А. Крыжановский, много сделавший для развития культуры края, поставил вопрос об обращении имеющейся служебной библиотеки в городскую публичную, но вопрос был решен не сразу. Сохранились достаточно критичные заметки писателя и археолога Ф.Д. Нефедова о нравах города, связанных, в том числе, с культурными потребностями: «Высотою умственного уровня и запросами, помимо чревоугодия и внешних, чисто материальных удобств жизни, Оренбург похвалиться не может. Общественной библиотеки не существует; журналов и газет читают мало, книг еще меньше, и их не любят читать; людей с умственными запросами ненавидят и презирают»[4].

По словам А.Н. Плещеева, «вообще здешняя атмосфера как-то не способствует женскому развитию, здесь никто ничего не читает, ничему не сочувствует, кроме сплетен, все друг на друга злословят или играют в карты»[5]. Хотя в другом месте утверждалось, что здешние дамы «романы французские читают», а одна из них, «очень умная и ученая», читала «Фауста» на немецком языке[6].

В 1882 г. Оренбургская городская дума все же

[3] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 48.
[4] Цит. по: Оренбург. Челябинск, 1993. С. 94.
[5] Плещеев А.Н. Пашинцев ... С. 566.
[6] Там же. С. 548, 554

приняла постановление об учреждении общественной библиотеки и создала комиссию для разработки ее устава, а в 1884 г. был избран библиотечный комитет и выделено 2 000 рублей на первоначальное обзаведение библиотеки. В силу разных причин организационный период затянулся, и открытие Оренбургской городской общественной библиотеки состоялось только 19 февраля 1888 г. Посещение библиотеки было платным, месяц стоил 60 копеек[7].

К концу XIX века общественные библиотеки, называемые читальнями, появились во всех уездных городах губернии. Различаясь по учредителям и источникам финансирования, они были бесплатными и общедоступными, что способствовало просвещению разных слоев населения. Во второй половине XIX – начале XX в. в губернии функционировали специальные и общедоступные библиотеки с этнокультурным компонентом, который в большей или меньшей степени влиял на приоритеты и особенности библиотечного обслуживания, формирование и развитие книжных фондов, организацию культурно-просветительской работы, подбор кадров. Национальные благотворительные и просветительские общества способствовали устойчивой работе этого культурно-просветительного ресурса, имперская и местная власть в определенной степени также были заинтересованы в этом.

В Челябинске в конце 1900-х гг. действовало 4 библиотеки, однако ни одна из них не имела «удовлетворительного» обеспечения, выбор книг был весьма скудным. Городская публичная библиотека находилась далеко от центра, в Заречной части, была открыта для выдачи книг только два часа в день (с 17-00 до 19-00), а по понедельникам и «послепраздничные дни» вообще не работала. Читальный зал при библиотеке тоже работал лишь с 15 до 18 часов[8].

[7] Сайгин Н.И. История культуры Оренбуржья (XVIII–XXI вв.). Оренбург, 2011. С. 63.

[8] Весновский В.А. Весь Челябинск и его окрестности: карманный справочник. Челябинск, 1909. С. 19

В целом развитие библиотек и обеспечение книгами в регионе до конца XIX века зависело от законодательного и административного регулирования (секретные предписания и циркуляры МВД), и было обусловлено обширностью территории губернии, малым числом городов, низкой плотностью населения, преобладанием сельского населения над городским.

В Оренбурге, как центре губернии, сами губернаторы стремились развивать институты культуры. Некоторые из них складывались стихийно, будучи вызванными высокими потребностями самих горожан в определенных явлениях культурной жизни (например, любительский театр). Появление других было обусловлено малыми материальными и иными ресурсными затратами на их образование и развитие.

Такой институт культуры, как музей, в Оренбурге появился еще в первой половине XIX в. Он был создан по распоряжению Оренбургского военного губернатора П.П. Сухтелена, разработавшего в 1830 г. концепцию и тематику краеведческого музея и руководившего подготовительной работой. По его замыслу, предполагалось включить в музей естественно-исторический отдел, состоящий из зоологического, ботанического, минералогического, истории искусства, промышленности (предметы быта), коллекций монет, книг, рукописей, картин, карт и др.

1(13) апреля 1831 г. краеведческий музей был открыт для посетителей в одном из залов Неплюевского военного училища (совр. корпус медицинского университета). Финансирование музея осуществлялось из средств губернаторской канцелярии. Первым смотрителем и устроителем музея был Ф.И. Шангион-Гартинг, «знаток восточных языков» при генерал-губернаторе. В ноябре 1831 г. заведование музеем перешло к ссыльному поэту, на тот

момент служащему в Оренбургской пограничной комиссии, Ф.К. Зану. Его стараниями пополнились геологическая, зоологическая, палеонтологическая, нумизматическая и ботаническая коллекции.

При Неплюевском училище музей просуществовал до 80-х гг. XIX в. Позднее, лишившись финансирования, он перестал действовать, а его экспонаты были распределены между различными учебными заведениями города. В 1897 г. Оренбургская ученая архивная комиссия (ОУАК) собрала остатки музея и расположила их в своем помещении как Музей древностей при ОУАК, который существовал на пожертвования[9]. В это время был заложен фундамент коллекций, существующих и поныне.

Во второй половине XIX – начале XX в. наблюдался спад музейной активности, который был связан с недостаточной востребованностью музея оренбургским обществом. За неимением собственного здания музей помещался во всего одной, «весьма тесной» (по словам П.Д. Райского) комнате, где стояли четыре витрины, а вдоль двух стен во всю их высоту – два больших стеклянных шкафа. Все эти помещения были заняты различными предметами древности, из которых образовались следующие отделы: 1) старинные грамоты и документы; 2) собрание монет и медалей; 3) остатки ископаемых; 4) собрание минералов с Уральского хребта и его предгорий; 5) старинное оружие; 6) предметы старины и костяки, находимые при раскопках курганов; 7) образцы изделий и одежды местного населения; 8) фауна и флора Оренбургского края и 9) образцы изделий горных заводов Уральского хребта[10].

Согласно описанию Райского, в музее было много подлинных ценных и интересных экспонатов. Например, грамоты императриц Екатерины II, Елизаветы I, Анны и царя Алексея Михайловича, а также подлинный патент, выданный самозван-

[9] Еремина Н.А. История музея. Оренбург 2006. С. 103.
[10] Райский П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу ... С. 59.

цем Пугачевым на чин полковника и многие другие древние акты. Уникальным экспонатом была гипсовая маска А.С. Пушкина, снятая с мертвого поэта, и попавшая в музей стараниями В.И. Даля. В музее была богатая коллекция всевозможных диковин от древесных окаменелостей и костей допотопных животных до костюмов инородцев, предметов их быта и чучел местной фауны[11]. Оренбургский музей древностей был открыт для посетителей ежедневно с 10 часов утра. Плата за вход составляла 10 копеек, за исключением учащихся, которые посещали музей бесплатно. Особенностью музея с самого начала его существования была его педагогическая направленность. Такой подход к музейному делу в рамках империи стал популярным лишь во второй половине XIX столетия.

Больший интерес среди учреждений культуры в то время мог вызывать театр. Образованные жители Оренбурга имели запрос на подобный вид досуга. Любительские спектакли в городе вели свою историю с 40-х гг. XIX в. Вначале любители играли в столовой дворянского собрания и только «с постепенным развитием дела перешли в зало, но занимали его лишь в те дни, когда не бывало танцовальных вечеров»[12]. Наиболее доступными и востребованными были русский и французский водевили. Именно их в любительском театре играли чаще всего. Тем не менее, спектакли привлекали внимание не только тех, кто посещал дворянское собрание, но и более широких кругов населения. Однако ограниченность сценической площадки сковывала любителей, лишала их возможности ставить классику.

История профессионального театра начинает отсчет с деятельности в городе известного провинциального антрепренера Б.К. Соловьева. Его труппа неудачно проработала в Самаре, и он решил «попытать счастья» в Оренбурге, где в то время играли

[11] Райский П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу ... С. 60.
[12] Сайгин Н.И. История культуры Оренбуржья ... С. 41.

лишь местные любители. Соловьев летом 1855 г. направил в канцелярию Оренбургского генерал-губернатора прошение с просьбой разрешить давать спектакли и выдать на время денег труппе. Актерам разрешили приехать, но отказали в деньгах. Осенью 1856 г. был открыт первый в истории города театральный сезон, ознаменовавший рождение в Оренбурге профессионального театра[13].

Об успешности театральных антреприз свидетельствует информация в «Журнале Оренбургской городской думы» от февраля 1883 г. «Лучшие труппы драматических артистов подвизались на Оренбургской сцене без всяких субсидий от города, в то время, когда театральное дело находилось в руках опытных и солидных антреприз. Таковы антрепризы Соловьева, державшего два сезона с 1856–1858 гг., Глазенаппа-Берга с 1858–1860 гг., Иванова – с 1861–1862 г., Иванова-Бельского – с 1866–1867 г., Бельского – с 1867–1870 и дирекции, учрежденной генерал-губернатором – 1871–1872 гг., а также Рассказова (который, однако, получил субсидию). Во время этих антреприз городское общество на подмостках своего театра имело удовольствие видеть артистов, по справедливости пользовавшихся и пользующихся доныне вполне заслуженной известностью не только в провинции, но и на частных сценах обеих столиц»[14].

Сведений о репертуаре труппы Соловьева не сохранилось. Известно только, что в 1856 г. им были поставлены водевили: «Двое за шестерых», «Отец, каких мало» и «Девятиженец». Специального театрального помещения в городе не было. Местные любители ставили спектакли в зале Благородного Собрания, где, по свидетельству современников, имелись отлично выполненные декорации. Однако городские власти передавать их приезжим труппам воздерживались, ибо не верили в возможность постоянного существования театра в Оренбурге[15].

[13] История Оренбуржья. Оренбург, 1996. С. 114.
[14] Чкаловский областной драматический театр им. А.М. Горького: 100 лет: [Юбилейный сборник]. Чкалов, 1957. С. 14.
[15] Там же. С. 14.

В 1863 г. состоялось открытие первого театрального сезона любительских спектаклей. Они ставились и ранее, «но сформирование каждого спектакля составляло неимоверный труд; требовались месячные приготовления, и потом китайские церемонии взаимных благодарностей и проч. О достоинствах таких аристократических спектаклей лучше умолчать»[16]. Теперь же любители, не стесненные никакими церемониями, поставили в пользу бедных 20 спектаклей, «в том числе "Русские святки" с хорами и даже несколько сцен из балета "Рыбак и Наяда"»[17]. Спектакли имели успех и составили главную статью дохода общества помощи нуждающимся школьникам. В ситуации большого зрительского интереса к театральным постановкам была начата реконструкция помещения, используемого под театр, завершенная в 1868 г. Оренбургский губернатор, генерал Крыжановский поручил местному подрядчику Алексееву изменить «конфигурацию здания», так как вход в ложи и партер шел прямо со двора. После капитального переоборудования зрительный зал отвечал всем требованиям профессионального театра.

На реконструкцию здания генерал-губернатор Крыжановский израсходовал 12,5 тысячи рублей из так называемого башкирского капитала (налогов, поступавших от башкир). Вслед за этим Крыжановский, один из любителей и «меценатов» театра, направил в Военное министерство и Министерство внутренних дел ходатайство о передаче театра городу: «Оренбург, находясь на рубеже Европы и Азии, составляет пункт, куда съезжаются торговцы со всех среднеазиатских ханств, давно уже нуждался в театре в видах усиления влияния на азиатцев русской цивилизации и для удовлетворения потребностям общественной жизни самого города, население которого превышает 35 тыс. душ... Находя средства города Оренбурга слишком достаточными

[16] Хроника г. Оренбурга за 1864 г. ... С. 32.
[17] Там же. С. 32.

для того, чтобы иметь театр, и сознавая настоятельную нужду в этом учреждении, здесь более чем во всяком другом губернском городе для удовлетворения потребностям быта массы азиатцев, живущих в Оренбурге круглый год, я имею честь покорнейше просить разрешения передать театр в ведение города»[18].

14 января 1869 г. состоялось торжественное открытие нового театра. В этот вечер антреприза А.П. Бельского ставила комедию Тургенева «Холостяк» и популярный тогда водевиль «Колечко с бирюзой». В партере разместились богатые купцы разного происхождения, бедные чиновники, учащаяся молодежь и разночинная интеллигенция заполнили галерею, поскольку лишь она была им доступна по цене. В первый год работы театра ложи литерные стоили 6 руб., номерные – 4 руб., кресло первого ряда – 2 руб., второго и третьего ряда – 1 руб. 50 коп., седьмого и восьмого – 75 коп., остальных рядов – 50 коп., галерея – 25 коп. В те годы на кирпичных заводах Оренбурга оплата составляла 10–12 копеек в день[19], так что покупка билетов даже на театральную галерею большинству населения была не под силу.

Наиболее полную картину социального состава зрительного зала дает одно из оренбургских периодических изданий: «Надо правду сказать, в Оренбурге держать театр вещь мудреная. Прежде всего трудно потрафить на вкус публики, слишком разнородной. Чиновничество недостаточное по средствам своим и малочисленное любит заглянуть на драму или комедию, купеческие сынки захлебываются от буффонады и пьес каскадного свойства, купцы старого покроя считают за грех смотреть на то и другое, татары и мещане предпочитают фантастические представления с провалами в преисподнюю и т.д. Поди тут, угоди! И бедняга антрепренер мечется-мечется, собьет с толку артистов, наделает

[18] Сайгин Н.И. История культуры Оренбуржья ... С. 70.
[19] Незнамов М. Старейший русский театр на Урале. Чкалов, 1948. С. 48.

массу долгов, надоест всем и в конце концов потерпит сокрушительное фиаско»[20].

Репертуар сезона составили 10 комедий («Холостяк», «Гражданский брак», «Зараза», «Нынешняя любовь», «Любовь и предрассудок», «Гувернер» и т. д.) и 17 водевилей. В 1872 г. была образована Дирекция театра и, по словам Лобысевича, «год этот можно было назвать единственным годом, когда оренбургский театр был истинным удовольствием. Прелестная труппа, во главе которой была талантливая и обворожительная А.А. Немирова-Ральф [довольно популярная в те годы «характерная» актриса – авт.], прекрасный оркестр, порядок и благоустройство театра – все не оставляло желать лучшего»[21]. В 1875 г. в Оренбурге начала играть труппа А. Рассказова. По этому поводу газета писала: «Театр ныне пуст не бывает, как случалось в прошлые годы... Средний класс общества: торговые люди, купечество, чиновники и ремесленники, которые не пользуются клубами и не устраивают балов, находят единственное общественное убежище в театре»[22].

Промышленно-торговое развитие города, связанное с развитием железнодорожной магистрали, связавшей Оренбург с Самарой и Сызранью, отразилось и на культурной жизни города в целом, и на востребованности театра. Оренбург привлек немало представителей торгового и промышленного мира, заинтересовавшихся дешевым хлебом и не менее дешевой рабочей силой. Купечество активно включилось в культурную жизнь города, хотя его художественные запросы были специфическими. А.Н. Островский в свое время писал: «...Представители этой купеческой аристократии, потеряв русский смысл, не нажили европейского ума; русское они презирают, а иностранного не понимают»[23]. Эти настроения оренбургского купечества были отражены в «Оренбургском листке» от 12 декабря 1879 г.:

[20] Оренбургский листок. 1873. 10 февраля.
[21] Лобысевич. Город Оренбург ... С. 25.
[22] Оренбургский листок. 1876. 4 января.
[23] Островский А.Н. О театре. Записки, речи, письма. Л.; М., 1947. С. 62.

«Нашему театру не везет, его не посещают, хотя артисты играют хорошо. Что это – недостаточная развитость вкуса или наличие серьезного репертуара. Злополучному нашему театру приходится вести нелегкую борьбу с трактирами, содержащими арфисток. Под аккомпанемент арфы "птички певчие" распевают любовные романсы и куплеты, вызывая восторг посетителей трактиров... Чтобы существовать, театр должен бросить серьезный репертуар и удариться во все фокусы современного адюльтера»[24].

В то же время, по мнению П.Н. Столпянского, «только две труппы Рассказова в средине 70-х годов, да Булгакова-Грубина могли назваться, действительно, драматическими труппами и в этих труппах дебютировали впоследствии ставшие известностью такие актрисы и актеры, как Стрепетова, Писарев, Свободин. [...] Одна из первых трупп под дирекцией подполковника Бабушкина и статского советника Пузан-Пузыревского, несмотря на чины директоров, несмотря на широковещательные обещания – была слишком плохою труппою, во главе с четою Великановых, с совершенным отсутствием ансамбля, с заигранным репертуаром, в котором главное место занимали французские мелодрамы; театр был грязен, плохо освещался, публика неохотно его посещала»[25].

Другой, более веской причиной слабой посещаемости театра явился застой в торговле. В конце 80-х – начале 90-х годов Оренбург, как и вся Россия, переживал экономический кризис. «Плохие сборы объясняются плохими временами на рынке. В театр ходят изредка по привычке или для отдыха при свободном рубле. Но свободных рублей нынче что-то не видать. Все рубли перепутались в торговле, с делами неожиданных несостоятельностей или крахов и капиталистам не до театров. Такого скорбного театрального сезона еще не бывало здесь, тем

[24] Оренбургский листок. 1879. 12 декабря.
[25] Столпянский П.Н. Город Оренбург ... С. 295–296.

более, что труппу винить ни в чем нельзя»[26], — писал «Оренбургский листок» 22 января 1889 г.

Третья причина крылась в общем уровне культуры самих оренбуржцев. Как писал Столпянский, «еще не очень давно в зале думских заседаний при вопросе о сдаче городского театра были слышны произносимые то громко, то вполголоса, как бы про себя, слова: "бесовское наваждение"». Посещение спектаклей многие считали пустой тратой денег. Актеры не демонстрировали никаких особенных умений, чаще всего просто долго говорили, причем иногда о не вполне понятных вещах. Возникало ощущение, что актером может быть кто угодно. Зачем же за это платить?

Несмотря на постепенное проникновение сценического искусства в досуговую повседневность горожан, их отношение к театру продолжало оставаться неоднозначным. Об отношении к театру, например, купечества, говорили, что купец «не любит опер, потому что за музыкою не разбирает слов арий; «и что тут глядеть, — говорит он, — поют словно не по русски, да при том и натуры тут не предвидится, поет, умирая в любви, ответа просит, а все поет; така дичь и сумбурщина». Он также не любит балетов, потому что: «в них ахтеры словно немые и до многаго в их сентенциях не доберешься, да при том-съ, ведь и скандал велик; не годится для дочек глядеть, как ино-то выше головы ноги таращит, или как иная, словно оводом вертится и как бесенок ногами виляет, так что того и гляди посрамит себя окаянная и великую конфузию всем причинить может»[27].

Да и православные устои предписывали настороженно относиться к сценическому искусству. Скоморошество, лицедейство, «душепагубное актерство» традиционно осуждались церковью за тесную связь с языческими ритуалами. «Театр усыпляет христианскую жизнь, уничтожает ее, сообщая жиз-

[26] Оренбургский листок. 1889. 22 января.
[27] Балицкий Г. Купечество // Москва в ее прошлом и настоящем. Т. 10. М., 1911. С. 25.

ни христиан характер жизни языческой», – писал святой Иоанн Кронштадтский. Далее этот современник К.С. Станиславского уточнял, что показывают в театре в основном страсти – «заботы житейские, усиленные донельзя, любостяжание, честолюбие, сластолюбие», которые уводят человека от истинных мыслей и ценностей. Но дьявол, «чтобы прельщать удобнее недальновидных, иногда ввернет, по видимому, и нравственную пьеску, чтобы твердили, трубили про театр, что он пренравоучительная вещь и стоит посещать его не меньше церкви, а то пожалуй и больше: потому-де, что в церкви одно и то же, а в театре разнообразие и пьес, и декораций, и костюмов, и действующих лиц»[28].

Хотя, театральная труппа и оркестр в начале 1890-х гг. в Оренбурге были вполне «порядочными», по словам Е.И. Рагозина. Как он сам писал в своем «Путешествии по русским городам», перед отъездом из Оренбурга «я, разумеется, посетил театр, первый театр во все время моего путешествия. Шла комедия Островского "Без вины виноватые", и, откровенно говоря, я просмотрел ее с большим удовольствием. Не касаясь самой комедии, поражающей своею правдой, отсутствием шаржа и прекрасным языком, исполнение комедии тоже было далеко не заурядное.

Оркестр состоял из двенадцати человек, из которых десять были русские, равно как и капельмейстер, что меня очень удивило. В прежнее время театральные оркестры состояли сплошь из отставных музыкантов, потерявших зрение и слух, из немцев и евреев. Теперь же я встретил оркестр, состоящий почти весь из русских и вдобавок совершенно молодых людей, обучавшихся частью у частных учителей, частью в музыкальных отделениях. Это результаты деятельности наших консерваторий, воспитывающих больших артистов для столиц и малых для провин-

[28] Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. Т. II. Запись 997. [Электронный ресурс] PRAVMIR.RU Православная электронная библиотка. URL: https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1008#part_4892 (дата обращения: 25.09.2019)

ции. И нужно отдать справедливость, что маленький оркестр этот играл верно и толково»[29].

Театр пытался привлечь публику постановками пьес новых авторов. Так, например, в 1898 г. была поставлена «Чайка» А.П. Чехова. Репертуар усложнялся, однако нельзя сказать, что это сильно повлияло на посещаемость театра в тот период. В 1908 г. об оренбургском городском театре сообщалось, что он «представляет довольно невзрачное здание казарменного типа. [...] Театр весьма неудовлетворителен. Зимой идет обыкновенно драма, летом – случайные гастролеры»[30].

Дирекция театра пыталась привлечь публику, организуя просветительские мероприятия. Так, 8 ноября 1899 г. в театре выступал «известный физик» П.В. Деринг[31]. Как сообщала реклама, «цены местами общедоступные». Рекламное изображение, представленное в газете, представляло собой рисунок аппаратуры для демонстрации движущихся световых картин. Репертуар оптических представлений Деринга был внушителен и состоял из 150 световых картин. Программа включала в себя сюжеты о северной экспедиции Ф. Нансена «с показанием северного сияния, полуночного солнца, редких явлений природы и т.д.»., эпизоды из японо-китайской войны, бурю в открытом море, «ландшафты всех стран земного шара» и другие картины.

Громадные движущиеся световые фотографии Деринга в то время считались одними из лучших оптических картин такого рода в России по своей отчетливости и тонкости художественного исполнения. Некоторые из них были «с движениями» и световыми эффектами, например, буря в открытом море сопровождалась дождем, градом и молнией. Во время представления бомбардировки крепости на экране вспыхивали огоньки, а за ним «звукооператоры» Деринга изо всей силы били в доски, барабаны и прочие предметы. Размер све-

[29] Рагозин Е.И. Путешествие по русским городам // Русское обозрение. 1891. № 7 [Электронный ресурс] URL: http://rus-turk.livejournal.com/478826.html (дата обращения: 25.09.2019 г.).

[30] Бодров-Повираев Н.И. Путеводитель-справочник по Оренбургу и Ташкентской железной дороге с расположенными на ней городами, Оренбург, 1908. С. 34.

[31] Оренбургская газета. 1899. № 788. С. 1.

товых картин Деринга достигал 400 кв. футов, что соответствует экрану величиной 11 м². Громадные изображения «во всю вышину сцены» восхищали публику, а сами картины поражали «тщательностью отделки». За свой труд путешествующий физик снискал себе почет и уважение. Везде, куда бы он ни приехал, зрители встречали Деринга как артиста громом аплодисментов.

В декабре 1899 г. в Оренбурге был открыт «Народный дом». Здание для него было построено на Конно-Сенной площади, по инициативе Попечительства о народной трезвости, которое заботилось об «отвлечении народных масс от злоупотребления вином, от безобразного пьянства, разгула и, стало быть, от безнравственных поступков», — писал «Оренбургский листок» в 1889 г.[32]. В Народном доме находилась библиотека — читальня, чайная с буфетом без спиртных напитков и любительский Народный театр на 1000 зрителей, которым руководил режиссер, некто Сергеев, два профессиональных артиста, суфлер и сценариус, остальные актеры были любителями. Стоимость билетов на спектакли колебалась от 50 копеек до 1 рубля 50 копеек. Кроме того, по воскресеньям в дневное время в Народном доме проводились бесплатные чтения по Отечественной истории, от основания государства Российского до наших дней.

Особую популярность Народный дом обрел в начале XX века, когда в нем развернули свою деятельность супруги Крючковы — Петр Антонович и Прасковья Александровна. Петр Антонович набрал труппу любителей театра и начал ставить различные спектакли. Прасковья Александровна, которая славилась своим кулинарным талантом, открыла в Народном доме общественную столовую. Такой тандем театрального искусства и кулинарии оказался весьма успешным: горожане спешили побывать в Народном доме, поскольку могли и пре-

[32] Оренбургская газета. 1899. № 788. С. 1.

красным насладиться, и вкусно отобедать, и даже невесту себе присмотреть.

Летом в Оренбург иногда заезжали иногородние «комедианты, акробаты, вольтижеры, фокусники», изредка давались любительские спектакли. Но эти удовольствия были непостоянны и не всегда радушно принимались горожанами. Так, «австрийский подданный Баранек» едва не уморил в Оренбурге своих дрессированных лошадей. Причина крылась в «чрезвычайной дороговизне кормов» и плохом сборе с представлений. Любительские спектакли могли «расстраиваться» по самым разным причинам, например, «через неожиданный отъезд лучших персонажей»[33].

Описанные выше культурные учреждения, как видно, были недостаточно доступны для горожан в силу разных обстоятельств. Большинство простых оренбуржцев относительно регулярно могло лишь прогуливаться в теплое время года по улицам, обращаясь по дороге в увеселительные заведения.

В других городах губернии — Орске, Челябинске, ситуация с досугом у населения была значительно хуже. Среди знаменательных культурных событий конца XIX в. имело место открытие городской библиотеки в 1885 г., получившей впоследствии имя Т.Г. Шевченко. 24 июля 1891 г. Орск посетил его Императорское Высочество Цесаревич Николай Александрович (будущий царь Николай II). 27 ноября 1899 г. Орская городская Управа выделила на 1900 год деньги в сумме 50 рублей для нужд Оренбургской ученой архивной комиссии[34].

Своеобразной была ситуация и в Челябинске. В дореволюционном справочнике «Урал Северный, Средний и Южный» отмечалось, что «степным захолустьем» городок оставался до 1891 г., когда началось сооружение великого Сибирского пути, и в Челябинске было образовано Управление Западносибирской железной дороги. Тогда в малень-

[33] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 47–48.
[34] Черкас Т.Г. Хронограф города. Орск. Орский историко-краеведческий музей, 2005.

кий городок сразу нахлынуло огромное количество людей всякого звания и состояния[35].

Согласно переписи 1897 г., количество грамотного населения в городе составляло 39,7 %, а к 1917 г. оно поднялось до 50 %. Это было результатом развития системы образования, включавшей в себя все типы начальной и средней школ. Современники и ведомственные источники информации свидетельствовали о большой тяге к знаниям во всех слоях населения, особенно непривилегированных. Динамично развивалась и библиотечная сеть Челябинска. Наряду с традиционными формами увеселений и развлечений, присущими крестьянской и мещанско-купеческой среде, появлялись новые интеллектуальные запросы и занятия.

Средние учебные заведения города становились очагами культуры. Например, в Челябинском реальном училище имелась богатая библиотека, спортивный зал, ученический хор, преподавалась музыка, изобразительное искусство. Широкое распространение получила просветительская работа – народные чтения, лекции и беседы на научные и популярные темы, собиравшие сотни слушателей. Эта атмосфера породила традиционное для развивающейся культуры явление – дети купцов шли в науку, в сферу умственного труда. Так, И.М. Крашенинников (сын челябинского купца), будучи студентом Московского университета, пытался создать в Челябинске научное общество и естественноисторический музей, в чем ему помогали преподаватели реального училища[36]. Численность лиц, занятых умственным и интеллектуальным трудом в Челябинске в начале века росла, умножая творческий потенциал города.

В 1890–1900-е гг. большую популярность получили концертные выступления и музыкально-драматические постановки самодеятельных оркестров и хоров, куда входили рабочие и служащие город-

[35] Доброхотов Ф.П. Урал Северный, Средний, Южный ... С. 521.

[36] Адукова Т.Ю. Быт дореволюционного Челябинска // Седьмые Бирюковские чтения, Челябинск, 1987. С. 16–18.

ских предприятий, организуемые В.К. Покровским и М.Д. Кетовым. Во многих зажиточных семьях устраивались домашние музыкальные концерты. С именем Г.Д. Моргулиса было связано появление в Челябинске профессионального симфонического оркестра, дирижером которого он пробыл до самой смерти. В 1907 г. в саду городского Общественного собрания для челябинской публики был дан первый концерт симфонической музыки[37]. С 1903 г. в Челябинске начало свою работу музыкально-драматическое общество. «В помещении Народного дома устраивались чтения, лекции-беседы. Проводились литературно-музыкальные вечера, спектакли, концерты, где звучали произведения М. Мусоргского, А. Даргомыжского, А. Рубинштейна»[38].

Как пишут в своей статье Е.Б. и Н.П. Ищенко, в первое десятилетие XX века в Челябинске «появилось множество мест для проведения спектаклей и концертов, самыми популярными из которых были залы клуба железнодорожного общественного собрания (1902) и Народный дом (1903). С конца XIX в. спектакли и концерты проводились в большом зале Дворянского мужского училища... С 1901 года функционирует сцена на острове реки Миасс». В 1906 г. было «построено новое здание для Купеческого клуба на улице Исетской (К. Маркса). «Новый клуб» на улице Сибирской (Труда) был открыт в 1909 г.»[39].

В Троицке в середине 1860-х гг. проезжающий через него М. Михайлов не нашел ни театра, ни книжной лавки, ни библиотеки. Не было в городе и общественной жизни, а жители его жили «кружками в совершенной замкнутости»[40].

В Верхнеуральске, по словам современника, общественная жизнь была развита «весьма мало». В городе не было «ни общественного собрания, ни библиотеки, и никаких общественных увеселений». Общество состояло «из служащих и отставных чи-

[37] Ищенко Е.Б., Ищенко Н.П. Челябинск дореволюционный: формирование профессиональных традиций музыкального искусства // Человек. Общество. Государство. 2017. № 1 (3). С. 40–41.
[38] Там же. С. 43.
[39] Там же. С. 44.
[40] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 90–91.

[41] Игнатьев Р.Г. Верхнеуральск... С. 131.
[42] Небольсин П. Рассказы проезжего. СПб., 1854. С. 199.

новников, преимущественно из военных, служивших в Оренбургских войсках. Купечество, за исключением некоторых золотопромышленников», стояло «на низшей ступени образования» и держало «себя отдельно от чиновников»[41].

Илецкая Защита была небольшим городком. Как писал современник, «климат здесь теплый; ... общество все воспитанное, все с европейскими привычками: стало быть, праздное время, и скуки ради и ради удовольствия, посвящается чтению газет и журналов, а дамы, как дамы целого света, только тем и живут, что читают французские романы»[42].

Делая вывод о доступности и развитости культурных учреждений для горожан Оренбуржья, можно отметить, что, культурная жизнь там была весьма самобытна. В ряде случаев городские общественные библиотеки, музеи и театры открывались примерно в то же время, что и в европейской части России. Однако доступность этих учреждений вплоть до начала XX века была очень ограниченной в связи со стоимостью билетов и ограниченности времени работы учреждения. Кроме того, основная масса городского населения в Оренбургской губернии пока не стала большой поклонницей и ценительницей театрального искусства. Большей популярностью пользовались спектакли попроще – водевили и мелодрамы.

5.2. Балы, маскарады, танцевальные вечера

Танцы на всем протяжении человеческой истории выполняли важные социальные функции. Первоначально они служили художественным воспроизведением различных процессов жизнедеятельности первобытного человека (охоты, труда). Танец являлся неотъемлемой частью культовых действий. На определенном этапе танец превратился в способ развлечения, однако он при этом не потерял своего социального значения. По словам одного из современных исследователей, «ассамблеи, танце-

вальные вечера, балы стали актом общественной и социально-культурной жизни общества. Светский бал, просуществовавший в России ровно два века, был формой общения, в котором формировался особый язык – взгляда, жеста, манеры держаться, нормы взаимоотношений»[43].

Важная роль, которую играла Оренбургская губерния в политической системе империи и ее военно-стратегическом развитии, приводила к тому, что в губернской столице и других уездных центрах сосредотачивалось значительное число женщин – жен чиновников и офицеров, присланных в регион по службе.

В Оренбурге, как военно-административном центре губернии, стало складываться вполне аристократичное женское общество. Большую роль сыграл в этом оренбургский генерал-губернатор граф В.А. Перовский, исполнявший обязанности начальника губернии в 1833–1841 и 1851–1857 гг. Василий Алексеевич, привыкший к блестящему столичному обществу, ослепительным балам, прекрасным дамам света, очевидно, скучал в «диком» Оренбурге. Одной из попыток унять эту скуку стало решение устроить в этом лежащем на краю света городе «маленький уголок Петербурга».

На главной улице Оренбурга было выстроено здание Благородного (дворянского) общественного собрания. Автором проекта выступил архитектор Александр Брюллов, старший брат знаменитого художника Карла Брюллова. Фасад особняка, построенного в духе позднего классицизма, украшали полуколонны дорического ордера, а окна – гипсовые розетки. Первоначальный интерьер Дворянского собрания отличала изящная, но богатая отделка, сохранившаяся до наших дней лишь частично. В Собрании стали давать великолепные балы.

Торжественное открытие Дворянского собрания решено было отметить грандиозным празднеством,

[43] Тихоновская Г.С. Социально-культурные тенденции становления и развития танцевально-развлекательных форм досуга // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 11-3 (53). С. 93.

приуроченным еще и к отъезду В.А. Перовского в Петербург в связи с завершением своего первого губернаторского срока. Описание этого бала было дано в воспоминаниях И.Ф. Бларамберга: «Организовали запись, по которой каждый член общества согласно своему состоянию должен был внести средства, и в течение недели было собрано 10 тыс. рублей ассигнациями – сумма для Оренбурга того времени значительная. Поистине блестящий бал состоялся 2 декабря в залах Дворянского собрания; такого бала оренбуржцы еще никогда не устраивали. Блестящие мундиры, богатые туалеты, музыка, обслуживание и ужин были не хуже, чем в Петербурге, и генерал-адъютант Перовский, за здоровье которого было выпито много шампанского, был очень тронут привязанностью своих подчиненых и почитателей, а также восхищен любезностью множества женщин и девушек, среди которых было много красавиц»[44].

А.Н. Плещеев, описывая в повести «Пашинцев», написанной в конце 1850-х гг. в период оренбургской ссылки автора, бал в Оренбурге-Ухабинске, замечал: «Зал наполнялся быстро и начинал представлять для глаз весьма живописную пестроту: розовые, голубые, белые платья, аксельбанты, красные панталоны, звезды на фраках и на мундирах, Станиславы на шее, Станиславы в петличках, белые бурнусы на синих кафтанах, даже один гусарский доломан и один черкесский чекмень, усы, бакенбарды, лысины, убеленные сединами старцы и старицы, цветущие здравием юноши с проборами посередине головы, с проборами на затылке, с проборами сбоку, цветы, ленты, колосья, обнаженные плечи, пухленькие и тощие, – словом, было от чего зарябить в глазах, закружиться в голове. И все так изящно, прилично, нигде карикатурной фигуры, нигде допотопного чепца, нигде безвкусного сочетания цветов»[45].

[44] Бларамберг И.Ф. Воспоминания ... С. 248.
[45] Плещеев А.Н. Пашинцев ... С. 550–551.

П.П. Жакмон, сын начальницы Оренбургского девичьего института, в своих воспоминаниях писал: «Имея в своем распоряжении бесконтрольную сумму башкирского капитала, состоявшего из нескольких миллионов рублей, и полмиллиона рублей, отпускаемых ежегодно на угощение киргизов и на прием хивинских и бухарских посланников, В.А. Перовский сам для себя не пользовался ни одною копейкою этих денег, но употреблял их на устройство балов, пиршеств и празднеств для поддержания престижа своей власти. Так, например, за месяц или за два перед этими балами всем молодым дамам свиты В.А. Перовского высылались богатые дорогие материи и целые готовые платья, привозимые из Парижа специально для этой цели командированным туда фельдъегерем. На обедах и ужинах подавались раритеты вроде малины и клубники в зимние месяцы, а на каждом дамском приборе лежал прелестный букет редких цветов, выписываемых из Петербурга»[46].

А.Н. Плещеев замечал: «Самый придирчивый столичный франт, окинув пытливым взором это многолюдное общество, сквозь вставленную в глаз лорнетку, не нашел бы ничего провинциального, отсталого; от всего веяло модой, утонченным вкусом, знакомством с столицей, словом – просвещением!»[47]. По воспоминаниям Т. Базинера, бал, посещенный им в Оренбурге, относился к празднествам, которые «лишь редко можно встретить, да и в редких местах [...] Здесь можно было видеть в мирном содружестве самые различные наряды Европы и Азии [...] и рядом с как бы парящими в своих легких газовых платьях женами военных и чиновников – неповоротливые супружеские половины русских купцов в тяжелых шелковых материях и перегруженные разнообразными, более или менее ценными украшениями. Я был очень рад заметить, что здесь не господствует, как в большин-

[46] Жакмон П.П. Из воспоминаний оренбургского старожила // Исторический вестник. 1905, апрель. С. 78.
[47] Плещеев А.Н. Пашинцев ... С. 551.

стве маленьких городов провинции, тот чванный кастовый дух, то внешнее соблюдение чопорного этикета, которое отнимает все волшебство у приятельского общения»[48].

Действительно, кастового духа в Оренбурге не наблюдалось, поскольку тех, кого можно было отнести даже не к высшему, а просто к приличному обществу, здесь было совсем немного. Да и менялось это сообщество со скоростью картинок в калейдоскопе. Поэтому жестко отделять дворянский круг от, к примеру, купеческого, не было никакого смысла. Тем не менее, и в Оренбурге складывались соперничавшие друг с другом группировки. Как писал А.Н. Плещеев, «общество, как ни малочисленно оно было, делилось на бесконечные партии. Одна партия язвила другую; одна другую старалась затмить светскостью»[49]. Почти теми же словами описывал оренбургское общество Ф.И. Лобысевич: «Как и везде, общество делится на кружки: часть его, во что бы то ни стало, силится стать на аристократическую ногу»[50].

Оренбургское общество, как и большинство провинциальных социумов, было падко на новости, потому что жизнь в городе текла чаще всего вяло и однообразно. Дам интересовали новые моды, подробности семейных конфликтов, но более всего — свежие люди, появляющиеся в обществе: «...всякое появление новой особы сейчас заметно, точно постороннее тело, попавшее в известную массу; говорам, судам и пересудам нет конца»[51]. Даже в Хронике г. Оренбурга за 1864 г. был упомянут один «скандальчик», случившийся в высшем дамском обществе: «две дамы в клубе благородного собрания поспорили о месте за карточным столом; спор перешел в брань, в которой принял участие и муж одной из этих дам; когда же старшины клуба попросили ожесточившихся удалиться из собра-

[48] Цит. по: Дорофеев В. В. Над Уралом-рекой. Челябинск, 1988. С. 140–141.
[49] Плещеев А.Н. Пашинцев... С. 571.
[50] Лобысевич Ф.И. Город Оренбург... С. 21.
[51] Там же. С. 26.

ния, руганье продолжалось и на улице, к соблазну меньших братий»[52].

Однако, как правило, на балах, дамское общество, напротив, демонстрировало абсолютную любовь и взаимопонимание. По словам Плещеева, здесь дамы, «казалось, забывали свои антипатии, свою вражду, все ссоры, интрижки и сплетни, которыми так изобилует провинциальная жизнь; обращались друг к другу с самыми ласковыми, дружескими названиями, ... и поправляли друг другу платья, прикалывали бантики, советовали спустить пониже цветок, и все это с такой предупредительностью, с такой любовью, что вы невольно умилились бы...»[53].

Преемник Перовского, генерал-адъютант А.А. Катенин (1858–1860 гг.) продолжил начатое предшественником развитие общественной жизни. Он «давал большие балы, где собиралось многочисленное общество», а с ноября до масленицы и от Пасхи до середины мая организовывал «рауты с танцами, где подавались чай и сласти, а на балах богатый и полный буфет, где каждый мог спрашивать себе чего желал, не исключая шампанского – в таком порядке, как было при графе Перовском, хотя средства у того и другого были неодинаковы»[54].

После смерти Катенина оренбургским генерал-губернатором стал А.П. Безак (1860–1864 гг.) – «человек расчетливый, не допускавший ни в чем излишества». При нем «частная жизнь в Оренбурге сузилась, частные балы и вечера сократились»[55]. На торжественные балы к губернатору приглашались представители всех сословий. Зимой устраивались танцевальные вечера, но уже гораздо более скромные: «буфета с винами не было; фрукты и сласти разносили, даже был арбуз, что в Оренбурге при дешевизне сего продукта было дисгармониею»[56]. Оренбургская аристократия к этому времени уже

[52] Хроника г. Оренбурга за 1864 г. ... С. 33.
[53] Плещеев А.Н. Пашинцев... С. 551.
[54] Чернов И.В. Заметки по истории Оренбургской губернии ... С. 169–170.
[55] Там же. С. 176.
[56] Там же. С. 181.

давно перестала получать специальные дотации «на модный наряд». При этом страсть к роскошествам у нее уже вошла в привычку. В результате, как писал М. Михайлов, «здешнее общество дошло до таких плачевных результатов, что на балы его являлось иногда не более трех дам, ибо прочие за невозможностью соперничать со счастливицами, хотя не без слез и ссор, оставались дома»[57].

После упразднения Оренбургской крепости в 1862 г. высшее общество губернской столицы существенно поредело. В середине 1860-х гг., по мнению современников, едва ли можно было отыскать «другой столь скучный город, как Оренбург». Благородное собрание с танцами, картами и бильярдом — «почти единственное место для развлечения порядочной публики» посещалось немногими. Случалось, что из-за отсутствия четвертой дамы невозможно было организовать кадриль и танцевальный вечер объявлялся несостоявшимся. «Даже пульку в преферанс либо ералаш не всегда удается сформировать»[58].

[57] Михайлов М. Оренбургские письма... С. 40.
[58] Хроника г. Оренбурга за 1864 г. ... С. 30.

Оренбург. Народный дом

На первый план стало выходить купечество, активно осваивавшее не только региональные рынки, но и городское пространство, а также представители прочих социальных слоев. Этот «средний класс» стал предъявлять новые требования к качеству своей жизни. Под влиянием подобных настроений в 1864 г. в Оренбурге был открыт казачий клуб. Его основателями стали казачьи офицеры, которые «убедили свои семейства, что приличие и вкус нарядов выше их ценности. [...] К казакам пристали и прочие лица среднего класса, мало по малу составился сбор, а затем исходатайствовано было разрешение пользоваться залами благородного собрания. Недостаточные семейства ожили, и можно сказать, что на казачьих вечерах несравненно веселее и многолюднее, чем на пышных съездах благородного собрания. К тому же и членский взнос наполовину менее: вместо 10 р. только 5 р. за весь зимний сезон. Жаль только, что танцевальная зала в доме собрания одна и оркестр далеко не из изрядных», – констатировал М. Михайлов[59].

Об этих же танцевальных вечерах казачьего клуба писала и «Хроника Оренбурга», отмечая, что на них собиралось 60-70 пар. На вечера допускались не только казаки, но и семейства других сословий, с тем лишь условием, чтобы «являться без всякой роскоши в туалете». Присутствующие, в отличие от «сливок» рафинированного благородного собрания танцевали «до упаду, с искренним удовольствием, душа не нарадуется, глядевши на неподдельную веселость»[60]. И.В. Чернов также замечал об этом собрании, что «в танцевальные вечера публики набиралось до тесноты; танцевали в зале и первой комнате при входе из передней. Изящества в дамском туалете [даже по уставу сего клуба] не требовалось, дамы приходили в своих обыкновенных платьях и простых прическах. Клуб этот существовал не более трех лет», а потом генерал Крыжа-

[59] Михайлов М. Оренбургские письма... С. 40.
[60] Хроника г. Оренбурга за 1864 г. ... С. 31.

новский увидел в нем «сепарацию» и прекратил его существование. «Среднее сословие лишилось возможности собираться для своих незатейливых удовольствий»[61].

В 1871 г. по инициативе оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского в Оренбурге было открыто Коммерческое собрание. В прошении Крыжановского министру внутренних дел А.Е. Тимашеву указывалось: «Принимая во внимание, что многочисленный торговый класс в Оренбурге ведет жизнь совершенно замкнутую и доселе чуждается всяких общественных развлечений, я нахожу в высшей степени полезным открытие предполагаемого коммерческого клуба, который не только будет содействовать сближению коммерческого класса между собой, но и с другими сословиями, и несомненно воздействует благодетельно на развитое в нем (городе) полезной во всех отношениях общественной жизни...»[62].

В аристократической среде умение танцевать рассматривалось как ценное достоинство, а бал мог стать способом решения вопросов карьеры, возможностью наладить нужные связи, приобрести полезные знакомства и даже отыскать себе вторую половину. В повести Плещеева появление на балу губернатора — «старенького, седенького и сутуловатого, с большой лысиной на макушке» — вызвало оживление среди присутствующих дам, утверждающих, «что они никогда не встречали такого милого старичка». Дамы, окружив престарелого губернатора, засыпали его вопросами о здоровье, о петербургских новостях. «Некоторые, посмелее, даже приглашали его вальсировать: а одна подарила ему цветочек из своего букета, и сама продела этот цветок в петличку губернаторского фрака, за что его превосходительство с чувством пожал маленькие пальчики очаровательницы»[63].

В Благородном собрании зимой раз в неделю

[61] Чернов И.В. Заметки по истории Оренбургской губернии ... С. 181.
[62] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14303. Л. 2–2 об.
[63] Плещеев А.Н. Пашинцев... С. 552.

организовывали семейные вечера или маскарады, которые, по словам Ф.И. Лобысевича, имели «свой, какой-то оригинальный характер; являются 35 дам и из них только 8—10 в домино и масках, а остальные в бальных платьях; мужчин замаскированных совсем не бывает; маски не подходят к мужчинам сами и не интригуют, а, большею частью, сидят и пыхтят от духоты и скуки; кавалеры же, преимущественно, состоят из офицеров квартирующих здесь войск и нескольких статских; многие отличаются оригинальностью в танцах и особенной манерой в танцах дергать и изо всей силы вертеть дам»[64].

С кавалерами в городе, действительно, было плохо. В самом начале своей повести А.Н. Плещеев замечал, что среди чиновников Оренбургской (Ухабинской) губернской канцелярии «находились даже молодцы, сморкавшиеся без платка; а уж лайковых перчаток не носил решительно ни один»[65]. Один из персонажей пьесы, ротмистр Амарантский, танцуя, «то и дело играл цепочкой и рисовался; а в разговоре употреблял самые вычурные, изысканные фразы, а la Марлинский»[66]. Он же, во время кадрили, которую играли на мотив «барыни», завил, что ему «эта кадриль напоминает Бетховена»[67]. А сам Владимир Николаевич Пашинцев (главный герой повести) нравился барышням за то, что «не носил пестрых жилетов, не повязывал цветных галстуков, не выставлял напоказ позолоченной цепочки». Из-под воротника его пиджака не торчали «тесемочки, обличавшие присутствие манишки», «он не садился на кончик стула, поджав под него ноги; когда смеялся или был чем-нибудь удивлен, не хлопал себя по ляжкам и не приседал; никогда не хихикал, закрывши себе рот рукой; никогда не торчал из его кармана кончик клетчатого бумажного платка и никогда не свертывал он своих батистовых платков в клубочек»[68]. Это повествование «от противного»

[64] Лобысевич Ф.И. Город Оренбург... С. 23—24.
[65] Плещеев А.Н. Пашинцев... С. 546.
[66] Там же. С. 555.
[67] Там же. С. 554.
[68] Там же. С. 598.

ярко свидетельствует о том, какова была основная масса мужчин из оренбургской аристократии.

Офицеры Оренбургского линейного батальона, по воспоминаниям Н.Г. Залесова, свое свободное время «проводили или в компании с писарями разных управлений корпуса или в кутежах с женщинами легкого поведения, причем весьма часто попойки кончались дракой»[69]. В Челябинске офицеры, поругивающие «Чехова за офицеров в "Трех сестрах" и Куприна за "Поединок"», тоже были «одинаково неинтересны»[70]. Совершенно естественно, что такой мужской контингент отбивал у женщин всякое желание встречаться с ними на общественных мероприятиях. Н.Г. Залесов, к примеру, сообщал, что с офицерами линейного батальона оренбургские барышни предпочитали не общаться — «или вовсе не смотрели, или бросали презрительный взгляд с тем, чтобы сейчас же отвернуться». Лишь несколько «перезрелых барышень» согласились танцевать с ними на танцевальном вечере кадриль, «но и тут не без злости», делая «самую кислую гримасу»[71].

При губернаторах Н.А. Маслаковце и В.И. Ершове досуговые мероприятия высшего дворянства оказались жестко связанными с личностными особенностями их вторых половин. Супруга Владимира Ивановича Ершова, Елена Михайловна, дама «по приемам скромная и выдержанная, не может быть и сравниваема с женою Маслаковца, природною немкою высокого роста, здоровою по телу, даже толстою — близко была к греческой героине. Круг знакомства был резко различен у той и у другой. У Ершовой дамы лучшего оренбургского общества, а у последней достаточно было знакомых из круга среднего ... Ершовы устраивали балы и танцевальные вечера для хорошего общества, после допускали разделение на двое. Казачьи барыни, мало принятые в высшем кругу, собирались в казачьем кругу, а прочие особо: и на последних были тан-

[69] Залесов Н.Г. Записки адъютанта... Т. 114. Апрель. С. 54.
[70] Нечаева А.М. Челябинские впечатления ... С. 252.
[71] Залесов Н.Г. Записки адъютанта... Т. 114. Апрель. С. 53.

цы. Мадам [Маслаковец – авт.], любившая играть в карты, собирала карточные вечера. Муж ее вовсе не играл в карты, танцевальные вечера устраивались [для – авт.] институток с подбором таких же кавалеров. После танцев ужинали, других развлечений для общества не было. Во все время управления Маслаковца был один бал в первый год его вступления в должность»[72].

В «Оренбургской газете» за январь 1901 г. были размещены объявления о зимних увеселениях, которые ожидали жителей Оренбурга. Так, в помещении Общественного собрания 21 января планировался танцевальный вечер в пользу благотворительного общества при римско-католической церкви, 8 февраля на Масляной неделе ожидался ежегодный художественно-костюмированный бал Оренбургского общества любителей художеств. А Совет старшин Оренбургского коммерческого собрания объявлял о том, что в январе-феврале в том же зале Общественного собрания должны были состояться семейные вечера и «членские маскарады». Гости вечеров, по рекомендации членов Общества, должны были заплатить за вход по 1 руб. 10 коп. «Вход масок в дни членских маскарадов и дам, не принадлежащих к семейству членов» на все эти вечера предполагался по билетам, за получением которых следовало обращаться в Коммерческое собрание к дежурному старшине. Начало вечеров планировалось в 9 часов вечера. Форма одежды для штатских определялась просто – «в сюртуках». Маскарад ожидался и по окончании спектакля «Царь Федор Иоаннович», который должен был состояться 14 января в городском театре[73].

Несмотря на довольно широкое предложение, участницами балов и маскарадов в итоге становилась очень небольшая часть горожанок. Открытое нежелание оренбуржцев тесно общаться с земляками было отмечено неоднократно. В оренбургских

[72] Чернов И.В. Заметки по истории Оренбургской губернии ... С. 265.
[73] Оренбургская газета. 1901. № 1116.

газетах того времени встречались такие анекдоты, как, например, «Охотники на праздниках»:

– Я всегда провожу праздники в лесу на охоте...

– Почему так?

– Нахожу, что приятнее иметь дело с медведями, чем с визитерами[74].

Возможно, причина нежелания общаться с соседями крылась в чрезвычайной пестроте городского населения, собранного из самых разных регионов России и мира.

Ф.И. Лобысевич констатировал, что в Оренбурге «дворянства местного почти нет или, по крайней мере, оно здесь не играет никакой роли; купечество держится особняком, и в общество, в собрание является из них лишь несколько дам, замечу мимоходом, очень состоятельных и очень хорошеньких; для остальных, кроме театра и катанья, все общественное закрыто: ни они никуда более, ни к ним никто»[75].

К началу 1890-х гг., как писал И.Е. Рагозин, жить в Оренбурге стало скучно. «Оренбург захирел, дворянский клуб, прежде процветавший, несмотря на переименование в общественный, едва тянет свою жизнь, коммерческий кое-как перебивается со дня на день при самых скромных размерах. Даже маленький театр – единственное осмысленное развлечение на этой окраине – почти не посещается, несмотря на порядочные труппу и оркестр»[76].

Челябинск, как и Оренбург, отличался от других провинциальных городов постоянной сменой состава городского общества. Чиновничество здесь «не является господствующим классом и не задает тона», как это было в других небольших городах. Как отмечала А.М. Нечаева, прибывающие в Челябинск на службу чиновники «смотрят на свое пребывание, как на переходную стадию. [...] Никто из них не засиживается и живет здесь как на бивуаках – «проходимцем» ... Более постоянный класс

[74] Оренбургская газета. 1901. № 1116.

[75] Лобысевич Ф.И. Город Оренбург... С. 21.

[76] Рагозин Е.И. Путешествие по русским городам // Русское обозрение. 1891. № 7 [Электронный ресурс] URL: http://rus-turk.livejournal.com/478826.html (дата обращения: 25.09.2019)

населения состоит из крупного купечества, мелких торговцев и железнодорожников разного калибра»[77].

Именно эти категории населения и организовали в Челябинске клубные собрания. С 1869 г. в городе стало функционировать «управляемое советом старейшин городское общественное собрание, где помимо литературных чтений проводились музыкальные и танцевальные вечера, для чего был арендован под клуб дом мецената В.К. Покровского»[78]. В клубах организовывались карточные игры (преферанс и макао) и «русско-славянские танцы», которые стороннему наблюдателю представлялись курьезом. Как отмечали современники, танцы были «исполнены провинциальных особенностей. Танцуются они под какие-то оркестровые или рояльные частушки, почти все на один манер. Кавалер, стараясь держать бюст и голову каменно неподвижными, ногами стремится выделывать самые невозможные выкрутасы, или же, наоборот, танцует на одних пятках, едва поворачиваясь, «неглиже с отвагой»

[77] Нечаева А.М. Челябинские впечатления ... С. 239.
[78] Ищенко Е.Б., Ищенко Н.П. Челябинск дореволюционный: формирование профессиональных традиций музыкального искусства // Человек. Общество. Государство. 2017. № 1 (3). С. 40.

Челябинск. Народный дом

как выражаются шутники. Боже упаси танцующей даме приподнять слегка край платья, как вообще принято на танцах.

— Вот бесстыжая-то, — не стесняясь, пустят ей вслед.

Если же дама хочет по местному танцевать эффектно, то она должна как можно сильнее трясти боками, подперши их руками, или сложить руки на груди а la Наполеон. Она тоже может танцевать "неглиже", едва переставляя ноги и зевая со скучающим видом по сторонам... Если кому-либо удается удачно выполнить все эти требования "хорошего тона", его единодушно награждают аплодисментами и даже просят повторить танец»[79]. Подобные варианты танцевальных па, скорее всего, попали в городской обиход с сельским населением, перебирающимся в город в поисках больших денег и лучшей жизни.

Население Илецкой Защиты, «кроме чернорабочих и служителей», состояло «из нескольких семейств чиновников, которые составляют цвет здешнего общества». Здесь, по словам современника, «все отзывается Оренбургом... столицей... шампанское, шелковые платья, король-валет, сам-пять, блондовые чепцы, чудный ростбиф, Бальзак и Эжен Сю, лакированные сапоги, листовские транскрипции... одним словом, все, как у нас в Петербурге. Что ж касается до низшего слоя, до простолюдья, то особенно блестящих сторон оно, по разрозненности элементов, его составляющих, представить не может: днем оно работает, ночью спит, в праздники пьет вино...»[80].

Как писал современник, там «живется всем очень хорошо и очень весело; развлечения общественные неразнообразны и потому очень понятно, что балы, обеды, ужины, карточные вечера должны очень часто перемешиваться с умственными занятиями ... А соскучится в Защите, едут в Оренбург —

[79] Нечаева А.М. Челябинские впечатления ... С. 251.
[80] Небольсин П. Рассказы проезжего ... С. 199.

ведь это рукой подать: выехал утром, приехал к обеду, проплясал всю ночь до упаду, и назавтра опять в Защите»[81].

В других городах губернии развлекательных танцевальных вечеров не проводилось. Орск и Верхнеуральск были, скорее, поселениями военных, совершенно неприспособленными для аристократических увеселений. Троицк представлял собой купеческий городок, заселенный преимущественно мусульманами. Такой состав городского населения также не способствовал расцвету там танцевального искусства.

В итоге следует констатировать, что танцы, как способ проведения свободного времени, играли в жизни горожанок Оренбургской губернии заметную, хотя и не самую важную роль. Различные категории населения вкладывали в этот вариант досуга свой особый смысл. Так, дворянки смотрели на балы как на способ самопрезентации и повышения социального статуса. Проблемы, возникшие со вре-

[81] Небольсин П. Рассказы проезжего ... С. 199.

Оренбург. Здание Дворянского собрания

менем в этой сфере (сокращение доходов чиновников, перемены в системе ценностей у начальников края и пр.), лишали смысла участие дворянок в подобных увеселениях. Для купечества и других категорий горожан танцы были средством самовыражения и приятным вариантом отдыха. Танцы в уездных городах имели свои особенности, связанные, вероятно, со значительным притоком в города сельского населения. Особого социального смысла в танцевальные вечера эти категории горожанок не вкладывали. Именно поэтому для них данная форма досуга оказывалась наиболее комфортной.

5.3. Катания, ярмарочные увеселения, цирковые представления

Катания по городским улицам для горожанок Оренбургской губернии нельзя было назвать комфортным времяпрепровождением. На страницах работы Ф.И. Лобысевича язвительно сообщалось, что в Оренбурге «верно в целом мире нет и хуже извозчиков, и такого фасона экипажей, как здесь. Все экипажи какие-то длинные долгуши, зовущиеся здесь «тарантасами»; да хоть бы прочные были эти

Оренбург. Извозчики

тарантасы, а то большинство перевязано и укреплено веревочками, старо, грязно и гадко, и никому, — ни думе, ни полиции, ни владельцам, — нет до этого дела...»[82]. Старые и поломанные экипажи представляли весомую угрозу для пассажиров. Внешний вид оренбургского транспортного средства и управлявшего им извозчика привлек внимание и В.Л. Дедлова, проезжавшего через город в конце XIX в. «С вокзала вас везет извозчик странного вида. Странен он сам, потому что он татарин; странна его беспокойная, плохо выезженная лошаденка киргизской породы; но странней всего экипаж: маленькая долгуша на дрогах», — отмечал автор[83].

Для того, чтобы выезд на прогулку не закончился драмой, лучше всего было иметь собственных лошадей и повозку, или, в крайнем случае, брать их в аренду. Н.Г. Залесов вспоминал, что в середине 1850-х гг. в Оренбурге он встретил «запряженную парой в дышло огромную долгушу или по-оренбургски «карандас», на которой сидело несколько дам и адъютантов — это каталось семейство на-

[82] Лобысевич Ф.И. Город Оренбург ... С. 19.
[83] Дедлов (Киги) В.Л. Оренбург ... С. 14.

Челябинск. Городской дилижанс

чальника штаба корпуса генерала Бутурлина»[84]. А в «Оренбургском листке» за январь 1877 г. было объявление следующего содержания: «Для катанья в наступающую масленицу можно получить лошадей тройками в приличных санях, за сходную цену, в доме Овсянникова близ рыбных лавок»[85].

В газете «Оренбургская жизнь» неизвестным автором была помещена статья, посвященная забастовке оренбургских извозчиков, прошедшей 4 мая 1907 г.[86] В обзоре протестной акции было сказано: «Ни в одном из соседних городов нет ничего подобного нашим перевозочным средствам. Вместо лошадей – одры («одрами» или «одерами» называли старых лошадей, которых пора было отправлять на живодерню. В таком значении слово употребляется у Лескова, Куприна, других писателей), вместо экипажей какие-то трясогузки – грязные, ободранные, разбитые рыдваны. На облучке немытая, под масть своему "ковчегу", фигура. Все это так, все это действительно требует реформы»[87]. При этом транспорт во многом был показателем общественной культуры горожан и тем вариантом городского благоустройства, с которым чаще всего приходилось сталкиваться приезжим.

В соответствии с имеющейся структурой городского населения, среди культурных развлечений преобладали ярмарочные балаганы с традиционным набором номеров: музыкальные сценки, выступления комиков, трагиков, акробатов, атлетов-борцов, клоунов и танцоров. Современники называли главным культурно-увеселительным заведением 1860-х гг. балаган с марионетками, напоминающий современный кукольный театр. Возможно, что до начала XX в. эти формы массовой культуры вполне удовлетворяли потребности невзыскательной мещанской и крестьянской публики.

Конно-Сенная площадь, согласно карте Оренбурга 1915 г., расположенная между современны-

[84] Залесов Н.Г. Записки адъютанта // Русская старина. 1903. Т. 114. Кн. 6. Июнь. С. 541.
[85] Оренбургский листок. 1877. 30 янв. № 5.
[86] ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 518. Л. 1.
[87] Там же. Л. 4 об.

ми улицами Володарского, Аксакова и Маршала Жукова (теперь место расположения Центрального рынка и ТК «Восход»), традиционно была местом, где устраивались главные городские развлечения на Пасху и Рождество. В Пасхальную неделю здесь устраивались качели, карусели, балаганы, живые картины, конный цирк и другие увеселения. В открытках начала XX века, сохранившихся в личном архиве одного из авторов этой книги, читаем: «Христос Воскресе! Воистину Воскресе! Дорогая Катя желаю тебе весело провести Пасху, а главное сходить под качели...»[88]; «Дорагая Катюша, Будь здорова и счаслива. Скоро пойдем в цирк или смотреть картины, что хочешь... (сохранена орфография источника – авт.)»[89]. Такие увеселения объединяли представителей различных городских сословий, были понятны и доступны горожанам различных возрастов и состояний.

В августе 1901 г. в Оренбурге было дано представление «столичного цирка Э. Стракай». В программе были заявлены «конкуренция прыгунов через разные препятствия и через несколько лошадей», «большая фантастическая феерия, пантомимная сцена с танцами, прыжками, пирамидами и т.п.»[90]. Также состоялся бенефис «известной эквилибристики на туго натянутой проволоке, танцовщицы и наездницы m-lle Иды Касино». Представление включало в себя 15 номеров, «выбранных из букета циркового репертуара»[91].

Эдвард Осипович (Эдуард Иосифович) Стракай приехал в Россию из Австро-Венгрии, был венгром по национальности, что не помешало ему создать целую сеть цирков от Поволжья и Урала до Сибири. Он имел стационарные помещения в Иркутске, Тюмени, Уфе, арендовал здания цирков в Перми, Красноярске, Томске, Оренбурге и т. д. В Томске в 1901 г., как и в Оренбурге, его цирк именовали «отделением столичного цирка из Москвы», в Уфе

[88] Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Личная переписка представителей семейства Дегтяревых-Сухановых как источник по семейной повседневности горожан // Человек и город в историко-культурном пространстве. Краеведческие чтения, посвященные 90-летию со дня рождения почетного гражданина города Оренбурга Виктора Васильевича Дорофеева. Оренбург, 1 декабря 2017 г.: сб. статей. Оренбург, 2017. С. 50.

[89] Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Личная переписка представителей семейства Дегтяревых-Сухановых ... С. 50.

[90] Оренбургская газета. 1901. № 1281. С. 5.

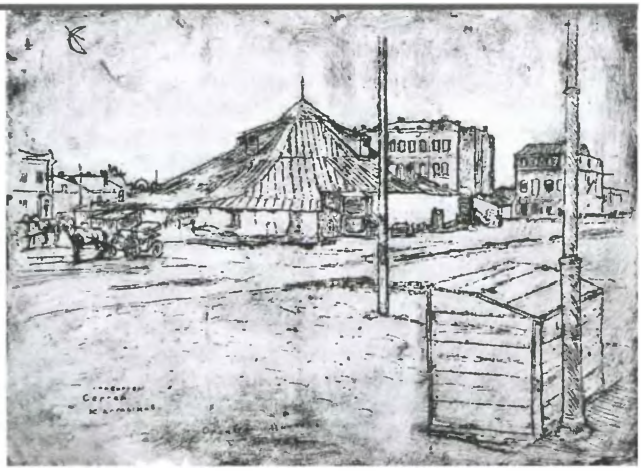
[91] Оренбургская газета. 1901. № 1282. С. 1.

в том же году самого Стракая называли «екатерининским мещанином», и везде он считался крупным цирковым предпринимателем и известным антрепренером[92].

В 1902 г. оренбургский купец Н.Ф. Мальнев возвел на Конно-Сенной площади строение, предназначенное для цирка, а в 1907 году попросил разрешения продлить «...срок аренды на место под цирком еще от 2-х до 3-х лет»[93]. До 1907 г. строение сдавалось купцом в аренду цирковым артистам, которые в летний гастрольный период приезжали в Оренбург. Возможно, была сформирована и своя городская труппа. За пять лет постоянной эксплуатации строение обветшало, и Городская дума «...признает удовлетворить ходатайство в том лишь случае, если здание цирка будет капитально отремонтировано согласно требованиям Строительного отделения Губернского Правления»[94].

Отремонтированное здание цирка демонстрировало представления летом 1907 г., а в сентябре

[92] Блохина Н., Мухометзянов Р. Цирк да и только! // Байкальские вести. 2016. 6 июня. [Электронный ресурс] URL: https://baikvesti.ru/new/circus_and_only_252016 (дата обращения: 17.10.2019).
[93] История кинофикации в Самаре. [Электронный ресурс] URL: https://studopedia.ru/11_258646_iii-istoriyakinofikatsii-v-samare.html (дата обращения: 17.10.2019).
[94] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 65. Л. 267.



С.И. Калмыков. Цирк. Офорт. 1926 г.

этого же года Городская дума опять вернулась к вопросу ремонта здания. Для освидетельствования недостатков строения была создана специальная комиссия, отчет которой дает возможность представить себе, каким было здание цирка, построенное купцом Н.Ф. Мальневым. «По произведенному осмотру оказалось, что здание цирка сохранилось в прежнем виде. Все стойки, поддерживающие внутреннюю часть цирка... укреплены в настоящее время особыми приставками (пасынками), связанными с главной стойкой по две в ряд железными обручами. Наружные стойки, поддерживающие навесы кругом цирка, при освидетельствовании их части, находящиеся в земле, оказались весьма хорошо сохранившимися. Вся внутренняя конструкция стропил осталась в прежнем виде... Крыша немного обветшала, но течи еще не заметно. Разделки, около печей, требуют исправления, как равно электрическая установка и укрепление сидений для публики требуют особо тщательного пересмотра до начала открытия представлений. Основываясь на вышеизложенном, находим, что временное здание в настоящем его виде не представляет собою опасности в конструктивном отношении и сохранилось пока довольно хорошо; представления в этом цирке после сделанных вышепоименнованных исправлений могут быть допущены и в будущем, при условии соблюдения установленных освидетельствований до начала каждого сезона ежегодно»[95].

Из отчета комиссии видно, что строение цирка принимало зрителей только лишь в теплое время года — с апреля по октябрь. Основная конструктивная часть, видимо, была выполнена из дерева и состояла из стропил и стоек, поддерживающих навесы и крышу. Все эти конструктивные детали говорят о традиционной для цирка шатровой системе. Здание обогревалось печами, имело собственную электрическую установку, из чего следует,

[95] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 65. Л. 267.

что даже в плохую погоду внутри помещения было комфортно и тепло, а арена освещалась яркими лучами софитов[96].

В Челябинске в октябре 1902 г. Городской управой предпринимателю П.И. Сайковскому было разрешено построить и открыть цирк на торговой площади Южного бульвара (ныне Площадь Революции)[97].

В Верхнеуральске общественных развлечений не было, за исключением качелей, которые содержались двумя местными мещанами «за условную плату в пользу города»[98].

При посещении цирковых представлений, в отличие, к примеру, от театральных постановок, зрителям было абсолютно понятно, за что они платят деньги – за то, чего они сами не умели. Музыканты виртуозно играли на своих инструментах, вольтижеры выполняли акробатические упражнения на скачущих лошадях, акробаты демонстрировали невиданную гибкость тела и силу мышц, фокусники легко играли с различными предметами. Чтобы

[96] Бурлуцкая Е.В., Шлеюк С.Г., Абдрахманов К.А. Оренбург купеческий. Городской ландшафт как пространство повседневности. Оренбург, 2018. С. 245.
[97] Ищенко Е.Б., Ищенко Н.П. Челябинск дореволюционный... С. 44.
[98] Игнатьев Р.Г. Верхнеуральск... С. 131.

Челябинск. Цирк

выработать такие умения, требовались упорство и воля, терпение и сила духа. А эти качества в среде простонародья ценились очень высоко.

Именно выступления акробатов и силачей пользовались у оренбургских дам наибольшей популярностью. В журнале «Пыль», в заметке «Практическое применение междометий оренбуржцев» отмечалось: «Ах! Как скучно! — вздыхают дамы с прекращением цирковой борьбы»[99]. А напечатанное там же стихотворение «Прежде и теперь» гласило: «В былое время акробаты // Взбирались к небу на канате, // Через Ниагарский водопад // В мешке пускались наугад, // Теперь же новое искусство // Волнует в каждом сердце чувство, — // Теперь атлет в свое трико // Влетает в сердце дам легко. [...] Теперь с начала представленья // Все ждут атлетов появленья [...] Места и ложи всюду полны. // Всех больше ж барыньки довольны ...»[100].

В итоге следует констатировать, что доступные для большинства горожан развлечения не предполагали какого-либо интеллектуального усилия, были нацелены на получение простого удовольствия. Традиционность и практичность сознания большинства горожан обусловливала их пристрастие к простым и понятным явлениям досуговой повседневности — народным гуляниям, цирку, катаниям по городским улицам и т.п.

[99] Пыль. Общественно-юмористический журнал. 1909. № 10. С. 3.
[100] Там же. С. 4–5.

5.4. Прогулки, дачи и купания

К особому виду досуга относились ежедневные прогулки на свежем воздухе, которые горожане совершали в комфортную погоду. В отсутствие доступных постоянно действующих специализированных объектов для досуговых мероприятий, прогулки, зачастую, представляли собой единственно возможный и доступный вид свободного времяпрепровождения. Прогулки на свежем воздухе выполняли как оздоровительные функции, так и функции социализации. С помощью гуляний завязывались

новые знакомства, поддерживались прежние приятельские контакты, с помощью одежды и аксессуаров демонстрировался собственный статус.

Во второй половине XIX века мест для гуляния в Оренбурге было немного. Наличие парков, скверов и садов, способных стать излюбленными местами прогулок горожан, для степного Оренбурга было явлением совершенно необходимым. Однако для содержания зеленых насаждений в приличествующем состоянии у городских властей часто не хватало средств. П.Н. Столпянский в своем очерке рассказывал об ивовой аллее, еще в 1840-х гг. соединявшей архиерейский дом (теперь – Городская клиническая больница № 2 на проезде Коммунаров, 19) и Сакмарские въездные ворота (на их месте теперь располагается сквер перед Домом Советов по ул. 9 Января, 62). По словам Столпянского, проезжавший через Оренбург в 1842 г. доктор философии Т. Базинер, «восхищался означенной аллеею и так как деревья были достаточно велики, то высказывал уверенность, что эта аллея надолго сохранит память о лице, посадившем ее – о графе Эссене [оренбургский военный губернатор в 1817–1830 гг. – авт.]. Но ученый иностранец оказался плохим пророком – неизвестно по какой причине, но аллея исчезла»[101].

Крепостной вал, служивший местом вечерних моционов для горожан, был срыт после упразднения статуса Оренбурга как крепости в 1863 г. Однако, в прежние времена, по словам одного из батальонных поэтов, вечером «шум дневной уж умолкал, и вот чинно, плавно, стройно выступают все на вал»[102].

Для прогулок в Оренбурге следовало выбирать строго определенные места, поскольку, по словам А. Алекторова, все площади и большая часть улиц даже в 1880-х годах были «немощеные, вследствие чего, при господствующей здесь сухости воздуха

[101] Столпянский П.Н. Город Оренбург ... С. 23.
[102] Там же. С. 236.

и при песчаном грунте, с каждым небольшим ветром весь город окутывается густым непроницаемым облаком пыли»[103]. После каждой такой прогулки прислуге приходилось тщательно выбивать платья своих хозяек, поскольку длинные подолы юбок собирали на себя всю пыль, скопившуюся на дороге. В дождливую же погоду, когда незамощеные улицы превращались в болота грязи, прогулки становились совершенно невозможными.

Главной траекторией городских гуляний во второй половине XIX в. была улица Большая (Николаевская), пересекавшая Оренбург с севера на юг. По словам М. Михайлова, улица была «вымощена щебнем (шоссе), имеет широкий плитный тротуар и освещается фонарями, в которых горят свечи»[104]. «Однообразная и скучная в большую часть дня, она оживляется в послеобеденное время, часов с пяти пополудни. Тротуар ее мало-помалу наполняется гуляющими, а посредине тянутся ряды экипажей. Шарабаны, тильбюри, коляски (послед-

[103] Алекторов А. История Оренбургской губернии ... С. 121.
[104] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 23.

Оренбург. Петропавловская церковь на Николаевской улице

них, впрочем, немного), доморощенные тарантасы и т.п. мелькают длинной вереницей мимо фланеров, составляющих, впереди тротуара, почти сплошную стену»[105]. «Особенно многолюдна бывает улица зимою, в воскресные и праздничные дни ... Тогда заметны на ней расставленные для порядка жандармы — словом как должно быть гулянью»[106]. Как писал Ф.И. Лобысевич, это «наш Невский проспект: тут и гулянье, и катанье, и лучшие магазины, и все, что хотите»[107].

Плотность гуляющей публики на главной городской улице была столь высока, что если вдруг на прогулке знакомые друг другу фланеры останавливались, чтобы поздороваться и перекинуться парой слов, все остальные гуляющие также были вынуждены останавливаться и ждать, пока будут переданы все приветы и высказаны все любезности.

Ф.И. Лобысевич в своем очерке также обращал внимание на скверы, расположенные на главной улице города: «Посредине города — площадь, имеющая фонтан, и по сторонам его, во всю площадь, — скверы, придающие и хороший вид, и пользу тенью, летом, хотя и небольшою, но все же служащею убежищем для детей, которые по примеру Летнего сада в Петербурге, играют здесь целые дни...»[108]. Автор имел в виду Александровские скверы, заложенные в 1863 году, когда городской голова Степан Деев пожертвовал для этой цели 1000 рублей серебром в память тысячелетия России, отпразднованного в 1862 году.

По словам одного из жителей города конца XIX века, Александровские скверы, «хотя и часто засажены деревьями, слишком малы. Сюда публика заходит только мимоходом отдохнуть, гуляний здесь не бывает вовсе»[109]. Тем не менее, в 1891 г. вокруг сквера была поставлена кованая ограда на каменном фундаменте, был произведен ремонт фонтана, располагавшегося в центре между скверами.

[105] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 37.
[106] Там же. С. 38.
[107] Лобысевич Ф.И. Город Оренбург ... С. 16.
[108] Там же. С. 15.
[109] Цит. по: Судоргина Т.В. Чтобы служил украшением города // Вечерний Оренбург. 2009. № 26.

Постоянный автор публикаций в «Оренбургском листке», скрывающийся за подписью «Дядя Еремей», посвятил Александровскому скверу такие строки: «Лишь только душный день и жаркий // Сменит вечерняя заря, // Сюда идут гулять кухарки // И с ними франты-писаря. // Для деток служит сад забавой, // Как развлечения приют... // Я не пойму, зачем же, право, // Его «собачьим» здесь зовут»[110]. Такое прозвание, используемое, кстати, и для других оренбургских скверов, возникло из-за того, что эти зеленые островки Оренбурга пребывали в крайне плачевном состоянии, становились прибежищем для бродячих собак, пьяниц, нищих. Приличная публика зачастую опасалась заходить в такие «зоны отдыха».

Летом 1899 года корреспондент «Оренбургской газеты» возмущался: «До какого безобразия можно довести сквер в самом центре города, можно увидеть, посетив сквер против театра на Николаевской улице. В середине его помещается будка с продажей шипучих вод, а что творится вокруг этой будки,

[110] Оренбургский листок. 1889. 27 августа.

Оренбург. Александровские скверы

не может представить себе даже и пылкое воображение — это помойная яма, наполненная всякими отбросами. А между тем сквер этот является местом гуляний детей, которые там играют и днем, и вечером. Нужно поражаться равнодушию и невниманию городского управления и к своему скверу, и к интересам населения, которое по необходимости должно посещать городские скверы»[111].

В конце XIX века на берегу Урала в районе современных улиц 8 Марта, Челюскинцев и Красная площадь специально для прогулок с детьми был разбит парк под названием Марсово поле. Для детей здесь ежегодно устраивались «различные игры (футбол, крокет, лаун-теннис, кегли и проч.) и развлечения: качели, карусели, пение, оркестр балалаечников и проч.»[112]. Так, в одной из открыток, хранящихся в личном архиве одного из авторов, оренбургский мещанин писал своей маленькой дочке: «Христос Воскрес маленькая детка Катя. Попроси маму водить себя на Марсовое поле почаще и купить игрушек...»[113].

[111] Цит. по: Судоргина Т.В. Чтобы служил украшением города ...
[112] Райский П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу ... С. 169.
[113] Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Личная переписка представителей семейства Дегтяревых-Сухановых ... С. 45.

Оренбург. Гулянье на Марсовом поле

Правление Оренбургского общества содействия физическому развитию детей использовало Марсово поле под свои мероприятия. Так, 26 августа 1901 г. с трех до восьми там проводился детский праздник «с призовыми играми, музыкой и танцами. Вход для членов общества и их семейств был бесплатным, с учащихся брали за вход 5 коп., с «посторонних» – 10 коп. Завершился праздник фейерверком[114].

Летние прогулочные сезоны открывались в Оренбурге гуляньями в саду Караван-Сарая (Губернаторском саду) площадью больше 5 гектаров. Сад был заложен в середине 1850-х гг. по инициативе оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского. Как писал П.Н. Столпянский, «из девственных в то время лесов Башкирии привозились большие сосны. Их откапывали, и вместе с корнями, в огромных кадках перевозили в караван-сарайский сад»[115].

По словам Михайлова, сад был бы «вполне достаточным» для горожан, но странно устроенным.

[114] Оренбургская газета. 1901. № 1287. С. 5.
[115] Столпянский П.Н. Город Оренбург ... С. 116.

Оренбург. Караван-Сарайский сад

Публика располагалась только на двух аллеях и у небольшого «вокзала», который на лето снимал купец Каретников. Сезон открывался обедом «по назначенной плате, и затем, раза два-три в неделю, публика собирается в этот сад послушать единственный в городе музыкальный хор, в котором, надо сказать, музыкальности мало. Жидкие, преимущественно хвойные (больше все пихта) деревья сада безжизненны, как и вся оренбургская природа, трава желтовата и не имеет той свежести и прелести зелени, как в других местах России. Но эти недостатки скрываются под мраком безлунных вечеров и ночей, так как гулянья начинаются здесь не ранее десяти часов вечера, при фонарях и других иллюминациях...»[116]. Время начала гуляний было вполне объяснимым, поскольку в летние месяцы, когда дневная температура могла превышать 40 градусов по Цельсию, лишь с заходом солнца можно было получить удовольствие от прогулок на свежем воздухе.

В то же время, по словам старожилов, в караван-сарайском саду организовывались «небывалые оргии». Склонность к девиациям вообще была характерна для жителей губернского центра, вне зависимости от социального статуса. Сказывалась и отдаленность региона от столиц и близость к Азии, и пестрота и непостоянство местного городского сообщества. Особенно девиантность поведения проявлялась в новых городских районах, сосредотачивающих в себе рабочее и ремесленное население. Так, например, в отношении жителей Новой слободки (района Оренбурга, ограниченного современными улицами Постникова, Цвиллинга и Комсомольской), П.Н. Столпянский писал, что здесь «по воскресным и праздничным дням происходят кулачные бои, деготь на воротах — обыденное явление, и в редкий праздник в городскую больницу не привозят кого-либо из слободских

[116] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 43.

с проломленной головой, с переломленным ребром или ножом в животе – это означает, что "слободской" развлекается»[117]. В оренбургской прессе констатировалось, что пасхальная неделя 1899 года, как и предыдущих лет, не обошлась без драк и побоищ: «Начиная с первого дня праздника под качелями то и дело происходили драки: то между игроками в орлянку, то между пьяными солдатами»[118].

После того, как в 1865 г. здание Караван-Сарая стало резиденцией начальника Оренбургской губернии, сад был разделен на две части – «одна была присоединена к губернаторской квартире, а другая оставлена на всеобщее пользование»[119]. В конце 1880-х гг. сад у Караван-Сарая для гуляющей публики был совсем закрыт. «Полное отсутствие в городе зелени придает ему какой-то серый однообразный тон, – писал экономист, общественный деятель Е.И. Рогозин, – только стоящий в стороне сад, окружающий караван-сарай, немного веселит взор, но он причислен к губернаторскому дому и публикой теперь не посещается»[120]. Один из авторов местной газеты «Оренбургский листок» писал: «Здешний бомонд, если так можно назвать нашу интеллигенцию, предпочитает гулять в садике на берегу реки Урал, хотя весь этот бульварик не стоит и одной аллеи Караван-Сарайского сада»[121].

Появление городского бульвара оренбургский архитектор и краевед С. Смирнов отнес к середине XVIII века. Он указывает, что «с 1750-х годов здесь было открытое пространство тыльной части берегового укрепления, так называемая горжа... На этом месте в начале 1820-х годов... был высажен городской бульвар. Потом в 1857 году... были проведены большие работы по дальнейшему озеленению и благоустройству бульвара»[122].

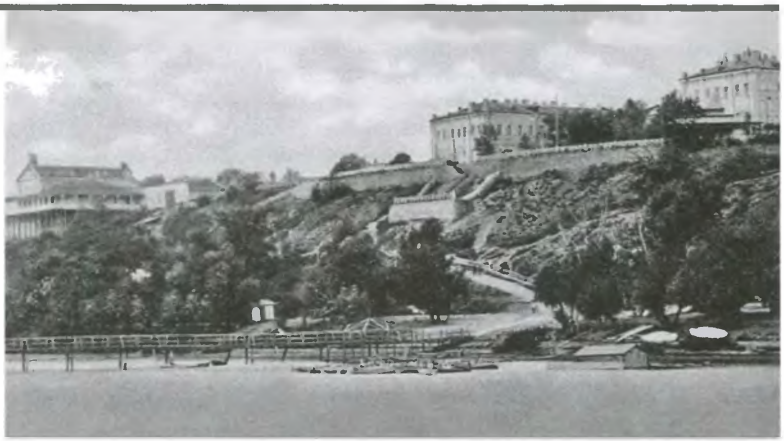
В 1908 г. П.Н. Столпянский указывал: «Напротив домов Казенной палаты и Второго Кадетско-

[117] Столпянский П.Н. Город Оренбург ... С. 106
[118] Ермашова Н. Пасхальные развлечения, недоразумения и «губернский совет безбожников» [Электронный ресурс] URL: http://www.stihi.ru/2014/04/26/6672 (дата обращения: 17.10.2019).
[119] Столпянский П.Н. Город Оренбург ... С. 116.
[120] Рагозин Е.И. Путешествие по русским городам ...
[121] Цит. по: Судоргина Т.В. Чтобы служил украшением города ...
[122] Смирнов С. Войти в историю: Беловка – «изюминка» Оренбурга [Электронный ресурс] // Сайт «Оренбургская неделя». URL: http://orenweek.ru/2018/02/19/5189/ (дата обращения: 17.10.2019).

[123] Столпянский П.Н. Город Оренбург ... С. 381.

го корпуса помещается бульвар. Свое название он получил во времена генерал-губернатора Катенина, который сделал распоряжение о насаждении бульвара. Бульвар на одном своем конце имеет Введенскую церковь, построенную при Неплюеве и бывшую зимним собором, а на другом конце бульвара находятся когда-то генерал-губернаторские, а теперь Общества садоводства оранжереи. Городское управление прилагает много забот к внешнему благоустройству бульвара, и он действительно является лучшим уголком Оренбурга»[123].

Организованная архитектурными строениями Набережная площадь (бульвар) по периметру прямоугольной формы могла вместить много народу, поэтому здесь проводились общественные городские мероприятия — народные гуляния, крестные ходы, а также сюда горожане приходили отдохнуть, подышать свежим воздухом, совершить променад от Преображенского собора до Введенского, встретиться со знакомыми, продемонстрировать свой наряд, обсудить последние городские новости. Ме-



Оренбург. Вокзал-ресторан Белова

сто было очень привлекательным для купечества и мещан, занимающихся торговлей, так как организованные здесь буфеты и рестораны приносили всегда стабильную прибыль[124].

Наиболее масштабное преображение бульвара произошло благодаря действиям оренбургского 1-й гильдии купца А.А. Белова. Постановлением Оренбургской городской думы в 1883 г. Белову в аренду на 30 лет были сданы городской бульвар на правом берегу Урала «от памятника Александру I до Введенского собора», а также часть Зауральной рощи на левом берегу. Среди обязательств также значился пункт о том, что на бульваре будет организован «ежедневно театральный хор музыкантов под управлением опытного капельмейстера, а в Зауральной роще музыкантов иметь только в воскресные дни»[125].

Местность набережной реки Урал, оговоренная в контракте, требовала постоянного ухода. Поэтому необходимо было «производить чистку аллей и уход за деревьями, а в зимнее время очищать аллеи от снега для прогулки публики». В зимний период дозволено было устраивать каток для конькобежцев, в летний – купальни «и другие увеселения и удобства для публики»[126]. В договоре об аренде было сказано: «Обязуемся содержать бульвар в полной исправности и чистоте. Наблюдать, чтобы никто не ломал и не портил деревьев, кустов, не допускать туда коров, лошадей, а также не дозволять ездить на бульваре верхом или в экипажах, наблюдать за своевременной поливкой всех насаждений, чтобы прислуга была всегда прилично одета и к требованию публики относилась вежливо и предупредительно»[127].

С 1887 г. в документах Оренбургской городской управы ресторан-вокзал на набережной Урала стал официально именоваться Беловским, а бульвар Беловка получил от этого заведения свое название.

[124] Бурлуцкая Е.В., Шлеюк С.Г., Абдрахманов К.А. Оренбург купеческий ... С. 136.
[125] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 933. Л. 30.
[126] Там же. Л. 20 об.
[127] Цит. по: Савельзон В.Л. Оренбургская история в лицах. Оренбург, 2007. С. 206.

[128] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 933. Л. 189 об.
[129] Райский П.Д. Путеводитель по г. Оренбургу ... С. 167.
[130] Оренбургский листок. 1889. 27 августа.
[131] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 933. Л. 252.

В мае 1888 г. Городская дума в своих документах отмечает, что «бульвар есть единственное место приятного отдохновения интеллигентной публики как по чистоте воздуха, так и по обстановке»[128]. Беловка, как писал П.Д. Райский, в летнее время была самым излюбленным местом для прогулок и развлечения горожан. «Возвышенная местность, тенистые аллеи, цветники, электрическое освещение, павильон с фруктовыми водами, ресторан, ежедневная по вечерам игра духового или бального оркестров — все это привлекает на бульвар массы публики. Главная аллея по вечерам всегда переполнена двигающейся с одного конца на другой и обратно интеллигентной публикой»[129]. «Дядя Еремей» писал в «Оренбургском листке»: «Издалека уже я вижу: // Вокзал «Беловка» здесь стоит. // Как башня Эйфеля в Париже, // Он над бульваром всем царит»[130].

В марте 1889 г. А.А. Белов полностью передал контракт жене, Дарье Тимофеевне Беловой[131], но продолжил заниматься улучшением устройства Бе-

Оренбург.
Вид от Зауральной рощи

ловки. Так, в апреле 1893 г. (за год до своей смерти) Белов, в связи с «появлением конкурента в Караван-Сарае»[132], подал в Оренбургскую городскую управу прошение произвести на набережной ряд усовершенствований: устройство арок из вьющихся растений по аллее, ведущей от вокзала к памятнику; разбивку клумб; строительство пологой лестницы к Уралу от вокзала; укладку обрыва под вокзалом дерном с дорожками; запуск фейерверков на берегу и «на Урале на лодках ставить живые морские картины»[133].

Посещение мест для городских гуляний, сопряженное с необходимостью трат на еду и напитки, ограничивало возможности средних и низших городских слоев населения проводить свой досуг в таких местах. Здесь сосредотачивалась преимущественно «интеллигентная» публика. Однако соображения выгоды всегда оказывались сильнее.

Определенную живость в однообразную жизнь горожан вносил разлив Урала. Постепенно наполняющаяся река представляла собой прекрасное зрелище. Многие оренбуржцы по утрам и вечерам специально приезжали к реке, «чтобы посмотреть, сколько уже ступенек губернаторского крыльца покрыто водою, — и затем спешить сообщить о том, как новость»[134].

Когда после разлива Урал возвращался в привычные берега, открывались и гуляния в Зауральной роще. Впервые приспособить этот зеленый уголок для прогулок горожан придумал военный губернатор П.К. Эссен. Он приказал проложить аллеи, засыпать их песком, произвести подсадку деревьев, выбрать и облагородить места под общественные пляжи. Здесь было гораздо больше тени, из-за чего фланирующих можно было встретить в любое время дня. Прогуливающихся развлекал все тот-же музыкальный хор, что и в губернаторском саду. На одной из площадок на берегу реки

[132] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 933. Л. 272.
[133] Там же. Л. 272 об.
[134] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 56.

был выстроен небольшой «вокзал», несколько деревянных палаток для игры в карты и «арена» для музыки. Также были поставлены несколько скамеек и столиков для любителей пить чай или ужинать под открытым небом.

По словам одного из современников описываемых событий, «летом в праздничные дни роща наполняется людьми, ищущими отдыха и прохлады от палящего зноя. Роща оживляется, оглашаясь звуками русских и татарских песен, гармоники и смешиваясь в один общий гул с стройными звуками роялей дачников. Повсюду виднеются группы людей с кипящими самоварами, слышится хлопанье пробок и веселый говор отдыхающих на лоне природы»[135]. Веселые компании катались на лодках по Уралу, распевая песни. Возможно, именно от этих гуляний родилась традиция «маевок», так любимых нынешними оренбуржцами.

На Большой поляне рощи, окруженной дачами зажиточных горожан, устраивались «народные гулянья с музыкой, иллюминациями, фейерверками и общедоступными аллегри [лотереями – авт.] в пользу бедных. Народ, не видавший ничего лучшего, толкается на этих гуляньях взад и вперед мимо увеселительных огней и немудреных декораций, или составляет кружки у выставленных напоказ выигрышей»[136].

Поскольку гуляющая публика и в губернаторском саду, и в Зауральной роще была одна и та же, в обоих местах работал один и тот же музыкальный хор, да и блюда в буфетах были аналогичными. Гуляния, по словам Михайлова, были «крайне однообразными».

Новым местом для прогулок горожан в конце XIX в. стал Тополевый сад (современный парк «Тополя»), разбитый в соответствии с постановлением Оренбургской городской думы от 22 марта 1889 г.[137]. П.Д. Райский информировал читателей:

[135] Цит. по: Райский П.Д. Путеводитель по г. Оренбургу ... С. 168.
[136] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 45.
[137] Столпянский П.Н. Город Оренбург ... С. 186.

«Благоустроенными садами в Оренбурге могут назваться только Тополевый, Александровский сквер, городской бульвар, куда по вечерам в летнее время собирается во множестве оренбургская публика и наполняет их до тесноты.

Тополевый сад возник в 1889 году по инициативе городского головы С.И. Назарова, настоявшего на необходимости реорганизации городского водопровода. Когда водопровод был расширен, то явилась возможность разрешить поливку существующих в городе садов и сверх того засадить тополевыми деревьями песчаную Кадетскую площадь. Благодаря быстроте роста, которым отличается так называемый «хвалынский» тополь, сад быстро разросся»[138]. Уже упоминаемый выше «Дядя Еремей» о «Тополевом саде» писал: «Мой юный сад! Я шлю тебе привет // Свой искренний и чистый, // Любуясь зеленью твоих молоденьких ветвей! // Чрез много лет ты будешь сад роскошный и тенистый...»[139].

[138] Райский, П.Д. Путеводитель по г. Оренбургу ... С. 167.
[139] Оренбургский листок. 1889 27 августа.

Оренбург.
Вход в Тополевый сад

В августе 1894 г. в газете «Оренбургский листок» было напечатано рекламное объявление К.Я. Клюшникова следующего содержания: «В городском парке из душистых тополей, против Неплюевского кадетского корпуса в павильоне на площадке с цветочными клумбами поступило в продажу старинное русское питье из ржаного солода (вроде сусла или браги), без хмеля, очень приятного вкуса, питательное и полезное для здоровья. Бутылка 7 копеек, а ведро в разлив 1 рубль без посуды. Потребители хвалят»[140].

В 1904 г. купец Н.Ф. Мальнев соорудил в Тополевом саду деревянные постройки. «Список лиц, коим разрешены постройки...», содержит информацию, что в саду был установлен летний театр, ресторан, открытая сцена, бильярдная, помещение для игры в кегли[141]. Такой перечень построек, несомненно, указывает на то, что купец вкладывал немалые денежные средства в организацию отдыха и развлечений горожан, стараясь привлечь в Тополевый сад как можно больше состоятельных людей. К услугам посетителей предлагался традиционный бильярд, в который купечество часто играло на деньги, и новшество из Америки – кегли, под которые был выстроен отдельный деревянный павильон. Несомненно, в летнем театре выступали приезжие и оренбургские артистические труппы, а на открытой сцене проводились выступления музыкантов духового военного оркестра, под мелодии которого внутри павильонов вальсировали танцующие пары.

В Челябинске в березовой роще в 1874 г. был открыт городской сад Общественного собрания. Благодаря пожертвованиям статского советника, предпринимателя, мецената, общественного деятеля, городского головы Челябинска с 1874 по 1878 годы В.К. Покровского в роще было установлено летнее помещение, ограда, разбиты дорожки. Летом по вечерам здесь играла музыка и проводились на-

[140] Время назад: прошлое и настоящее Оренбурга [Электронный ресурс] Сайт «Бердская слобода». URL: http://berdskasloboda.ru/vremya_nazad/ (дата обращения: 17.10.2019)

[141] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 675. Л. 163 об.

родные гуляния. В начале XX в. сад был перенесен на другое место, на территорию современного парка им. А.С. Пушкина. В 1907 г. там были построены здание для клуба, раковина для оркестра. До революции в городском саду проходили концерты симфонического оркестра под руководством Г.Д. Моргулиса, выступали гастролировавшие в городе театральные труппы, устраивались народные гуляния с духовыми оркестрами, танцами, демонстрацией кинофильмов, фейерверками и другими зрелищными номерами[142].

В том же Челябинске еще в 1870-е гг. был создан сад-остров, в котором сложился соответствующий духу и эстетическим нормам времени культурный комплекс, способный удовлетворить вкусы поклонников русской и цыганской песни, гитары, мандолины и балалайки. Располагался сад-остров на р. Миасс, восточнее современного моста по ул. Кирова, на повороте реки на север. Возникновение этого культурного центра было связано с тем, что часть полуострова правого берега реки Миасс ря-

[142] Боже В.С. Городской сад Общественного собрания // Энциклопедия «Челябинск» [Электронный ресурс] URL: http://www.book-chel.ru/ind.php?what=card&id=5297 (дата обращения: 17.10.2019).

Челябинск. Городской сад

дом с городом постепенно, начиная с 1830-х гг., отделилась от берега, превратившись в остров, и к концу XIX в. почти приблизилась к левому берегу. Поначалу остров использовался под огороды. Однако к концу XIX в. город начал ощущать потребность в специализированных местах отдыха и развлечений.

В конце XIX в. сад-остров был передан городскому Вольному пожарному обществу, которое впоследствии курировало работу всех увеселительных заведений, а в 1911 г. сдало его в субаренду «Новому клубу», развернувшему на острове активное строительство. В результате появились новое здание для размещения клуба, обсерватория, кинематограф. Торжественное открытие благоустроенного острова состоялось 19 мая 1911 г. По сообщению газеты «Голос Приуралья», «сад подчищенный и прибранный был иллюминирован. Играл с 8 часов вечера полный оркестр духовой музыки Инсарского полка». Кроме него на острове нередко играл и оркестр Оровайского полка, прибывавше-

Челябинск. Остров увеселения

го в летние лагеря в окрестности Челябинска. На острове проходили маскарады, народные гуляния с танцами, организовывались фейерверки. Об одном из них вспоминал К.И. Ферапонтов: «В начале XX века фейерверки делали с большим мастерством и фантазией. Так, однажды мы увидели, как от моста к саду-острову плывут большие зеленые деревянные лебеди, перемещавшиеся с помощью специальных тросов. Где-то посередине пути раздался взрыв и из лебедей полетели яркие цветные огни. Восторг у всех был необыкновенный!» Зимой пространство между мостом и Садом-островом использовали для организации бегов[143].

Летний отдых горожанок мог проходить и на даче. Дачный отдых соответствовал распространенным тогда представлениям о более здоровом проживании на природе – жизнь на даче была более свободной, дачники располагались не так скученно, как в городском доме или квартире. Почва и природные водоемы успешнее справлялись с всевозможными отходами, нежели городские дворы.

Дачи не были массовым явлением. Позволить себе отдых на природе могли лишь зажиточные горожане. Так, дачи в Зауральной роще, рядом с городом, были достоянием только людей «ближнего круга». Там располагалась дача самого губернатора. Так, губернатор А.П. Безак сделал вокруг своей дачи ограду, за которую пускались только приглашенные, которым подавали чай. С августа, «когда наступали темные вечера, дача украшалась и освещалась цветными бумажными фонариками. Сам Александр Павлович говорил, что вид его дачи и гуляющей публики напоминает Парижские бульвары»[144].

Типовой дачи не существовало – все устраивались в соответствии со своими финансовыми возможностями. Заселялись дачники с наступлением тепла, как правило в начале мая. В основном на

[143] Боже В.С. Сад-остров // Энциклопедия Челябинск [Электронный ресурс] URL: http://www.book-chel.ru/ind.php?wnat=card&id=2701 (дата обращения: 17.10.2019).
[144] Чернов И.В. Заметки по истории Оренбургской губернии ... С. 182.

даче жили женщины и дети отцы семейства работали и часто постоянно жили в городе, навещая семью по выходным.

«Оренбургские дачники, – по словам М. Михайлова, – за исключением немногих, имеющих дачи в роще, живут в некоторых станицах по Уралу и в окрестных деревнях»[145], например, в Бёрдах, снимая на лето обычные крестьянские избы. «Другой сорт» дачников заселялся в киргизские кибитки («конического вида палатки, обитые войлоком»), ставя их в Зауральной роще или на берегу реки Сакмары. «Пару таких палаток, стоящую примерно до 40 рублей, считают весьма достаточным помещением для небольшого семейства. В таком случае одна из палаток (господская) убирается коврами и необходимой мебелью; другая же (людская) служит кухней и жилищем для прислуги. Подобных, наскоро импровизированных, дач в Окрестностях Оренбурга можно встретить немало, но все они располагаются отдельно одна от другой, как будто оренбуржцы сами бегут общества»[146].

Ездили оренбуржцы также на берега реки Сакмары, «с самоварами, отправляя последние, вместе с холодным ужином, на особой подводе». Иные посещали Маячную гору, чтобы «прослушать зорю в кадетском лагере, или отправляются к пугачевским батареям – четырем небольшим холмам, которым народная молва присвоила это историческое название»[147]. И.Ф. Бларамберг писал, что лето 1842 г. он «провел с семьей на Маяке, на берегу Сакмары, в 7 верстах от Оренбурга, на вилле графа Цуккато, окруженной лесом и лугами»[148].

В летнее время доступным видом досуга было купание. Купаться на глазах публики считалось непристойным поведением, поэтому в Оренбурге у моста через Урал со стороны Зауральной рощи были устроены «торговые» (платные) купальни. Купальни были различных типов – общие и номера,

[145] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 46.
[146] Там же. С. 47.
[147] Там же. С. 46.
[148] Бларамберг И.Ф. Воспоминания ... С. 251.

за которые взималась различная плата. В номерах, в отличие от общих купален, имелись кабинки для переодевания, скамейки для отдыха, ступеньки для спуска в воду. Существовали и дорогие номера, в которых был предложен еще более широкий перечень удобств для состоятельной публики.

В мемуарах К.Н. Теплоухова, челябинского чиновника, сообщалось о том, что в 8–10 верстах от Челябинска в поселке Смолинский на берегу озера он с семейством обосновался на лето. Вода в озере, по слухам, была целебной, и многие челябинцы предпочитали проводить лето там, отдыхая и оздоравливаясь одновременно. Теплоухов каждое утро по делам службы уезжал в Челябинск. После обеда «возвращались в три часа; жена и дети гуляли, купались – ребята весь день на озере. Вечерами тоже гуляли, играли в крокет у нас во дворе, иногда играли в карты»[149], – писал Константин Николаевич.

Находясь за городом, дамы часто осваивали непривычный для них новый вид транспорта – вело-

[149] Теплоухов К.Н. Мемуары ... С. 15.

Оренбург. Зауральная роща

сипед. В мемуарах Константина Теплоухова читаем о том, что одна из его соседок «приобрела дамский велосипед, сшила спортсменский костюм» и вместе с Константином Николаевичем стала совершать прогулки на 7–10 верст и обратно. Училась ездить и жена Константина Николаевича: «Уходили подальше от жилья, снимала верхнюю юбку и усаживалась на велосипед – я держал. Жена научилась довольно скоро, но трусила и требовала, чтобы я все время был около нее; я мог бежать рядом с велосипедом минуты две-три, потом выдыхался, – а она одна не рисковала»[150].

В Илецкой Защите местной достопримечательностью служило «соленое озерко» (современное Соленое озеро). Как писал современник, вода в нем была «чиста и прозрачна, как в горном источнике». Высокая концентрация соли не давала купающимся погружаться в воду и оставляла их плавать на поверхности. Общественное мнение приписывало «здешним водам целебное действие, особенно для страждущих ревматизмами. Впоследствии времени, для значительных посетителей здесь устроены три ванны, а охотники из простонародья купаются в озерке для потехи; особенного действия соленой воды на организм объяснить не могут, кроме того, что "в волосах оседает соль"»[151].

В «полу-татарском, полу-купецком» Троицке В.Л. Кигн-Дедлов из «признаков культуры» обнаружил только «красивые чистенькие купеческие дома-особняки». «Газету так же трудно добыть как ананас; книжных лавок нет, даже бань нет, даже гостиниц, даже места для гулянья», – писал чиновник[152].

Таким образом, в ситуации, когда специальных мест для прогулок горожан было немного, в комфортную погоду они были переполнены фланерами. Как правило, прогулки у зажиточной публики сопровождались походами в кафе. Средние и низ-

[150] Теплоухов К.Н. Мемуары ... С. 34.
[151] Небольсин П. Рассказы проезжего ... С. 198–199.
[152] Дедлов (Кигн) В.Л. Из поселков в Троицк // Дедлов (Кигн) В.Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки СПб., 1894. С. 75.

шие городские слои вынуждены были довольствоваться лишь наблюдением за подобными развлечениями «бомонда», либо находили себе занятия попроще — пикники на свежем воздухе, купания. Распространенным явлением среди зажиточных горожан стал дачный отдых, обеспечивающий более здоровые в санитарно-гигиеническом плане условия жизни, хотя бы в летнее время года. Во время прогулок и дачных сезонов между горожанами завязывались новые знакомства, мог происходить подбор будущих спутников жизни.

5.5. Посещение ресторанов

Организация ресторанного бизнеса и посещение ресторана, в определенной степени, являлись лакмусовой бумажкой, наглядно демонстрирующей преобладающие в обществе представления о правилах приличия, нормах поведения, морали.

Изучение ресторанной культуры, ресторанного сервиса в исторической ретроспективе сегодня не слишком популярное направление исследований, хотя, учитывая современное внимание к развитию туризма, обращение к истории одной из составляющих туристической сферы представляется довольно своевременным. Отдельные работы в этом проблемном поле затрагивали вопросы ресторанного дела в российских столицах[153] и дореволюционной России вообще[154].

Организация ресторанного дела в России определялась целым рядом предписанных правовых норм. В середине XIX в. существовало два типа заведений — питейные, предназначенные для продажи алкоголя, и «трактирного промысла», где можно было получить горячую пищу. Как отмечает в своей статье Е.В. Долгих, в середине столетия «местами продажи питий» считались: «питейные дома; ведерные и штофные лавки; временные выставки; водочные магазины или погреба; городовые при конторах и дистанционные подвалы. К заведени-

[153] Шкуропат С.Г. Рестораны в системе увеселительных заведений Санкт-Петербурга XIX — начала XX в. // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 210. С. 267–274.

[154] Степанова Н.Н. Ресторанный сервис в культуре повседневности России в XIX–XX вв. // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2009. № 3. С. 83–86; Малышкина Е.А. Эволюционный путь развития индустрии общественного питания в дореволюционной России // Социально-экономические исследования и процессы. 2014. № 2 (060). С. 72–78; Долгих Е.В. Правовое положение заведений общественного питания России в 1861–1918 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2017. № 5. С. 14–41.

ям трактирного промысла причислялись гостиницы, рестораци, кофейные дома, трактиры, харчевни; столы без подачи напитков (с 1836 г.), кафе-рестораны (с 1841 г.). Действовали также заведения, не причисляемые к промыслу, но выполнявшие те же функции: постоялые дворы, съестные лавочки, кухмистерские столы, кондитерские, московские греческие кофейни, буфеты при театрах и привилегированные заведения – воксалы»[155]. То есть распитие спиртных напитков и трапеза разводились по месту осуществления. В заведениях, предназначенных для еды, ограничивалось право продажи разных алкогольных напитков.

[155] Долгих Е.В. Правовое положение заведений общественного питания России в 1861–1918 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2017. № 5. С. 15.

Заведение «вроде ресторана», где могла бы пообедать приличная публика, впервые появилось в Оренбурге в 1855–1857 гг., на втором этаже знаменитого в городе «дома Тимашева». Содержателем ресторана был Николай Татаринов, бывший камердинер графа Перовского. Однако заведение вскоре «зачахло, вследствие неудовлетворительного содержания». Алкоголь в подобном заведении

Оренбург. Дом Тимашева

(по крайней мере, легально) продавать было запрещено, а кухня, по-видимому, была не слишком хороша, что отпугивало потенциальных посетителей.

Положение о трактирных заведениях[156] отменило ограничения на ассортимент подаваемых в них напитков и блюд. Согласно норме закона, трактирное заведение «есть открытое для публики помещение, в котором либо отдаются в наем особые покои "со столом", либо производится продажа кушанья и напитков» (п. 1). В перечень «трактирных заведений» вошли, в том числе, гостиницы; трактиры; рестораций; кафе-рестораны и кухмистерские столы для приходящих; харчевни; буфеты при театрах, балаганах, станциях железных дорог, в клубах и публичных собраниях разного рода; открываемые на все летнее время палатки на гуляньях (п. 1). И для употребления на месте и на вынос в них разрешалось иметь: «кушанья всякого рода, десертные припасы и кондитерские изделия» и безалкогольные напитки. Только «распивочно» на месте должны подаваться виноградные вина, спиртные напитки, портер, пиво и мед; также на месте должны употребляться табак и сигары (п. 4). Содержателям трактирных заведений не воспрещалось «иметь бильярды и дозволенные законом игры, а равно музыку; но в харчевнях не дозволяется игра в карты» (п. 4).

Право открывать трактирные заведения было предоставлено всем городским сословиям: купцам всех гильдий, мещанам, крестьянам, торгующим по торговым свидетельствам. Один человек мог иметь несколько трактирных заведений. Разрешение на открытие такого заведения выдавала Городская дума.

При губернаторе Безаке содержатель кухни Дворянского собрания Антон Семенович Каретников (тоже бывший камердинер одного из высших чи-

[156] Положение о трактирных заведениях (04.07.1861) // ПСЗРИ-II. Т. 36. Отд. 2. № 37198. С. 70–78.

новников, служивших при губернаторе Перовском) решил устроить ресторан-гостиницу. На центральной улице Николаевской были сняты два дома, наняты «порядочные» повар и прислуга. В летнее время этот ресторан открывал свой «филиал» в Караван-Сарайском саду. По словам И.В. Чернова, «дело шло хорошо; молодых людей, не имевших своего хозяйства, было достаточно; все они обедали исключительно в ресторане Каретникова, вышедши из канцелярии генерал-губернатора». Однако впоследствии «пьяная публика и буйные по характеру люди нередко заводили скандалы и дело пошло много хуже. Сам содержатель Каретников пристрастился к игре в карты, проводя за ними целые ночи и спуская прежде нажитое»[157].

В летнее время этот ресторан открывал свой «филиал» в Караван-Сарайском саду. «Лучшая публика» имела возможность во время гуляний по саду поужинать в буфете Каретникова — заказать вина с закусками или фруктами, выпить чаю со сладостями. Прогулки перемежались танцами и игрой в карты. В то же время публика «попроще», глазеющая на аристократию «сквозь окна вокзала», за неимением разносчиков недорогих лакомств, вынуждена была довольствоваться «одним только до крайности сухим оренбургским воздухом»[158]. Вообще следует констатировать, что досуг в пореформенный период становился все более публичным, и в сферу общественных развлечений постепенно втягивались практически все категории городского населения.

Путешественники, составляющие записи своих перемещений, ведущие дневники или пишущие письма из дальних странствий, обязательно отмечали наличие или отсутствие трактиров в посещаемых ими городах, подробно описывали их интерьеры и меню, что свидетельствовало, во-первых, об относительной редкости подобных заведений,

[157] Чернов И.В. Заметки по истории Оренбургской губернии ... С. 182–183.
[158] Михайлов М.Оренбургские письма ... С. 44.

а, во-вторых, об их важности для комфортной жизни. Во время своего пребывания в Оренбурге, ресторан-гостиницу Антона Каретникова посетил М. Михайлов. Выбор был сделан по рекомендации ямщика, который привез Михайлова в город. Между извозчиком и пассажиром состоялся такой диалог: «— Чай к Антону прикажите, барин? — Кто этот Антон? — Да у него лучшая гостиница, где все господа останавливаются...»[159].

Послушав совета местного жителя, подполковник Михайлов получил возможность сравнить формат провинциальных гостиниц и ценовую политику их хозяев со столичными заведениями данного класса. Гость отметил низкий уровень удобства гостиничных комнат и не соответствующие качеству сервиса завышенные цены: «За комнату в два окна, от которой отделены дощатыми перегородками крошечная спальня и передняя, с меня брали по 1 р. 50 коп. в сутки — и хотя в этот расчет включались стеариновая свеча и самовары, подаваемые утром и вечером, но для Оренбурга это очень дорого... Гостиница помещается в обоих этажах: в нижнем — общие комнаты, бильярд и буфет; в верхнем номера»[160].

В 70-х гг. XIX в. гостиница Каретникова продолжила свою работу и все еще выдерживала планку одного из лучших заведений города. В Оренбурге «гостиницы грязны и не имеют ни хорошего обеда; ни прислуги; лучшими считаются: гостиница купца Каретникова, называемая на вывеске "Hotel d'Orenbourg"». Это наш оренбургский Дюссо. Затем есть нумера и в собрании, но обед там также дурен и неизыскан, между тем цена за нумера (одна маленькая комната в 11/2 и 2 р.) очень дорога», — упоминал об объектах сферы услуг современник событий[161].

Чуть позже появились большие рестораны купцов Николая Ладыгина (в гостинице «Европей-

[159] Михайлов М. Оренбургские письма ... С. 21.
[160] Там же. С. 25.
[161] Лобысевич Ф.И. Город Оренбург ... С. 16–17.

ская» – совр. ул. Советская, 52) и Ивана Гусева (в здании, где впоследствии расположилось отделение Государственного банка – совр. ул. Советская, 54). При гостинице «Европейская», открывшейся в 1876 г., находился один из наиболее дорогих и шикарных ресторанов Оренбурга. В нем давались, наверное, лучшие в городе обеды. Так, ресторанное меню на 14 января 1901 г. состояло из следующих блюд: «Суп россис с пирожками. Котлеты пожарские. Судак орли. Пломбир». Второй вариант включал в себя «Щи николаевские и ватрушки. Лангет соус пикан. Пломбир». 15 января гостей ресторана предполагалось потчевать таким набором блюд: «Консоме борщик с дебелями («дебели» – это, видимо, «дьябли», сырные гренки с кайенским перцем – такое же блюдо подавали в петербургском ресторане «Палкин» в 1907 г.). Каракеты из дичи. Жаркое телятина. Самбук фруктовый» или «Щи ленивые и ватрушки. Буженина. Трубочки со сливками»[162]. Судя по ассортименту блюд, в начале XX в. оренбургские рестораторы, несмотря на провинциальное положение города, могли удовлетворить самые взыскательные вкусы городских обывателей.

Ресторанное меню, как правило, включало в себя блюда французской и российской кухни. Французские блюда, повара из Франции автоматически считались признаком высокого уровня заведения. Однако на ресторанном рынке Оренбурга присутствовали и «специализированные» заведения. Так, в журнале «Пыль» была дана реклама винного погреба «Аракс», расположенного в доме Страза на Николаевской (совр. ул. Советская) улице. Только здесь можно было получить «натуральные кавказские вина и настоящий шашлык»[163].

Питание в ресторане предоставляло возможность не только получить горячую пищу, скрасить свой досуг, побаловать себя, но также, в опреде-

[162] Оренбургская газета. 1901. № 1116. 14 января.
[163] Пыль. Общественно-юмористический журнал. 1909. № 10. С. 16.

ленной степени, было способом социализации, а также демонстрацией довольно высокого уровня жизни. Стоимость обеда из 5 блюд в 1906 г. составляла 1 р. 25 коп.[164]. Если учесть, что стоимость месячной аренды квартиры составляла в это время в Челябинске 20 рублей, обедать в ресторане могла очень небольшая часть населения. В то же время, несмотря на дороговизну и изысканность блюд, среди публики, посещающей рестораны, по замечанию И.В. Чернова, почти не встречалось «интеллигентов, которые стараются избегать смешения с массою неизбежных лиц. Быть может, в европейской гостинице иногда обедают немногие по привычке или по особому какому случаю, – писал мемуарист, – но в других – обыкновенная трактирная публика»[165].

В 1874 г. оренбургский купец А.С. Каретников построил на городском берегу Урала деревянный «вокзал», как называли ранее ресторан. Через восемь лет, после истечения срока аренды, Городская дума передала это доходное место купцу Спиридонову. В 1883 г. арендатором городского бульвара стал оренбургский купец А.А. Белов. Одним из важнейших условий контракта была перестройка существующего обветшавшего здания вокзала с буфетом Каретникова по проекту, разработанному городским архитектором Кориным.

Проект «вокзала», предложенный Кориным, предполагал постройку двухэтажного здания. Первый этаж с располагавшимися в нем кухней, помещением для прислуги, кладовыми, ледником должен был стать каменным, второй этаж включал каменную среднюю часть основного зала для посетителей и деревянные боковые пристрои к основному зданию. По проекту, в боковых частях предполагалось поместить буфет, бильярдную, комнаты для карт и кладовые к буфету. Предполагалось, что в залах вокзала будут организованы концерты, те-

[164] Оренбургский листок. 1906. 7 февраля.
[165] Чернов И.В. Заметки по истории Оренбургской губернии ... С. 184.

атральные или акробатические представления, маскарады и клубные вечера. Помимо этого, вокзал должен был иметь отопление посредством калорифера, расположенного в подвальном помещении[166].

Поздней осенью 1884 года Александр Белов дал объявление в газете «Оренбургский листок» о том, что: «Зимний вокзал на берегу р. Урал для народных гуляний открыт. Вокзал обставлен всеми удобствами, имеет буфет с хорошими, выписанными из-за границы винами и изысканную кухню под управлением опытного повара. При вокзале — обширнейший в городе зал, очень удобный для балов, свадебных вечеров, концертов, публичных лекций и тому подобных общественных собраний. При вокзале имеется каток. Ежедневно блины»[167].

«Вокзал» Белова стал излюбленным местом проведения досуга состоятельных горожан. Объявление в «Оренбургской газете» от 13 июля 1901 г. гласило: «Сегодня, в 9 часов вечера, в вокзале Белова назначено последнее представление движущегося парижского фото-синема-калейдо-театра г. Виктоар, обещающего между прочим в первый раз демонстрировать своим аппаратом путешествие в Константинополь, Египет и Аравию, и охоту на оленей в лесах герцога Орлеанского в Шантилии; эта охота, как гласит афиша, снята с натуры по заказу герцога Орлеанского. Представлению фото-синема-калейдо-театра, как и прежде, будет предшествовать отделение вантрилога-чревовещателя А.Ф. Кристенса»[168].

Однако не все в ресторане Белова было благопристойно. Архивные материалы сохранили заявление гласных Городской думы Оренбургскому городскому голове, статскому советнику Александру Васильевичу Соколову. Возмущенные представители городского самоуправления отмечали, что бульвар вдоль реки открыт не только для взрослой публики, но и для детей, приходящих подышать

[166] Бурлуцкая Е.В., Шлеюк С.Г., Абдрахманов К.А. Оренбург купеческий ... С. 142.
[167] Цит. по: Смирнов, С. Войти в историю: Беловка — «изюминка» Оренбурга / С. Смирнов // Оренбургская неделя. [Электронный ресурс] URL: http://orenweek.ru/2018/02/19/5189/ (дата обращения: 17.10.2019).
[168] Оренбургская газета. 1901. № 1251. 13 июля.

свежим воздухом. Однако «в означенном набережном вокзале в последнее время стали проводиться увеселительные представления, заключающиеся из музыкантов и певиц, являющихся на подмостках в соблазнительных костюмах, дозволяющихся себе выказывать вакхантные (непристойные) шутки вопреки всякому чувству благопристойности, на подобные легкие поведения игрища собирается в вокзале городская молодежь. В среде певчих барышень проживают последние достояние свои, расстраивая тем свои дела и нравственно убивая себя и семейства свои...

Ввиду предупреждения дальнейшего развития нравственного развращения между цветущего юношества, живущего между близких сердцу родных и знакомых горожан г. Оренбурга, мы считаем за нравственную обязанность свою покорнейше просить Ваше Высокородие доложить следующее наше Заявление на обсуждение 22 гласных Городской думы в первое же заседание на предмет возбуждения пред высшим начальством ходатайства о воспрещении производить в набережном вокзале соблазнительное пение составом женского персонала и т.п. игрища»[169].

Заявление было подписано известными горожанами, купцами Ефимовым, Сачковым, Зарывновым, Поповым, Хусаиновым, Балтенковым. Это заявление рассматривалось на заседании Городской думы 23 октября 1887 г., но не получило поддержки. Депутаты заявили, что «Дума не компетентна рассматривать заявления подобного рода, об надзоре за охранением общественной нравственности и за порядком в увеселительных заведениях, как, например, вокзал Белова, исключительно принадлежит полицейской власти»[170].

В «Путеводителе-справочнике по Оренбургу и Ташкентской железной дороге с расположенными на ней городами» Н.И. Бодрова-Повираева, из-

[169] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 933. Л. 173 об.–174.
[170] ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 933. Л. 175 об.

данном в 1908 г., перворазрядными ресторанами в Оренбурге были названы рестораны в гостиницах «Центральная» (на углу Николаевской и Гостинодворской улиц, совр. ул. Советской и Кирова, сейчас ресторан «Полный фарш»), «Американская» (находилась на перекрестке современных улиц Кирова, 24 / 9 Января, 43, ныне – здание ФСБ) и ресторан «Декаданс» на улице Инженерной (совр. ул. Володарского)[171]. «Американская» гостиница в своих рекламных объявлениях обещала «образцовую кухню под наблюдением Московского повара», обеды с часа дня до шести вечера, «разнообразный прейс-курант винам и кушаньям»[172]. В гостиницах «Центральная» и «Европейская» «ежедневно во время обедов (от 2 часов дня) и ужинов (с 10 часов вечера)» играли «салонные оркестры»[173].

«Оренбургский листок» в 1903 г. писал: «Наши рестораны расширяются понемногу. Так недавно «Центральная гостиница» заняла отдельными кабинетами помещение старого магазина Бутома. Кабинеты представляют очень много удобств для компаний. Дверь в новые кабинеты направо со входа. Очень жаль, что содержатель ресторана запрятал пианино в один из старых кабинетов; в интересах публики ему следовало бы иметь тапера в общей зале. Есть в ресторане фонограф, но он опять забавляет только кабинетную публику. Слушать же музыку из кабинета в общей зале прямо невозможно; с одной стороны, глухие двери плохо пропускают звуки, с другой – часто мешает громкий смех гостей там. Второклассные же рестораны, кроме тяготенья к отдельным кабинетам поражают грязью и грубостью прислуги. Обед или завтрак приходится ждать по часу...»[174].

В итоге приходится констатировать, что уровень ресторанной культуры в Оренбурге даже в начале XX в. со стороны организаторов ресторанного бизнеса продолжал оставаться невысоким. Впрочем,

[171] Бодров-Повираев Н.И. Путеводитель-справочник по Оренбургу и Ташкентской железной дороге ... С. 3.
[172] Бодров-Повираев Н.И. Путеводитель-справочник по Оренбургу и Ташкентской железной дороге ... С. 9.
[173] Райский, П.Д. Путеводитель по г. Оренбургу ... С. 171.
[174] Оренбургский листок. 1903. 5 января.

такое положение дел было вообще характерно для оренбургской сферы услуг. Прислуга грубила не только гостям в ресторанах, но и хозяевам в частных домах.

Хотя многие рестораторы очень старались придать своим заведениями максимально приличный вид. Рестораны могли порадовать своих посетителей не только изысканными блюдами, но и пищей духовной – музыкой, выступлениями заезжих артистов, кинопоказами и пр. В «Американской» гостинице с конца 1910 г. ежедневно с двух до пяти часов днем и с девяти часов вечера до двух часов ночи давались концерты приглашенного «дамского салонного оркестра под управлением Вулиха Михайлова, при участии солиста скрипача г. Бланка, виолончелиста г. Давыдова и исполнительницы цыганских романсов г. Алмазовой»[175].

Ресторанами 2-го разряда были названы рестораны в гостиницах «Биржевая» (совр. ул. Кобозева, 31 / пер. Рыбный, 9) и «Гранд-Отель» купца М.Ф. Мальнева на углу улиц Каргалинской и Суринской (совр. ул. Комсомольская 61 / ул. Постникова 27), а также летние рестораны в Тополевом саду и на Беловке.

«Трактирные заведения» Оренбурга, по мнению Бодрова-Повираева, отличались нечистотой и обслуживали, главным образом, невзыскательных посетителей. К таковым были отнесены трактиры «Москва» на Орской ул. в доме купца Мошкова (совр. ул. Пушкинская), «Царское село» на ул. Гостинодворской (совр. ул. Кирова), «Саратов» на ул. Суринской (совр. ул. Постникова), «Северная гостиница» на Хлебной площади и несколько других[176]. В заведениях такого типа процветала проституция.

Хотя жрицы любви находили себе клиентов и в более дорогих ресторанах. Так, сатирический журнал «Пыль» в 1909 г. опубликовал заметку: «Рекорд шантанной развязности побит», где со-

[175] Оренбургская газета. 1910. № 286. 25 декабря.

[176] Бодров-Повираев Н.И. Путеводитель-справочник по Оренбургу и Ташкентской железной дороге ... С. 3.

общалось, что в ресторанный счет в «Декадансе» включают и «барышень» легкого поведения. Услуги «барышни» были оценены в 1,5 р., а весь счет, включавший в себя водку (40 коп. за «половину»), ликер «Куросао» (4,5 р. за «четверть»), вино (1,2 р. за «половину»), ужин на двоих (4,8 р.), кофе (2 р.) и фрукты (40 коп.) составил 14,8 р.[177] (см. иллюстрации на стр. 326). А карикатура в том же журнале изображала швейцара на входе в ресторан «Декаданс», который говорил даме, пытающейся туда войти: «Если вы скромная женщина, то не пущу, потому что скромные женщины для нас не интересны». За окнами ресторана были изображены две дамы в шляпах с огромными перьями, сидящие за столом с двумя рюмками. Одна из дам курила. Видимо, по замыслу художника, алкоголь и сигарета должны были показать порочность этих женщин.

Слухи о том, что в гостиницах и ресторанах происходили свидания с девушками легкого поведения, ходили и в отношении «Американской» гостиницы купцов Хусаиновых, и применительно к гостинице «Европейская» купца Ладыгина. В гостинице «Центральная» в январе 1911 г. был замечен оренбургский адвокат Евсевий Маркович Городисский с «певичкой из ресторана «Декаданс». Адвокат «явился в гостиницу, занял номер, велел подавать туда ужин и велел приготовить постель. В номере с этой певичкой Городисский находился с 9 часов вечера до 2 часов ночи. Обхождение Городисского с певичкой было вежливое»[178].

На уже упоминаемом острове-саде Челябинска располагался ресторан «Россия», принадлежавший П.М. Ожимкову, — по словам А.М. Нечаевой, «кафе-шантан, расположенный на хорошеньком островке на реке Миясе», где «отличившиеся здесь неоднократно солидные представители коммерческого мира» шумно отдыхали с юными «рабынями веселья»[179].

[177] Пыль. Общественно-юморситический журнал. 1909. № 10. С. 9.
[178] ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10223. Л. 29–30.
[179] Нечаева А.М. Челябинские впечатления ... С. 252.

В результате женщины вообще посещали ресторан крайне редко и никогда в одиночку, чтобы не прослыть дамой легкого поведения. Хотя работа рестораторов по оформлению интерьера, скорее, была ориентирована на дам – в ресторанах разбивались зимние сады, залы украшались экзотическими растениями, фонтанами, балконами и зеркальными стенами.

В целом следует констатировать, что посещение ресторанов вплоть до начала XX века представляло собой все же более мужской способ организации досуга. Прежде всего, это было связано со шлейфом определенной «порочности» данных заведений. Приличная женщина по ресторанам не ходила, обедала дома, в кругу семьи. Немаловажным обстоятельством была и дороговизна ресторанного обслуживания. Хотя рестораторы стремились придать своим заведениям максимально презентабельный вид, устраивая в них музыкальные вечера и киносеансы.

5.6. Общественная деятельность

Первые возможности для женщин принять участие в общественной жизни, как отмечает Бианка Пиетров-Энннкер, «возникли на основе традиционной женской благотворительности, которую всегда поддерживали государство и церковь»[180]. Еще С.М. Соловьев выделял четыре основные черты, присущие русской женщине: трудолюбие, послушание, религиозность и милосердие[181]. О женском милосердии говорили Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.В. Розанов, отмечая, что «мужская благотворительность рационально обоснована, ее базовые мотивы – гражданский долг, необходимость социальных изменений; женская же благотворительность более эмоциональна, а ее основным базовым мотивом является милосердие»[182]. Даже Плещеев в повести «Пашинцев» отмечал, что оренбургские дамы «ближних любят... кроме мужей, разумеется...

[180] Пиетров-Энннкер Б. Новые люди России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М., 2005. С. 264.
[181] Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. М., 1988. Кн. 2. С. 605.
[182] Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи XIX–XX вв. М., 2005. С. 210.

с первого раза всучат вам дюжину билетов на какую-нибудь благотворительную лотерею. Уж не знаю, что и сталось с здешними бедными, если бы не наши добрые, милые дамы!»[183].

В мотивах благотворительной деятельности у российских женщин доминировали духовно-нравственные ценности, желание не просто жертвовать, имея на это возможность, но и заниматься просвещением народа, а материальная поддержка нуждающихся строилась, прежде всего, на мотивах сострадания. Участие женщин в благотворительности измерялось не тем, сколько они пожертвовали на благотворительность, а тем, сколько времени они потратили на заботу об обездоленных.

Наибольшую благотворительную активность проявляли представительницы элитарных групп и слоев российского общества: жены губернаторов, высших офицеров, чиновников, купцов. Для данной категории женщин участие в благотворительных мероприятиях было правилом хорошего тона, возможностью эффективно использовать свободное время и практически единственным способом как-то проявить себя в общественной жизни[184].

Так, жена Оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского (назначенного на эту должность в феврале 1865 г.), Олимпиада Кирилловна Крыжановская завоевала народную любовь своей благотворительной деятельностью. По ее инициативе с 1869 г. началась работа по созданию в г. Оренбурге приюта для детей-сирот, который в дальнейшем стал именоваться «Детский приют Святой Ольги». По одной из версий, свое название приют получил в честь умершей дочери О.К. Крыжановской, однако данная версия не имеет документального подтверждения.

При активном содействии Олимпиады Кирилловны оренбургское городское общество уступило безвозмездно под помещение приюта свободное

[183] Плещеев А.Н. Пашинцев ... С. 548.

[184] Котлова Т.Б. Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX–XX вв., 1890–1914 (На материалах Владимирской, Костромской, Ярославской губерний): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 2003; Кубицкий С.И. и др. Благотворительность в социальной жизни Урала (XIX–XXI вв.). Челябинск, 2006.

место в центре города. Кроме того, по словам самого губернатора Н.А. Крыжановского, Олимпиада Кирилловна «имея в виду, что собранный для детского приюта капитал должен служить обеспечением существования сего заведения и потому значительных расходов на возведение здания из него производить нельзя, убедила некоторых из граждан Оренбурга оказать ей материальное содержание к устройству помещения под приют»[185].

В результате, к концу 1870 г. для Оренбургского детского приюта в центре города был выстроен деревянный одноэтажный дом на каменном фундаменте, заложен сад, а также приобретены мебель и прочие необходимые вещи. Всего на строительство и благоустройство приюта было затрачено около 12 тыс. руб., при этом только четвертая часть этой суммы была покрыта из приютского капитала, остальные средства составили добровольные пожертвования жителей Оренбурга[186]. За деятельное участие в образовании приютского капитала в 1870 году О.К. Крыжановская была удостоена «Всемило-

[185] РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 690. Л. 16–16 об.
[186] Там же. Л. 18.

Оренбург. Детский приют Святой Ольги

стивейшей благодарности от Августейшего Имени Ея Императорского Величества Государыни Императрицы»[187].

Торжественное открытие приюта состоялось в 1872 г. На открытии присутствовали представители губернского правления, органов местной власти, почетные граждане Оренбурга, рядовые горожане. До 1895 г. в сиротском заведении призревались дети обоего пола в возрасте от 3 до 10 лет, а затем в приют принимались только девочки.

На протяжении нескольких лет, до 1881 г. Олимпиада Кирилловна занималась делами приюта. В 1875 г. она инициировала учреждение в приюте должности учителя ремесленных дел, объясняя это необходимостью начать обучение воспитывающихся там детей «первоначальным навыкам различных ремесел, чтобы в дальнейшем, в случае непоступления в училище, они могли найти место для работы»[188].

Данное требование было выполнено, о чем свидетельствуют ежегодные отчеты приюта. Например, в отчете за 1894 г. отмечено: «В виду заявлений со стороны местной публики о том, что воспитание в приюте не соответствовало той простой рабочей среде, откуда поступают девочки, Попечительство приюта, разделяя вполне этот взгляд, усиленно стремилось и стремится к тому, чтобы жизнь в приюте приучила воспитанниц к труду, ожидающему их по выходу из заведения. Для того все девочки с 5-летнего возраста привлекаются к рукоделию, заключающемся в вязании чулков, шитье белья, платьев, стежке одеял, чинке белья и штопки чулков. Работы эти распределялись так: девочки с 5 до 11 лет вяжут чулки, чинят белье и штопают, с 10 лети до 12 лет учатся шитью иглою на руках, а с 12 лет шитью на машинке»[189].

После отставки Н.А. Крыжановского в 1881 г. и переезда в родовое имение, с. Матвеев-

[187] РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 690. Л. 12.
[188] ГАОО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 3. Л. 23–24 об.
[189] РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 41. Л. 4.

ка Золотоношского уезда Полтавской губернии, О.К. Крыжановская была вынуждена передать свое руководство Оренбургским губернским попечительством детских приютов жене нового оренбургского губернатора и наказного атамана Оренбургского казачьего войска М.И. Астафьева С.П. Астафьевой.

Супруга следующего губернатора, А.И. Ершова, Елена Михайловна Ершова также, как ее предшественницы, предприняла ряд действенных мер по оказанию помощи детям, оставшимся без попечения родителей. Так, в 1895 г. ею был поднят вопрос о создании в г. Оренбурге приюта для подкидышей. Следует отметить, что до этого времени призрением подкидышей занималась Оренбургская городская управа, которая отдавала таких детей частным кормилицам за ежемесячное вознаграждение. Однако, данная форма призрения не была эффективна, о чем свидетельствуют статистические сведения, собранные по инициативе Е.М. Ершовой. Их анализ показал, что за несколько лет смертность детей-подкидышей достигла 90–95 %. Объяснялось это тем, что надзор за детьми, взятыми кормилицами, был затруднителен и практически не осуществлялся, что способствовало злоупотреблениям со стороны кормилиц[190]. Было принято решение создать приют для подкидышей на средства Общества о бедных г. Оренбурга, Оренбургской городской управы и Оренбургского губернского попечительства детских приютов.

В результате обсуждения было решено, что квартиру для создания приюта выделит Общество о бедных г. Оренбурга. Оно же за свой счет обустроит быт приюта, наймет кормилиц, нянек для присмотра и для порядка – смотрительницу с акушерскими познаниями. Отопление в течение 7 месяцев будет оплачивать Оренбургская городская управа, которая к тому же ежегодно будет вносить 600 руб. для воспитания 10 детей. В случае, если

[190] РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 1327. Л. 14.

в приют поступало более 10 детей, Обществу о бедных г. Оренбурга вменялось в обязанность обеспечить условия для вскармливания подкидышей у частных кормилиц с платою 5 руб. в месяц или отдавать детей на усыновление, что ранее никогда не делалось (только за 1895 г. было усыновлено 15 подкидышей)[191].

Супруги высших оренбургских чиновников старались соответствовать установившейся тенденции и также активно включались в благотворительные практики. В губернаторство А.П. Безака в Оренбурге «составилось общество частных лиц с целью насадить здесь школы грамотности». Как писал И.В. Чернов, пожертвования «стекались из различных источников: взамен праздничных визитов вносились деньги, подписывались по приглашению прямо на школы, устраивались любительские спектакли и лотереи [-аллегри] с выигрышем, при самой незначительной цене на билет, устраивались общественные гуляния с иллюминацией; и из всего этого составилась сумма, достаточная для содержания участковых школ. Много помогали в этом деле оренбургские дамы, особенно [те], мужья коих занимали выдающиеся должности, как, например, жена управляющего Оренбургской таможней Любовь Александровна Решко, собрала с бухарских купцов, приходивших сюда с караванами, до 800 руб. сер. Усердие ее породило ревность в других дамах, которые никак не могли идти с Решко в параллельности и называли Люб. Алек. "мадам Монте-Кристо", в подражание французскому роману, в это время модному и многими читаемому»[192].

Яркие примеры благотворительных практик встречались и в купеческой среде[193]. После смерти в июне 1892 г. оренбургского купца Сергея Михайловича Иванова, его капитал по закону должна была получить его вдова Мария Львовна. Она обратилась в Оренбургскую городскую думу с проше-

[191] РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 1327. Л. 14.
[192] Чернов И.В. Заметки по истории Оренбургской губернии ... С. 197–198.
[193] Подробное описание истории богадельни Ивановых содержится в статье: Васильева М.А. Ивановы. Пример благочестивой жизни и филантропии // Купечество оренбургское: сб. статей. Оренбург, 2016. С. 38–46.

нием «во исполнение последней воли ее покойного мужа разрешить обустроить в принадлежащем [ей] доме по улице Троицкой богадельни для призрения болезненных и престарелых дам, круглых сирот женского пола из привилегированных сословий, преимущественно купеческого и духовного звания». Процесс оформления прав на имущество занял у М.Л. Ивановой два года. Полноправной наследницей она стала лишь 31 мая 1894 г., о чем свидетельствует выписка из журнала судебного пристава В.Л. Хитрина[194]. Вскоре Мария Львовна скончалась.

Согласно ее завещанию, весь капитал Ивановых был направлен на благотворительные цели, в том числе на обустройство в жилом доме Ивановых богадельни для призрения женщин и сирот привилегированных сословий. Так, в духовном завещании М.Л. Ивановой было отмечено: «...В принадлежащем мне каменном двухэтажном доме с находящимся при нем каменным флигелем, каменными и деревянными лавками и другими строениями и дворовым местом, расположенном в третьей части города Оренбурга на пересечении Троицкой и Инженерной улиц [ныне ул. Кобозева, 48 и ул. Володарского, 1 — авт.], устроить благотворительное учреждение в роде богадельни или дома трудолюбия для лиц женского пола из привилегированного сословия, а именно купеческого и духовного звания, на такое количество призреваемых, на сколько позволят денежные средства, с тем условием, чтобы при учреждении этом устроен был особый приют для круглых и бедных сирот девочек, по преимущественному того звания, с устройством для сих профессиональной школы»[195]. В богадельне должна была быть открыта домовая церковь во имя Святого Сергия, Радонежского чудотворца, и Святой Марии Магдалины.

В пользу данного благотворительного учреждения, согласно завещанию, выделялось 200 тыс. руб-

[194] ГАОО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 99. Л. 1–1 об.
[195] ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 7172. Л. 4–4 об.

лей, из которых 50 тыс. рублей необходимо было потратить на переустройство второго этажа и прилегающих к дому лавок в жилые помещения, комнаты для занятий и домовую церковь. Остальную сумму – 150 тыс. рублей предполагалось положить в кредитное учреждение, чтобы «проценты с капитала, при неприкосновенности последнего, шли на содержание учреждения и на жалованье работникам богадельни и причту»[196].

Основные положения о направлениях деятельности, структуре управления, средствах и условиях содержания богадельни были прописаны в утвержденном в 1897 г. товарищем министра внутренних дел князем А. Оболенским Уставе[197]. По нему благотворительное учреждение должно было состоять из двух отделений: богадельни для престарелых дам и детского приюта с профессиональным классом. Открываемая при приюте школа подчинялась Оренбургскому епархиальному училищному совету церковно-приходских школ в лице епархиального надзирателя. Занятия в классе соответствовали программе второклассных церковно-приходских школ. В соответствии с утвержденными 2 июля 1886 г. указом императора «Программами учебных предметов для церковно-приходских школ», учащиеся изучали закон Божий, церковно-славянский и русский языки, арифметику, гражданскую и церковную историю и географию[198].

Торжественное открытие богадельни состоялось в декабре 1899 г. Она просуществовала около 20 лет, за которые необходимую помощь получили свыше 500 пожилых женщин и девочек-сирот купеческого и духовного сословий. В октябре 1899 г. при богадельне была освящена церковь во имя Марии Магдалины. Каменная под железной крышей, она размещалась в самом здании благотворительного заведения[199]. На церкви была установлена пятиглавая колокольня. Причт состоял из одного

[196] ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 7172. Л. 4–4 об.
[197] ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 7172. Л. 5–6 об.
[198] Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатилетие (1884–1904): историко-статистическое издание. СПб., 1909. С. 195.
[199] ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1526. Л. 263–266 об.

священника и одного диакона, которым Марией Львовной были завещаны квартиры и жалованье с обязательным условием обоим бесплатно заниматься в созданной при приюте школе[200].

Следует отметить, что на капиталы Сергея Михайловича и Марии Львовны Ивановых была открыта не только богадельня, но и другие благотворительные учреждения. Деньги были переведены в банк, «чтобы при неприкосновенности капитала проценты с них употреблялись на содержание тех благотворительных учреждений, в пользу коих были завещаны». В результате ежегодно в пользу приюта Святой Ольги выделялось 500 рублей, в пользу ремесленного училища – 500 рублей, в пользу дома неимущих, на прокормление нищих – 500 рублей, в пользу местной тюрьмы – 2 тыс. рублей, в пользу больниц – 6 тыс. рублей (губернской больнице – 1 тыс. руб., городской – 2 тыс. руб. и в пользу лечебниц для бедных – 3 тыс. руб.)[201]. Таким образом палитра благотворительных практик М.Л. Ивановой была довольно широкой.

В 1900 г. в Оренбурге (по примеру других губернских городов) под влиянием событий в Китае (восстания ихэтуаней), был открыт дамский комитет Российского общества Красного Креста (РОКК). В состав комитета вошли 80 человек. И, как указывает в своей статье Е.Г. Подгайко, всего за 18 дней «оренбургские женщины сумели подготовить транспорт вещей, необходимых раненым в госпиталях»[202].

Дамы купеческого сословия в годы Русско-японской войны создали «Общество дам оренбургского купеческого сословия в пользу раненых русских воинов на Дальнем Востоке». Согласно отчету Общества, за 1904 г., «В непродолжительное время была собрана значительная сумма денег, и общество открыло свои действия 11 февраля сего года в приюте при женском монастыре. Там же был открыт склад заготовленных материалов и вещей и принимались

[200] Оренбуржье православное: История и современность. Оренбург, 2014. С. 124.
[201] Завещание М.Л. Ивановой // Оренбургские губернские ведомости. 1897. 24 мая. С. 3–4.
[202] Подгайко Е.Г. Участие горожанок Южного Урала в работе общественных организаций ... С. 124.

пожертвования. Такое единодушное стремление по оказанию помощи ближнему является в Оренбурге первым самостоятельным делом дам купеческого Общества...»[203].

Заметную роль в общественной деятельности играли женщины-педагоги (начальницы Первой оренбургской женской гимназии де Жанколя и баронесса фон Гершау, начальница Верхнеуральской женской гимназии Байковская и др.). Е.Г. Подгайко объясняла данное обстоятельство «повышенной ответственностью людей, занятых в сфере образования», и «наличием у педагогов ярко выраженной гражданской позиции». Кроме того, учителя были профессионально заинтересованы в работе многих организаций, например, таких как Общество содействия физическому развитию детей (Оренбург), Общество для устройства и содержания начальных и средних школ[204].

В 1907 г. в Оренбурге, в каждой из частей города были созданы санитарно-благотворительные попечительства. Они занимались организацией бесплатных или дешевых столовых, собирали для нуждающихся одежду, организовали справочно-посредническую контору для найма рабочих и служащих, дневной приют на 100 детей. Оренбургские дамы, состоявшие в этих попечительствах, организовывали дежурство в столовых, дежурили на складе с одеждой и в конторе. К 1 января 1908 г. дежурными на складе и в конторе состояли: заведующая Е.К. Штукенберг, И.С. Тюмянцева, В.Е. Виноградова, А.И. Дегтярева, М.К. Сталь, М.М. Моршанская, Е.К. Кржижевская[205]. В бесплатной столовой попечительства 2-й части города «любезно» дежурили Мария Георгиевна Бамберг, Александра Алексеевна Бродовая, Елена Константиновна Доброловская, Мария Леонидовна Касатикова, Елена Михайловна Крысина, Ольга Людвиговна Кеуэрэб, Лидия Павловна Левицкая, Алида Владимировна Матизен,

[203] Женское движение в Башкортостане. 1900–1941: Сборник документов и материалов. Уфа, 2007. С. 13.
[204] Подгайко Е.Г. Участие горожанок Южного Урала в работе общественных организаций ... С. 125.
[205] Отчет о деятельности санитарно-благотворительных попечительств г. Оренбурга ... С. 25.

Татьяна Андреевна Сальникова, Вера Исааковна Сорина, Екатерина Ивановна Терехова, Ираида Семеновна Тюмянцева, Елизавета Карловна Штукенберг и Беата Александровна Циммерман. А Мария Фавиевна Барановская, Елизавета Григорьевна Морис и Ольга Эммануиловна Скорнякова по воскресным дням читали в столовой лекции[206].

В 1907 г. в детском дневном приюте дежурили Р.О. Кенигсберг, А.Е. Кондорская, М.К. Садовская. Жительницы Оренбурга активно жертвовали приюту старые вещи и игрушки. Так, например, г-жа Кенигсберг пожертвовала 26 чайных полотенец, 23 передника, 7 панталон, 8 нижних рубашек, 39 верхних рубашек, 26 брюк, 14 юбок, 16 кофт[207]. Некая Соня С. передала приюту 6 мячиков, 5 прыгалок, 2 куклы, одну цимбалку, один барабан, 2 набора для игры в кегли, одну азбуку, 4 тележки и одну щетку[208]. Дамы также жертвовали канцелярские товары, посуду, ткань для пошива одежды. Среди тех, кто что-либо отдал в приют, значились такие известные в Оренбурге купчихи, как г-жа Зарывнова, г-жа Гофман, г-жа Мошкова и др.[209].

Конечно, не все горожанки связывали свою повседневность с общественными практиками. Например, в мемуарах челябинского акцизного чиновника К.Н. Теплоухова нет упоминаний о том, чтобы его супруга или женщины из ее окружения организовали бы какое-либо общество или стали его участниками. Вероятно, наличие многочисленных семейств поглощало все свободное время этих женщин. Да и, как отмечают В. Руга и В. Кокорев, благотворительные организации часто «представляли собой собрания, где дамы предавались своему любимому занятию — разговорам»[210].

Однако, на рубеже XIX—XX в. общественная деятельность превратилась в важную составляющую досуговой повседневности горожанок, меняя их жизнь, гендерные роли, социальный статус.

[206] Отчет о деятельности санитарно-благотворительных попечительств г. Оренбурга ... С. 55.
[207] Там же. С. 93.
[208] Там же. С. 94.
[209] Там же. С. 93–94.
[210] Руга В., Кокорев А. Барышни и дамы. Повседневная жизнь москвичек в середине XIX — начале XX в. М., 2018. С. 25.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги разговору о повседневности горожанок Оренбургской губернии в конце XIX – начале XX в., следует еще раз остановиться на наиболее ярких отличительных особенностях этой повседневности.

Способом организации повседневности служит образ жизни человека – совокупность привычных для него занятий, режима повседневной активности и субъективной оценки человеком своей жизни. По мнению Н.Н. Мельниковой, образ жизни выполняет адаптивную функцию. Адаптация понимается автором не просто как приспособление человека к условиям окружающей среды, но как сохранение существенных индивидуальных параметров в меняющейся среде, т.е. приспособление условий к человеку. По ее словам, «человек как бы сортирует предлагаемые средой возможности, отбирая и включая в свой образ жизни те, которые больше соответствуют его «Я», текущим жизненным задачам, ценностям и потребностям»[1]. Вот именно такой адаптивный, приспособительный вариант повседневной жизни и наблюдался у женщин, проживающих в исследуемый период в городах Оренбургской губернии.

Климатические условия, в которых приходилось существовать населению Оренбургской губернии, нельзя назвать комфортными. Резко континентальный климат с огромным перепадом температур по сезонам (иногда разница могла составлять до 70 градусов) был суровым испытанием для женского организма. В губернии наблюдались сильные ветра, вызывавшие зимой снежные бураны, а летом пыльные бури. Регион не располагал большими водными ресурсами. Недостаток воды был серьезной проблемой городских жителей как в бытовом плане, так и в плане противопожарной безопасности. Существующие реки (Урал, Миасс, Сакмара и др.) были засорены нечистотами. Отсутствие до-

[1] Мельникова Н.Н. Образ жизни и его адаптивная функция // Вестник ЮУрГУ. 2009. № 5. Серия «Психология». Вып. 4. С. 44.

статочного количества воды, сильный летний зной и зимние морозы были причиной довольно чахлой растительности в городах.

Пространство городов Оренбургской губернии в исследуемый период только начало подвергаться благоустройству. Мощение и освещение улиц происходило лишь в центральной части крупных городов (Оренбург, Челябинск). Водопровод был доступен лишь жительницам центральной части губернского центра. Городские улицы были засорены разным мусором, навозом, трупами погибших животных, человеческими экскрементами. Такие климатические и санитарно-гигиенические условия вызывали целый ряд заболеваний – перемежающуюся лихорадку (малярию), ревматизм, кишечные расстройства, в том числе вызванные злоупотреблением «арбузами и дынями, стоящими очень дешево»[2], инфекционные болезни (брюшной тиф, холера), болезни нервной системы. В целом, условия жизни в городах Оренбургской губернии нельзя было назвать комфортными.

Особый колорит городскому пространству придавали жители Азии, приезжающие в города Оренбургской губернии для торговли. Наиболее «азиатским» был Оренбург. Живущие в городе на постоянной основе или прибывающие сюда лишь на сезон торговли киргизы, туркмены, таджики, узбеки и прочие восточные гости, с одной стороны, придавали несомненную яркость, экспрессию и экзотичность городскому социуму. Однако, русскоязычным православным горожанкам в таком городском сообществе вряд ли было спокойно.

Поскольку регион лишь в последней трети XIX в. оказался внутренней губернией России, он в определенном смысле сохранял свой подчеркнуто «имперский», военно-чиновничий характер, хотя к концу столетия на первый план стало выдвигаться торговое сословие. Оренбургская губерния напоми-

[2] Кенигсберг М.М. Опыт медико-топографического исследования гор. Оренбурга ... С. 59.

нала то большую казарму, то огромный базар, что, как в одном, так и в другом случае, было мало подходящим местом для женщины.

В последней трети XIX столетия Оренбургская губерния оказалась еще и громадным вокзалом – через нее потекли потоки переселенцев, ищущих лучшей жизни за Уралом и в Сибири. Миграционные процессы увеличивали долю мещанского населения в городах региона. Причем основная часть этого населения, впрочем, как и дворянства, купечества, крестьянства, живущего в городах, естественно, имела иногубернское происхождение. Пришлость основной массы городских жителей и временность их пребывания в пространстве городов способствовала складыванию уникальной психологии «вечных странников», не считающих город своей родиной, а городских жителей своими единомышленниками. Это способствовало складыванию среди населения разнообразных, часто конфликтующих между собой, «партий», формированию сословного эгоизма.

Съемные квартиры, в которых проживало большинство городского чиновного дворянства, лишь подчеркивало «временность» жизненной ситуации, в которой оказывались в городах Оренбургской губернии представители этого сословия. Купечество же, напротив, стремилось закрепиться в городском пространстве, в том числе через приобретение или строительство собственного дома. В целом, приходится констатировать остроту жилищной проблемы, испытываемой горожанами в пределах губернии. Наплыв переселенцев, служащих железной дороги в города еще более усложнял эту проблему. Люди приспосабливали для проживания временные постройки, землянки и полуземлянки. В городах появилась категория «припущенников», живших скученно в крайне неблагоприятных условиях. Неустроенный быт ча-

сто становился причиной различных заболеваний и ранних смертей.

Семейная повседневность различных сословий, живущих в городах, была весьма различна и зависела от жизненных целей и ценностей, помещаемых ими в основу брачного союза. При сохранении определенных традиционных семейных ценностей – приоритет заключения брачного союза над безбрачием, стремление к многодетности, довольно ранний брачный возраст, горожанки демонстрировали в своем брачном поведении и совершенно новые черты.

Так, в среде оренбургских дворян вполне спокойно воспринималось раздельное проживание супругов без официального расторжения брака, различные любовные интриги как мужчины, так и женщины, внебрачные дети. Главным становился личный комфорт. В купеческой и мещанской среде возрастало количество разводов, причем часто по инициативе женщин. Крестьянки, переезжая в город, начинали вести себя так же, как горожанки, заключая повторные браки, оформляя разводы. Только духовенство в семейной сфере оставалось максимально верно традициям. Однако и в этом сословии наблюдались кризисные явления в семьях, связанные с тем, что в основу брачного союза помещались прагматические соображения, а не чувства личной привязанности, симпатии и уважения.

Общая эмансипация женщин требовала от них поиска самостоятельного источника доходов, а значит, включения в профессиональную деятельность. Возможности трудовой деятельности были тесно связаны с уровнем образования работницы. Максимальный процент грамотных женщин наблюдался в дворянской среде и в среде духовенства, минимальный – среди крестьян. Причем во всех сословиях, живущих в городе, кроме дворянского,

доля грамотных женщин была немного ниже, чем, например, в соседней Самарской губернии.

Сфера применения женского профессионального труда в городах Оренбургской губернии была довольно обширна. Наиболее часто женщины были востребованы в сфере услуг – были швеями, модистками, прачками, горничными, кухарками. К этой же сфере относилась и проституция, получившая в исследуемый период очень широкое распространение среди женщин низших сословий. В ситуации большого наплыва в города губернии переселенцев – мещан, крестьян из других регионов, и низкого уровня грамотности женщин этих сословий найти себе другую работу женщины были просто не в состоянии.

Обладание определенными навыками и знаниями давало женщинам возможность применить себя в деле учительства или в предпринимательстве. Хотя прямого юридического ограничения на занятие этими видами деятельности для женщин не существовало, тем не менее, их трудовая деятельность была сопряжена с рядом трудностей – полной зависимостью от школьного начальства, придирчивым отношением общества к работающим женщинам у учителей; необходимостью жесткого контроля за своим делом и острой конкуренцией в сфере бизнеса у предпринимателей.

Многие горожанки в поисках средств к существованию вынуждены были обращаться к казенным, церковным или общественным структурам, оказывающим материальное вспомоществование нуждающимся. В Оренбургской губернии таких несчастных было сравнительно много, что являлось иллюстрацией отсутствия крепких родственных или семейных связей среди горожан. В других губерниях проблемы финансового обеспечения вдов, сирот, больных и увечных, как правило, брали на себя родственники.

Более четкое распределение времени труда и времени отдыха обусловило появление такого явления, как досуг, свободное времяпрепровождение. К сфере досуга были отнесены действия, совершаемые женщинами вне рабочего времени или времени, необходимого для ухода за членами семьи, вне пространства дома или рабочего места. Военная ориентация и пограничное состояние Оренбургской губернии в целом не способствовали развитию досуговой, развлекательной составляющей жизни местных горожан. Однако, офицерство и чиновничество, прибывающие в регион, в определенной степени все же стали содействовать развитию культурной жизни города

Способ организации досуга сильно различался в зависимости от сословной принадлежности женщины. Интеллектуальный досуг – поход в библиотеку, музей, театр, как правило, был недоступен основной массе горожанок, поскольку эти центры просвещения в городах Оренбургской губернии были редки, предполагали плату за посещение, да и сами горожанки, в силу относительно низких интеллектуальных запросов, не слишком стремились использовать свое свободное время именно там. Наибольшей популярностью среди указанных мест пользовались театры. Хотя, за исключением дворянства, данный вид искусства пока не получил в городской среде в исследуемый период безоговорочного одобрения.

Танцы для женщин были более доступным и приятным способом провести досуг. Изначально танцевальные вечера в форме балов и маскарадов устраивала только дворянская составляющая жителей Оренбурга. Для женщин балы были возможностью продемонстрировать уровень своего достатка, завязать знакомства, которые могли бы способствовать лучшему продвижению супруга по карьерной лестнице. Определенные проблемы

при организации подобных мероприятий в городах Оренбургской губернии представляли ограниченность контингента мужчин, достойных женского внимания, отсутствие мест для проведения подобных мероприятий, а также дороговизна женской бальной атрибутики, непосильной для большинства мужей – городских чиновников и офицеров. С сокращением доли дворянства в городском населении губернии балы, как форма досуга, постепенно потеряли свою масштабность, переродившись в танцевальные вечера средних городских слоев – мещан, купцов, казаков, проходившие в обстановке большей свободы и простоты. Манеры, демонстрируемые участниками этих вечеров, очевидно были связаны с заметным влиянием сельской крестьянской культуры.

Низшие слои города предпочитали еще более доступные развлечения – катание по городским улицам на лошадях, посещение ярмарочных балаганов, цирка, катание на качелях. Эти формы досуга не предполагали никаких интеллектуальных усилий, были связаны с физической стороной человеческого существования (человек либо сам демонстрировал возможности своего организма, либо наблюдал за тем, как эти возможности демонстрируют другие), и существовали во всех городских центрах губернии.

Совершенно бесплатным способом организации свободного времени были прогулки. В крупных городах губернии для этого постепенно стали организовывать специальные пространства – скверы, парки, бульвары. Во время прогулок женщины завязывали новые социальные контакты, формировалось определенное единое сообщество горожанок, как правило, не пересекающихся вне фланирования по улицам. Потребности горожан в удобных местах для гуляния стимулировали повышение степени благоустройства городского пространства. Более

обеспеченные горожанки имели возможность выехать летом на дачи. Это делалось, преимущественно, с оздоровительными целями, а также представляло для городских жительниц возможность более тесного контакта с природой. Дачницы занимались огородничеством, разводили цветники и т.д.

К концу века довольно распространенным способом проведения досуга для горожан стали посещения ресторанов. В основном эти заведения общественного питания были сосредоточены в Оренбурге. На рубеже XIX-XX в. число ресторанов приближалось к десятку, однако уровень ресторанной культуры был довольно низким, как со стороны организаторов ресторанного дела, так и со стороны посетителей. Рестораны представляли собой, скорее, не места, где можно было получить одновременно вкусовые и эстетические удовольствия, а центры довольно грубых и примитивных наслаждений для мужчин. Приличные женщины старались не посещать рестораны, особенно в одиночку.

Высшее городское общество превратило благотворительность в обязательную составляющую своей повседневной жизни. Для женщин филантропия стала способом самореализации, участия в общественной жизни, своеобразной формой досуга. Дворянки, купчихи, мещанки способствовали открытию в городах губернии приютов, богаделен, попечительств, других институтов общественного призрения. Помощь оказывалась ими как в материальной форме (деньгами, вещами), так и через непосредственное участие в работе этих заведений (дежурства). Однако, в среднем слое городских жительниц, а тем более среди городских низов, филантропия не получила повсеместного распространения.

В итоге следует констатировать, что повседневная жизнь провинциальных горожанок Оренбург-

ской губернии в пореформенную эпоху в большей степени была связана не с общероссийскими социо-экономическими процессами, а испытывала влияние именно региональных факторов. Ключевыми обстоятельствами повседневной жизни горожанок Оренбургской губернии становились климатические условия, близость региона к азиатским территориям, превращение губернии в один из ключевых центров переселенческого движения.

В этих обстоятельствах формировался уникальный образ жизни женщины, связанный практически с ежедневным преодолением физического и психологического дискомфорта. Адаптация горожанок Оренбургской губернии к внешним обстоятельствам формировала большую свободу действий, чем, например, в центральных российских губерниях. Женщины становились инициаторами расторжения брака в случае непримиримых разногласий с супругом, пытались применить себя в различных сферах трудовой деятельности (в том числе, например, в организации азиатской торговли или золотопромышленности). Указанные обстоятельства определяли и большую свободу нравов – местные городские общества проще относились к адюльтерам, неравным бракам, межсословным союзам. Занятие проституцией не становилось для женщины поводом к тому, чтобы стать изгоем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

АРХИВНЫЕ ФОНДЫ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ (ГАОО)

1. ГАОО. Ф. 6 — Канцелярия оренбургского генерал-губернатора.
2. ГАОО. Ф. 10 — Канцелярия оренбургского губернатора.
3. ГАОО. Ф. 11 — Оренбургское губернское правление.
4. ГАОО. Ф. 21 — Оренбургское губернское жандармское управление.
5. ГАОО. Ф. 41 — Оренбургская городская управа.
6. ГАОО. Ф. 55 — Оренбургская палата уголовного и гражданского суда.
7. ГАОО. Ф. 85 — Оренбургская 1-й женская гимназия.
8. ГАОО. Ф. 89 — Оренбургская частная женская гимназия М.Д. Комаровой-Колмаковой.
9. ГАОО. Ф. 98 — Оренбургская казенная палата.
10. ГАОО. Ф. 135 — Оренбургское губернское попечительство детских приютов.
11. ГАОО. Ф. 155 — Торговый дом «Алексей Зарывнов с сыновьями». № 44610. С. 797–798.
12. ГАОО. Ф. 173 — Оренбургская духовная консистория.
13. ГАОО. Ф. 174 — Канцелярия епископа Оренбургского и Уральского.
14. ГАОО. Ф. 175 — Оренбургский епархиальный комитет Православного миссионерского общества.
15. ГАОО. Ф. 176 — Оренбургское епархиальное попечительство о бедных духовного звания.
16. ГАОО. Ф. 177 — Оренбургская духовная семинария.
17. ГАОО. Ф. 200 — Старший нотариус Оренбургского окружного суда.

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ (ОГАЧО)

18. ОГАЧО. Ф. И-1 — Челябинская городская дума.
19. ОГАЧО. Ф. И-3 — Челябинская городская управа.
20. ОГАЧО. Ф. И-36 — Челябинский уездный инспектор народных училищ Оренбургского учебного округа.
21. ОГАЧО. Ф. И-68 — Челябинский Христорождественсий собор Челябинского духовного правления.
22. ОГАЧО. Ф. Р-290 — личный фонд Моисея Исааковича Альбрута.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ (РГИА)

23. РГИА. Ф. 763 — Канцелярия по управлению детскими приютами.
24. РГИА. Ф. 796 — Канцелярия Синода.
25. РГИА. Ф. 799 — Хозяйственное управление при Синоде.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ

1. Высочайше утвержденный Устав гражданского судопроизводства (20.11.1864) // ПСЗРИ-II. Т. 39. № 41477. С. 306-401.
2. Законы о состояниях // Свод законов Российской Империи (СЗРИ). Т. 9.
3. Мартынов Н. Узаконение и усыновление детей (Закон 12-го марта 1891 г.), с разъяснениями и образцами бумаг СПб.: Типография Меркушева, 1896. 49 с.
4. О воспрещении священникам венчать браки, если жених и невеста не достигли еще: первый 18-ти, а последняя 16-ти лет (19.07.1830) // ПСЗРИ-I. Т. 5. № 3807. С. 740.
5. О заведении шнурованной книги для внесения записей на домы и дворы священно и церковнослужителей и о порядке перехода таковых мест от одного лица к другому (22.01.1768) // ПСЗРИ-I. Т. 18. № 13067. С. 443–445.
6. О невенчании малолетних женихов с возрастными девками (17.12.1774) // ПСЗРИ-I. Т. 19. № 14229. С. 1063–1064.
7. О невенчании малолетних отроков с возрастными девицами (10.12.1781) // ПСЗРИ-I. Т. 21. № 15295. С. 343–344.
8. О позволении женам, оставшемся после сосланных в вечную ссылку мужей, с позволения архиерея вступать в новый брак (06.07.1767) // ПСЗРИ-I. Т. 18. № 12934. С. 170–171.
9. О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах (23.03.1714) // ПСЗРИ-I. Т. 5. № 2789. С. 91–94.
10. О составе приходов и приходских причтов (16.04.1869) // ПСЗРИ-II. Т. 44. № 46974. С. 321–325.
11. Об общих средствах призрения для всего служащего при церквах духовенства (22.05.1867) // ПСЗРИ-II. Т. 42. № 44610. С. 797–798.
12. О воспрещении священникам венчать

браки, если жених и невеста не достигли еще: первый 18-ти, а последняя 16-ти лет (19.07.1830) // ПСЗРИ-II. Т. 5. № 3807. № 3807. С. 740–741.

13. Положение о трактирных заведениях (04.07.1861) // ПСЗРИ-II. Т. 36. Отд. 2. № 37198. С. 70–78.

14. Уложение о наказаниях. СПб.: Издательство Н.С. Таганцева, 1892. 796 с.

15. Устав Духовных Консисторий. СПб.: Синодальная типография, 1841. 172 с.

16. Уставы лесной, оброчных статей и устав казенных населенных имений в западных и прибалтийских имениях // Свод законов Российской империи. Т. 8. Часть I.

17. Устав Судопроизводства торгового. СПб.: Типография «Польза», 1905. 374 с.

МАТЕРИАЛЫ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА

1. Женское движение в Башкортостане. 1900–1941: Сборник документов и материалов / Р.Н. Сулейманова (отв. ред.), Ш.Н. Исянгулов, Г.Ю. Султан-гужина. Уфа: Гилем, 2007. 274 с.

2. Отчет о деятельности санитарно-благотворительных попечительств г. Оренбурга в 1907 году, т.е. за первые 10 месяцев их существования. Оренбург: Паровая типо-литография Дворжец, 1908. 126 с.

3. Отчет о состоянии Оренбургского епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1895–96 учебный год // Оренбургские епархиальные ведсмости. 1897. № 7. Часть официальная. С 37.

4. Отчет о состоянии Оренбургского епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1898–99 учебный год) // Оренбургские епархиальные ведсмости. 1900. № 1. Часть официальная. С. 5.

5. Отчет о состоянии Оренбургского епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1895–96 учебный год (окончание) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1897. № 8. Часть официальная. С 55.

6. Отчет о состоянии Оренбургского епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1895–96 учебный год // Оренбургские епархиальные ведсмости. 1897. № 7. Часть официальная. С. 38.

7. Отчет о состоянии Оренбургского епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1896–97 учебный год. // Оренбургские епархиальные ведомости. 1898. № 3. Часть официальная. С. 38.

8. Отчет о состоянии Оренбургского епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1890–91 учебный год (окончание) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1892. № 3. Часть официальная. С. 34–35.

ИСТОРИКО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ И СПРАВОЧНО-СТАТИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Адрес-календарь г. Оренбурга на 1894 год. Оренбург: Губернская Типо-Литография, 1893. 120 с.

2. Алекторов А.Е. История Оренбургской губернии. Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1883. II, 128 с.

3. Ардашев Н.Н. К 100-летнему юбилею Оренбургской губернии. От автора // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. II. Оренбург: Типо-литография Губернского правления, 1897. С. 1–33.

4. Белавин К. Оренбург. Географическо-статистический очерк. Оренбург: Типо-литография И.И. Ефимовского-Мировицкого, 1891 126 с.

5. Бесчаснов П. Краткий обзор цифровых данных по Самарской губернии // Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1905. Т. XXXVI: Самарская губерния. С. III–XII.

6. Бодров-Повираев Н.И. Путеводитель-справочник по Оренбургу и Ташкентской железной дороге с расположенными на ней городами / Сост. Н.И. Бодровым-Повираевым; Изд. и ред. Торг. конторой Оренбург. края и Туркестана. Оренбург, 1908. 106 с.

7. Весновский В.А. Весь Челябинск и его окрестности: карманный справочник. Челябинск: Типография Л. Б. Бреслиной, 1909. 138 с.

8. Весновский В.А. Иллюстрированный путеводитель по Уралу. Екатеринбург: Типография «Уральской жизни», 1904. 598 с.

9. Доброхотов Ф.П. Урал Северный, Средний, Южный: справочная книга / сост. Ф.П. Доброхотов с участием В.А. Весновского, В.С. Зыбина, предисл. Ф.А. Иванова, К. Носилова. Петроград: Издание Б.А. Суворина, 1917. 811 с.

10. Игнатьев Р.Г. Верхнеуральск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург: Оренбургская губернская типография, б/г. С. 103–132.

11. Игнатьев Р.Г. Однодневное исчисление жителей г. Орска, произведенное 15 Января 1870 г. (Статья Действительного члена Оренбургского Губернского Статистического Комитета Р.Г. Игнатьева) // Игнатьев Р.Г. Собрание со-

чинений (уфимский и оренбургский период) / составитель М.И. Роднов. Т. III: 1869–1872 годы. Уфа: б.и., 2011. С. 134–149.

12. Игнатьев Р.Г. Однодневное исчисление жителей г. Троицка, произведенное 12-го Сентября 1870 г. д. ч. Оренб. Губ. Стат. Комитета Р.Г. Игнатьевым // Игнатьев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / составитель М.И. Роднов. Т. III: 1869–1872 годы. Уфа: б.и., 2011. С. 185–199.

13. Ильин В. Троицк // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург: Оренбургская губернская типография, б/г. С. 1–21.

14. Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатилетие (1884–1904): историко-статистическое издание. СПб.: Изд. Училищного совета при Святейшем Синоде., 1909. С. 195.

15. Кадомцев Б.П. Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 года: Критико-статистический этюд. СПб.: Тип-я Шредера, 1909. 110 с.

16. Кенигсберг М.М. Опыт медико-топографического исследования гор. Оренбурга. С картой города, таблицами и диаграммами. Диссертация на степень доктора медицины. СПб.: Семеновская типо-литография (И.А. Ефрона), 1886. 202 с.

17. Лобысевич Ф.И. Город Оренбург: историко-статистический очерк. СПб.: Типография Э. Гоппе, 1878. 60 с.

18. Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград: тип. М-ва вн. дел, 1916. 208 с.

19. Обзор Оренбургской губернии за 1870 год: приложение ко всеподданнейшему отчету Оренбургского губернатора. Оренбург : Губернская типография, 1871. 130 с.

20. Обзор Оренбургской губернии за 1887 год. Приложение к всеподданнейшему отчету оренбургского губернатора. Оренбург: Губернская типография, 1887. 50 с.

21. Орлов А.В. Челябинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург: Оренбургская губернская типография, б/г. С. 83–102.

22. Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов европейской России и царства Польского. Материалы для фабрично-заводской статистики. Издание второе, исправленное и значительно доработанное. СПб.: Типография Р. Голике, 1887. 825 с.

23. Павловский В.К. Оренбургская золотопромышленность за сто лет, правовые отношения к ней Оренбургского Казачьего Войска и современное положение золотопромышленности вообще. Екатеринбург: Типография газеты «Урал», 1905. 100 с.

24. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред Н.А. Тройницкого. Том XL: Смоленская губерния. СПб.: типография Санкт-Петербургской Тюрьмы, 1904. 258 с.

25. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Том XXVIII: Оренбургская губерния. СПб.; Типография «Товарищества Художественной печати», 1905. 198 с.

26. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Том XXXVI: Самарская губерния. СПб.: паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1905. 220 с.

27. Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. СПб.: Центральный статистический комитет МВД, 1890. XXXVI, 85, 39 с.

28. Райский П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2000. 176 с.

29. Списки населенных мест Оренбургской губернии по сведениям, собранным от полиции, волостных и станичных правлений в 1900. СПб.: Издание Оренбургского губернского комитета, 1901. 157 с.

30. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 28: Оренбургская губерния. СПб.: изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1871. 108 с.

31. Степанов В. Краткий обзор цифровых данных по Оренбургской губернии // Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1905. Т. XXVIII: Оренбургская губерния. С. VII–XX.

32. Столпянский П.Н. Город Оренбург: материалы к истории и топографии города. Оренбург: Изд-во Оренб. губ. тип., 1908. 400 с.

33. Хохлов И.С. География Оренбургской губернии. Описание Оренбургской губернии

в физическом, этнографическом и административном отношениях. Оренбург: Типография Оренб. Духовн. Консистории, 1896. 139 с.

34. Хроника г. Оренбурга за 1864 г. СПб., Типография Товарищества «Общественная польза», 1865. 35 с.

35. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях Уфа: изд. иждивением Учен. ком. М-ва гос. имуществ, 1859. 472 с.

36. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 г.: Ч. 2. СПб.: тип. К. Вульфа, 1863. 23 с.

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

1. Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. 357 с.

2. Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 2011. [Электронный ресурс] URL: http://ru-history.livejournal.com/3076729.html (дата обращения:17.10.2019)

3. Гра А. Оренбург 40-х годов XIX столетия по описанию Базинера // Труды оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург: Губернская Типо-Литография, 1903. Вып. XI. С. 1–10.

4. Дедлов (Кигн) В.Л. Из поселков в Троицк // Дедлов (Кигн) В.Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб.: М.М. Ледерле и К°, 1894. С. 66–78.

5. Дедлов (Кигн) В.Л. Курьезы // Дедлов (Кигн) В.Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб.: М. М. Ледерле и К°, 1894. С. 156–181.

6. Дедлов (Кигн) В.Л. Мор 1892 года // Дедлов (Кигн) В.Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб.: М.М. Ледерле и К°, 1894. С. 181–201.

7. Дедлов (Кигн) В.Л. Оренбург // Дедлов (Кигн) В.Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб.: М.М. Ледерле и К°, 1894. С. 7–15.

8. Дедлов (Кигн) В.Л. От Оренбурга до Орска // Дедлов (Кигн) В.Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб.: М.М. Ледерле и К°, 1894. С. 16–32.

9. Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. Париж: YMCA-PRESS, 1947. 679 с.

10. Жакмон П.П. Из воспоминаний оренбургского старожила // Исторический вестник. 1905, апрель. С. 74–88.

11. Залесов Н.Г. Записки адъютанта // Русская старина. 1903. Т. 114. Кн. 4. Апрель. С. 41-64; Кн. 6. Июнь. С. 527–542.

12. Михайлов М. Оренбургские письма для желающих ознакомиться с Оренбургом, Орском, Троицком, Фортом Александровским и дорогою через Киргизскую степь до Форта № 1. СПб.: тип. Н. Тиблен и Ко, 1866. 110 с.

13. Небольсин П.И. Рассказы проезжего. СПб.: Тип-я Штаба Военно-Учебных Заведений, 1854. 345 с.

14. Нечаева А.М. Челябинские впечатления // Исторический вестник. 1909. Том CXVII. Июль. С. 236–269.

15. Островский А.Н. О театре. Записки, речи, письма. Л.; М.: Искусство, 1947. 240 с.

16. Поляков А.М. Записки жандармского офицера // Жандармы России. М.; СПб., 2002. [Электронный ресурс] URL: http://rus-turk.livejournal.com/136019.html (дата обращения – 14.08.2018 г.).

17. Протоиерей Попов А. Из жизни причетнического сына. Из жизни духовенства Вологодской епархии. Вологда: Типография Губернского правления, 1913. 532 с.

18. Профессор Певницкий В. Мои воспоминания // Руководство для сельских пастырей. 1909. Т. 1 № 17–18. С. 434–446

19. Прошлое и настоящее (Очерки быта духовенства) // Странник. 1881. Т. 1. Апрель-Май. С. 632–651.

20. Рагозин Е.И. Путешествие по русским городам // Русское обозрение. 1891. № 7 [Электронный ресурс] URL: http://rus-turk.livejournal.com/478826.html (дата обращения: 17.10.2019)

21. Савва, архиепископ. Хроника моей жизни: автобиографические записки высокопреосвященнаго Саввы, Архиепископа Тверскаго и Кашинскаго. Сергиев Посад Свято-Троицкая Сергиева лавра: собств. тип, 1898. 511 с.

22. Чернов И.В. Заметки по истории Оренбургской губернии генерал-майора И.В. Чернова. Оренбург: Изд-во «Оренбургская губерния», 2007. 272 с.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

1. [Неизвестный автор.] Воровство в Оренбурге // Оренбургский листок. 1887. № 3.

2. Движение по епархиальной службе // Оренбургские епархиальные ведомости. 1874. № 10. Часть официальная. С. 327.

3. Завещание М. Л. Ивановой // Оренбургские губернские ведомости. 1897. 24 мая. С. 3–4.

4. К-в. Раскрепощение прислуги // Огонек. 1908 № 47.

5. Мысли и чувства при посещении Ярославского епархиального женского училища // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1887. № 20. С. 310.

6. Объявление от комитета по устройству Оренбургского епархиального женского училища // Оренбургские епархиальные ведомости. 1889. № 1. Часть официальная. С. 407.

7. Оренбургская газета. 1899. № 788. 7 ноября.

8. Оренбургская газета. 1901. № 1116. 14 января.

9. Оренбургская газета. 1901. № 1250. 12 июля.

10. Оренбургская газета. 1901. № 1251. 13 июля.

11. Оренбургская газета. 1901. № 1281. 19 августа.

12. Оренбургская газета. 1901. № 1282. 20 августа.

13. Оренбургская газета. 1901. № 1287. 26 августа.

14. Оренбургская газета. 1910. № 286. 25 декабря.

15. Оренбургский край. 1892. № 4. 20 декабря.

16. Оренбургский листок. 1873. 10 февраля.

17. Оренбургский листок. 1876. 4 января.

18. Оренбургский листок. 1877. 30 января.

19. Оренбургский листок. 1879. 12 декабря.

20. Оренбургский листок. 1889. 22 января.

21. Оренбургский листок. 1889. 27 августа.

22. Оренбургский листок. 1889. 27 августа.

23. Оренбургский листок. 1903. 5 января.

24. Оренбургский листок. 1906. 7 февраля.

25. От совета Оренбургского епархиального женского училища // Оренбургские епархиальные ведомости. 1903. № 13. Часть официальная. С. 155.

26. Пыль. Общественно-юмористический журнал. 1909. № 10.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев М.В. Горы [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/a/awdeew_m_w/text_1851_gory_oldorfo.shtml (дата обращения: 17.10.2019)

2. Бродская Д. Марийкино детство. М.: Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР, 1956. 247 с.

3. Герцен А.И. Кто виноват? // Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 тт. Т. IV: Художественные произведения 1841-1846 гг. М.: изд-во АН СССР, 1955. С. 6–209.

4. Гусев-Оренбургский С.И. Страна отцов // Сборник товарищества «Знание». Кн. 4. С.-Петербург: Типо-литография «Энергия», 1905. С. 75–294.

5. Елпатьевский С.Е. Рассказы о прошлом. Праздники. Т. 3. СПб., 1904. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/e/elpatxewskij_s_j/text_0360oldorfo.shtml.

6. Мамин-Сибиряк Д.Н. Ночевка // Мамин-Сибиряк Д.Н. Полное собрание сочинений в 12 тт. Петроград: т-во А.Ф. Маркс, 1916. Т. 5. С. 172–178.

7. Несмелов П. Заручная // Странник. 1883. Октябрь. С. 260–275; Ноябрь. С. 432–455; Декабрь. С. 644–662.

23. Никитин И.С. Дневник семинариста. М.: Правда, 1976. 160 с.

8. Одна из многих // Руководство для сельских пастырей. 1907. Т. 3. № 19.

9. Плещеев А.Н. Пашинцев // Плещеев А.Н. Избранное: Стихотворения. Проза. М.: Гослитиздат, 1960. С. 508–632.

10. Туркин А.Г. Челябинская жизнь // Старица: Поэзия и проза Урала начала XX века. Челябинск: ЧОО ООО «СП России», 2006. С. 19–23.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдрахманов К.А. «Аристократки гостиного двора»: женщины во главе купеческих династий в Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX в. // IV международ. науч. конф. «Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.». Нижний Новгород: ИП Якушов Ю.И, 2018. С. 630–637.

2. Абдрахманов К.А. Благотворительная деятельность купчих в Оренбургской губернии пореформенного периода // XI международ. науч. конф. «Новгород Нижний – сосед Москве ближний. Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков». М.: ИАЭ РАН, 2018. С. 62–64.

3. Абдрахманов К.А. Горожанки Оренбуржья в источниках второй половины XIX – начала XX вв. // «Антропология города: социокультурные стратегии в полиэтничном обществе». Сборник научных статей. Челябинск: ФССКН «Общественный фонд «Южный Урал», 2018. С. 30–35.

4. Абдрахманов К.А. Женское предпринимательство на Южном Урале во второй половине

XIX века на примере деятельности челябинской купчихи М.М. Шиховой // «Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект)» Сборник материалов международ. науч. конф. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2018. С. 480–485.

5. Абдрахманов К.А. Недвижимость оренбургских мещанок во второй половине XIX – начале XX в.: характеристики, стоимость, источники формирования // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 10. С. 20–25.

6. Абдрахманов К.А. Отражение трудовой повседневности женщин купеческого сословия в российской историографии XIX–XXI вв. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. № 3. С. 55–65.

7. Абдрахманов К.А. Предпринимательство женщин купеческого звания в городах Оренбургской губернии пореформенной эпохи // Современная научная мысль. 2017. № 3. С. 11–19.

8. Абдрахманов К.А. Региональный климат и благоустройство городского пространства как факторы повседневности горожанок в оренбургской губернии пореформенных лет // «Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность». Сборник материалов международ. науч. конф. СПб.: Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2019. С. 193–198.

9. Абдрахманов К.А. Этнический и религиозный состав населения Оренбургской губернии во второй половине XIX – начале XX в. как условие повседневности горожан // Условия повседневности. Обстоятельства, определяющие жизнь: Материалы научного семинара, посвященного исследованиям проблем истории повседневности. Оренбург: ИПК «Университет», 2017. С. 18–32.

10. Абдрахманов К.А., Бурлуцкая Е.В. Купцы Грен. «Новые русские» из Германии // Купечество оренбургское. Сборник статей. Вып. 2. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2017. С. 8–14.

11. Абдрахманов К.А., Бурлуцкая Е.В. Панкратовы. Европейский лоск в азиатских степях // Купечество оренбургское. Сборник статей. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 55–59.

12. Абрегова Ж.О. Повседневная жизнь сельского населения Кубани (конец XIX – первая треть XX в.) / науч. ред. Э. А. Шеуджен. Майкоп: ОАО «Полиграф Юг», 2010. 150 с.

13. Адукова Т.Ю. Быт дореволюционного Челябинска // Седьмые Бирюковские чтения, Челябинск:. Б.и., 1987. С. 16–18.

14. Аксенова А.В. Метрические книги градо-енисейских церквей как исторический источник по изучению малого сибирского города конца XIX – начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 4 (92). С. 17–21.

15. Алеврас Н.Н. Челябинск в XVIII – начале XX века: социально-демографические процессы // Magistra Vitae: Электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2000. № 1 (11). С. 20–35.

16. Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М. : Наука, 1977. 359 с.

17. Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство европейской России 1881-1904. М: «Наука», 1980. 241 с.

18. Аппаримова Е.Ю. Общественный быт уральского города второй половины XIX – начала XX в. в историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VIII Всероссийской научной конференции, [г. Екатеринбург], 27–28 апреля 2007 г. Екатеринбург: АМБ, 2007. Т. 1. С. 34–40.

19. Араловец Н.А. Городская семья в России, 1897–1926 гг.: Историко-демографический аспект. М.: ИРИ РАН, 2003. 233 с.

20. Араловец Н.А. Семейные отношения городских жителей России в контексте повседневности (90-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.) // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул : Аз Бука, 2001. С. 97–108.

21. Балицкий Г. Купечество // Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1911. Т. 10. С. 23–28.

22. Балюшина Ю.Л. Город как специфический локус жизненного пространства человека (социально-философский аспект) // Общество: философия, история, культура. 2016. № 7. С. 39–41.

23. Банникова Е.В. Критерии повседневности: теоретико-методологические основы истории повседневной жизни // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 7 (13): в 3 ч. Ч. 2. С. 21–24.

24. Банникова Е.В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). СПб.: ООО «Полторак», 2014. 440 с.

25. Банникова Е.В. Условия повседневности. Факторы, определяющие жизнь // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2013. № 3. С. 53–58.

26. Барсукова М. А. Мукомольная промышленность Урала во второй половине XIX века // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII-начало XX вв.): [Межвуз. сб. науч. ст.] / Алт. гос. ун-т, Науч.-исслед. ин-т гуманитар. исслед.; [Отв. ред. В. А. Скубневский]. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. С. 106–121.

27. Барышников М.Н. Женщины в составе правлений акционерных компаний в России во второй половине XIX – начале XX века // История предпринимательства в России: XIX – начало XX века : сб. материалов всерос. науч. конф. СПб. : Издат. дом СПбГУ, 2005. С. 17–38.

28. Барышников М.Н. Семейная фирма в дореволюционной России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. № 4. С. 51–58.

29. Бахарева О.Я. Культура немецкого городского населения Оренбургской губернии (XIX–начало XX века) // Российская нация: этнокультурное многообразие в гражданском единстве. Мат. всеросс. науч.-практич. конф. Оренбург: ГУП Оренбургской области «Бузулукская типография», 2011. С. 110–117.

30. Бахарева О.Я. Участие европейских купцов и российских немцев в рыночной торговле Оренбурга в XIX веке // Вестник ОГПУ. 2004. № 4 (38). С. 31–35.

31. Бахарева О.Я., Бурлуцкая Е.В. Клюмп. Мошковы. Начало пивоварения в Оренбурге // Купечество оренбургское. Сборник статей. Вып. 2. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2017. С. 18–23.

32. Безгин В.Б. «На миру» и в семье: русская крестьянка конца XIX – начала XX века. Тамбов: РГНФ. ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2015. 192 с.

33. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX в.). М.; Тамбов: Тамб. гос. тех. ун-т, 2004. 304 с.

34. Безгин В.Б. Русская деревня конца XIX – начала XX века: грани крестьянской девиантности (Часть 2) // Genesis: Исторические исследования. 2012. № 2. С. 149–190.

35. Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Рос. ассоц. исследователей женской истории. СПб.: Алетейя, 2010. 478 с.

36. Беловинский Л.В. Жизнь русского обывателя. Ч. 2. На шумных улицах градских. М.: Кучково поле : Икс-Хистори, 2012. 456 с.

37. Бентовин Б.И. Торгующие телом: Очерки современной проституции. М.: Л. Крумбюгель, 1907. 200 с.

38. Бобицкий А.В. Инвалидность и брак в российской провинции по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года // Демографический потенциал стран ЕАЭС: VIII Уральский демографический форум. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2017. Т. 1. С. 302–306.

39. Боже В.С. Школьный мир дореволюционного Челябинска. Т. 2: Справочные материалы. Челябинск: Центр ист.-культ. наследия г. Челябинска, 2006. 366 с.

40. Бржеский Н. Очерки аграрного быта крестьян. Земледельческий центр России и его оскудение. Т. 1. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1908. 100 с.

41. Брюханова Е.А. Профессиональная структура городского населения Сибири по материалам переписи 1897 г. // Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер. 2014. № 41. С. 57–75.

42. Брюханова Е.А., Владимиров В.Н., Стрекалова Н.В. Сословие, профессия, социальная страта: к проблеме исследования социальной структуры провинциального российского губернского города в конце XIX – начале XX в. (на материалах Тамбова и Тобольска) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 38–46.

43. Брюханова Е.А., Щетинина А.С. Виды занятий женщин в городах Сибири и Дальнего Востока по материалам переписи 1897 г. // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века : материалы III Всерос. науч. конф. Барнаул, 29 июня – 01 июля 2012 г. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2012. С. 52–58.

44. Бурдина Г.М. Материалы учета населения как источник по изучению городской семьи Вятской губернии второй половины XIX – начала XX в. // Сборник научных трудов SWorld. 2013. Т. 36. № 1. С. 10–13.

45. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. «Свободу, свободу, мне дайте свободу...». Кризис института купеческой семьи в условиях трансформации пореформенного общества // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.). Мат-лы междунар. науч. конф.

СПб.: Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2017. С. 335–341.

46. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Брачно-семейные отношения оренбургского купечества по данным метрических книг Вознесенской церкви г. Оренбурга (1870–1884 гг.) // Региональная история: методология, источники, историография: сборник научных трудов третьих международных усмановских чтений. Республика Башкортостан, Уфа – Стерлитамак, 2 декабря 2016 г. / науч. ред. Д.П. Самородов; М.Н. Фархшатов; отв. ред. А.И. Акманов; отв. за вып. С.В. Сиротин. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2016. С. 71–74.

47. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Брачно-семейные отношения оренбургского купечества по данным метрических книг Вознесенской церкви г. Оренбурга (1870–1884 гг.) // Региональная история: методология, источники, историография Сб. науч. трудов III Международных Усмановских чтений. Уфа: БГУ, 2016. С. 71–74.

48. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Городской ландшафт как пространство повседневности. На примере Оренбурга пореформенного периода // Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности: Сб. науч. ст.: Материалы VIII Международных Стахеевских чтений, Елабуга, 16-17 ноября 2017 г. / Сост. И.В. Маслова, И.Е. Крапоткина, Г.В. Бурдина. Елабуга, 2017. С. 408–416.

49. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Дамское счастье. К вопросу о степени комфортности повседневной жизни горожанок высшего и среднего круга в провинциальной губернской столице второй половины XIX в. // Исторический курьер. 2019. № 3 (5). Статья 13. [Электронный ресурс] URL: http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-13.pdf.

50. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Детская смертность в купеческих семьях Оренбурга второй половины XIX века // Клио. 2017. № 7 (127). С. 80–85.

51. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Личная переписка представителей семейства Дегтяревых-Сухановых как источник по семейной повседневности горожан // Человек и город в историко-культурном пространстве. Краеведческие чтения, посвященные 90-летию со дня рождения почетного гражданина города Оренбурга Виктора Васильевича Дорофеева. Оренбург, 1 декабря 2017 г.: сб. статей. Оренбург: изд-во ОГПУ, 2017. С. 39–52.

52. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Оренбургские купцы Дегтяревы: семейные драмы и конец фамильного дела // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность Мат-лы междунар. науч. конф. СПб.: Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкин, 2016. С. 300–305.

53. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Оренбургское высшее общество глазами писателя. Повесть А.Н. Плещеева «Пашинцев» как источник по истории женской провинциальной повседневности // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность. Мат-лы междунар. науч. конф. В 2-х тт. Т. 2. СПб.: Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2018. С. 232–240.

54. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Семейная повседневность женщин купеческого сословия в пореформенной России: историография проблемы // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. № 3 (23). С. 78–89.

55. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Семейная повседневность православного оренбургского купечества по материалам метрических книг Покровской церкви г. Оренбурга (1870–1884 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2016. № 1 (17). С. 117–127.

56. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Семейная повседневность православного оренбургского купечества по материалам метрических книг Покровской церкви г. Оренбурга (1870-1884 гг.) // Вестник ОГПУ. 2016. № 1 (17). С. 117–127.

57. Бурлуцкая (Банникова) Е.В., Абдрахманов К.А. Прогулки как вариант досуговой повседневности горожан Оренбурга во второй половине XIX в. // Клио. 2018. № 12 (144). С. 87–93.

58. Бурлуцкая (Банникова) Е.В., Клементьева Н.В. Брачное поведение оренбургских мещанок по данным метрических книг Вознесенской церкви г. Оренбурга (1851 – 1861 гг.) // Семейная жизнь. Счастливые и драматические истории на фоне городской повседневности: Материалы научного семинара, посвященного исследованиям проблем истории повседневности. Оренбург, 12 декабря 2018 г. Оренбург: ИПК «Университет», 2018. С. 23–33.

59. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. «Жестокий романс». Семейно-бытовые драмы в мещанской среде городов Оренбургской губернии пореформенной эпохи // Природно-географиче-

ский фактор в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф.: в 2 т. / отв. ред. В.А. Веременко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. Т. 2. С. 198–204.

60. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. «...Прислуга, крайне здесь избалованная, живет по-своему». Домашние работницы в провинции пореформенной эпохи // Вестник ОГПУ. Электронный научный журнал. 2018. № 4 (28). С. 105–120.

61. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. «Здесь "горничные все склонны и жаждут любви...". Горожанки в сфере интимных услуг в Оренбургской губернии пореформенной эпохи» // Горожане и горожанки в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV-XXI веков. Мат-лы Одиннадцатой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 4-7 октября 2018 г., Нижний Новгород. В 2-х тт. Т. 2. С. 36–39.

62. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Ландшафт уездного города как условие повседневности его жителей // Условия повседневности. Обстоятельства, определяющие жизнь: Мат-лы научного семинара, посвященного исследованиям проблем истории повседневности. оренбург, 14 декабря 2017 г. Оренбург: ИПК «Университет», 2017. С. 33–42.

63. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Личная жизнь адвоката Городисского // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2018. № 8. Т. 2. С. 58–68.

64. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Прогулки как вариант досуговой повседневности горожан Оренбурга во второй половине XIX века // Клио. 2018. № 12 (144). С. 87–93.

65. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Семейные конфликты в купеческих семьях Оренбурга второй половины XIX в.: любовь и бизнес // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. мат-лов Четвертой международной научной конференции (Нижний Новгород, 28–30 сентября 2017 г.)/ ред.-сост. А.И. Раздорский. Нижний Новгород, 2018. С. 623–630.

66. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Сословный состав городского населения Оренбургской губернии и социографические характеристики его женской составляющей по данным первой всеобщей переписи населения российской империи 1897 г. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 2 (26). С. 105–120.

67. Бурлуцкая (Банникова) Е.В.Супружеские отношения в семьях оренбургских аристократок в пореформенный период (поведенческий и ментальный компоненты) // Былые годы. 2019. № 1. С. 219–230.

68. Бурлуцкая (Банникова) Е.В.Тайное повседневное. Горожанки в сфере коммерческих интим-услуг в Оренбургской губернии во второй половине XIX века // Былые годы. 2019. № 3. С. 1153–1166.

69. Бурлуцкая Е.В. Дегтяревы. Семейная драма и конец фамильного дела // Купечество оренбургское. Сборник статей. Оренбург: изд-во ОГПУ, 2016. С. 6–13.

70. Бурлуцкая Е.В., Шлеюк С.Г. Мякиньковы. Владельцы настоящего дворца // Купечество оренбургское. Сборник статей. Оренбург: изд-во ОГПУ, 2016. С. 46–55.

71. Бурлуцкая Е.В., Шлеюк С.Г., Абдрахманов К.А. Оренбург купеческий. Городской ландшафт как пространство повседневности. Оренбург: Оренбургская книга, 2018. 270 с.

72. Бурышкин П.А. Москва купеческая. М.: ЭКСМО, 2015. 384 с.

73. Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайличенко Е.В. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья: Историко-этнографическое исследование (середина XIX – начало XX в.). Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1973. 164 с.

74. Бухараев В.М. Провинциальный обыватель в конце XIX – начале XX века: между старым и новым // Социальная история: Ежегодник, 2000. М.: РОССПЭН, 2000. С. 19–33.

75. Василич Г. Москва в 1850–1910 гг. // Москва в ее прошлом и настоящем. М.: Тип. Русского Товарищества, 1912. Т. 11. С. 3–28.

76. Васильева М.А. Ивановы. Пример благочестивой жизни и филантропии // Купечество оренбургское: сб. статей. Оренбург: изд-во ОГПУ, 2016. С. 38–46.

77. Вахромеева О.Б. Женщины-предприниматели в Санкт-Петербурге на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 2. Вып. 1. С. 68–73.

78. Вахромеева О.Б. Отношения между родителями и детьми: из истории семейного права дореволюционной России. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 19. С. 58–72.

79. Вербицкая О.М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг. М.; Тула: Гриф и К°, 2009. 295 с.

80. Вергунов А.П. Архитектурно-ландшафтная организация крупного города. Л.: Стройиздат, 1982. 134 с.

81. Веременко В.А. Домашняя прислуга в дворянских семьях России во второй половине XIX начале XX в // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. № 1. С. 181–191.

82. Веременко В.А. Хозяйка на кухне: адаптационные практики в жизни российской дворянской семьи во второй половине XIX – начале XX в. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): мат-лы междунар. науч. конф., 16–18 марта 2017 г. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. С. 315–323.

83. Веременко В.А. «Дура в доме» – женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX – начала XX в. // Альманах гендерной истории «Адам и Ева». Москва, 2013. С. 241–273.

84. Веременко В.А. «Ничтожные» и «благородные»: общественная дискуссия о домашней прислуге накануне отмены крепостного права в России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 4. С. 82–89.

85. Веременко В.А. Женская домашняя прислуга в России второй половины XIX – начала XX в.: состояние здоровья и факторы профессиональной заболеваемости // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19. № 3–1. С. 37-40.

86. Веременко В.А. Организация найма прислуги в городах России во второй половине XIX – начале XX в. // Модернизация в России: история, политика, образование: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. СПб., 2014. С. 87–96.

87. Вернигоров А. Верхнеуральцы: купец первой гильдии Василий Гогин // Верхнеуральский извозчик. 2016. 15 ноября.

88. Вернигоров А. Парковая история, дела и проблемы // Верхнеуральский извозчик. 2014. 8 сентября.

89. Вишнякова Д.В. Брачная структура населения города Усть-Сысольска (по материалам переписи 1897 года) // Историческая демография. 2015. № 1 (15). С. 8–11.

90. Владимиров В.Н. Историческое профессиоведение: предмет и проблематика // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 3 (10). С. 96–99.

91. Владимиров В.Н., Демкин А.В., Киселева Е.А., Колдаков Д.В., Перебоев Р.Н., Силина И.Г. Историческая классификация профессий: первый русскоязычный вариант HISCO // Историческое профессиоведение / Под ред. В.Н. Владимирова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 57–81.

92. Гибадуллин М.З., Артамонычева А.Р. Предпринимательство и ислам: российский исторический опыт // Российское предпринимательство. 2012. № 10 (208). С. 178–182.

93. Гизатуллин Р. Блокнот краеведа: Центральная площадь г. Троицка // Регион. 2014. 19 февраля.

94. Гизатуллин Р. Троицкий купец создал вольно-пожарное общество // Южноуральская Панорама. 2013. 11 декабря.

95. Гизатуллин Р.Н. Социально-экономическое положение г. Троицка в 1913–1917 гг. // Календарь замечательных и памятных дат. Челябинская область 2014. Челябинск, 2014. С. 137–154.

96. Гинс Г.К. Предприниматель. М.: Посев, 1992. 224 с.

97. Головин К. Сельская община в литературе и действительности. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1887. 260 с.

98. Голосенко И.А., Голод С.И. Социологические исследования проституции в России (история и современное состояние вопроса). СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 123 с.

99. Гончаров Ю.М. «Женщина в Сибири не раба мужчине» // Родина. 2010. № 7. С. 149–153.

100. Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Алтайский ун-т, 2002. 384 с.

101. Гончаров Ю.М. Женщины фронтира: сибирячки в региональном социуме середины XIX – начала XX в. // Социальная история: ежегодник. 2003. М., 2003. С. 324–341.

102. Гончаров Ю.М., Чутчев В.С. К проблеме изучения средних городских слоев Сибири середины XIX – начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2003. № 4. С. 7–16.

103. Гончаров Ю.М. Внутрисемейные отношения в семьях провинциальных горожан второй половины XIX – начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2001. № 4. С. 19–23.

104. Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1999. 244 с.

105. Гончаров Ю.М. Мещанское сословие Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия «Культура, наука, образование». Новосибирск, 2000. № 3. С. 113–116.

106. Гончаров Ю.М. Одинокие женщины в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2011. № 2. С. 142–148.

107. Гончаров Ю.М. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: [АзБука], 2004. 132 с.

108. Гончаров Ю.М. Социальный статус и гендерные роли женщин Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века: сборник материалов региональной научной конференции / Сибирское отделение РАН, Институт истории; [ответственный редактор – М.В. Шиловский]. Новосибирск: [б. и.], 2007. С. 59–71.

109. Гончаров Ю.М., Чутчев В.С. Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века. Барнаул: Аз Бука, 2004. 206 с.

110. Гребеннюков Д.С. Смертность и продолжительность жизни купечества Центрального Черноземья в конце XVIII – первой четверти XIX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2013. Т. 28. № 22 (165). С. 92–96.

111. Громыко М.М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 269 с.

112. Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. 274 с.

113. Губина Н.М. «Тщательная экономия богатее золотых рудников»: ценностные ориентации и повседневные практики мещан провинциального города в последней трети XIX – начале XX в. (на примере Иваново-Вознесенска) // Известия вузов. 2016. № 7 (3). С. 227–234.

114. Денисов Д.Н. Исторические мечети Оренбурга // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.). Мат. всеросс. науч.-практич. конф. Казань: Институт истории АН РТ, 2006. С. 53–72.

115. Денисов Д.Н., Моргунов К.А. Евреи в Оренбургском крае: религия и культура. Оренбург: ООО ИПК Университет, 2015. 126 с.

116. Добросклонский А.П. Руководство по истории церкви 1700–1890. М.: Синодальная типография, 1893. 605 с.

117. Дождевых С.М. Купеческий заказчик в истории вятской архитектуры (на примере магазина П.П. Клобукова) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. Т. 2. № 2. С. 169–173.

118. Долгих Е.В. Правовое положение заведений общественного питания России в 1861–1918 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2017. № 5. С. 14–41.

119. Дорофеев В.В. Над Уралом-рекой. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1988. 272 с.

120. Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе 1861 – 1880. М.: Наука, 1978. 287 с.

121. Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М. : Наука, 1975. 398 с.

122. Егорова М.В. Растительная жизнь педагога // Родина. 2008. № 11. С. 102–108.

123. Еремина Н.А. История музея. Оренбург: Димур, 2006. 143 с.

124. Ершов М.Ф. Дореволюционная школа Зауралья в художественных текстах // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2019. № 1 (29). С. 51–63.

125. Ефанова В.Н. Мельница В.Е. Гогина в Верхнеуральске, памятник промышленной архитектуры 100 лет со дня пуска мельницы // Календарь замечательных и памятных дат. Челябинская область 2009. Челябинск: ЧОУНБ, 2009. С. 29–32.

126. Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1980. 148 с.

127. Жолобова Г.А. Торговая правоспособность евреев в России во второй половине XIX – начале XX века // Правоведение. 2004. № 2. С. 189–203.

128. Жукова Л.Н., Жукова О.Г. Русское купечество. Гении дела и творцы истории. М.: Вече, 2014. 272 с.

129. Журавлева Н.С. Образ города в произведениях о Челябинске рубежа XIX–XX веков // Гороховские чтения. Мат-лы VII региональной музейной конференции. Челябинск: ОГБУК «Государственный исторический музей Южного Урала», 2016. С. 122–126.

130. Загидуллин И.К. Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. 223 с.

131. Загоровский А.И. Курс семейного права. Одесса: Типография акционерного Южнорусского о-ва. Печатного дела, 1902. 468 с.

132. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М.: Издательство Московского университета, 1964. 513 с.

133. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М.: Госполитиздат, 1954. 292 с.

134. Зайцева А.А. Социальный аспект изучения историко-культурной среды русского провинциального города конца XIX – начала XX веков // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием. Курган: ООО «Курганский Дом печати», 2015. С. 552–558.

135. Засосов Д., Пызин В. Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX–XX веков: записки очевидцев. М.: Молодая гвардия, 2003. 480 с.

136. Зеткин С.Н. Образование и воспитание детей мещан Мордовского края // Интеграция образования. 2011. № 1. С. 24–28.

137. Зиннатуллина Т. На улице купеческой кипела жизнь // Орская хроника. 2006. 6 декабря.

138. Злобин Ю.П., Поляков А.Н. История Оренбургского региона. Часть первая. С древнейших времен до 1921 года: учебное пособие. Оренбург: ГОУ ОГУ, 2006. 256 с.

139. Змеев М.В. Восприятие детской смертности в России на рубеже XIX – XX вв.: между «моралью экономии» и «экономической моралью» // Вестник гуманитарного научного образования. 2010. № 2. С. 6–12.

140. Зобов Ю.С. Русские на Южном Урале, их роль в заселении и развитии края // Многонациональный мир Оренбуржья / под ред. В.П. Торукало. Оренбург, 1994. С. 24–41.

141. Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. 576 с.

142. Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. М.: Наука, 2004. 204 с.

143. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России. 1907–1914 гг. М.: Наука, 1992. 256 с.

144. Зюбан М.Н. Государственная регламентация занятий проституцией в Российской империи: середина XIX столетия – 1917 г. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2008. № 2. С. 74–77;

145. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый хронограф, 2009. 741 с.

146. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М.: Наука, 2004. 572 с.

147. Имашева М.М. Гостиные дворы Астрахани в конце XVIII – первой половине XIX века как форма предпринимательства персидских купцов // Вектор науки ТГУ. 2015. № 1 (31). С. 145–149.

148. Иофа Л.Е. Города Урала. Ч. 1. М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1951. 421 с.

149. Исковский А. Король ассенизации Оренбурга. Кто убирал улицы города в XIX веке? // Аргументы и Факты. 2017. № 47. 22 ноября.

150. История и этническая культура татар Оренбуржья (к 105-летию со дня рождения М. Джалиля, 120-летию со дня рождения М. Файзи и 125-летию со дня рождения Г. Тукая): материалы межрегиональной научно-практической конференции / под общ. ред. проф. В.В. Амелина. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. 296 с.

151. История Оренбуржья. Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 1996. 350 с.

152. История предпринимательства в России. Кн. 2: Вторая половина XIX – начало XX века. М. : РОССПЭН, 1999. 575 с.

153. Ищенко Е.Б., Ищенко Н.П. Челябинск дореволюционный: формирование профессиональных традиций музыкального искусства // Человек. Общество. Государство. 2017. № 1 (3). С. 40–45.

154. Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М.: Мысль, 1988. 237 с.

155. Кавелин К. Очерк юридических отношений, возникающих из семейного союза // Журнал гражданского и уголовного права. СПб., 1884. Книга 8. С. 104–128.

156. Кантимирова Р.И. Население в уездах и городах Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Образование и наука в современных условиях. 2015. № 2 (3). С. 38–40.

157. Касаткина С.С. Публичное и частное пространство городской повседневности как институт социализации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (50): в 3 ч. Ч. II. С. 88–90.

158. Клементьева Н.В. Сословный состав населения городов Оренбургской губернии во вто-

рой половине XIX в. как одно из объективных условий городской повседневности // Условия повседневности. Обстоятельства, определяющие жизнь. Материалы научного семинара, посвященного исследованиям проблем истории повседневности. Оренбург: ИПК «Университет», 2017. С. 7–18.

159. Клоц А.Р. Домашняя прислуга как объект исторического исследования в англоязычной историографии второй половины XX века // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 3 (17). С. 75–80.

160. Кн. Васильчиков А. Сельский быт и сельское хозяйство в России. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1881.

161. Кобер О.И. Некоторые особенности стиля модерн в архитектуре Оренбурга // Вестник ОГУ. 2014. № 5 (166). С. 186–193.

162. Кобозева З.М. «Золотой век» мещанства: мещанская городская повседневность в 50–60-е годы XIX века // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 38–45.

163. Кобозева З.М. Диалогичность хронотопов: «мещанский мирок» в «купеческом царстве» провинциальной Самары // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2009. № 7 (73). С. 139–146.

164. Ковалевский М.Ю. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. СПб.: Ф. Павленков, 1895. 152 с.

165. Козлова Н.В.Хозяйственная активность и предпринимательская деятельность купеческих жен и вдов Москвы в XVIII в.// Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв. Сборник материалов международной научной конференции. СПб.: Изд-во Петербургского ун-та, 2001. С. 139–144.

166. Колесникова В.А. Провинциальная культура Оренбурга второй половины XIX – начала XX века. Оренбург. гос. аграр. ун-т. Оренбург: Изд. Центр ОГАУ, 2002. 119 с.

167. Колинько А.Ю. Имущественные права и обязанности супругов России во второй половине XIX-начале XX вв. // Теория и практика общероссийского развития (всероссийский научный журнал). 2006. № 1 (4). С. 60–63.

168. Коломийцова Н.А. Необходимая настольная книга для молодых хозяек. Общедоступный дешевый и вкусный стол, 654 рецепта общеупотребительных постных и скоромных блюд. 3-е изд. СПб.: Издания В.В. Лепехина и Т.Ф. Кузина, 1891. XXXII, 558, XXV с.

169. Комарницкий А.В. Отношения между родителями и детьми как объект правового регулирования в дореволюционной России // XV юбилейные царскосельские чтения. Евразийский опыт: культурно-историческая интеграция. Материалы международной научной конференции. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2011. Т. 3. С. 107–117.

170. Комлева Е.В. Быт горожан в письмах красноярских купцов Ларионовых (конец XVIII – первая треть XIX в.) // Тексты источников по истории России и национальная культурная традиция. Сер. «Археография и источниковедение Сибири». Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2014. С. 85–97.

171. Кондрашов П.Н. Марксистская теория повседневности: попытка предварительной экспликации // Философия и общество. 2006. № 3. С. 98–115.

172. Константинова В.Н. Городское население Российской империи конца XIX века: гендерный аспект (на примере Екатеринославской губернии) // Женщина в российском обществе. 2009. № 4. С. 83–93.

173. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 448 с.

174. Кошман Л.В. Мещанство в России в XIX веке // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 3–17.

175. Крупец Я.Н., Нартова Н.А. Переопределение границ между трудом, уовольствием и насилием: секс-работа как особый вид неформальной занятости // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 4. С. 537–550.

176. Кубицкий С.И., Бабкина Л.Ф., Власова А.В. Благотворительность в социальной жизни Урала (XIX-XXI вв.). Челябинск: [б. и.], 2006. 202 с.

177. Куренкова Ю.О. Доступность учреждений культуры для горожан Оренбуржья во второй половине XIX века как условие досуговой повседневности // Условия повседневности. Обстоятельства, определяющие жизнь. Материалы научного семинара, посвященного исследованиям проблем истории повседневности. Оренбург, 14 декабря 2017 г. Оренбург: ИПК «Университет», 2017. С. 48–59.

178. Куренкова Ю.О. Из деревни в город: крестьянки в Оренбурге во второй половине XIX века // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего. Материалы XII международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антрополо-

гии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН: в 2 частях. Ответственные редакторы: Н.Л. Пушкарева, И.О. Дементьев, М.Г. Шендерюк. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2019. Ч. 1. С. 74–78.

179. Куренкова Ю.О. Крестьяне в городе: источники по повседневности крестьян в Оренбурге второй половины XIX – первой четверти XX вв. // Антропология города: социокультурные стратегии в полиэтничном обществе. Сборник научных статьей. / Ред. Атнагулов И.Р., Загребин С.С., Рыбалко А.А., Самигулов Г.Х. Челябинск: ФССКН «Общественный фонд «Южный Урал», 2018. С. 43–47.

180. Куренкова Ю.О. Крестьянки в городе: брачно-семейная статистика по метрическим книгам второй половины XIX в. // Семейная жизнь. Счастливые и драматические истории на фоне городской повседневности. Материалы научного семинара, посвященного исследованиям проблем истории повседневности. Оренбург, 12 декабря 2018 г. Оренбург: ИПК «Университет», 2018. С. 44–50.

181. Куренкова Ю.О. Медицина и власть: влияние на поведение женщин в домах терпимости Оренбурга в конце XIX в. // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков. Материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород. В 2-х томах / Отв. редакторы: Н.Л. Пушкарева, Н.А. Гронская, Н. К. Радина. М.: ИЭА РАН, 2018. Т. 2. С. 39–42.

182. Куренкова Ю.О. Расселение крестьян в Оренбурге во второй половине XIX в.: географическое и социальное происхождение (по метрическим книгам) // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). Материалы международной научной конференции / Под общей редакцией В.А. Веременко. Санкт-Петербург, 2019. С. 146–150.

183. Куренкова Ю.О. Повседневная жизнь крестьянки второй половины XIX века как научная (историографическая) проблема // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. № 3 (23). С. 144–155.

184. Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М.: Прогресс-Академия, 1994. 221 с.

185. Леонтьева Т.Г. Женщины из духовного сословия в самодержавной России // Женщины. История. Общество : сб. науч. тр. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1999. Вып. 1. С. 41–49.

186. Лещенко В.Ю. Семья и русское православие (XI – XIX вв.). СПб.: Издательство Фроловой Т.В., 1999. 608 с.

187. Листова Т.А. Народный православный обряд создания семьи // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. Итоги этнографических исследований. М : Наука, 2001. С. 7–35.

188. Литягина А.В. Формирование общих черт быта у представителей различных сословий в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // История повседневности населения Западной Сибири и сопредельных регионов как форма цивилизационной идентичности Евразии. Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции: электронный ресурс. Бийск: Изд-во Алтайского государственного гуманитарно-педагогического ун-та им. В.М. Шукшина, 2018. С. 43–48.

189. Лобачева И.Н. Динамика брачного поведения купечества Тульской губернии в 1868–1878 гг. // «На необозримой ниве русской исторической науки...». К 100-летию проведения Первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и обществ : материалы междунар. науч. конф. Тула: Изд-во ТулГУ, 2014. С. 58–72.

190. Лобачева И.Н. Купеческая семья Тулы и Тульского уезда в 1860–1870-е годы // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 141–150.

191. Лобачева И.Н. Социодемографические характеристики тульского купечества в период конца 50-х – 80-х годов XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Исторические науки. 2014. № 3 (15). С. 25–34.

192. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство – СПБ, 1994. 399 с.

193. Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1977. Вып. 411. С. 65–89.

194. Лукерченко М. П. Орск. Исторический очерк. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1968 162 с.

195. Любичанковский С.В. «Пролетарии двадцатого числа»: материальные условия повседневной жизни рядовых губернских служащих в позднеимперский период // Экстремальное в

повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.). Материалы международной научной конференции. СПб.: изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. С. 303–308.

196. Любичанковский С.В. Организация учебного процесса, управления и финансирования Оренбургской женской гимназии в пореформенный период // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2014. № 2 (10). С. 113–120.

197. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Диалектика повседневности: методологический подход Екатеринбург: УрГУ; ИФиП УрО РАН; РФО, 2007. 295 с.

198. Макарова В.Н. К вопросу о добыче золота на территории Башкирии в конце XIX – начале XX вв. // Археография Южного Урала: Материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции. Уфа: Информреклама, 2004. С. 114–116.

199. Макитрин К.М. Купеческая семья города Самары в конце XIX – начале XX в. (демографический аспект) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 1. С. 49–52.

200. Малышева С.Ю. «Профессионалки», «арфистки», «любительницы»: публичные дома и проститутки в Казани во второй половине XIX – начале XX века. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2014. 188 с.

201. Малышева С.Ю. «Профессионалки», «арфистки», «любительницы»: проститутки в российском провинциальном городе второй половины XIX – начала XX в. // Клио. 2012. № 3 (63). С. 72–79.

202. Малышева С.Ю. Содержательницы казанских борделей второй половины XIX – начала XX в.: портрет явления // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 3–1. С. 102–112.

203. Малышкина Е.А. Эволюционный путь развития индустрии общественного итания в дореволюционной россии // Социально-экономические исследования и процессы. 2014. № 2 (060). С. 72–78.

204. Мартыненко Н.К. К вопросу истории морфологии одного из девиантных социальных институтов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2015. № 4 (19). С. 231–241.

205. Маслова И.В. Культура семейных традиций уездного купечества Вятской губернии в XIX – начале XX века // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2011. № 1. С. 121–126.

206. Маслова И.В. Провинциальный уездный город Российской империи XIX – начала XX вв.: на материалах Вятской губернии // Малые и средние города России: прошлое, настоящее и будущее. Материалы VI Международных Стахеевских чтений. Елабуга: Елабужский институт КФУ, 2013. С. 108–113.

207. Маслова И.В. Структура родственных связей и традиции семейного быта уездного купечества Вятской губернии в XIX – начале XX в. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 8. С. 148–151.

208. Мейер Д.И. Русское гражданское право в 2-х ч. М.: Статус, 2003. 831 с.

209. Мельников М.В. Женское предпринимательство в период социально-экономических трансформаций: опыт второй половины XIX – начала XX в. // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. 2012. № 3. С. 46–51.

210. Мельникова Н.Н. Образ жизни и его адаптивная функция // Вестник ЮУрГУ. 2009. № 5. Серия «Психология». Вып. 4. С. 41–48.

211. Меньшикова Е.Н. Анализ «выдающихся черт» исторического облика женщины-купчихи провинциальной России в 60–90-х гг. XIX в. (на примере купеческого семейства Гладковых из Курской губернии) // Женщина в российском обществе. 2012. № 2 (63). С. 24–33.

212. Меньшикова Е.Н. Купчиха Центрального Черноземья в 60–90-х годах XIX века в семье и семейном бизнесе // Социальная история: ежегодник. 2008. СПб. : Алетейя, 2009. С. 69–89.

213. Меньшикова Е.Н. Малая юмористическая проза («Картинки из купеческого быта») как новый источник по женской истории русского купечества второй половины XIX – начала XX в. // Женщина в российском обществе. 2013. № 4 (69). С. 39–49.

214. Меньшикова Е.Н. Правовой статус купеческой женщины в российском обществе в 60–90-х гг. XIX в. (на материале Центрального Черноземья) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. Т. 4, № 8. С. 61–69.

215. Меньшикова Е.Н. Семейные конфликты как один из факторов психоэмоциональной жизни купеческой семьи Центрального Черноземья в 60–90 гг. XIX века (на материалах Курской

и Воронежской губерний) // Исторические науки. 2007. № 1. С. 26–31.

216. Меньшикова Е.Н. Структура и пути формирования городской недвижимой собственности женщин-купчих Курской губернии в 60 – 90-е гг. XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 128–132.

217. Меньшикова Е.Н. Трансформация социальной психологии в женской среде купеческого сословия Центрального Черноземья в пореформенный период (60–90-е гг. XIX в.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. 2009. Т. 9, № 11. С. 125–133.

218. Мещеряков П.В. Челябинск: Историческая справка. Челябинск: Челябгиз, 1956. 445 с.

219. Микитюк В.П., Яхно О.Н. Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX–XX веков: очерки городского быта Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УРО РАН : Изд-во АМБ, 2014. 447 с.

220. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического прогресса. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.

221. Милоголова И.Н. Крестьянка в русской пореформенной деревне // Вестник Московского государственного университета. Сер. 8, История. 1998. № 2. С. 18–30.

222. Миненко Н.А., Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 2006. 384 с.

223. Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социально-экономическое развитие. Л.: Наука. 1990. 271 с.

224. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х тт. Т. 1. СПб.: Дм. Буланин, 1999. 548 с.

225. Миронов Б.Н. Спорные и малоизученные вопросы истории русского позднефеодального города в современной советской историографии // Генезис и развитие феодализма в России. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. С. 165–187.

226. Мицюк Н.А. Формирование системы медицинского патронажа беременных на рубеже XIX–XX вв. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.) Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 16–18 марта 2017 г. СПб.: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017.С. 329–335.

227. Моисеев А.П. Немцы на Южном Урале. Челябинск: Издательство Игоря Розина, 2013. 240 с.

228. Молонова Е.П. Структура мещанской семьи уездного сибирского города во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Верхнеудинска) // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 2. С. 82–85.

229. Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М.: ИЭА РАН, 2012. 299 с.

230. Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны: Сборник, изданный под редакциею Русского купца / [под ред. А.С. Ушакова]. Вып. 1. М.: Тип. Грачева и К°, 1865. 186 с.

231. Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны: Сборник, изданный под редакциею Русского купца / [под ред. А.С. Ушакова]. Вып. 2. М.: Тип. Лазар. ин-та вост. яз. (А. Мамонтов), 1866. 136 с.

232. Незнамов М. Старейший русский театр на Урале. Чкалов: Чкал. изд-во, 1948. 132 с.

233. НижникН.С. Государственный надзор за проституцией Российской империи второй половины XIX – начала XX века // Вестник № 2. Челябинский институт экономики и права. Челябинск, 2002. С. 125–144;

234. Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М.: Наука, 2000. 244 с.

235. Оренбург. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1993. 270 с.

236. Оренбуржье православное: История и современность. Оренбург: Оренб. обл. обществ. благотворительный фонд «Совесть», 2014. 544 с.

237. Орлова В.Д. Семьи духовенства во второй половине XIX в. Распределение мужских и женских обязанностей в повседневной жизни // От мужских и женских к гендерным исследованиям: материалы междунар. конф. Тамбов: Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Тамб. центр гендер. исслед, 2001 С. 108–109

238. Паликова Т.В. «Торговля позором», или «Заведения наслаждения»: дома терпимости в социально-сервисной сфере городов Забайкалья в начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 2. С. 38–52.

239. Паликова Т.В. Вещно-предметная среда горожанина Забайкалья во второй половине XIX – начале XX вв. // Гуманитарный вектор. 2010. № 3 (23). С. 48–54.

240. Певцов В.Г. Лекции по церковному праву. Саратов: Издательство Саратовской епархии, 2004. 148 с.

241. Пиетров-Эннкер Б. Новые люди России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М.: «Издательский центр РГГУ»,2005. 448 с.

242. Победоносцев К П. Курс гражданского права. Часть 2. Права семейственные, наследственные и завещательные. СПб.: Синодальная типография, 1896. 5762 с.

243. Подгайко Е.Г. Официальные документы как источники по истории повседневной жизни женщин в городах Южного Урала в конце XIX – начале XX века // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 3. С. 33–35.

244. Позняк Т.З. Влияние технических изобретений на повседневную жизнь дальневосточных городов во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 5 (25). С. 101–112.

245. Привалова Т.В. Быт русской деревни (медико-санитарное состояние деревни Европейской России). 60-е гг. XIX – 20-е гг. XX в. М.: ИРИ РАН, 2000. 199 с.

246. Пушкарева Н.Л., Мицюк Н.А. Модернизация репродуктивного поведения образованных россиянок второй половины XIX – начала XX в.//Женщина в российском обществе. 2016. № 3 (80). С. 73–89.

247. Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб. : Алетейя, 2007. 496 с.

248. Пушкарева Н.Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история: ежегодник. 2007. М., 2008. С. 9–21.

249. Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современносъ: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. М.: Ладомир, 2002. 526 с.

250. Рамазанова Г.Р. Социальные девиации в городах Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1 (216). История. Вып. 43. С. 39–45.

251. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913). Статистические очерки. М. : Гос. стат. изд-во, 1956. 352 с.

252. Рожкова М.К. Экономические связи России со Средней Азией. М.: Академия наук СССР, 1963. 238 с.

253. Розенштейн М.Л. Практическое руководство для ведения бракоразводных дел, а также дел о признании браков незаконными и недействительными. Петроград: Журн. «Жизнь и суд», 1915. 110 с.

254. Руга В., Кокорев А. Барышни и дамы. Повседневная жизнь москвичек в середине XIX – начале XX в. М.: Абрис, 2018. 255 с.

255. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 556 с.

256. Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России 1850–1880 гг. М.: Наука, 1978. 298 с.

257. Савельев А. Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа. Н. Новгород: Тип. Н. Ройского и Д. Душина, 1881. 91 с.

258. Савельзон В.Л. Оренбургская история в лицах. Оренбург: ОАО «ИПК «Южный Урал», 2007. 432 с..

259. Сайгин Н.И. История культуры Оренбуржья (XVIII–XXI вв.). Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. 480 с.

260. Самарина Л.А. «Мерзавцы все крали»: воровство среди домашней прислуги в России второй половины XIX в. // История повседневности. 2017. № 1 (3). С. 77–89.

261. Сарафанов Д.Е. Разница в возрасте супругов как показатель брачного поведения населения Барнаула во второй половине XIX – начале XX вв. (анализ базы данных пс материалам метрических книг) // Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер. 2016. № 45. С. 71–73.

262. Сгибнева О. Улицы первых фонарей // Вечерний Оренбург. 2011. 22 декабря.

263. Семенова Т.В. Городская ментальность: социально-психологическое исследование. Самара: Изд-во СГПУ, 2008 354 с.

264. Синкин К.А. Нравственно-правовые особенности заключения брака среди крестьян в дореволюционной России // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 6. С. 22–26.

265. Синова И.В. Профессиональная занятость горожанок во второй половине XIX – начале XX вв.: от предпринимательства к государственной службе // Горожане и горожанки в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXIвеков. Мат-лы Одиннадцатой междунар. науч конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород. В 2-х тт. Т. 1. С. 20–22.

266. Скачкова Г.К. Женский учительский труд в Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 12 (90). С. 142–145.

267. Скибин С.М. П.П. Жакмон: «Матери моей предстояла тяжелая задача...» // Гостиный двор. 2012. № 38. С. 313–326.

268. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Международный проект HISCO в России: к проблеме кодификации исторических профессий // Известия Алтайского государственного университета. 1998. № 3 (8). С. 58–62.

269. Слонов И.А. Из жизни торговой Москвы // Москва. Купечество. Торговля. XV – начало XX века: [сост. А. Р. Андреев]. М.: Крафт+, 2007. С. 96–136.

270. Смирнов И.Н. История российских мещан в отечественной историографии // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. 2008. № 2. С. 143–149.

271. Сорокин М.В. Охрана детства. СПб.: экспедиция заготовления гос. бумаг,1893. 267 с.

272. Сорокина Н.Л. Участие женщин в торговых домах Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вестник Югорского государственного университета. 2012. Вып. 1 (24). С. 45–50.

273. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.): Учебное пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. 215 с.

274. Степанова Н.Н. Ресторанный сервис в культуре повседневности России в XIX–XX вв. // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2009. № 3. С. 83–86.

275. Стрекалова Н.В. Мещанство в составе средних слоев провинциального российского города в начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Вып. 10. С. 114–122.

276. Стрекалова Н.В. Профессия как фактор социальной стратификации средних слоев провинциального российского города в начале XX в. // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 12. С. 225–231.

277. Стрекалова Н.В. Состав, стратификация и типология средних слоев провинциального губернского города в начале XX в. (на материалах Тамбова) // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 10 (32). С. 256–260.

278. Суворова А.В. Повседневность учителя начальной школы Южного Урала (1901–1914 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5. Ч. 1. С. 168–170.

279. Судакова О.Н. Торговые пассажи как форма пространства культуры повседневности сибирского купечества // Идеи и идеалы. 2017. № 1 (31). Т. 2. С. 123–130.

280. Судоргина Т. Средства освещения сделались прибыльной отраслью торговли // Оренбургское время. 2006. 30 августа.

281. Судоргина Т.В. Чтобы служил украшением города // Вечерний Оренбург. 2009. № 26.

282. Сунгуров П.А. Проституция в сибирских губерниях (конец XIX – начало XX вв.) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 6. С. 110–111.

283. Сучков И.В. Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX–XX вв. // Отечественная история. 1995. № 1. С. 65–72.

284. Сыров В.М. Повседневная жизнь Челябинска в начале XX века (по материалам газет) // Архив в социуме – социум в архиве. Мат-лы региональной науч.–практ. конф. Челябинск: ГУ «Объединенный государственный архив Челябинской области», 2018. С. 146–147.

285. Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII – первая половина XIX вв. М.: Наука, 1984. 175 с.

286. Тарасова И.А. Эволюция форм государственного контроля за проституцией в Российской империи (XVIII – начала XX в.) // Евразийское Научное Объединение. 2016. Т. 1. № 4 (16). С. 58–62.

287. Татаринова Е.П. Особенности влияния социальных факторов на предпринимательскую правосубъектность женщин Вятской губернии в конце XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (59): в 2 ч. Ч. 1. С. 175–177.

288. Тихоновская Г.С. Социально-культурные тенденции становления и развития танцевально-развлекательных форм досуга // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 11–3 (53). С. 92–96.

289. Тишкин Г.А. Женский вопрос в России в 50–60-е годы XIX в. Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. 239 с.

290. Трелин В.Ф. О расторжении браков в Духовных Консисториях. СПб.: Синодальная Типография, 1916. 110 с.

291. Тульцева Л.А. Вдовья доля // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 20–26.

292. Тюлюлюкин Е.Ф. Российские немцы в истории Оренбуржья (конец XIX – XX вв.). Оренбург: Пресса, 2006. 194 с.

293. Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи XIX–XX вв. М.: Наука, 2005. 402 с.

294. Ульянова Г.Н. Государство и женщины-предприниматели в Российской империи в XIX в. // Российская государственность: от истоков до современности: материалы Междунар. науч. конф., приуроченной к 1150-летию российской государственности. Самара: Самар. науч. центр РАН, 2012. С. 199–211.

295. Ульянова Г.Н. Дворцы, усадьбы, доходные дома. Исторические рассказы о недвижимости Москвы и Подмосковья. М.: изд-во «Форум», 2012. 272 с.

296. Ульянова Г.Н. Женщины – владелицы промышленных предприятий Москвы в XIX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2007. М.: РОССПЭН, 2008. С. 32–58.

297. Ульянова Г.Н. Женщины-предприниматели Петербурга и Москвы в 1860-е годы (по «Справочным книгам о лицах, получивших купеческие свидетельства») // Экономическая история. Ежегодник. 2014–2015. М.: РОССПЭН, 2016. С. 54–82.

298. Фаронов В.Н. Жилищно-бытовые условия у рабочих Западной Сибири конца XIX – начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4–1 (88). С. 266–273.

299. Федоров В.А. Мать и дитя в русской деревне (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Московского государственного университета. Сер. 8. История. 1994. № 4. С. 3–21.

300. Фернандес-Арнесто Ф. Цивилизации. М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2009. 764 с.

301. Филатова С.В. Купчихи в провинциальной России: образ жизни и предпринимательская деятельность (вторая половина XX – начало XX в.) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. : сб. статей науч. конф. Коломна: Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2015. С. 162–169.

302. Филатова С.В. Семейный быт пензенского купечества второй половины XIX – начала XX в.: дом и усадьба // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 50. С. 6–9.

303. Фот А.Г. Бытовые условия жизни женщины духовного сословия во второй половине XIX века (на материалах городов Оренбургской губернии) // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков. Мат-лы XI междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород. В 2-х тт. М.: ИЭА РАН, 2018. Т. 2. С. 201–203.

304. Фот А.Г. Влияние сплетен на деловую повседневность женщины духовного сословия во второй половине XIX века (на материалах Оренбургской губернии) //Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): сб. ст. :междунар науч. Конф. СПб. 15–17 Марта 2018 года. / Под ред. С.В. Степанова. С. 492–497.

305. Фот А.Г. Женшина духовного сословия в пореформенную эпоху (по данным метрических книг и клировых ведомостей церквей города Оренбурга второй половины XIX века) // Природно-географические факторы в жизни населения России: история и современность (региональный аспект): сб. ст. :междунар науч. Конф. СПб 15–17 Марта 2019 года. / Под ред. В.А. Веременко. С. 320–325.

306. Фот А.Г. Женщина духовного сословия в русском обществе второй половины XIX в.: отечественная историография проблемы [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. № 4 (24). С. 157–169.

307. Фот А.Г. Миграция женщин духовного сословия по территории Оренбургской епархии во второй половине XIX – начале XX века.

308. Фот А.Г. «Обидеть свою несчастную сестру я не могу»: к вопросу о родственных взаимоотношениях Оренбургского православного приходского духовенства во второй половине XIX в. [Электронный ресурс] // Исторический курьер. Электронный научный журнал. 2019. № 3 (5.) URL: http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER2019-3-11.pdf.

309. Фот А.Г. От<рытие Оренбургского епархиального женского училища и повседневная жизнь его воспитанниц в конце XIX века (1889–1899гг.) // ?оссийская провинция как социокультурное поле формирования национальной и гражданской идентичности: сб. ст.: материалы VIII международных Стахеевских чтений, Елабуга 16-17 ноября 2017 г. / сост. И.В. Маслова, И.Е Крапоткина, Г.Е. Бурдина. Елабуга, 2017. С.147–151.

310. Фот А.Г. Повседневная жизнь православного приходского духовенства Оренбургской епархии: 1859–1917. СПб.: Нестор-История, 2017. 272 с.

311. Фот А.Г. Права женщин-опекунш в среде православного приходского духовенства (на материалах городов Оренбургской губернии второй половины XIX века) // Семейная жизнь. Счастливые и драматические истории на фоне городской повседневности: сб. ст. : материалы научного семинара, посвященного исследованию проблем истории повседневности. Оренбург, 12 декабря 2018 г. Оренбург: ИПК «Университет», 2018. С.109–115.

312. Фот А.Г. Семейное право, как объективное условие семейной повседневности в пореформенной России // Условия повседневности. Обстоятельства, определяющие жизнь : сб. ст. : материалы научного семинара, посвященного изучению проблем повседневности. / Под ред. Е.В. Бурлуцкой. Оренбург: ИПК «Университет», 2017. С. 59–72.

313. Фот А.Г. Семейный быт и родственные взаимоотношения в среде оренбургского православного приходского духовенства (конец XIX – начало XX века // Антропология города: социокультурные стратегии в поликультурном обществе. Сб. ст. Челябинск: ФССКН «Общественный фонд «Южный Урал»», 2018. С. 73–79.

314. Фот А.Г. Семья приходского священника Оренбургской епархии в контексте реалий бытовой повседневности. // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 14. С. 144–152.

315. Фрумкин К.Г. Купечество и мещанство: социально-психологические размышления на материале русской классической драмы // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 74–91.

316. Хачецуков З.М.Социальный комфорт в контексте трансформационных процессов в структуре современной российской повседневности // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2 (29). С. 214–219.

317. Циткилов П.Я. Историко-социологический облик российской патриархальной семьи // Вопросы истории. 2017. № 2. С. 3–12.

318. Черкас Т.Г. Хронограф города. Орск: Орский историко-краеведческий музей, 2005. 67 с.

319. Чернявская О.С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций // Социология. Психология. Философия. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 5. С. 329–335.

320. Чижикова Л.Н. Свадебная обрядность сельского населения Курской губернии в XIX – начале XX в. // Русские: семейный и общественный быт. М.: Наука, 1989. С. 171–198.

321. Чкаловский областной драматический театр им. А. М. Горького: 100 лет: [Юбилейный сборник]. Чкалов : Кн. изд-во, 1957. 160 с.

322. Чутчев В.С. Социально-правовое положение мещанского сословия Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 2. С. 192–197.

323. Шаламова С.А. Специфика семейного положения молодежи губернских и областных центров Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. (по материалам Переписи 1897 г.) // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2011. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011. С. 377–380.

324. Шатковская Т.В. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: Опыт юридической антропометрии. Ростов-на-Дону: РГЭУ, 2000. 224 с.

325. Широнина Г. Эхо Голубиной Слободы // Вечерний Оренбург. 2009. № 26. 02 июля.

326. Шицкова М.А. История книгораспространения в Оренбургской губернии во второй половине XIX–начале XXвека. Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2014. 155 с.

327. Шкуропат С.Г. Рестораны в системе увеселительных заведений Санкт-Петербурга XIX – начала XX в. // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 210. С. 267–274.

328. Эшматова Г.Б. Религиозные нормы в семейно-брачных отношениях // Исторический вестник. Сб. статей: Горно-Алтайск: Издательство Горно-Алтайского гос. ун-та., 2015. С. 105–115.

329. Юнусова Л.В. Структура мещанской семьи Тюмени во второй половине XIX – начале XX века (на основе посемейных списков) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 16. История. Вып. 51. С. 29–33.

330. Яковцевский В.Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 204 с.

331. Яхно О.Н. Век модерна и рационализация: быт горожан российской провинции на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2003. № 2. С. 45–54.

332. Яхно О.Н. Провинциальный город на рубеже XIX–XX веков: противоречивая повседневность // Уральский исторический вестник. 2008. № 1 (18). С. 19–25.

АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ

1. Белослудцева В.В. Мещанское сословие Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006. 27 с.

2. Богдашов И.М. Сельские и городские сословия Южного Зауралья во второй половине XVIII – 60-е гг. XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2004. 29 с.

3. Борщик Н.Д. История Первой всеобщей переписи населения 1897 г.: На примере Курской губернии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2003. 24 с.

4. Боярчук А.В. Культурно-бытовые традиции крестьян во второй половине XIX в.: по материалам Московской губернии: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 262 с.

5. Вахромеева О.Б. Социально-экономическое положение женщин в Санкт-Петербурге в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.СПб., 2009. 50 с.

6. Глотова В.В. Крестьянская семья во второй половине XIX века: На материалах Курской губернии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005. 25 с.

7. Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в.: автореф. дис. ...д-ра ист. наук.Томск, 2003. 50 с.

8. Громова Д.А. Социальный статус женщин-учителей народных училищ в России в конце XIX – начале XX веков: по материалам Таврической губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2016. 26 с.

9. Долгопятов А.В. Мещанское сословие городов Московской губернии: эволюция в пореформенный период : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 22 с.

10. Зайнетдинов Ш.Р. Изменения в социальной структуре российского общества: По материалам переписей населения 1897–1939 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2000. 47 с.

11. Захарова В.В. Мещанское сословие пореформенной России: автореф, дис. ... канд. ист. наук, М., 1998. 16 с.

12. Каплуновский А.П. Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья, 1870–1918 гг.: (этно-ист. исслед.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 23 с.

13. Кобозева З.М. Мещанская повседневность провинциальных городов России во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2014. 43 с.

14. Колинько А.Ю. Развитие семейного права в России в XIX – начале XX в.: автореф. дис.... канд юрид. наук. Краснодар, 2006. 24 с.

15. Конюченко А.И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006. 40 с.

16. Кострикова О.А. Мещанство уездных городов Ярославской губернии в конце XVIII в. – первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2003. 215 с.

17. Котлова Т.Б. Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX – XX вв. 1890–1914: автореф. дис ... д-ра ист. наук. Иваново, 2003. 46 с.

18. Котлова Т.Б. Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX–XX вв., 1890–1914 (На материалах Владимирской, Костромской, Ярославской губерний): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 2003. 46 с.

19. Кубрик А.Д. Жилище в жизни крестьян Нечерноземья второй половины XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 27 с.

20. Курчатова Т.Т. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. в Якутской области: историко-демографический аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 2002. 21 с.

21. Лаухина Г.В. Женский труд в крестьянском хозяйстве Центрального Черноземья: 60-е г. XIX – начало XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2012. 23 с.

22. Левшин Э.М. Становление и развитие брачно-семейного законодательства в дореволюционной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2003. 19 с.

23. Литвин Ю.В. Повседневная жизнь карельской крестьянки во второй половине XIX – начале XX века: социокультурный статус и гендерные роли: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2013. 24 с.

24. Макитрин К.М. Самарское купечество в конце XIX – начале XX в.: социально-демографическая характеристика: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2005. 24 с.

25. Меженина О.В. Мещанство юга Западной Сибири в дореформенный период (последняя четверть XVIII – начало 60-х гг. XIX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 24 с.

26. Меньшикова Е.Н. Купеческая женщина Центрального Черноземья в 60–90-е годы XIX века: исторический портрет (на примере Воронежской и Курской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2008. 26 с.

27. Мухина З.З. Трансформация статуса женщины в русской крестьянской семье середины XIX – начала XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2015. 51 с.

28. Назарова Н.В. Повседневная культура как инвариантная модель бытия современного человека: автореф. ... дис. кандидата культурологии. Челябинск, 2015. 22 с.

29. Пивоварова Л.Н. Повседневная семейная жизнь крестьян российской провинции во второй половине XIX века: на материалах Курской губернии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006. 25 с.

30. Подгайко Е.Г. Повседневная жизнь женщин в городах Южного Урала в конце XIX – начале XX в.:автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2013. 26 с.

31. Попова О.Д. Женское духовное образование и его роль в изменении общественного положения женщины в России (вторая половина XIX – начало XX в.) : автореф. дис .... д-ра ист. наук. М., 2009. 46 с.

32. Попова Ю.И. Повседневная жизнь крестьянства Олонецкой губернии в XIX веке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2004. 19 с.

33. Сайфуллова Р.Р. Социально-профессиональный статус учительства российской провинции во второй половине XIX –начале XX вв. (на материалах Казанской и Вятской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2019. 30 с.

34. Чутчев В.С. Мещанское сословие Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX во: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2005. 26 с.

35. Яхно О.Н. Изменения в быту горожан Пермской губернии в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002. 27 с.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

1. Баклыков В.П. В честь Вознесения господня // Вечерний Оренбург. 2002. № 13. 27 марта. [Электронный ресурс] URL: http://baklykov.info/pravoslavie/v-chest-vozneseniya-gospodnya.html.(дата обращения: 17.10.2019).

2. Белякова Е.В. Церковный брак и развод в России XIX века [Электронный ресурс]. URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/zer_brak_i_razvod.htm.(дата обращения: 17.10.2019).

3. Блохина Н., Мухометзянов Р. Цирк да и только! // Байкальские вести. 2016. 6 июня. [Электронный ресурс] URL: https://www.baikvesti.ru/new/circus_and_only_252016(дата обращения: 17.10.2019).

4. Боже В.С. Городской сад Общественного собрания // Энциклопедия «Челябинск» [Электронный ресурс] URL: http://www.book-chel.ru/ind.php?what=card&id=5297(дата обращения: 17.10.2019).

5. Боже В.С. Сад-остров // Энциклопедия Челябинск [Электронный ресурс] URL: http://www.book-chel.ru/ind.php?what=card&id=2701 (дата обращения: 17.10.2019).

6. Время назад: прошлое и настоящее Оренбурга [Электронный ресурс] Сайт «Бердская слобода». URL: http://berdskasloboda.ru/vremya_nazad/ (дата обращения: 17.10.2019).

7. Гизатуллин Р.Н. Российский Троицк – город на границе тюркского и славянского миров [Электронный ресурс]. URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1266615060 (дата обращения: 20.09.2019).

8. Ермашова Н. Пасхальные развлечения, недоразумения и «губернский совет безбожников» [Электронный ресурс] URL: http://www.stihi.ru/2014/04/26/6672 (дата обращения: 17.10.2019).

9. Зиммель Г. Венеция // Логос. 2002. № 3–4. [Электронный ресурс] URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/07.pdf(дата обращения: 17.10.2019).

10. Зиммель Г. Флоренция // Логос. 2002. № 3–4. [Электронный ресурс] URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/07.pdf(дата обращения: 17.10.2019).

11. История кинофикации в Самаре. [Электронный ресурс] URL: https://studopedia.ru/11_258646_III-istoriyakinofikatsii-v-samare.html (дата обращения: 14.08.2019).

12. Крыкер А. «Сама себе господин». О первой переписи населения в Оренбургской губернии // Аргументы и Факты в Оренбурге. 2017. 20 марта [Электронный ресурс] URL: https://oren.aif.ru/society/event/sama_sebe_gospodin_o_pervoy_perepisi_naseleniya_v_orenburgskoy_gubernii (дата обращения: 14.08.2019).

13. Пирогов С.В. Конспект лекций по курсу «Социология города». Томск, 2003 [Электронный ресурс] URL: http://gigabaza.ru/doc/87724.html (дата обращения: 17.10.2019).

14. Смирнов С. Войти в историю: Беловка — «изюминка» Оренбурга [Электронный ресурс] // Сайт «Оренбургская неделя». URL: http://orenweek.ru/2018/02/19/5189/ (дата обращения: 17.10.2019).

15. Тыхеева Ю.Ц. Человек в городском пространстве. Философско-антропологические основания урбанологии. [Электронный ресурс] URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Tyheeva/ (дата обращения: 17.10.2019).

16. Ульянова Г.Н. Круг жизни. Купеческая свадьба [Электронный ресурс] // Русский мир. 2016. № 9. URL: https://rusmir.media/2016/11/04/Merchant-wedding (дата обращения: 17.10.2019)

17. Ульянова Г.Н. Круг жизни. От рождения до учения [Электронный ресурс] // Русский мир. 2016. № 8. URL: https://rusmir.media/2016/11/01/Circle-of-life (дата обращения: 17.10.2019).

18. Ульянова Г.Н. Круг жизни. Супружество и семья [Электронный ресурс] // Русский мир. 2016. № 10. URL: https://rusmir.media/2016/11/10/Relationships-in-the-family (дата обращения: 17.10.2019).

19. Фонотов М.С. Как в Челябинске появился водопровод [Электронный ресурс] URL: http://www.xn746kca2cwbo.xnp1ai/tourism/articles/kak_v_chelyabinske_poyavilsya_vodoprovod/ (дата обращения: 17.10.2019).

20. Черныш Н.А. Структура городского ландшафта // Технические науки — от теории к практике: сб. ст. по матер. VII междунар. науч.-практ. конф. Часть II. Новосибирск: СибАК, 2012. [Электронный ресурс] URL: https://sibac.info/conf/tech/vii/26751/ (дата обращения: 17.10.2019).

Таблица 1

Население городов Оренбургской губернии во второй половине XIX века, чел.[1]

Сословия	Сословия, проживающие в городах	Города губернии						Всего в городах губернии, человек (% горожан)
		Оренбург	Орск	Челябинск	Троицк	Верхнеуральск	Илецкая Защита	
Дворянство (личное и потомственное) (5,56%)	Всего человек обоего пола	5821	166	1 224	838	367	67	8483
	% от дворян губернии	68,62	1.96	14,43	9,88	4,33	0,78	
	% от жителей города	8,04	1,18	6,12	3,60	3,31	0,6	
Почетные граждане и купечество (1,95%)	Всего человек обоего пола	1491	154	415	585	152	170	2967
	% от купцов и ПГ губернии	50,25	5,19	13,99	19,72	5,12	5,73	
	% от жителей города	2,06	1,10	2,08	2,51	1,37	1,44	
Мещанство (60%)	Всего человек обоего пола	39 838	10 370	9467	14 523	8980	8369	91 567
	% от мещан губернии	43,52	11,33	10,34	15,86	9,82	9,13	
	% от жителей города	55,00	73,99	47,34	62,33	80,94	71,12	
Духовенство белое (1,03%)	Всего человек обоего пола	983	41	310	142	63	34	1573
	% от белого духовенства губернии	62,49	2,61	19,71	9,03	4,01	2,15	
	% от жителей города	1,36	0,29	1,55	0,61	0,57	0,29	
Крестьянство, живущее в городе (23,91%)	Всего человек обоего пола	18 615	2040	7 215	5 294	800	2 527	36 491
	% от крестьян губернии	51,01	5,59	19,77	14,51	2,19	6,93	
	% от жителей города	25,70	14,55	36,08	22,72	7,21	21,47	
Всего жителей обоего пола в городе		72 425	14 016	19 998	23 299	11 095	11 768	

[1] Составлено по: ВВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 26–27.

Таблица 2

Сословный состав женского городского населения Оренбургской губернии, человек и процентов от общего числа представительниц сословия в городах губернии[1]

Сословие	Оренбург		Орск		Челябинск		Троицк		Верхнеуральск		Илецкая Защита		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Дворянки (потомственные и личные)	3045	69	90	2	616	14	422	9,2	216	5	43	0,8	4432	100
Духовенство	511	62	26	3	137	17	99	12	31	4	20	2	824	100
Почетные граждане и купчихи	689	48	73	5	205	14	313	22	77	5	77	6	1 434	100
Мещанки	20 368	43	5 357	11,5	4 862	10,5	7 567	16	4 714	10	4 138	9	47 026	100
Крестьянки	7564	49	822	5	3 200	21	2 314	15	316	2	1 179	8	15 395	100
Всего женщин	34 798	47	6 933	9	9 728	13	11 640	16	5 701	8	5 734	7	74 534	100

Таблица 3

Число и процент женского населения городов Оренбургской губернии, родившихся за пределами Оренбургской губернии[2]

	Оренбург	Орск	Челябинск	Троицк	Верхнеуральск	Илецкая Защита
Дворянок, родившихся за пределами Оренбургской губернии, чел.	1 281	35	409	170	66	17
Их же в процентах от общего числа дворянок в городе	42	39	66	40	30,5	39,5
Женщин «сельских состояний», родившихся за пределами Оренбургской губернии, чел.	4 128	209	1 903	1 367	127	632
Других категорий женского городского населения, родившегося за пределами Оренбургской губернии, чел.	6 644	1 580	1 968	2 731	1 443	1 474
Горожанок, за исключением дворянок чел.	31 753	6 843	9 112	11 218	5 485	5 691
Процент женского городского населения, родившегося за пределами Оренбургской губернии	34	26	42	36	29	37

[1] Составлено по: ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 26–27.
[2] Составлено по: ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 20–23.

Таблица 4

Холостые (незамужние) горожане брачного возраста в городах Оренбургской губернии, чел.1

	Оренбург		Орск		Челябинск		Троицк		Верхнеуральск		Илецкая Защита	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
15–16 лет	1493	1383	271	273	416	425	583	477	232	220	199	192
17–19 лет	2133	1263	413	224	620	535	757	454	273	178	293	136
20–29 лет	4033	1103	426	114	998	480	999	347	332	143	306	35
30–39 лет	664	346	69	19	237	152	148	117	38	36	58	7
40–49 лет	295	218	15	19	59	65	60	68	15	26	17	11
50–59 лет	134	49	18	16	18	29	19	52	13	13	4	6
60 лет и более	102	147	9	7	27	34	13	32	6	25	6	10
Неизвестного возраста	6	3	1	0	1	1	1	5	0	0	1	0
Всего незамужних (холостых) брачного возраста	8860 (34,7 %)	461 (19,9 %)	1222 (27,5 %)	672 (15,7 %)	2376 (332,6 %)	1721 (25,8 %)	2526 (32,3 %)	15152 (20 %)	909 (27,6 %)	641 (17,7 %)	884 (25,15 %)	397 (11,6 %)
Всего человек брачного возраста проживает в городе	25 542	23 176	4436	4293	7293	6683	7818	7763	3293	3622	3661	3421

[1] Составлено по: ПВПН РИ, 1897 Оренбургская губерния С. 10–15, 18, 19, 21.

Таблица 5

Разведенные горожане Оренбургской губернии, чел.[1]

	Оренбург		Орск		Челябинск		Троицк		Верхнеуральск		Илецкая Защита	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
15–16 лет	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
17–19 лет	0	2	0	1	0	0	0	1	0	0	0	1
20–29 лет	5	25	1	2	0	2	0	9	0	4	2	4
30–39 лет	10	17	0	6	2	4	4	3	2	1	1	1
40–49 лет	8	13	1	1	1	1	3	2	3	1	1	0
50–59 лет	8	3	1	2	3	1	0	4	0	0	1	0
60 лет и более	1	6	0	1	0	0	0	3	0	0	0	0
Неизвестного возраста	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Всего разведенных брачного возраста (в % от общего числа людей брачного возраста)	32 (0,13%)	67 (0,29%)	3 (0,07%)	13 (0,3%)	6 (0,08%)	8 (0,12%)	7 (0,09%)	22 (0,28%)	5 (0,15%)	6 (0,17%)	5 (0,14%)	6 (0,18%)

[1] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 10, 12, 14, 18, 19, 21.

Продолжение таблицы 5

Всего человек брачного возраста	Всего человек брачного возраста, состоящих в браке	Всего человек
25 542	15 801	37 627
23 176	14 371	34 798
4436	3008	7083
4293	2965	6933
7293	4541	10 270
6683	3905	9728
7818	4829	11 659
7763	4886	11 640
3293	2187	5394
3622	2312	5701
3661	2569	6034
3421	2631	5734

Таблица 6

Разведенные горожанки Оренбургской губернии, принадлежащие к изучаемым сословиям, чел.[1]

	Оренбург	Орск	Челябинск	Троицк	Верхнеуральск	Илецкая Защита	Всего	Всего в% от общего числа
Дворянки	3	0	0	0	0	0	3	2,5
Духовенство	1	0	0	0	0	0	1	0,9
Почетные гражданки, купчихи, мещанки	35	11	4	12	6	5	73	60,8
Крестьянки, казачки, иностранные колонисты	27	2	4	9	0	1	43	35,8
Итого	66	13	8	21	6	6	120	100

[1] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 18, 19, 21, 52–53.

Таблица 7

Число женщин в городах Оренбургской губернии по конфессиональной принадлежности на 1897 год[1]

	Оренбург	Орск	Челябинск	Троицк	Верхнеуральск	Илецкая Защита	Всего
Православные и единоверцы	27 347	5 044	8 775	7 423	5 092	4 275	57 956
Старообрядцы и уклоняющиеся от православия	878	32	391	105	17	42	1 465
Армяне-грегориане	1	0	0	0	0	0	1
Приверженцы римско-католической церкви	187	7	100	21	15	4	334
Лютеране	254	5	33	46	11	1	350
Реформаты	4	1	4	0	1	0	10
Англикане	1	0	0	0	0	0	1
Лица других христианских вероисповеданий	0	0	0	1	0	0	1
Караимы	7	0	1	0	2	0	10
Иудеи	582	11	146	101	22	3	865
Магометане	5 537	1 833	278	3 943	541	1 409	13 541
Всего	34 798	6 933	9 728	11 640	5 701	5 734	74 534

Таблица 8

Численность иностранных граждан по Оренбургской губернии в 1897 году[2]

Принадлежность к государству	Всего по губернии	Городские жители
Бухара	534	441
Хива	136	117
Германия	94	54
Швеция	67	–
Пруссия	64	33
Австро-Венгрия	63	43
Персия	37	33
Швейцария	34	20
Турция	26	23
Саксония	26	2
Прочие государства	56	26

[1] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 54–55.
[2] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С 14.

Таблица 9

Сведения о бракосочетании представительниц дворянского сословия по метрическим книгам Петропавловской и Троицкой церквей Оренбурга. 1870–1871 гг.

№	Сведения о невесте/ возраст невесты	Сведения о женихе/ возраст жениха
	Петропавловская церковь. 1870 год[1]	
1	Дочь юнкерского чиновника Оренбургской инженерной дистанции, титулярного советника Петрова девица Татьяна Григорьевна. Возраст – 17 лет. (Л. 47–48)	Аудитор Окружного штаба, коллежский асессор Лука Захарьевич Александров. Возраст – 35 лет
2	Дочь умершего коллежского асессора Ходаровича девица Людмила Гвидановна. Возраст – 15,5 лет. (Л. 130 об.–131)	Корпуса военных топографов подпоручик Гавриил Егорович Родионов. Возраст – 28 лет.
3	Дочь титулярного советника Ивана Колоднова девица Елизавета. Возраст – 17 лет. (Л. 132 об.–133)	Аудитор Комиссии военного суда, коллежский секретарь Василий Яковлев. Вторым браком. Возраст – 33 года.
	Троицкая церковь. 1870 год[2]	
4	Титулярного советника дочь, девица Анастасия Алексеевна Сероева. Возраст – 33 года. (Л. 77 об.–78)	Уфимской губернии новокрещенный из татар дворянин Алексей Алексеевич Еникеев. Возраст – 26 лет.
	Троицкая церковь. 1871 год[3]	
5	Надворного советника Василия Тимофеевича Сахарова дочь девица Юлия. Возраст – 19 лет. (Л. 136 об.–137)	Младший помощник правительственной канцелярии губернатора коллежский регистратор Александр Михайлович Пустовалов. Возраст – 28,5 лет.
6	Неслужащего дворянина Николая Кузьмича Павлова дочь девица Мария. Возраст – 18 лет. (Л. 136 об.–137)	Отставного рядового сын Василий Семенович Макаров. Возраст – 27 лет.
7	Неслужащего дворянина Николая Павлова дочь девица Татьяна. Возраст – 17 лет. (Л. 145 об.–146)	Неслужащего дворянина Евфимия Григорьева Емаева сын Стефан Евфимиев. Возраст – 28 лет.
8	Неслужащего дворянина дочь девица Мария Федорова Никонова Возраст – 22 года. (Л. 146 об.–147)	Симбирской губернии город Ардатова крестьянин собственник Яков Герасимов Абызов. Брак второй. Возраст – 36 лет.
9	Умершего коллежского асессора Павла Карпова дочь девица Акилина Павлова. Возраст – 19 лет. (Л. 160 об.–161)	Оренбургской военной исправительной роты младший помощник начальника роты поручик Аполлон Емилианов Аряшнов. Возраст – 34 года

[1] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16 Д. 39.
[2] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 41.
[3] ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 67.

Таблица 10

Семейное положение дворянок в городах Оренбургской губернии[1]

	Оренбург	Орск	Челябинск	Троицк	Верхнеуральск	Илецкая Защита	Всего
Девицы	1 614	43	318	219	115	14	2 323
В браке	950	30	229	142	70	17	1 438
Вдовы	475	17	69	61	31	12	665
Разведеные	3	0	0	0	0	0	3
Не указано	3	0	0	0	0	0	3
Всего	3 045	90	616	422	216	43	4 432

Таблица 11

Семейное положение почетных гражданок, купчих, мещанок и представительниц других городских сословий в городах Оренбургской губернии[2]

	Оренбург	Орск	Челябинск	Троицк	Верхнеуральск	Илецкая Защита	Всего
Девицы	9 558	2 608	2 411	3 660	2 382	2 009	22 628
В браке	8 968	2 330	2 104	3 376	1 975	1 946	20 699
Вдовы	2 475	478	545	826	428	274	5 026
Разведеные	35	11	4	12	6	5	73
Не указано	21	2	3	6	нет	1	34
Всего	21 057	5 430	5 067	7 880	4 791	4 235	48 460

[1] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 52.
[2] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 53.

Таблица 12

Данные о сословной принадлежности супругов в мещанских семьях[1]

Год	Кол-во браков	Из них внутри сословия	Иная сословная принадлежность супруга					
			Купцы	Чиновн. и офиц.	Казаки	Крест.	Солд.	Иные группы населения
1851	22	20	1	0	0	0	0	1
1852	18	12	3	0	0	3	0	0
1853	23	18	2	1	0	2	0	0
1854	2	2	0	0	0	0	0	0
1861	14	11	2	1	0	0	0	0
Всего	79	63	8	2	0	5	0	1
Всего в %	100	79,7	10,1	2,6	0	6,3	0	1,3

Таблица 13

Данные о брачном возрасте невест-мещанок[2]

Год	Кол-во браков	Возраст невесты					
		Младше 16 лет	16-20 лет	21-25 лет	26-30 лет	Старше 30 лет	Не указан
1851	22	0	18	2	2	0	0
1852	18	0	15	2	1	0	0
1853	23	0	16	5	0	2	0
1854	2	0	1	1	0	0	0
1861	14	2	9	1	1	0	1
Всего	79	2	59	11	4	2	0
Всего в %	100	2,5	74,7	13,9	5,0	2,5	1,4

[1] ГАОО. Ф. 173. Оп. 11. Д. 207. Л. 52–64, 143–153; Д. 1849. Л. 57–70, 149–159; Оп. 12. Д. 386. Л. 42–55.
[2] ГАОО. Ф. 173. Оп. 11. Д 207. Л. 52–64, 143–153; Д. 1849. Л. 57–70, 149–159; Оп. 12. Д. 386. Л. 42–55

Таблица 14

Данные о возрастном соотношении супругов в мещанских семьях[1]

Год	Кол-во браков	Разница в возрасте супругов			
		0–5 лет	6–10 лет	Более 10 лет	Неизвестна
1851	22	18	1	3	0
1852	18	13	3	2	0
1853	23	13	7	3	0
1854	2	0	1	1	0
1861	14	6	4	3	1
Всего	79	50	16	12	1
Всего в %	100	63,3	20,3	15,2	1,2

Таблица 15

Семейное положение представительниц духовенства в городах Оренбургской губернии[2]

	Оренбург	Орск	Челябинск	Троицк	Верхне-уральск	Илецкая Защита	Всего
Девицы	380	14	94	67	17	12	584
В браке	86	10	26	21	11	7	161
Вдовы	42	2	17	11	3	1	76
Разведеные	1	0	0	0	0	0	1
Не указано	2	0	0	0	0	0	2
Всего	51	26	137	99	31	20	824

[1] ГАОО. Ф. 173. Оп. 11 Д. 207. Л. 52–64, 143–153; Д. 1849. Л. 57–70, 149–159; Оп. 12. Д. 386. Л. 42–55
[2] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 53.

Таблица 16

Распределение женского сельского населения по месту рождения[1]

	Оренбург	Орск	Челябинск	Троицк	Верхнеуральск	Илецкая Защита	Всего
Всего лиц сельского сословия	9 590	1 251	3 783	3 035	607	1 397	19 663
Из них уроженцы того же уезда	3 553	868	1 727	889	445	735	8 217
Из них уроженцы других уездов Оренбургской губернии	1 909	84	153	779	35	30	2 990
Из них уроженцы других губерний	4 123	299	1 903	1 367	127	632	8 451
Из них уроженцы других государств	5	0	0	0	0	0	5
Всего крестьянок в городе	7 564	822	3 200	2 314	316	1 179	15 395

Таблица 17

Семейное положение сельских жительниц в городах Оренбургской губернии[2]

	Оренбург	Орск	Челябинск	Троицк	Верхнеуральск	Илецкая Защита	Всего
Девицы	4 385	591	1 882	1 357	292	659	9 166
В браке	4 118	514	1 497	1 179	230	625	8 163
Вдовы	980	126	394	320	82	94	1 996
Разведеные	27	2	4	9	–	1	43
Не указано	14	0	5	5	2	0	26
Всего	9 590 (9 524)	1 251 (1 233)	3 783 (3 782)	3 035 (2 870)	607 (606)	1 397 (1 379)	19 663 (19 394)

[1] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 20–21.
[2] ПВПН РИ, 1897 Оренбургская губерния. С. 53.

Таблица 18

Распределение горожанок Оренбургской губернии по занятиям (чел.)[1]

Источник доходов	Оренбург	Орск	Челябинск	Троицк	Верхнеуральск	Илецкая Защита	Всего	В % ко всему занятому женскому населению губернии
Административные, управление и конторские служащие								
Служба в государственных структурах (администрация, суд, полиция)	4	0	2	0	0	0	6	0,05
Общественная и сословная служба	0	0	0	2	0	0	2	0,02
Почта, телеграф и телефон	8	0	8	0	0	0	16	0,12
Итого	**12**	**0**	**10**	**2**	**0**	**0**	**24**	**0,19**
Квалифицированные специалисты и работники интеллектуального труда								
Богослужение (православного вероисповедания), лица при церквях и кладбищах	270	71	172	207	5	2	727	5,49
Учебная и воспитательная деятельность	171	7	37	28	7	3	253	1,91
Наука, литература, искусство	13	0	3	3	0	0	19	0,14
Врачебная и санитарная деятельность	89	2	26	14	2	3	136	0,99
Служба при благотворительных учреждениях	14	0	0	0	0	0	14	0,11
Ювелирное дело, живопись, предметы культа, роскоши и т.п.	1	1	1	0	0	0	3	0,02
Лица неопределенных занятий	67	15	15	53	19	16	185	1,40
Итого	**625**	**96**	**254**	**305**	**33**	**24**	**1 337**	**10,06**

[1] ПВПН РИ, 1897 Оренбургская губерния. С. 108–111.

Продолжение таблицы 18

Работники сферы обслуживания								
Прислуга, поденщики	2 863	162	1 157	869	261	121	5 433	41
Трактиры, гостиницы, меблированные комнаты и клубы	87	11	48	20	3	3	172	1,30
Торговля питейная	17	4	8	13	5	1	48	0,36
Чистота и гигиена тела	303	14	142	130	25	12	626	4,73
Проституция	74	12	27	47	13	0	173	1,31
Итого	3 344	203	1 382	1 079	307	137	6 452	48,7
Работники сельского хозяйства, животноводства, лесных промыслов, охотники и рыболовы								
Сельское хозяйство, в том числе:	62	46	41	33	39	46	267	2,01
Земледелие	52	46	40	33	37	46	254	1,92
Животноводство	9	0	1	0	2	0	12	0,09
Пчеловодство и шелководство	1	0	0	0	0	0	1	
Промыслы	2	0	0	3	0	0	5	0,05
Итого	64	46	41	36	39	46	272	2,06
Работники сферы производства, транспорта, неквалифицированные рабочие								
Промышленное производство, в том числе:	724	58	260	269	148	16	1 475	11,13
Добыча руд, копи, выплавка металлов	0	0	0	2	1	0	3	0,02
Обработка волокнистых веществ	114	18	58	34	66	4	294	2,22
Изготовление одежды	527	39	174	189	67	10	1 006	7,59
Транспорт	19	1	8	3	0	0	31	0,23
Итого	743	59	268	272	148	16	1 506	11,36
Работники сферы торговли								
Кредитные и общественные коммерческие учреждения	4	0	0	0	0	0	4	0,03
Торговля, в том числе.	344	27	88	64	19	6	548	4,14
Продуктами сельского хозяйства	184	15	50	42	11	3	305	2,3

Продолжение таблицы 18

Развозно-разносная	63	2	9	6	0	0	80	0,6
Тканями и предметами одежды	40	2	5	4	0	1	52	0,39
Итого	**348**	**27**	**88**	**64**	**19**	**6**	**552**	**4,17**
Группы дополнительной квалификации								
Доходы с капитала и недвижимости, средства родственников	965	88	169	210	70	62	1 564	11,82
Средства от казны, общественных учреждений и частных лиц	1 061	52	64	94	33	12	1 316	9,93
Лица, не указавшие род занятий	47	5	27	33	28	2	142	1,07
Итого	**2 073**	**145**	**260**	**337**	**131**	**76**	**3 022**	**22,82**
Лишенные свободы								
Лишенные свободы и отбывающие наказание	26	0	21	32	4	0	83	0,64
Итого	**12**	**0**	**21**	**32**	**4**	**0**	**83**	**0,64**
Всего женщин, имеющих самостоятельные занятия	7 235	576	2 324	2 127	681	305	13 248	100
В % ко всему женскому населению города	20,79	8,31	23,90	18,27	11,95	5,32	17,77	

Таблица 19

Распределение горожанок по занятиям в сравнении по губерниям (чел.)[1]

Источник доходов	Оренбургская губерния		Самарская губерния		Смоленская губерния	
	Всего	В % ко всему работающему женскому населению губернии	Всего	В % ко всему работающему женскому населению губернии	Всего	В % ко всему занятому женскому населению губернии
Административные, управление и конторские служащие						
Служба в государственных структурах (администрация, суд, полиция)	6	0,05	11	0,06	7	0,04
Общественная и сословная служба	2	0,02	11	0,06	2	0,01
Почта, телеграф, телефон	16	0,12	36	0,19	17	0,1
Итого	**24**	**0,19**	**58**	**0,31**	**26**	**0,15**
Квалифицированные специалисты и работники интеллектуального труда						
Частная юридическая деятельность	0	0	0	0	1	–
Богослужение (православного вероисповедания), работа при церквях и кладбищах	727	5,49	1 357	7,31	343	1,97
Учебная и воспитательная деятельность	253	1,91	288	1,55	328	1,88
Наука, литература, искусство	19	0,14	28	0,15	14	0,08
Врачебная и санитарная деятельность	136	0,99	213	1,15	262	1,5
Служба при благотворительных учреждениях	14	0,11	29	0,16	50	0,29
Ювелирное дело, живопись, предметы культа, роскоши и т.п.	3	0,02	1	–	0	0
Лица неопределенных занятий	185	1,40	282	1,52	250	1,44
Итого	**1 337**	**10,06**	**2 198**	**11,84**	**1 248**	**7,17**

[1] Таблица составлена по данным: ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 108–111; ПВПН РИ, 1897. Самарская губерния. С. 118.; ПВПН РИ, 1897. Смоленская губерния. С. 156.

Продолжение таблицы 19

Работники сферы обслуживания						
Прислуга, поденщики	5 433	41	7 078	38,15	7 433	42,69
Трактиры, гостиницы, меблированные комнаты и клубы	172	1,30	304	1,64	224	1,29
Торговля питейная	48	0,36	70	0,38	44	0,25
Чистота и гигиена тела	626	4,73	741	3,99	626	3,6
Проституция	173	1,31	258	1,39	86	0,49
Итого	**6 452**	**48,7**	**8 451**	**45,56**	**8 413**	**48,32**
Работники сельского хозяйства, животноводства, лесных промыслов, охотники и рыболовы						
Сельское хозяйство, в том числе:	267	2,01	617	3,33	298	1,71
Земледелие	254	1,92	612	3,30	292	1,68
Животноводство	12	0,09	4	0,03	6	0,03
Пчеловодство и шелководство	1		1	–	0	0
Промыслы	5	0,05	5	0,03	1	–
Итого	**272**	**2,06**	**622**	**3,36**	**299**	**1,71**
Работники сферы производства, транспорта, неквалифицированные рабочие						
Промышленное производство, в том числе	1 475	11,13	2 216	11,95	2 134	12,25
Добыча руд, копи, выплавка металлов	3	0,02	0	0	0	0
Обработка волокнистых веществ	294	2,22	201	1,08	270	1,55
Изготовление одежды	1 006	7,59	1 696	9,14	1 491	8,56
Транспорт	31	0,23	63	0,34	43	0,25
Итого	**1 506**	**11,36**	**2 279**	**12,29**	**2 177**	**12,5**
Работники сферы торговли						
Кредитные и общественные коммерческие учреждения	4	0,03	2	0,01	1	–
Торговля, в том числе	548	4,14	969	5,22	1 248	7,17
Продуктами сельского хозяйства	305	2,3	640	3,45	741	4,26
Развозно-разносная	80	0,6	105	0,57	94	0,54
Тканями и предметами одежды	52	0,39	60	0,32	68	0,39
Итого	**552**	**4,17**	**971**	**5,23**	**1 249**	**7,17**

Продолжение таблицы 19

Группы дополнительной квалификации						
Доходы с капитала и недвижимости, средства родственников	1 564	11,81	1 928	10,39	2 246	12,9
Средства от казны, общественных учреждений и частных лиц	1 316	9,93	1 667	8,99	1 272	7,3
Лица, не указавшие род занятий	142	1,07	277	1,49	375	2,15
Итого	**3 022**	**22,82**	**3 872**	**20,87**	**3 893**	**22,36**
Лишенные свободы						
Лишенные свободы и отбывающие наказание	83	0,63	100	0,54	108	0,62
Итого	**83**	**0,63**	**100**	**0,54**	**108**	**0,62**
Всего женщин, имеющих самостоятельные занятия	13 248	100	18 551	100	17 413	100
Всего горожанок	74 534		79 160		56 307	
Женщин, имеющих самостоятельные занятия, в % ко всему женскому населению города	17,77		23,43		30,93	

Таблица 20

Контингент учащихся в женских учебных заведениях городов Оренбургской губернии (чел.)[1]

Наименование учебного заведения	Детей дворян и чиновников	Детей духовных лиц	Детей городских сословий (почетных граждан, купцов, мещан)	Детей сельских сословий (крестьян, казаков, солдат)	Детей других сословий
1887 год					
Оренбургский Николаевский институт	94 (77 %)	4 (3 %)	10 (7,9 %)	14 (10,4 %)	нет
Оренбургская женская гимназия	168 (64,5 %)	31 (11,9 %)	55 (20,9 %)	4 (1,5 %)	4 (1,5 %)
Оренбургская женская прогимназия	31 (15 %)	21 (10 %)	122 (57,8 %)	36 (16,9 %)	нет
Троицкая женская прогимназия	32 (29,9 %)	13 (12,1 %)	49 (46,7 %)	12 (11,5 %)	1 (0,9 %)
Челябинская женская прогимназия	18 (21,6 %)	22 (25,1 %)	31 (37,3 %)	12 (14,4 %)	нет

Таблица 21

Распределение домов терпимости и проституток по городам Оренбургской губернии[2]

	Оренбург	Орск	Челябинск	Троицк	Верхнеуральск	Всего
Число домов терпимости	13	0	0	2	1	16
В них женщин, в том числе:	47	0	0	10	5	62
– местных	31	0	0	1	1	33
– из других губерний	16	0	0	9	4	29

[1] Обзор Оренбургской губернии за 1887 год. Приложение к всеподданнейшему отчету оренбургского губернатора. Оренбург, 1887. С. 47–49.

[2] Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. ... Приложение. С. 12–13.

Продолжение таблицы 21

Больных венерическими заболеваниями	29	0	0	3	0	32
«Одиночек», в том числе:	37	11	19	27	13	107
– местных	19	5	11	8	9	52
– из других губерний	18	6	8	19	4	55
Больных венерическими заболеваниями	31	1	10	9	5	56
Общее число женщин, занимающихся проституцией	84	11	19	37	18	169

Таблица 22

Занятие проституцией в сравнении по губерниям (чел.)[1]

Женщин, занимающихся проституцией	Оренбургская губерния	Самарская губерния	Смоленская губерния
В городах	173 (89,2 % всех проституток губернии)	258 (84,0 % всех проституток губернии)	86 (100 % всех проституток губернии)
Всего	194	307	86
Из них: в возрасте младше 20 лет	57 (29,4 %)	108 (35,2 %)	42 (48,8 %)
20-39 лет	125 (64,4 %)	185 (60,3 %)	41 (47,7 %)
40 лет и старше	12 (6,2 %)	14 (4,5 %)	3 (3,5 %)

[1] ПВПН РИ, 1897. Оренбургская губерния. С. 106–108; ПВПН РИ, 1897. Самарская губерния. С. 116–118; ПВПН РИ, 1897. Смоленская губерния. С. 154–156.

ДИАГРАММА 1

Соотношение самозанятых женщин городов Оренбургской губерни по классификации HISCO (чел.)

ДИАГРАММА 2

Соотношение самозанятого женского населения Оренбургской, Самарской и Смоленской губерний по классификации HISCO (в % ко всему самозанятому женскому городскому населению губерний)

Елена Вадимовна **БУРЛУЦКАЯ**
Константин Алексеевич **АБДРАХМАНОВ**
Юлия Олеговна **КУРЕНКОВА**
Алёна Гергардовна **ФОТ**
Наталия Владимировна **КЛЕМЕНТЬЕВА**

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ГОРОЖАНКИ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX века

МОНОГРАФИЯ

Выпускающий редактор, корректор – Ирина Калугина
Дизайн, верстка – Елена Ромашова

Подписано в печать 06.04.2020
Формат 70x90/16
Печать офсетная. Бумага офсетная
Усл. печ. л. 34,5
Тираж 500 экз.
Гарнитура FreeSet
Заказ № 3405

ООО «Оренбургское книжное издательство имени Г.П. Донковцева»
460014, г. Оренбург, ул. Советская, 27
тел./факс: (3532) 77-34-80
www.orenbook.ru
orenbook@inbox.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в филиале «Ульяновский Дом печати»
АО «Первая Образцовая типография»,
432980, Россия , г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-88788-263-5